

ISSN 2077-4885

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Исторические и психолого-педагогические науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 24

В четырех частях

Часть 1

Минск
РИВШ
2024

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по историческим и психолого-педагогическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 22 декабря 2023 г.)

Редакционная коллегия:
пред. редкол. д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсёнок*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Чет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьев*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. В. Алексашина, Т. В. Воронич

Белорусский государственный экономический университет, Минск

G. Aleksashina, T. Voronich

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 614.84(476) (091)

ПОЖАРНАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

FIRE SITUATION IN CITIES OF BELARUS AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

Пожарная ситуация в городах Беларуси в конце XIX – начале XX в. была крайне неблагоприятной. Деревянная застройка городов благоприятствовала этому. Главными причинами пожаров был прежде всего человеческий фактор – нарушение правил пожарной безопасности, а также поджоги. Серьезное влияние на пожарную ситуацию в городах оказывал и прогресс в развитии транспорта – причиной пожаров становились искры из труб паровозов. В рассматриваемый период наблюдалось стабильное увеличение числа пожаров. Вместе с тем в городах происходили изменения: снизилось количество сгоревших домов и суммы убытков от огня, что свидетельствовало о процессах модернизации по становлению и развитию пожарных служб; немного выросла каменная застройка. Это позволяет сделать вывод об определенных положительных изменениях пожарной ситуации в городах Беларуси.

Ключевые слова: город; Беларусь; пожары; пожарная ситуация; конец XIX – начало XX в.

Fire situation in the cities of Belarus at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. was extremely unfavorable. The wooden construction of cities favored fires. The main reasons for which were primarily the human factor – violation of fire safety rules, as well as arson. Progress in the development of transport also had a serious role in the fire situation in cities – fires were caused by sparks from the chimneys of steam locomotives. During the period under review, there was a steady increase in the number of fire cases. At the same time, there was active activity in the cities. There was a decrease in the number of burned houses and the amount of fire losses, which indicated modernization processes in the formation and development of fire services. The stone building has grown a little This allows us to conclude that there have been positive changes in the fire situation in the cities of Belarus.

Keywords: city; Belarus; fires; fire situation; end of the 19th – beginning of the 20th century.

В конце XIX – начале XX в. пожары оставались одной из самых насущных проблем в городах Беларуси. Они приводили к огромным разрушениям и убыткам. Росли города, увеличивалась численность населения. Скученная деревянная застройка с нарушением правил пожарной безопасности и неизменная человеческая беспечность делали города крайне опасными в пожарном отношении.

Цель данного исследования – рассмотреть пожарную ситуацию в городах Беларуси в конце XIX – начале XX в. Для этого были поставлены задачи: охарактеризовать застройку белорусских городов, выявить удельный вес каменных и деревянных зданий, изучить материалы, которые использовались для крыш домов; проанализировать статистику по пожарам в городах, в том числе выявить динамику по пожарам за выбранный период, изучить причины пожаров. Изучение пожарной ситуации в городах является крайне актуальной научной задачей, поскольку по сегодняшний день пожарная безопасность остается одной из злободневных проблем городской жизни. Данная тема в белорусской историографии практически не изучена. Пожары и их последствия исследуются историками (М. Быховцев, Л. Смиловицкий) [1; 2] на примере отдельных городов. Состояние пожарной охраны в городах Гродненщины изучает В. И. Яковчук [3]. А. А. Готин рассматривает проблему пожаров в Минске в первой половине XIX в. [4]. Вопросы пожарной ситуации в городах Беларуси в конце XIX – начале XX в. требуют тщательного изучения.

В качестве предмета изучения были выбраны города пяти губерний: Гродненской, Виленской, Витебской, Минской и Могилевской, территории которых полностью либо преимущественно входят в состав современной Беларуси.

Пожары были огромным бедствием для городов белорусских губерний в конце XIX – начале XX в. Если пожар сразу не удавалось затушить, он с легкостью перебрасывался на соседние дома и охватывал целые кварталы. И это неудивительно. Ведь большинство строений в городах были деревянными. Так, в 1895 г. в 4 губернских и 16 уездных городах насчитывалось 35 928 жилых домов, из которых лишь 10,1 % были каменные [5, с. 19]. В 1904 г. большая часть домов в городах имели деревянные стены и крыши. Так, в городах Могилевской губернии деревянные постройки составляли 93,9 %, Виленской – 92,1 %, Минской – 90,1 %, Витебской – 89,8 %, Гродненской – 76,7 %. Деревянные или соломенные крыши, легко воспламеняющиеся в случае пожара, имелись у 98,1 % домов в городах Могилевской, 88,4 % – Виленской, 87,6 % – Витебской, 86,6 % – Минской, 50,3 % – Гродненской губернии [Подсчет наш. – А. Г., В. Т., 6, с. 68–70]. Существенным образом не изменилась ситуация и в 1910 г. Несколько возросло число каменных строений и сократилось число деревянных. Однако, как и ранее, деревянные дома преобладали в абсолютном и относительном выражении. Удельный вес деревянных домов в городах Могилевской губернии составлял 93 %, Минской – 88,7 %, Витебской – 85,5 %, Виленской – 77,6 %,

Гродненской – 75,4 %. Несколько снизилась доля деревянных и соломенных крыш, и возросла – железных. В городах Витебской губернии деревянные и соломенные крыши составили 81,5 % всех жилых построек, Минской – 76,4 %, Могилевской – 67,4 %, Виленской – 59,7 %, Гродненской – 45,5 % [Подсчет наш. – А. Г., В. Т., 7, с. 78–80].

Кроме того, застройка городов, особенно окраин, происходила хаотично, зачастую с нарушениями правил пожарной безопасности. Так, в Витебске многие арендаторы городской земли вследствие высокой арендной платы стремились на небольшом участке возвести как можно большее количество построек и строительство велось с нарушениями пожарных правил. По оценке Пензенского союза городских обществ взаимного страхования от огня, Витебск был отнесен к городам с чрезвычайно опасной пожарной ситуацией.

Таблица 1

**Число пожаров, сгоревших домов и сумма убытков от пожаров
в городах Беларуси в 1895, 1900 и 1913 гг.**

Число		Сумма убытков, руб.
Пожары	Сгоревшие дома	
1895 г.		
225	2240	6 014 984
1900 г.		
371	864	1 989 063
1913 г.*		
453	572	1 705 295

Составлено по [8–17].

*Для городов Виленской губернии данные за 1912 г., для городов Витебской губернии – за 1907 г.

В рассматриваемый период число пожаров увеличилось вдвое. Вместе с тем число сгоревших домов во время пожаров стабильно уменьшалось – с 2240 в 1895 г. до 864 в 1900 г. и до 572 в 1913 г. Сократилась и сумма убытков от пожаров с 6 млн руб. в 1895 г. до 1,7 млн руб. в 1913 г.

Это можно объяснить увеличением многоэтажности застройки городов, ростом числа каменных домов. Кроме того, к началу 1900-х гг. в городах уже были созданы и эффективно действовали пожарные службы, которым, возможно, удавалось быстро локализовать пожар.

Как правило, главной причиной пожаров становилась человеческая беспечность – неосторожное обращение с огнем, на втором месте находились умышленные поджоги. Реже пожары были вызваны небрежным обслуживанием дымоходов либо неисправным содержанием печей. В рассматриваемый период почти в три раза увеличились пожары, вызванные поджогами, в два и более раз – от неисправного устройства печей и труб и по неосторожности.

Таблица 2

Причины пожаров в городах Беларуси в 1895, 1900 и 1913 гг.

Молния	Неисправное устройство печей и труб	Неосторожность	Поджоги	Другие причины	Итого
1895 г.					
1	41	62	32	89	225
1900 г.					
5	53	104	82	127	371
1913 г.*					
2	104	117	94	136	453

Составлено по [8–17].

*Для городов Виленской губернии данные за 1912 г., для городов Витебской губернии – за 1907 г.

Чаще всего в городах страдала от пожаров селитебная зона. В июле 1891 г. в Гродно вспыхнул пожар, уничтоживший четыре жилых дома, а также повредивший крыши двух соседних домов. Убыток от пожара составил более 12 тыс. руб. В поджоге был обвинен некий Мордхель Кмоха. Однако, что побудило его совершить поджог, неизвестно [18].

Иногда владельцы сами поджигали свои дома, вероятно, для получения страховки или с какой-то другой преступной целью. Так, в декабре 1891 г. в Гродно произошел пожар, уничтоживший дом и участок Харала Александровича. Убыток составил 5600 руб. При этом дом и движимое имущество были застрахованы сразу в двух страховых компаниях на сумму две тысячи рублей. В ходе расследования причин пожара владелец был обвинен в поджоге.

В 1891 г. произошла целая «террористическая акция» с поджогами в Гродно. В течение шести месяцев, с апреля по сентябрь, кто-то поджигал сараи и туалеты жителей города. Поджоги происходили вечером, около 9–10 часов. Первый случай поджога был зарегистрирован 20 апреля, когда в 22:00 в одном из дворов загорелся деревянный туалет. Пожар был немедленно потушен, а рядом с местом поджога были обнаружены облитые керосином спички. Убытки от этих пожаров в большинстве случаев были небольшими – от одного до десяти рублей [19]. Трудно точно определить, какова была цель поджога. Возможно, пока хозяева тушили горящий туалет, дом грабили, но в документах такой информации нет.

Крайне редкими были пожары, вызванные природными факторами – ударами молний. На протяжении всего рассматриваемого периода такие пожары в городах составляли не более 1,3 %. Так, к примеру, в июле 1905 г. в Пинске от удара молнии сгорела Св.-Успенская церковь. Убыток составил 18 тыс. руб. [20, с. 37].

Самой распространенной причиной пожаров была человеческая беспечность – неосторожное обращение с огнем, неисправное содержание

дымовых труб, сильно накалившиеся печи. Часто причиной пожаров становились керосиновые лампы, от которых загорались деревянные перекрытия потолка. Нередко зажженные лампы падали на пол и вызывали пожар.

Один из крупных пожаров в Гродно произошел в июле 1896 г. На улицах Огородной и Прачешной из-за неправильного обслуживания дымовой трубы огнем было уничтожено 60 жилых домов и 120 сажень дров, сложенных на берегу Немана. Убытки составили более 71 тыс. руб. [21].

Разрушительный по силе пожар произошел в Бобруйске 19 мая 1891 г. Здесь сгорели 41 жилой дом, еврейская молитвенная школа, 9 торговых лавок, 40 надворных строений и 2 водочных склада. Установленная причина – неосторожное обращение с огнем. Сумма убытка составила 120 тыс. рублей. Сгоревшие строения были застрахованы на сумму 48,9 тыс. руб. [22, с. 35].

В ночь на 2 мая 1899 г. в Игумене по причине неосторожного обращения с огнем сгорели 137 домов и 125 надворных строений, принадлежащих 90 хозяевам, а также синагога и 3 молитвенных дома. Убыток составил 129 тыс. руб. [23, с. 22].

Причиной пожара могли стать человеческая глупость и невыполнение элементарных правил технической и пожарной безопасности. В Вильне на ул. Немецкой в подвальном помещении находился склад аптекарских материалов, принадлежавший провизору Иосельсону. Как-то в январе 1895 г. один мещанин Шепшель Вампер, находившийся внутри склада, по неосторожности прошел с зажженной свечей возле бутылки с бензином... В результате последовавшего взрыва мало того, что были повреждены кирпичный свод, стены и пол в самом подвале, так еще «выбито до 400 стекол в окнах соседних домов» [24].

Еще один подобный пожар произошел в Вильне в январе 1897 г. на винокуренном заводе Липского на Поплавской улице. Рабочий зашел в отделение, заполненное «большим скоплением спиртовых паров», со свечей... В результате вспыхнул пожар. Потушить, который, к счастью, удалось своими собственными силами [24].

Такие пожары, вызванные неосторожным обращением с огнем, становились настоящим стихийным бедствием. Так, в мае 1895 г. в Бресте в результате такого пожара было уничтожено 1228 домов. Количество пострадавших составило почти 22 тыс. человек. Сумма убытков достигла 4,2 млн руб. [10, с. 101].

Часто установить причину пожара не удавалось. В апреле 1901 г. в Пинске по неизвестной причине сгорели 197 жилых и почти 400 холодных строений. В числе сгоревших зданий: «здание съезда мировых судей, почтово-телеграфная контора, канцелярия и квартира пристава второй части, чайная попечительства о народной трезвости № 2, канцелярия и депо добровольного пожарного общества». Общий убыток от пожара составил 935 тыс. руб. [25, с. 29].

Если пожар сразу потушить не удавалось, огонь уничтожал целые районы городов. Один из крупнейших пожаров в Витебске произошел летом 1901 г. Огнем был полностью уничтожен квартал города, сгорело 1217 строений, в том числе 20 каменных, без крыши над головой осталось 843 семьи из 4623 человек. Кроме того, в городе за этот же год произошло еще 20 пожаров. Убыток составил почти 1,3 млн руб.

Сильные пожары произошли в Могилеве летом 1910 г. Здесь 6 июня в Московском предместье сгорели 624 жилых дома и две церкви. Всего в 1910 г. в городе насчитывалось 4075 жилых построек, т. е. сгорело 15,3 % городских строений. Убыток составил 2,03 млн руб. На следующий день 7 июня 1910 г. в Могилеве сгорели еще 3 каменных и 73 деревянных дома. Убыток – 265 тыс. руб. То есть за 2 дня, 6–7 июня 1910 г., в Могилеве сгорели 700 жилых домов (17,2 % всех жилых построек в городе) [26, с. 57].

Масштабные пожары, охватывавшие много домов или целые районы, возникали редко, но становились наиболее трагичными событиями для горожан.

Технологический прогресс вызывал новые проблемы в повседневной жизни горожан. Развитие железнодорожного транспорта не только делало путешествия более комфортными, но и грозило опасностями населению городов. Так, в августе 1900 г. в предместье Вильны произошел пожар «от выброшенных искр паровоза рабочего поезда Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги». В результате были уничтожены жилой дом с пристройкой и кузница мещанина Гейвеса Кагана. Ущерб составил 1000 руб. [24].

В апреле 1902 г. в Бобруйске «сгорело 436 жилых и 370 нежилых строений и 643 торговых помещения вместе с базарными лавками, в том числе 13 жилых и нежилых каменных строений, 1 и 2 полицейские части, общественная еврейская больница, две казенные винные лавки, мещанская управа, контора нотариуса, три аптеки, 5 аптекарских магазинов, Пушкинская библиотека, отделения Виленского и Орловского банков, банкирская контора, общество взаимного и мелкотооргового кредита, депо вольнопожарного общества, чайная попечительства о народной трезвости, две типографии и 15 еврейских молитвенных школ». Сумма убытка достигла почти 2,5 млн руб. Причина пожара – искра из проходившего паровоза... [27, с. 34].

Общественные, торговые и промышленные здания горели гораздо реже. Но это были самые серьезные по сумме убытков пожары. Чаще всего, к примеру, в Гродно это были аптеки, а также молитвенные дома и «церковные школы». Последние находились в стадии строительства и горели вместе со всеми строительными материалами. Возможно, пожар использовали для того, чтобы скрыть какие-либо мошенничества и кражи.

В феврале 1897 г. в Витебске сгорело помещение яхт-клуба. Убыток составил 20 тыс. руб. [28, с. 46].

В сентябре 1894 г. в Борисове сгорела спичечная фабрика купцов Бориса Соломонова и Самуила Гиршмана. Причина пожара осталась невыясненной. Убыток – 33 тыс. руб. [29, с. 43].

В июне 1894 г. по неизвестной причине в Пинске сгорели маслобойня, паровая мельница и амбар с находившимися в ней машинами, хлебом и жмыхами, принадлежавшие торговому дому братьев Лурье. Убыток – 150 тыс. руб. [29, с. 42].

Случайно или нет, но самые крупные пожары того времени в Гродно выпали на долю Шерешевских. Причем горели как жилые дома, принадлежавшие им, так и производственные здания. А один из крупнейших пожаров в городе последнего десятилетия XIX в., если судить по сумме потерь, произошел в сентябре 1894 г. Он уничтожил два верхних этажа табачной фабрики Шерешевского вместе с оборудованием. Сумма убытков достигла 125 тыс. руб. Причину возгорания установить не удалось. В январе 1901 г. по неизвестным причинам вновь вспыхнул пожар, уничтоживший здание табачной фабрики вместе с машинами и табачными запасами купцов Шерешевского и Русоты. Убытки составили 170 тыс. руб.

Несмотря на такие пожары, приносившие колоссальные убытки, ситуация в пожарном отношении не менялась. В ноябре 1904 г. в Борисове пожаром по неизвестной причине уничтожено здание спичечной фабрики вместе с оборудованием, принадлежавшее уже «горевшему» ранее купцу Б. Соломонову. Убытки – 22 тыс. (здание), 44 500 руб. (машины). Сгоревшее здание было застраховано на сумму 27 400 руб., машины – 27 850 руб. [30, с. 40]. А уже в феврале 1908 г. в Борисове пожаром были уничтожены два каменных здания, принадлежавшие все тому же купцу – владельцу спичечной фабрики «Виктория» – Б. Соломонову. Причина пожара – неосторожное обращение с огнем. Убыток составил 19 тыс. руб. Здания и оборудование были застрахованы на сумму 19 200 руб. [31, с. 43].

В 1908 г. в Минске в результате пожара по неизвестной причине сгорели мастерские Московско-Брестской железной дороги. Сумма убытка составила 1 млн руб. [31, с. 41].

Таким образом, пожарная ситуация в городах Беларуси в конце XIX – начале XX в. была неудовлетворительной. С ростом городов, численности населения, уплотнения застройки в рассматриваемый период стабильно наблюдалось увеличение числа пожаров. Главной причиной пожаров был человеческий фактор – нарушение правил пожарной безопасности, в том числе неосторожное обращение с огнем, взрывоопасными и легковоспламеняющимися веществами, неправильная эксплуатация печей и т. д. Значительную часть составляли умышленные поджоги, вероятно, с целью скрыть следы правонарушений либо получить страховые суммы. Серьезное влияние на пожарную ситуацию в городах оказывал и прогресс в развитии транспорта – причиной пожаров становились искры из труб паровозов. Благоприятствовала пожарам и деревянная застройка городов. Вместе с тем в начале XX в. число сгоревших домов и суммы убытков от огня начали

снижаться, несколько увеличился удельный вес каменных строений, что, несомненно, свидетельствовало о положительных изменениях в пожарной ситуации в городах Беларуси.

Список использованных источников

1. *Быхаўцаў, М.* Пажар у Ваўкавыску 1886 г. і яго наступствы для горада / М. Быхаўцаў // Ваўкавышчына: краязнаўчы часопіс. – 2007. – № 2. – С. 23–28.
2. *Смиловицкий, Л. Л.* Борьба с пожарами в Турове Мозырского уезда Минской губернии / Л. Л. Смиловицкий // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна: навуковы часопіс / заснавальнік: Установа адукацыі «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна». – 2007. – № 2. – С. 79–88.
3. *Якаўчук, В. І.* Стан пажарнай аховы гарадоў Гродзеншчыны ў XIX – пачатку XX стагоддзяў / В. І. Якаўчук // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры: зборнік навуковых артыкулаў / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы», Факультэт гісторыі і сацыялогіі, Кафедра гісторыі Беларусі. – Гродна, 2007. – С. 300–303.
4. *Готин, А. А.* Пожар в Минске 30 мая 1835 г.: стихия и судьбы / А. А. Готин // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць: (да 945-годдзя Мінска): зборнік навуковых артыкулаў: [па матэрыялах двох Міжнародных навуковых канферэнцый «Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў на карціне гісторыі. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць», Мінск, 15–16 верасня 2011 г. і «Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў на карціне гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада», Мінск 6–7 верасня 2012 г. / укладальнік А. І. Груша. – Мінск, 2012. – С. 254–261 і др.
5. *Алексашина, Г. В.* Жилищные условия горожан Беларуси в конце XIX – начале XX в. (на основании анализа жилищного фонда) / Г. В. Алексашина // Актуальные вопросы антропологии: сб. науч. тр. / Институт истории Национальной академии наук Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2019. – Вып. 14. – С. 17–32.
6. Города России в 1904 г. / Центральный статистический комитет МВД. – 1906. – [907] с. разд. паг.
7. Города России в 1910 г. / Центральный статистический комитет МВД [под наблюдением П. И. Георгиевского]. – 1914. – [1200] с. разд. паг.
8. Обзор Виленской губернии за 1895 год. – Вильна: Губернская типография, 1896. – [4], 73, [52] с.
9. Обзор Витебской губернии за 1895 год. – Витебск: Губернская типография, 1896. – 113 с., [53] л. табл.
10. Обзор Гродненской губернии за 1895 год. – Гродно: Губернская типография, [1896]. – 8, 173, [83] с.: табл.
11. Обзор Минской губернии за 1895 год. – Минск: Губернская типография, 1896. – [2], 54, [52] с.
12. Обзор Могилевской губернии за 1895 год. – Могилев: Типография губернского правления, 1896. – [4], 57, [199] с.: табл.
13. Обзор Виленской губернии за 1912 год. – 1913. – [6], 100, [66] с.
14. Обзор Витебской губернии за 1906 год. – Витебск: Губернская типография, 1907. – III, 109 с., [95] л. табл.

15. Обзор Гродненской губернии за 1913 год. – Гродно: Губернская типография, 1914. – [4], 115, [145] с.
16. Обзор Минской губернии за 1913 год. – Минск: Губернская типография, 1914. – 72, [21] с.
17. Обзор Могилевской губернии за 1913 год. – Могилев: Типография губернского правления, 1915. – VI, 91, [137] с.: табл.
18. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). Фонд. 378 б/. – Оп. 1891. – Д. 6 III Б, – л. 69.
19. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). Фонд. 378 б/. – Оп. 1891. – Д. 6 III Б, – л. 88, 96.
20. Обзор Минской губернии за 1905 год. – Минск: Губернская типография, 1906. – [2], 58, [54] с.
21. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – Фонд. 378 б/. – Оп. 1896. – Д. 6 III Б, – л. 64.
22. Обзор Минской губернии за 1891 год. – Минск: Губернская типография, 1892. – [4], 50, [53] с.: табл.
23. Обзор Минской губернии за 1899 год. – Минск: Губернская типография, 1900. – [2], 34, [48] с.
24. *Voronič, T. Įvykiai Vilniuje XIX–XX amžių sandūroje: oficialioji kronika/ T. Voronič // Pasakojimai apie Vilnių irvilniečius. Sudarytoja Zita Medišauskienė. – Vilnius: Lietuvosistorijosinstitutas, 2018. – С. 137–183.*
25. Обзор Минской губернии за 1901 год. – Минск: Губернская типография, 1902. – [2], 47, [48] с.
26. Обзор Могилевской губернии за 1910 г. – Могилев: Типография губернского правления, 1911. – VI, 107, [162] с.
27. Обзор Минской губернии за 1902 год. – Минск: Губернская типография, 1903. – [2], 55, [52] с.
28. Обзор Витебской губернии за 1897 год. – Витебск: Губернская типография, 1898. – 96 с., [50] л. табл.
29. Обзор Минской губернии за 1894 год. – Минск: Губернская типография, 1895. – [2], 60, [39] с.
30. Обзор Минской губернии за 1904 год. – Минск: Губернская типография, 1905. – [2], 63, [56] с.
31. Обзор Минской губернии за 1908 г. – Минск: Губернская типография, 1909. – [2], 65, [56] с.

(Дата подачи: 26.02.2024 г.)

Н. В. Багинский

Белорусский государственный университет, Минск

N. Baginsky

Belarusian State University, Minsk

УДК 930.23(54)(093)

КАЛЬПАСУТРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

THE KALPASUTRA AS A HISTORICAL SOURCE: HISTORY OF STUDY AND MAIN APPROACHES

Кальпасутра является одним из основных источников по жизнеописанию самых авторитетных джайнских тиртханкаров. Также она регламентирует основные правила поведения в джайнской общине. Это играет огромную роль в привлекательности Кальпасутры как объекта исследования джайнизма, поскольку это один из немногих источников, который объединил и упорядочил биографии тиртханкаров. Именно это и привлекает исследователей, так как часто биографии тиртханкаров приводятся частично как образец поведения джайна в определенных ситуациях. Кальпасутра же подходит иначе, делая жизнеописание джайна цельным и последовательным. Также надо учитывать часть правил Яти, которые в первую очередь позволяют изучить джайнскую общину и основы их учения.

Ключевые слова: Кальпасутра; исторический источник; джайны; джайна; тиртханкар; Махаджананапады; раннеджайнская община.

Kalpasutra is one of the main sources on the biographies of the most authoritative Jain tirthankars. So also the Kalpasutra regulates the basic rules of behaviour in the Jain community. This plays a huge role in the appeal of Kalpasutra as a subject of study of Jainism, this can be attributed to the fact that it is one of the few sources that has brought together and organized the biographies of the tirthankaras into a coherent whole. This is what attracts researchers, as often the biographies of the tirthankars are cited in part as a model of Jain behaviour in certain situations. The Kalpasutra, on the other hand, takes a different approach, making the Jain biographies whole and coherent. It is also necessary to take into account a part of the rules of Jati, which primarily allows to study the Jain community and the basics of their teachings.

Keywords: Kalpasutra; historical source; Jains; jina; tirthankar; Mahajanapadas; early Jain community.

Кальпасутра – канон джайнов по версии Шветамбары. Учение Шветамбары было распространено в основном на территории современных индийских штатов Гуджарат и Раджастан, но последователи его существовали и в других регионах северной и центральной Индии. Текст Кальпасутры повествует о жизнях 24 святых джайнизма, известных как тиртханкары, а также о правилах поведения последователей учения. Кальпасутра указывает пять благоприятных событий – происхождение от неба, рождение, посвящение, постижение истины и смерть. Кроме того, Кальпасутра

содержит множество легенд. С момента появления Кальпасутры среди джайнов считается большой благодатью слышать читаемый вслух текст этого памятника.

У академического исследования, в частности, Кальпасутры и в принципе джайнских источников имеются проблемы. Большинство практикующих джайнов больше озабочены «правильным» исполнением ритуалов, чем пониманием их смысла, а также истории и доктрин джайнской традиции. Подобные самоописания, несомненно, отражают важные аспекты современной жизни джайнов.

Изменения внутри общины джайнов были вызваны последовательными религиозными и социальными реформами в XIX и XX вв., спровоцированными джайнами-мирянами, которые были первыми джайнами с современным университетским образованием (часто с юридическим образованием).

Реформаторы столкнулись с сильным сопротивлением, в частности, в области религиозного образования, которое является жизненно важным для передачи традиции. Например, публикация Священного Писания джайнов, которая была впервые осуществлена европейскими индологами в 1808 г., была встречена агрессивно, иногда с применением насилия, со стороны «ортодоксальных» джайнов, которые возражали против жестокости печатного станка по отношению к микроорганизмам и против открытой доступности Священного Писания.

До появления первых печатных изданий канона Шветамбары Рэя Дханпатиыха Бахадура в 1874–1900 гг. (в пракритическом (ардхамагадхи) оригинале) и ачарьи Амолакачуи в 1916–1919 гг. (с переводом на хинди) основные священные тексты были недоступны для мирян, а некоторые разделы агамы были (а иногда и остаются) недоступны даже для монахов. Это частично объясняет, почему ритуалы и публичные торжества на протяжении тысячелетий были единственной формой религиозности, открытой для мирян.

Изучать оригинальные священные писания могли только те немногие, кто имел доступ к агамам и знал языки древних текстов. Опыт, который был почти полностью утрачен в первой половине XIX в., даже среди монахов-джайнов, которые были вынуждены переучиваться богословию, что осуществлялось брахманскими пандитами примерно на рубеже XX в. Вместо этого рукописные манускрипты стали объектами ритуального почитания, несмотря на то, что в некоторых поздних канонических писаниях сам процесс письма отвергается, так как из-за него «страдают» различные микроорганизмы.

Поскольку джайны не представили никаких текстовых доказательств публично, джайнизм не был признан независимой «религией» до 1879 г., когда Г. Якоби во введении к своему изданию Кальпасутры впервые представил текстовое доказательство того, что древние индуистские и буддийские писания уже изображали джайнов как отдельную «еретическую»

группу [1]. Таким образом, джайнские исследования стали независимой областью научных исследований. До Г. Якоби джайны считались либо отдельным течением буддизма, либо индуистской сектой.

После публикации Г. Якоби джайнизм постепенно стал признаваться в качестве отдельного религиозного течения. Политическая ценность академического изучения джайнизма и, в частности, выводов Г. Якоби была немедленно реализована образованной частью джайнов, которая в течение некоторого времени требовала общественного признания джайнизма и джайнов мировым сообществом.

Как и слово «индуист», санскритское слово «джайна» в качестве самоназвания, похоже, стало применяться совсем недавно. Оно было основано на более раннем использовании местного термина «джайна», который был популяризирован лидерами джайнов в XIX в., особенно в Пенджабе. Когда именно местное слово «джайн» было введено как самоназвание, остается открытым вопросом. Самое раннее известное использование слова «джайны» в европейской литературе восходит к португальским и немецким отчетам о путешествиях и миссионерской деятельности конца XVII и начала XVIII вв. соответственно. Слово «джайна», обозначающее «секту бани», используется в анонимном португальском произведении «Breve Relação das escrituras dos Gentios da India Oriental e dos seus costumes, which Zachariae» второй половины XVII в. С появлением влиятельной статьи Кольбука (1807 г.) о «индуистской секте» джайнов слово «джайны» во множественном числе стало широко распространенным, но всё же оно рассматривалось как секта внутри индуизма. При этом в контексте философской мысли Древней Индии джайнизм назывался самостоятельным учением, в связи с ним упоминалась и Кальпасутра.

Но все же в первой половине XIX в. академическое изучение манускриптов джайнов воспринималось большинством лидеров общин как угроза традиционным религиозным практикам. Несмотря на то что учение (свадхия) находилось в более поздних частях канона Шветамбары, уже представленного как важная форма кармического аскетизма (тапасия), процессы приобретения и пользы знаний были строго ограничены. В то время как знание (джанана) фундаментальной религиозной догмы, например таттвы, считается необходимым для любого продвижения по пути спасения, даже для достаточно хорошего перерождения, более важным, чем познание чего-либо, было кармическое уничтожающее дисциплинирование самого акта познания, которое часто было основано на одновременном выполнении определенных постов и других ритуальных предписаний.

Приобретение объективного знания, или Бильдунга, в классическом джайнизме воспринимается не как самоцель, а лишь как аскетическое средство для снятия завесы кармы с души, врожденным качеством которой является абсолютное знание. Духовное знание или самопознание может быть достигнуто не только через обучение, но и через посты и медитацию.

Итак, в XIX в. исследователи начали проявлять интерес к джайнизму. В то время как в Индии наблюдалось постепенное расширение доступа к джайнским знаниям, кульминацией которого стало учреждение признанных университетских курсов, джайнские исследования в Европе и Северной Америке какое-то время переживали обратный процесс. Исследования работы Хемачандры и священных писаний шветамбаров процветали в небольших академических кругах, особенно в Германии, с 1865 г. Кальпасутра привлекла большое внимание к себе, это объясняется тем, что она признавалась самым ранним источником, описывающим жизни тиртханкаров. В результате в 1847 г. Дж. Стивенсон выполнил первый перевод на английский язык Кальпасутры, который явился одним из самых первых переводов на английский язык джайнских текстов. Он был опубликован в 1848 г. [2].

Исследования проводились преимущественно профессиональными филологами, которые изучали не религиозную группу или набор религиозных обрядов, а южноазиатские и индоевропейские языки и литературу в целом; в данном случае – ардхамагдхи и другие праkritы, которые отличаются писания джайнов от писаний буддистов. Одним из таких филологов был немецкий санскритолог Г. Якоби – основоположник изучения джайнов на Западе. В 1879 г. он опубликовал свое критическое издание текста, а в 1884 г. последовал английский перевод [1]. Введение впервые ясно демонстрирует, что джайнизм является полностью независимой традицией со своими собственными писаниями, а не ответвлением буддизма, как считалось до тех пор. По поводу Кальпасутры Г. Якоби утверждает, что биографии тиртханкаров, приведенные в источнике, – это всего лишь заимствование того, что дано в Ачаранга-сутре, которая считается более древним текстом. Также он попытался выявить исторические реалии, описываемые в источнике, в частности он утверждал, что Махавира и Паршва являются историческими личностями, ссылаясь на буддийские источники, например доказывал реальное существование Паршвы упоминанием его Чатурьяма Дхарма (Четыре обета) в различных буддийских текстах.

Заслуживает внимания и работа М. Ч. Джайна «Жизни Махавиры» (1908 г.), в которой акцентируется внимание на основных событиях жизни Махавиры, также описанных и в Кальпасутре [3, с. 34]. В своей работе автор берет за основные источники вышеупомянутую Кальпасутру и Махавира Пурану. По поводу Кальпасутры он заключает, что приписывание авторства источнику Бхадрабаху I, годы жизни которого ставит между 433 г. и 357 г. до н. э., является сомнительным. Также М. Ч. Джайн рассматривает теорию авторства Бхадрабаху II (Бхадрабалин, упоминаемый в шастрах дигамбарской традиции), о котором известны лишь даты с 134 г. по 157 г. н. э., когда он занимал пост старейшины общины, и подытоживает, что он, скорее всего, не мог являться автором Кальпасутры. Таким образом, М. Ч. Джайн заключил, что либо Бхадрабаху I из дигамбаров, либо какой-нибудь другой Бхадрабаху, живший в IV в. до н. э., должно быть, был первым биографом

Махавиры. По поводу Кальпасутры как источника по биографии Махавиры он пишет, что эта биография очень старая, написанная примерно через 150 лет после спасения Махавиры, и, следовательно, это более надежный источник нашей информации, чем любой другой [3, с. 9]. В целом, М. Ч. Джайн в своей работе рассматривает: историчность Махавиры, источники и мифы по его жизни (среди которых также фигурирует Кальпасутра), семью и образование Махавиры, его аскетизм и отказ от мирского и, наконец, нирвану Махавиры и влияние его учения [3, с. 5, 14, 15, 17, 20]. Всё это он частично или полностью берет из Кальпасутры, при этом всё равно критикуя источник из-за малой исторической ценности [3, с. 9].

Труд М. Блумфилда «Жизнь и истории джайнского спасителя Паршванатхи» (1919 г.), в котором он, ссылаясь на Кальпасутру, описывает жизнь Паршванатхи и его учение [4, с. 2], интересен в первую очередь сравнением двух основных источников, которые помогают восстановить биографию Паршвы, по мнению автора, – это Кальпасутра и Прашва Чаритра. В результате М. Блумфилд приходит к тому, что Кальпасутра не дает полную информацию о жизни Паршвы, в частности Кальпасутра не сообщает о некоторых периодах жизни Паршвы, а именно эпизод с Каматхой (которого считают исторической фигурой и который был основателем учения враждебного учению Паршвы) и царем змей Дхарану [4, с. 17]. Также Кальпасутра дает неверные, по мнению автора, факты, а именно Кальпасутра указывает в начале своего повествования, что пять наиболее важных моментов в жизни Паркувы произошли, когда Луна была в соединении с астеризмом Вигахха. В отличие от Паршванатха Чаритры, где по порядку описывается зачатие святого; его рождение; его блуждание и выдергивание волос; его достижение состояния Кевалин; и его окончательное спасение [4, с. 18]. В целом, Блумфилд заключает, что есть и другие незначительные различия между Кальпасутрой и Чаритрой, но и точность, и умеренность, наблюдаемые авторами в вопросе истории жизни Паршвы, гарантируют устоявшуюся традицию и, в конце концов, возможно, хоть немного исторического основания [4, с. 20].

Таким образом, конец XIX – начало XX вв. знаменуется проявлением большого интереса к джайнизму и джайнским манускриптам, одним из которых была Кальпасутра. Интерес она обратила в первую очередь тем, что является одним из ранних источников о жизни джин, а также представляет собой ценный материал для исследования ардхамагадхи. Но в дальнейшем интерес к Кальпасутре и в целом джайнизму угасает, показательно то, что последним академическим переводом источника является как раз перевод Г. Якоби. Но уже в отношении Кальпасутры устоялись определенные мнения: во-первых, что это один из самых ранних источников по жизнеописанию джин, а значит один из самых надежных (в частности пути странствий джин); во-вторых, Кальпасутра больше художественное произведение, представляющее интерес в первую очередь для практикующих джайнизм в плане учения. В меньшей степени это исторический источник, поэтому

в дальнейшем Кальпасутра обычно сравнивается с другими раннеджайнскими источниками и комментариями и критикуется за то, что не включает в себя некоторые сюжеты; в-третьих, Кальпасутру традиционно причисляют к авторству Бхадрабаху (притом сразу нескольким) и датируют создание Кальпасутры не ранее III в. до н. э. И всё же, несмотря на относительное уменьшение интереса к джайнизму и Кальпасутре, выходят труды, так или иначе затрагивающие и критикующие источник.

Можно отметить также труд Б. Бхаттачария «Джайнская иконография» (1939 г.). В своей работе он рассматривает основные джайнские секты (Дигамбару и Шветамбару) и их взгляды на информацию, даваемую в Кальпасутре, и приходит к выводам, что дигамбары практически полностью отвергают информацию о тиртханкарах из Кальпасутры [5, с. 23]. При этом в работе рассматривается понятие «тиртханкар» [5, с. 15], также 24 тиртханкары (среди которых Махавира, Паршванатха, Неминатха, Паршванатха) и основные центры джайнского паломничества, изображения и статуи тиртханкаров [5, с. 47].

Большое значение имеет работа Ч. Дж. Шаха «Джайнизм в Северной Индии» (1932 г.). В своей работе Шах рассматривает: связи джайнской литературы с буддийской и индуистской, связь Паршвы и Махавиры, биографию Паршвы и Махавиры, джайнскую общину, а также учения Паршвы и Махавиры [6, с. 23, 43, 57, 70, 64]. Он исследует Кальпасутру как исторический источник по биографиям джин и жизни раннеджайнской общины, обращая внимание на многие полумифические элементы, но при этом отмечая надежность источника по причине того, что Кальпасутра является одним из самых ранних источников по жизни джин. Авторство источника Ч. Дж. Шах признаёт за Бхадрабаху [6, с. 20] и датирует Кальпасутру не ранее III в. до н. э. [6, с. 30].

Стоит обратить внимание на работу Г. Циммера «Философия Индии», где он рассматривает джайнскую общину, учение и жизнь Паршвы [7, с. 182], а также джайнское изобразительное искусство, одним из источников является именно Кальпасутра. Известный западный индолог М. Винтерниц рассматривал Кальпасутру в своей работе «История индийской литературы», где он описал все три части Кальпасутры, отнеся ее к ряду самых ранних джайнских текстов [8, с. 463].

В своей работе «Лорд Махавира и его время» (1969 г.) К. Джайн рассматривает археологические доказательства того, что описано в легендах. Здесь история жизни Махавиры и ранней джайнской общины основана, прежде всего, на Кальпасутре. Особое внимание в работе уделено достоверности легенд, а именно: теории двадцати четырех тиртханкаров, Ришабху как основателю джайнизма; Ариштанеми или Немихатхе как тиртханкарам и их историчности; джайнизму как доведической религии; Паршванатху как исторической фигуре. Автор пришел к выводу о реальном существовании Махавиры, определив: клан Махавиры, рождение и происхождение Махавиры, место рождения Махавиры, историю детства Махавиры, историю

жизни Махавиры как мирянина; путь аскетизма Махавиры, первую проповедь Махавиры, одиннадцать учеников (Ганадхара) Махавиры, Четыре Ордена общины джайнов (Самга), Джайнскую общину и муссоны (Правила Яти), связь Махавиры и Будды (связывая многие факты из их жизни, и отмечая их большую схожесть), расколы в учении, обретение нирваны. Наряду с этим, в работе рассмотрены некоторые ключевые элементы истории учения (включая их критический анализ), а именно время его возникновения: теория 467 г. до н. э., теория 477 г. до н. э., теория 484 г. до н. э., теория 486 г. до н. э., теория 488 г. до н. э., теория 490 г. до н. э., теория 498 г. до н. э., теория 545 г. до н. э., теория 437 г. до н. э., теория 527 г. до н. э. Отдельное внимание уделено личности исторического Махавиры, его нирване, его наставлениям и правилам поведения монаха (правилам Яти) [9, с. 3–98].

По поводу Кальпасутры автор подмечает относительную надежность источника в плане географических наименований и мест, посещенных тиртханкарами. Подытоживая, можно сказать, что авторитет Кальпасутры в отношении маршрута Махавиры является, без сомнения, древним и достаточно надежным. Это дает нам четкое представление о местности, по которой он странствовал, проповедуя свою веру. Когда места правильно определены, становится понятным, что область деятельности Махавиры примерно покрывала современный штат Бихар и некоторые районы Бенгалии [9, с. 61].

Также стоит упомянуть П. Дандаса, который написал в 2002 г. работу «Джайны», в которой он рассмотрел биографию Махавиры [10, с. 26], а также тиртханкаров, историю джайнской общины и правила поведения в ней [10, с. 41]. В отношении Кальпасутры он признает большое значение текста как исторического источника [10, с. 67], а также как объекта поклонения для шветамбаров и выделяет праздник Парьюшан [10, с. 66].

Итак, история академического изучения Кальпасутры насчитывает не один десяток лет, что доказывает ее важный статус не только в джайнизме, но и в целом в истории Древней Индии. Однако надо понимать, что подходы к изучению источника были разные, как видно из вышеизложенного, и различные авторы в разные промежутки времени рассматривали Кальпасутру по-разному. С одной стороны, как художественное произведение, которое не является самостоятельным и заимствует многое у других. С другой же, Кальпасутра является важным и самостоятельным историческим источником, который несет огромную ценность для изучения истории джайнизма. При этом можно констатировать, что все исследователи сходятся на признании авторитета Кальпасутры и ее большой роли в изучении раннего джайнизма.

Список использованных источников

1. *Jacobi, H.* The Sacred Books Of East [Electronic resource] / H. Jacobi. – Vol. 22 Of 50 Jain Sutras Part 1 Of 2. – Mode of access: <https://archive.org/details/wg922/mode/2up>. – Date of access: 22.04.2019.

2. *Stevenson, J.* Kalpa sutra, and nava tatva [Electronic resource] / J. Stevenson. – Mode of access: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.187607/mode/2up?q=1847>. – Date of access: 09.12.2023.

3. *Jain, M. C.* Life Of Mahavira / M. C. Jain. – Allahabad, 1908. – 91 p.

4. *Bloomfield, M.* The Life and Stories of the Jaina Savior, Pārçvanātha / M. Bloomfield. – Baltimore: Johns Hopkins Press, 1919. – 254 p.

5. *Bhattacharya, B. C.* The Jaina Iconography / B. C. Bhattacharya. – New Delhi: Motilal Banarsidass, 1939. – 171 p.

6. *Shah, C. J.* Jainism in north India / C. J. Shan. – Bombay: Longmans, Green and co., 1932. – 292 p.

7. *Zimmer, H.* Philosophy of India / H. Zimmer. – New Delhi: 1953. – 687 p.

8. *Winternitz, M.* A History of Indian Literature / M. A. Winternitz. – Motilal Banarsidass Publishes: 1996. – Vol. 2. – 601 p.

9. *Jain, K. C.* Lord Mahavira And His Times / K. C. Jain. – Delhi: Longmans, Green and co., 1991. – 408 p.

10. *Dundas, P.* The Jains / P. Dundas. – London, 2002. – 368 p.

(Дата подачі: 05.02.2024 г.)

В. М. Бароўская

Інстытут гісторыі, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск

V. Borovskaya

Institute of History, National Academy of Sciences, Minsk

УДК 327 (476:4-470)“1930/1939”

СПРОБЫ ЎСТАЛЯВАННЯ НАВУКОВАГА ДЫЯЛОГУ ПАМІЖ БССР І ПОЛЬШЧАЙ ПА ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАЙ ПРАБЛЕМАТЫЦЫ Ў 1930–1939 ГГ.

ATTEMPTS TO ESTABLISH A SCIENTIFIC DIALOGUE BETWEEN THE BSSR AND POLAND ON THE WESTERN BELARUSIAN PROBLEM IN 1930–1939

У артыкуле за кошт прыцягнення шырокага кола архіўных крыніц, якія ўпершыню ўводзяцца ў навуковы зварот, выкарыстання спецыяльна-гістарычных метадаў, прынцыпаў гістарызму і аб'ектыўнасці робіцца выснова, што навуковае савецка-польскае супрацоўніцтва міжваеннага часу хоць і мела пазітыўную дынаміку і стабільныя формы адносін, аднак не адрознівалася планавасцю і рэгулярнасцю. Гэта адбівалася на дзейнасці даследчых цэнтраў паланістыкі, у тым ліку і Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі, якая рабіла спробы ўсталявання навуковага дыялогу з навукова-даследчым інстытутам Усходняй Еўропы ў Вільні.

Ключавыя словы: Рыжскі дагавор; БССР; Польшча; навукова-культурныя сувязі.

In the article, due to the involvement of a wide range of archival sources, which are introduced into scientific circulation for the first time, the use of special historical methods,

the principles of historicism and objectivity, it was possible to come to the conclusion that the scientific Soviet-Polish cooperation of the interwar period, although it had positive dynamics and stable forms relations, however, did not differ in planning and regularity. This had an impact on the activities centers of Polish studies, including the Commission for the Study of Western Belarus, which attempted to establish a scientific dialogue with the Eastern European Research Institute in Vilnius.

Keywords: Riga Treaty; BSSR; Poland; scientific and cultural cooperation.

Падпісанне Рыжскага мірнага дагавора паміж савецкімі рэспублікамі і Польшчай у сакавіку 1921 г. заклала пачатак новага этапу ў развіцці двух-баковых навуковых і культурных сувязей. Асноўныя айчынныя і замежныя напрацоўкі па праблеме з'явіліся ў 1970-я гг. Варта адзначыць працы А. Я. Іофе [1], Т. П. Агапкінай [2], А. Л. Дзіўнагорцава [3], М. М. Чарных [4]. Сярод сучасных даследчыкаў праблемы неабходна ўгадаць І. У. Тарасаву [5] і Т. Р. Семакіну [6]. Аднак, на жаль, у згаданых артыкулах амаль цалкам адсутнічала беларуская праблематыка, навуковыя ўзаемаадносіны БССР і Польшчы ў 1930–1939 гг. не становіліся аб'ектам самастойнага даследавання. Даследаванне вопыту ўзаемаадносін паміж дзяржавамі з рознымі грамадска-палітычнымі і культурна-канфесійнымі сістэмамі, паміж уладай і этнічнымі групамі, на розных этапах гісторыі Беларусі, у тым ліку ў міжваенны адрэзак часу, мае значны практычны вынік.

Асноўнымі крыніцамі па праблеме сталі матэрыялы Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (фонды 1 (Прэзідыум Акадэміі навук БССР), 67 (Інстытут беларускай культуры), 68 (Камісія па вывучэнні Заходняй Беларусі)), Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (фонды 42 (Народны камісарыят асветы БССР)), Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (фонд 188 (Матэрыялы Калегіі Народнага камісарыята замежных спраў)). Большасць архіўных матэрыялаў упершыню ўводзіцца ў навуковых зварот.

Згодна з артыкулам XI Рыжскага мірнага дагавора прадугледжвалася рээвакуацыя культурных каштоўнасцей, архіўных матэрыялаў, кніжных збораў, вывезеных падчас падзелаў Рэчы Паспалітай, з 1772 г. па 1917 г.; стварэнне Змешанай рээвакуацыйнай і спецыяльнай камісіі. 8 кастрычніка 1921 г. камісія прыступіла да працы, і ўжо праз 20 дзён паўнамоцны прадстаўнік РСФСР у Варшаве Л. М. Карахан заявіў аб перадачы ў бліжэйшы час першай партыі твораў мастацтва.

10 ліпеня 1925 г. СССР і Польшча падпісалі папярэднюю дамову, а 16 лістапада 1927 г. заключылі Генеральную дамову, якая падводзіла канчатковы вынік працы Змешанай спецыяльнай камісіі. На яе аснове ў далейшым адбывалася перадача культурных каштоўнасцей, архіўных і бібліятэчных матэрыялаў, якая была скончана да 1932 г. Паўнамоцны прадстаўнік СССР у Польшчы Д. У. Багамолаў адзначаў, што Генеральная дамова стала «значным крокам наперад на шляху культурнага збліжэння народаў СССР і Польшчы». Указваючы на аб'ектыўныя перадумовы таго збліжэння, ён заявіў: «Непамерна важным з'яўляецца ўмацаванне

ўзаемаадносін паміж прадстаўнікамі навукі, мастацтва і літаратуры абедзвюх краін з мэтай узаемага азнаямлення і абмену культурнымі дасягненнямі» [7, с. 228]. У сувязі з працай Змешанай спецыяльнай камісіі было пастаўлена пытанне аб допуску да архіўных матэрыялаў вучоных абодвух бакоў на ільготных умовах, што знайшло адлюстраванне ў пра-таколе 1933 г. У тым жа годзе савецкі бок перадаў Польшчы яшчэ шэраг дакументаў, якія датычыліся польскага нацыянальна-вызваленчага руху. У 1936 г. у Польшчу былі дасланы фотакопіі лістоў Г. Сенкевіча і матэрыялы, якія датычыліся яго абрання ганаровым членам Расійскай Акадэміі навук.

Зацікаўленасць Савецкай дзяржавы ў развіцці навуковых і культур-ных адносін стала штуршком да стварэння ў 1925 г. Усесаюзнага таварыства культурнай сувязі з замежжам (УТКС), асноўнай мэтай якога, як указана ў статуте, было «садзейнічанне ўсталяванню і развіццю навуковай і культурнай сувязі паміж установамі, грамадскімі арганізацыямі і асобнымі навуковымі і культурнымі працаўнікамі СССР і замежжа» [8, арк. 40]. Са стварэннем УТКС культурныя сувязі пераўтвараліся ў справу дзяржаўнай важнасці, адносіны розных савецкіх культурных устаноў з адпаведнымі замежнымі ўстановамі ўпарадкоўваліся і каардынаваліся, набывалі рэгулярнасць і планаваць. У УТКС быў створаны аддзел Польшчы і прыбалтыйскіх краін. Упаўнаважаным таварыства ў Польшчы стаў М. П. Аркадзеў. УТКС устанавіў непасрэдныя кантакты з культурнымі і навуковымі ўстановамі Польшчы, з вядомымі прадстаўнікамі польскай культуры і навукі. Па ініцыятыве УТКС адбывалася падрыхтоўка і выданне розных інфармацыйных матэрыялаў, у тым ліку і так званага Беларускага бюлетэня. Згодна з перапіскай УТКС і Інстытута беларускай культуры (Інбелкульт) у сярэдзіне верасня 1928 г. адносна яго падрыхтоўкі, становішча зразумелым, што планавалася публікацыя на трох асноўных замежных мовах для распаўсюджвання гэтых матэрыялаў сярод «інтэлігентных чытачоў Еўропы і Амерыкі». Бюлетэнь павінен быў складацца з раздзелаў аб народнай гаспадарцы, народнай асвеце, беларускай мове і Заходняй Беларусі, выяўленчым мастацтве, у канцы меўся шырокі бібліяграфічны паказальнік, карыстаючыся якім «кожны чытач замежжа, які жадае папоўніць свае веды аб Беларусі, зможа запатрабаваць адпаведную літаратуру». Фактычны матэрыял і непасрэдна сам макет бюлетэня быў падрыхтаваны беларускім бокам і накіраваны для ўзгаднення ў Маскву. Праз некаторы час на адрас Інбелкульты прыйшло патрабаванне аб унясенні пэўных карэктур і змен. УТКС рэкамендаваў «па тактычных меркаваннях некалькі згладзіць вострыя выпадкі супраць Польшчы, якія маюцца ў главе аб Заходняй Беларусі. Нам падаецца, што гэта зроблена намі на карысць асноўнаму зместу гэтай главы» [9, арк. 101–102]. Таксама адзначалася, што «вялікае значэнне для паспяховасці Беларускага бюлетэня за мяжой мае забеспячэнне яго дастатковай колькасцю цікавых ілюстрацый: дзве карты Беларусі (палітычная і этнаграфічная), фотаздымкі паэтаў Я. Купалы і Я. Коласа, здымкі

з гравюр, нацыянальных музыкальных інструментаў, старажытных ювелір-ных вырабаў, лепшых карцін і тэатральных пастацовак» [9, арк. 103]. Аднак нягледзячы на значную працу, зробленую беларускімі вучонымі, выданне Беларускага бюлетэня так і не адбылося.

Важнае месца ў пашырэнні навуковых сувязей з Польшчай мела Камісія па вывучэнні Заходняй Беларусі (П. В. Мятла, П. А. Гарбацэвіч, Л. А. Бабровіч, Я. С. Багданскі, Б. Ф. Фрышман, К. А. Борскі, Я. М. Шнэй-дэр). Яна была створана ў 1925 г. пры Прэзідыуме Інбелкульта. У яе ўстаўных дакументах адзначалася, што «ўсебаковае вывучэнне капіталістычных краін, якія знаходзяцца па суседству з намі, з'яўляецца важным для пад-няцця абароназдольнасці краіны цалкам. У асабліваці важна для нас вы-вучаць Заходнюю Беларусь, якая ў выпадку выступлення супраць нас Польшчы пераўтворацца ў плацдарм вайны. Праца камісіі можа аказаць вялікую дапамогу ў справе ўмацавання інтэрнацыянальнага выхавання працоўных і калгаснікаў. Вынікі даследавання будучы таксама выкарыстаны брацкімі камуністычнымі партыямі. Неабходна развіць працу Камісіі, стварыць умовы для таго, каб яна змагла правільна выконваць свае задачы. Для гэтага трэба забяспечыць яе бальшавіцкімі кваліфікаванымі навуковымі сіламі, у асабліваці ўмацаваць кіраўніцтва працай Камісіі з боку партыі і Прэзідыума БАН» [10, арк. 20].

Па ініцыятыве Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі (Камісія) пла-навалася правядзенне ў жніўні 1925 г. – лютым 1926 г. I Беларускага на-вуковага кангрэсу [10, арк. 2–3]. Згодна са справаздачай Камісіі па арганіза-цыі прадугледжваўся ўдзел каля 80 дэлегатаў з розных еўрапейскіх краін, у тым ліку і Польшчы. Усе навуковыя міжнародныя сувязі адбываліся праз пасрэдніцтва УТКС. Сярод удзельнікаў кангрэсу неабходна адзначыць многіх польскіх навукоўцаў і прадстаўнікоў нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі. I Беларускі навуковы кангрэс павінен быў праца-ваць у рамках чатырох падкамісій: мовы і літаратуры; гісторыі, археалогіі, этнаграфіі і мастацтва; прыроды і медыцыны; эканомікі. Прадугледжвалася выданне інфармацыйна-статыстычнага зборніка аб дасягненнях культуры і гаспадаркі БССР з дыяграмамі, картамі і ілюстрацыямі. Аднак ініцыятыва Камісіі не знайшла падтрымкі не толькі сярод Прэзідыума Інбелкульта, але і СНК БССР.

У плане працы бібліятэчна-бібліяграфічнай секцыі Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі адзначалася, што сістэматычнае і планавае вывучэнне Заходняй Беларусі «выклікае патрэбу ў належнай пастаноўцы бібліятэчна-бібліяграфічнай справы. З прычыны адарванасці ад нас нашых заходніх ча-стак, мы не ведаем і не маем у здавальняючай колькасці літаратуры, якая выйшла ў тых межах, што страшэнна адбіваецца на распрацоўках. Камісія павінна стварыць належны даведачны і арыентыровачны апарат, які даў бы магчымасць вывучэння Заходняй Беларусі планава і паглыблена па ўсіх галінах жыцця» [11, арк. 210–212]. Згодна са справаздачай Камісіі за люты 1934 г. быў накіраваны ліст за мяжу з прапановай даслаць адпаведную

літаратуру, аднак якіх-небудзь значных вынікаў гэта ініцыятыва не мела. Была ўсталявана сувязь толькі з кніжным магазінам «Шлапяліс» у Вільні [12, арк. 7].

Цікавасць польскай навуковай грамадскасці, у першую чаргу прадстаўнікоў нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі з цэнтрам у Вільні, вылілася ў стварэнне ў 1930 г. навукова-даследчага інстытута Усходняй Еўропы. Як указвалася ў статуте Інстытута, галоўнай мэтай яго дзейнасці было «даследаванне з гістарычнага, географічнага, эканамічнага, культурнага, грамадскага і палітычнага пункта гледжання земляў і дзяржаўных утварэнняў паміж Чорным і Балтыйскім марамі, а таксама насельніцтва, якое на гэтай тэрыторыі пражывае. Пашырэнне ведаў аб згаданых землях і людзях» [13, к. 2]. Інстытутам былі ўсталяваны сувязі па кнігаабмене з Беларускай дзяржаўнай бібліятэкай. Доказам гэтаму служыць службовая перапіска паміж членам Інстытута С. Рыгелем, які адначасова з'яўляўся дырэктарам бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта, і І. Б. Сіманюскім, дырэктарам Беларускай дзяржаўнай і ўніверсітэцкай бібліятэкі [14, арк. 18]. Па ініцыятыве Інстытута адбывалася вывучэнне эканамічнага развіцця СССР (становішча знешняга гандлю, фінансава-крэдытнай сістэмы, прамысловасці) з выданнем «Квартальных аглядаў эканомікі СССР». Была арганізавана праца па зборы інфармацыі аб дзяржаўна-прававым упарадкаванні СССР, абапіраючыся на звесткі са сродкаў масавай інфармацыі [15, к. 5–6]. Таксама была складзена падрабязная картатэка выданняў па розных тэматыках: дзяржаўнага ладу СССР, нацыянальных адносін, дзейнасці Камінтэрна, знешняй палітыкі, права і судаводства, гісторыі РККА, рэвалюцыйнага руху ў Расійскай імперыі, становішча адукацыі і выхавання, навукі і культуры і інш. Тэматыка арганізаваных Інстытутам у 1930–1934 гг. навукова-папулярных лекцый (У. Студніцкага «Палітыка Савецкай Расіі», М. Кавалеўскага «Нацыянальная палітыка СССР», А. Латоцкага «Рэлігійныя пытанні ў СССР», А. Якубісяк «Асновы камунізма», В. Сукеніцкага «Стан савецкай навукі. Справаздача ад навуковай камандыроўцы ў СССР», М. Ваньковіча «Асадніцтва на паўночна-ўсходніх землях II Рэчы Паспалітай», Я. Клапатоўскага «Асвета ў СССР») яскрава сведчыла аб дастаткова высокім узроўні саветалагічнай школы і агульнай зацікаўленасці ва ўсебаковым вывучэнні СССР. На старонках «Штогодніка навукова-даследчага інстытута Усходняй Еўропы ў Вільні» публікаваліся вынікі працы Інстытута. Так, у артыкуле С. Выслаўха «Роля нелегальнай КПЗБ у нацыянальным руху беларусаў у II Рэчы Паспалітай» падкрэсліваецца залежнасць кіраўніцтва КПЗБ ад рашэнняў Камінтэрна [7, с. 68]. Неабходна адзначыць, што крыніцамі для напісання большасці даследаванняў Інстытута служылі факты з розных перыядычных выданняў, як савецкіх, так і замежных, што зніжала ўзровень навуковасці гэтых прац.

Большай папулярнасцю ў БССР, асабліва ў супрацоўнікаў Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі БАН, карыстаўся бюлетэнь Інстытута «Балтыкаславіца», які ўваходзіў у 1933–1939 гг. Адзін з нумароў бюлетэня

меўся і ў БАН у Мінску [16]. На яго старонках убачылі свет артыкулы А. І. Луцкевіча «Беларускі музей ім. Івана Луцкевіча ў Вільні», С. Станкевіча «Інстытут беларускай культуры і Беларуская акадэмія навук у Мінску», Я. Станкевіча «Стан даследаванняў па класіфікацыі беларускіх дыялектаў» [16, арк. 47–52]. Гэтыя спробы асэнсавання навуковых здабыткаў і справы арганізацыі навукова-даследчай дзейнасці БССР адрозніваліся тэндэнцыйнасцю, мелі недастаткова абгрунтаваныя высновы, аднак служаць добрым доказам таго, што як у БССР (на прыкладзе працы Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі), так і сярод нацыянальных дзеячаў Заходняй Беларусі мелася павышаная цікавасць да дзейнасці адзін аднаго, рабіліся спробы наладжвання пэўнага навуковага дыялогу. Так, у БССР па ініцыятыве Інбелкульта ў 1928 г. была перавыдадзена праца Я. Станкевіча «Дыспаліталізацыя ў беларускай мове». Гэты смелы крок кіраўніцтва пасля быў асуджаны на пасяджэнні Прэзідыума БАН 11 кастрычніка 1929 г. [17, арк. 25]: «Размяшчэнне артыкула ў выданні Інбелкульта справядліва выклікае глыбокае абурэнне савецкага грамадства, што і адбілася на старонках газеты “Звязда” (ад 1 кастрычніка 1929 г.) і газеты “Праўда” (8 кастрычніка 1929 г.). Безумоўна, размясціўшы артыкул Я. Станкевіча, Інбелкульт (БАН) дапусціў грубейшую палітычную памылку. Ён гэтым даў усім здраднікам тыпу Я. Станкевіча повад называць БАН “нашай” Акадэміяй. Факт размяшчэння артыкула фашыста Станкевіча ў выданні Акадэміі тлумачыцца прыкрым для Акадэміі недаглядам. Гэтае тлумачэнне Прэзідыум БАН вызначае не для свайго апраўдання, бо факт памылкі застаецца фактам. У выданнях БАН не можа быць месца для “прац” ворагаў пралетарскай дзяржавы» [17, арк. 26].

Асаблівасцю навуковых сувязей БССР і Польшчы, у адрозненне ад аналагічнага супрацоўніцтва навукоўцаў СССР і Польшчы, з’яўлялася наяўнасць агульнага аб’екта вывучэння – Заходняй Беларусі. Даследаванні па заходнебеларускай праблематыцы ажыццяўляліся як у рамках Інстытута беларускай культуры (Беларускай акадэміі навук), так і ў Навукова-даследчым інстытуце Усходняй Еўропы ў Вільні. Наладжванне тэматычнага навуковага дыялогу адбывалася шляхам спарадычных сустрэч на канферэнцыях і праз абмен думак на старонках перыядычных выданняў, атрыманых дзякуючы кнігаабмену. Нягледзячы на той факт, што паступленні польскамоўнай літаратуры ў БССР знаходзіліся на другім месцы пасля нямецкамоўных, агульны ўзровень арганізацыі працэсу кнігаабмену не дазваляў наладзіць якаснае навуковае даследаванне. Аб’ём матэрыялаў, якія паступалі пры дапамозе Міжнароднага бюро кнігаабмену, быў недастатковым для арганізацыі належнай навуковай працы пры бібліятэках рэспублікі. Гэта адбівалася на дзейнасці даследчых цэнтраў паланістыкі, у тым ліку і Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Иоффе, А. Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932 / *А. Е. Иоффе.* – М., 1975. – 117 с.

2. Агапкина, Т. П. Переписка польских и советских писателей (к истории польско-советских литературных связей 20–30 годов) / Т. П. Агапкина // Советское славяноведение. – 1973. – № 4. – С. 96–110.

3. Дивногорцев, А. Л. Первые контакты советских и зарубежных библиотекарей (20-е годы) / А. Л. Дивногорцев // Советское библиотековедение. – 1985. – № 3. – С. 102–110.

4. Falkowicz, S. Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym / S. Falkowicz, M. Czernych // Dzieje najnowsze. – 1970. – № 2. – С. 105–123.

5. Тарасова, И. В. Роль Всесоюзного общества культурной связи с границей в развитии международного книгообмена в 1925–1928 гг. / И. В. Тарасова // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. ст. – Уфа, 2015. – Ч. 5. – С. 83–91.

6. Семакина, Т. Р. Непонятая литература, подозрительные пьесы и всемогущая цензура: к вопросу об идеологических противоречиях в польско-советских культурных контактах на рубеже 1920–1930-х гг. / Т. Р. Семакина // Славянский альманах. – 2022. – № 3–4. – С. 381–393.

7. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 11 т. – М., 1966. – Т. 4. – 560 с.

8. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (АЗП РФ). – Ф. 188. Воп. 7. Спр. 28.

9. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАН Беларусі). – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 31.

10. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 68. Воп. 1. Спр. 3.

11. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 35.

12. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 23.

13. Літоўскі цэнтральны дзяржаўны архіў (ЛЦДА). – Ф. 53. Ар. 23. В. 2368.

14. НАРБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 295.

15. ЛЦДА. – Ф. 9. Ар. 13. В. 3299.

16. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 34.

17. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2.

(Дата падачы: 05.02.2024 г.)

Ф. Ю. Бохан

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

F. Bokhan

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“17/18”

МАГНАЦКІЯ ПАРТЫЎ Ў САЦЫЯЛЬНА-ПАЛІТЫЧНЫМ ЖЫЦЦІ ВКЛ У КАНЦЫ XVII – XVIII СТ.

MAGNATIC PARTIES IN SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF THE GDL IN THE END XVII–XVIII CENTURIES

У артыкуле разглядаецца дзейнасць магнацкіх аб'яднанняў XVII–XVIII стст. Па выніках аналізу пэўных характарыстык і на падставе факталогіі робіцца абгрунтаванае аб правамернасці ўжывання тэрміну «магнацкая партыя» ў дачыненні да супольнасцяў,

якія ставілі перад сабой палітычныя мэты, даказваецца вядучая роля гэтых аб'яднанняў у палітычным жыцці ВКЛ ў XVII–XVIII стст.

Ключавыя словы: *магнацкія партыі; Вялікае Княства Літоўскае; палітычнае жыццё ВКЛ; шляхта.*

The article examines the activities of magnate groups of the XVII–XVIII centuries. Based on the results of the analysis of certain characteristics and on the basis of fact, a justification is made for the legality of using the term «magnate party» to communities that set political goals for themselves, the leading role of these associations in the political life of the GDL of the XVII–XVIII centuries is proved.

Keywords: magnate parties; Grand Duchy of Lithuania; political life of the GDL; nobility.

Апошняя стагоддзе існавання Рэчы Паспалітай (РП) прайшло пад знакам узростання палітычнай актыўнасці шляхты і магнатэрыі. Для каардынацыі сваіх дзеянняў на мясцовым і агульнадзяржаўным узроўнях некаторыя магнаты і залежная ад іх шляхта стваралі арганізаваныя саюзы, удзельнікі якіх ставілі перад сабой задачы атрымання эканамічных і палітычных прэферэнцый. Дзейнасць такіх саюзаў аказвала значны ўплыў на ўнутры- і знешнепалітычнае жыццё ВКЛ у разглядаемы перыяд. Найбольш ярка яна выяўлялася падчас правядзення выбараў у мясцовыя і агульнадзяржаўныя органы шляхецкага самакіравання, а таксама падчас фарміравання персанальнага складу кіруючых органаў мясцовых соймаў і агульнадзяржаўнага сойма.

Трэба адзначыць, што першыя прыкметы трансфармацыі шырокіх шляхецкіх аб'яднанняў у палітычныя структуры з абазначанымі і прызнанымі іх удзельнікамі-лідарамі можна заўважыць у сярэдзіне XVII ст. На чале такіх палітычных аб'яднанняў стаялі прадстаўнікі пэўных заможных родаў, таму ў гістарыяграфіі для іх пачалі ўжывацца назвы «магнацкія групы» ці «магнацкія партыі».

Тэрмін ці абазначэнне «магнацкая партыя» для апісання формы палітычнай дзейнасці шляхты ў польскай гістарыяграфіі ўзнік у XIX ст. Выраз «Stronnictwo magnackie», які шырока ўжываюць польскія вучоныя, літаральна перакладаецца як «магнацкая партыя». Розначытанняў у гэтым выпадку быць не можа, слова «stronnictwo» ўжываецца менавіта ў сэнсе «палітычная партыя». Дзякуючы гэтаму ў заходняй гістарыяграфіі, напрыклад англамоўнай, магнацкія партыі характарызуюцца тэрмінам «political parties» (палітычныя партыі) або «political factions» (палітычныя фракцыі).

Вызначэнне «партыя» прысутнічае і ў расійскай гістарыяграфіі. У прыватнасці, яго ўжываў С. Салаўёў у працы «Гісторыя падзення Польшчы», апісваючы супрацьстаянне прыхільнікаў Расіі і Францыі ў РП [12]. Акрамя С. Салаўёва, словам «партыя» ў дачыненні да аб'яднанняў шляхты карыстаўся даследчык У. Гер'е [5, с. 133]. Тэрмін «партыя» ў апісанні тагачасных падзей прасочваецца і ў назвах навуковых работ. Напрыклад, у манаграфіі П. Шчабальскага «Руская палітыка і руская партыя ў Польшчы да Кацярыны II» [13].

Сярод айчынных даследчыкаў тэрмін «партыя» ўжываў А. Любы пры характарыстыцы аб'яднанняў прыхільнікаў прэтэндэнтаў на трон падчас грамадзянскай вайны ў ВКЛ (1430–1440 гг.) [7, с. 34, 42].

У цэлым тэрмін «партыі» ў гістарычнай навуцы выкарыстоўваецца як апісанне ўстойлівых саюзаў, у якіх людзі аб'ядноўваліся з мэтай барацьбы за ўладу. Гэты тэрмін адпавядае трактоўцы вызначэння «палітычная партыя». Згодна са «Слоўнікам тэрмінаў па паліталогіі», гэта добраахвотна створанае, арганізацыйна ўпарадкаванае аб'яднанне грамадзян, якія прытрымліваюцца агульных мэт (ідэй, лідараў) і арыентаваныя на атрыманне і выкарыстанне палітычнай улады [1].

Яшчэ адну трактоўку прыводзіць «Слоўнік сацыяльных навук» Оксфардскага ўніверсітэта: «У дэмакратычных грамадствах партыі – гэта арганізацыі, якія звязваюць суб'ектаў грамадзянскага права з афіцыйнымі структурамі ўраду. Звычайна палітычныя партыі фарміруюцца вакол груповак з аднолькавымі каштоўнасцямі, інтарэсамі ці паходжаннем» [16].

Палітычнае жыццё ў ВКЛ у разглядаемы перыяд праходзіла ў рэчышчы агульнадзяржаўных тэндэнцый Рэчы Паспалітай, але мела свае выразныя асаблівасці. Пасля войнаў з Расіяй, Турцыяй і Швецыяй адбылося ўзмацненне некаторых магнацкіх родаў ВКЛ. Так, прадстаўнікі Пацаў і Сапегаў атрымалі за ваенныя заслугі шэраг пасадаў у ўрадзе ВКЛ, з дапамогай якіх сталі практычна кіраваць краінай [6, с. 143–145; 15, с. 216–219]. У выніку ў канцы XVII ст. у ВКЛ абвастрыліся палітычныя і эканамічныя супярэчнасці паміж родам Сапегаў, прадстаўнікі якога занялі асноўныя дзяржаўныя пасады ў княстве, і магнацкімі родамі, якія аказаліся адсунутымі ад прадстаўніцтва ў структурах вышэйшага кіравання ВКЛ. Сітуацыя ўскладнялася і паступова перарасла ў адкрытыя сутыкненні.

Канфлікт дасягнуў свайго апагея ў 1695–1696 гг., калі ўся варожая Сапегам магнатэрыя і прыхільная да іх сярэдняя і дробная шляхта кансалідаваліся ў вялікую кааліцыю пад умоўнай назвай «Рэспубліка» [3, с. 182]. Яе ўдзельнікаў пачалі называць «рэспубліканцамі».

Рэспубліканцы змаглі прыняць некаторыя законы, накіраваныя на абмежаванне паўнаўладдзя роду Сапегаў у ВКЛ [3, с. 185; 4, с. 699]. У адказ на гэта Сапегі разгарнулі адкрытае змаганне з рэспубліканцамі. Спрэчкі паміж Сапегамі і іх супернікамі ў выніку перараслі ў грамадзянскую ці «хатнюю» вайну 1696–1702 гг. Спробы сапеганцаў арганізаваць шэраг замахав на лідараў антысапегжынскага руху далі рэспубліканцам падставу правесці са згоды караля Аўгуста II кампанію судовага пераследу Сапегаў і ў выніку дабіцца пазбаўлення іх усіх пасадаў у княстве [2, с. 112–139]. Сапегі не прызналі такога судовага выраку і працягнулі супраціў, які быў зломлены толькі восенню 1700 г. Для замацавання поспеху рэспубліканцы ўтварылі канфедэрацыю і такім чынам легалізавалі сваю дзейнасць [4, с. 699].

Пасля паразы Сапегі і іх прыхільнікі не перасталі супраціўляцца. Яны звярнуліся за дапамогай да шведскага караля, які ў той час пачаў

Паўночную вайну, і спрычыніліся да абрання на трон РП шведскага прыхільніка Станіслава Ляшчынскага. Дзякуючы гэтаму Сапегі аднавілі сваю ўладу на занятых шведамі землях ВКЛ. Але іх панаванне праіснавала нядоўга і скончылася пасля адступлення Швецыі і выезду Ляшчынскага з РП [4, с. 699].

Такім чынам, у ВКЛ у канцы XVII ст. апанентамі роду Сапегі была створана так званая антысапежынская кааліцыя – арганізаваная структура, якая заявіла адкрыта сфармуляваную палітычную мэту. Прадстаўнікі антысапежынскай кааліцыі, у якую ўвайшлі прадстаўнікі такіх родаў, як Радзівілы, Агінскія, Вішнявецкія, Пацы і іх прыхільнікі, ставілі перад сабой задачу адхіліць род Сапегі ад улады і старыць у ВКЛ палітычную сістэму, якая б не давала магчымасці ўзурпацыі выканаўчай улады якім-небудзь родам і забяспечвала шляхце магчымасць рэальнага ажыццяўлення яе «зататых вольнасцяў».

У выніку ўпершыню на тэрыторыі ВКЛ была створана арганізаваная структура, якая ставіла перад сабой адкрыта сфармуляваную палітычную мэту. Натуральна, што гэтай рэспубліканцаў было не проста адхіленне прадстаўнікоў роду Сапегі ад пасад у ВКЛ, а дасягненне палітычнай улады ў краіне самімі рэспубліканцамі.

Зрабіўшы такую выснову, можна паставіць пытанне: ці правамерна ўжываць адносна шляхецкіх аб'яднанняў на чале з пэўнымі магнацкімі родамі, якія дзейнічалі ў ВКЛ у канцы XVII – XVIII ст. і ставілі перад сабой палітычныя мэты, вызначэнне «магнацкія партыі»?

На сённяшні дзень у беларускай гістарыяграфіі не існуе адзінага погляду на магчымасць ужывання вызначэння «магнацкія партыі», якім, на нашу думку, можна ахарактарызаваць шляхецкія палітычныя аб'яднанні, што існавалі ў перыяд XVII–XVIII стст. і ставілі перад сабой палітычныя мэты. У дадзеным артыкуле вызначэнні «шляхецкія палітычныя групы» і «магнацкія групы» ўжываюцца як раўназначныя, таму што пад першымі разумеюцца шляхецкія аб'яднанні ці групы, на чале якіх абавязкова стаялі прадстаўнікі пэўнага магнацкага роду ці родаў.

Тэрмін «магнацкія партыі» не атрымаў шырокага распаўсюджвання ў айчынай гістарыяграфіі. У навуковай літаратуры апошніх дзесяцігоддзяў беларускімі даследчыкамі звычайна выкарыстоўваецца тэрмін «магнацкія групы» [8; 11]. Магчыма, гэта спадчына савецкай гістарыяграфіі, дзе адлік існавання партый ішоў з моманту ўтварэння РСДРП (1898 г.).

Але вызначэнне «магнацкія групы», на наш погляд, асабліва для тых групавых, якія ставяць перад сабой палітычныя мэты, не зусім дакладна характарызуе сутнасць самой з'явы. Вызначэнне «шляхецкая ці магнацкая група» найбольш прымяняльна для прыдворных групавых, прадстаўнікі якіх змагаліся за асабісты ўплыў на кіраўніка дзяржавы, за атрыманне пэўных эканамічных здабыткаў і інш. Такое вызначэнне можа быць выка-

рыстана для апісання любога шляхецкага аб'яднання на чале з магнатамі. Палітычныя ж саюзы шляхты, створаныя на аснове агульных палітычных інтарэсаў, на імкненні дасягнуць улады ці ўтрымаць яе, збліжае гэтыя саюзы ці групыкі з палітычнымі арганізацыямі, якія ў гістарычнай навуцы і паліталогіі носяць назву «партыя».

На наш погляд, тэрмін «магнацкія партыі» найбольш адпавядае ходу палітычнага жыцця ВКЛ XVII–XVIII стст. пры характарыстыцы тых аб'яднанняў, якія ставілі перад сабой палітычныя мэты. Неабходна яшчэ раз падкрэсліць, што ў канцы XVII ст. у ВКЛ пачынаюць шырока дзейнічаць новыя формы сацыяльна-палітычнай арганізацыі шляхты – доўгатэрміновыя кааліцыі на чале з пэўнымі магнатамі, якія аб'ядноўваліся ў адпаведнасці з палітычнымі поглядамі супраць іншых магнатаў і ў меншай ступені кіраваліся сваяцкімі сувязямі. Практычна гэта былі палітычныя аб'яднанні людзей з аднолькавымі палітычнымі і эканамічнымі перакананнямі, якія пераследавалі канкрэтныя мэты і імкнуліся да дамінуючага становішча ў палітычным і гаспадарчым жыцці краіны.

Прадстаўнікі магнацкіх партый рэгулярна ўдзельнічалі як у выбарах на мясцовыя соймікі, на Трыбунал ВКЛ, так і ў выбарах на вальны сойм. Пры гэтым, несумненна, што кандыдаты ад розных групавых прадстаўлялі палітычныя погляды, у залежнасці ад якіх мясцовая шляхта выказвала прыхільнасць да таго ці іншага прадстаўніка. Па выніках выбараў у асобных паведах можна прасачыць пастаянную змену палітычных поглядаў шляхецкага насельніцтва ВКЛ.

Безумоўна, магнацкія партыі не выказвалі палітычную волю ўсяго насельніцтва краіны, а выступалі толькі як прадстаўнікі свайго саслоўя (стану), і то толькі яго канкрэтнай часткі. Але ж і сёння ніякая палітычная партыя не можа прадстаўляць інтарэсы ўсяго народа, а толькі пэўных сацыяльных, прафесійных, канфесійных і іншых груп.

Важна падкрэсліць, што кожная магнацкая партыя мела выразных лідараў. Нягледзячы на тое, што ў РП і ВКЛ партыйная сістэма ў заканадаўстве не прадугледжвалася і фармальнага замацавання яе не было, легалізаванае фарміраванне шляхецкіх канфедэрацый для дасягнення пэўных палітычных мэтаў давала магчымасць да стварэння аб'яднанняў па-сутнасці палітычнага характару, практычна ўсе вядомыя канфедэрацыі шляхты мелі тыя ці іншыя прыкметы «партыйнасці» [8, с. 584]. Вядома, што месцы кіраўнікоў-маршалкаў канфедэрацый займалі менавіта правадыры магнацкіх партый.

Дасягнуўшы ліквідацыі гегемоніі Сапегаў, «Рэспубліка» раскалолася на групую Радзівілаў і групую магнатэрыі ВКЛ на чале з Агінскімі і Пацеямі. На глебе незадавальнення палітыкай Аўгуста II апошнія зблізіліся з Сапегамі, якія працягвалі падтрымліваць стасункі з Ляшчынскім. Гэта адбілася на рэпутацыі «рэспубліканцаў» як галоўнай апазіцыйнай сілы, да якой сталі далучацца праціўнікі манарха, у тым ліку і з Польшчы, як магнаты Патоцкія [8, с. 585].

Радзівілы, якія адшчапіліся ў асобную партыю, займаліся абаронай уласных інтарэсаў. У прыватнасці, змагаліся за спадчыну Багуслава Радзівіла, на якую выказалі свае прэтэнзіі Сапегі. Для таго каб авалодаць спадчынай, Радзівілы сталі прыхільнікамі Аўгуста II і ўрэшце дасягнулі сваёй мэты [8, с. 586].

Пасля смерці Аўгуста II у 1733 г. «рэспубліканцы» на чале з Патоцкімі імкнуліся аднавіць кіраванне Станіслава Ляшчынскага. Супраць гэтага выступіла «Фамілія» і Радзівілы, якія выступілі за абранне сына былога караля, Аўгуста III. Тым не менш на элекцыі з падаўляючай перавагай галасоў перамог Ляшчынскі [9, с. 328–329].

Параза Аўгуста на элекцыі не спыніла яго памкненні стаць каралём. Пры падтрымцы войск Аўстрыі, Саксоніі і Расіі ён падавіў прыхільнікаў Ляшчынскага і ў 1736 г. прымусіў таго адмовіцца ад трона [8, с. 586; 9, с. 330–331]. Перамога Аўгуста прывяла да дамінавання Радзівілаў на тэрыторыі ВКЛ і павелічэння ўплыву Чартарыйскіх, з якімі заключылі дынастычныя шлюбныя нават былыя «рэспубліканцы» [8, с. 170].

Страціўшы канкурэнтаў у палітычнай прасторы, з другой паловы 1740-х гг. партыя Радзівілаў і «Фамілія» пачалі супрацьстаянне. Каралеўскі двор выступаў на баку Чартарыйскіх, якія былі больш старымі прыхільнікамі манарха і мелі сувязі з Расіяй. Але на пачатку 1750-х гг. стала відавочна, што «Фамілія» перамагае ў гэтым суперніцтве і стане найбольш магутнай партыяй у РП [8, с. 588–589]. У такіх абставінах Аўгуст III у 1754 г. нечакана парваў саюз з «Фаміліяй» і пачаў садзейнічаць Радзівілам і Патоцкім, такім чынам аднавіўшы рух «рэспубліканцаў». Адначасова з гэтым паплечнікі манарха сфарміравалі прыдворную партыю «Камарылья», якая адстойвала пазіцыі караля ў сойме. У выніку «Камарылья» і «рэспубліканцы» фактычна ўтварылі кааліцыю і паспяхова супрацьстаялі «Фаміліі» [8, с. 372, 378–381].

Тым не менш «Фамілія» захавала замежную падтрымку з боку РІ. Карыстаючыся гэтым, у пачатку 1760-х гг. Чартарыйскія сталі вырашаць свае палітычныя праблемы з дапамогай рускай арміі. Так, у 1763 г., пасля няўдалых выбараў у Трыбунал ВКЛ, на дапамогу «Фаміліі» ў РП увашоў 6-тысячны корпус генерала Міхаіла Салтыкова, які павінен быў аказаць ціск на «рэспубліканцаў». Аднак у гэты час памёр Аўгуст III, і палітычная абстаноўка змянілася [8, с. 575–582].

Смерць караля аслабіла праціўнікаў «Фаміліі». «Камарылья», якая існавала за кошт падтрымкі Аўгуста, спыніла існаванне, а «Рэспубліка» не магла вызначыцца з кандыдатурай на наступныя выбары.

У адрозненне ад канкурэнтаў, «Фамілія» знайшла кандыдата. Ім стаў былы дэпутат соймаў і амбасадар РП у РІ Станіслаў Аўгуст Панятоўскі. Панятоўскага актыўна падтрымлівала Расія, якая накіравала для кантролю за ходам выбараў сваю армію. Дзякуючы гэтаму Панятоўскага абралі адзінагалосна. Слабыя спробы «рэспубліканцаў» пратэставаць праваліліся, а іх нешматлікія баявыя атрады былі разгромлены рускай арміяй і прыхільнікамі «Фаміліі» [14, с. 16].

Але неўзабаве паміж каралём і «Фаміліяй» узнік канфлікт. Панятоўскі пачаў праводзіць незалежную ад партыі і яе партнёраў з Расіі палітыку. У адказ Расія пачала падтрымліваць антыманархічныя канфедэрацыі дысідэнтаў (некаталіцкага насельніцтва) і «рэспубліканцаў». Але пасля таго, як Панятоўскі пайшоў на саступкі дысідэнтам, Расія скасавала дапамогу «рэспубліканцам» [10, с. 109].

Разрыў Расіі з «рэспубліканцамі» справакаваў утварэнне апошнімі Барскай канфедэрацыі, якая ў 1768–1771 гг. падняла паўстанне супраць караля і Расіі. Канфедэрацыя пацярпела паразу, а паўстанне стала падставай для першага падзелу РП. Канфлікт Расіі з «Фаміліяй» і «Рэспублікай» прывёў да фарміравання новай партыі ў РП – прарасійскай «Партыі гетманаў» на чале з літоўскім гетманам Францішкам Ксаверыем Браніцкім і каронным гетманам Севярынам Ржэўскім [10, с. 109; 17, с. 110–111].

Утварэнне «Партыі гетманаў», якая была непрымірмай як да Станіслава Панятоўскага, так і да антырасійскай шляхты, абумовіла паступовае збліжэнне «Рэспублікі» і «Фаміліі» з сярэдзіны 1770-х гг. Вынікам стала іх аб'яднанне ў другой палове 1780-х гг. у «Патрыятычную партыю» [17, с. 111]. Пры гэтым не ўсе ўдзельнікі «Рэспублікі» і «Фаміліі» былі адзінадумцамі. Некаторыя шляхцічы з «Рэспублікі» і «Фаміліі» ці не далучыліся да яе, ці нават перайшлі ў стан «гетманцаў». У той жа час і некаторыя «гетманцы» змянілі сваю пазіцыю і перайшлі да супернікаў.

Нядоўгая дзейнасць «Патрыятычнай партыі» звязана з Чатырохгадовым соймам 1788–1792 гг. і прыняццем канстытуцыі РП 1791 г. Супрацьстаянне «патрыётаў» і «гетманцаў» па пытанні канстытуцыі прывяло да таго, што апошнія ў 1792 г. утварылі Таргавіцкую канфедэрацыю супраць сойма і справакавалі вайну РП з Расіяй. Гэта прывяло да скасавання канстытуцыі, другога падзелу РП, паўстання на чале з Тадэвушам Касцюшкам (у якім прынялі актыўнейшы ўдзел дзеячы «Патрыятычнай партыі») і, нарэшце, трэцяга падзелу РП і спынення яе існавання [10, с. 164].

Такім чынам, у палітычным жыцці ВКЛ у апошнія трыццаці XVII – XVIII ст. вядучую ролю адыгрывалі аб'яднанні на чале з магнацкімі дынастыямі, якія можна з упэўненасцю называць магнацкімі партыямі. Кожная з партый мела сваю ідэалогію, кола прыхільнікаў, пэўныя палітычныя мэты і імкненне да дамінавання на палітычным полі. Таксама, як і ў сучасных палітычных аб'яднаннях, у магнацкіх партый існавала сістэма лідараў і своеасаблівага «партыйнага» кіраўніцтва, якое часам утварала канфедэрацыі з чальцоў уласных партый.

Дзейнасць магнацкіх партый распаўсюджвалася не толькі на ўнутраную палітыку ВКЛ і РП, але і закранала знешнепалітычныя адносіны. Так, адсутнасць войнаў паміж РП і РІ на працягу большай часткі XVIII ст. не ў апошнюю чаргу абумоўлена панаваннем партыі «Фамілія», якая дбала за паліпшэнне адносін з Расіяй.

Як вядучая палітычная сіла магнацкія партыі ВКЛ у XVII–XVIII стст. выяўлялі погляды і памкненні пануючага класа. Стасункі магнацкіх

партый вызначалі асноўныя напрамкі палітычнага жыцця краіны і ўплывалі на ўнутрыпалітычныя і знешнепалітычныя працэсы, вынікам якіх стаў крызіс і падзел РП.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Бобровиц, В. И.* Словарь терминов по политологии: сетевое электронное учебное издание / В. И. Бобровиц, Н. И. Марчинская, Л. Н. Криворот. – Минск: МГЛУ, 2018. – 40 с.
2. *Віцько, Д.* Галоўны трыбунал 1698 г.: Судовая расправа над Сапегамі / Д. Віцько // *Arche*. – 2016. – № 3. – С. 84–139.
3. *Віцько, Д.* Праграма ўраўнавання (каэкваліцыі) правоў беларуска-літоўскай шляхты з правамі польскай у канцы XVII ст. / Д. Віцько // *Молодежь в науке* – 2007: приложение к журналу «Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»: материалы международной научной конференции молодых ученых, г. Минск, 23–26 октября 2007 г.: в 4 ч. – Минск, 2008. – Ч. 2: Серия гуманитарных наук. – С. 181–186.
4. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2006. – 792 с.: іл.
5. *Герье, В.* Борьба за польский престол в 1733 году: Ист. дис., сост. по архивским источникам / В. Герье. – М.: Тип. В. Грачева и К°, 1862. – 657 с.
6. *Калодзей, Р.* Жамойцкі соймік як прыклад антыкарацыйскай апазіцыі ў першыя гады панавання Яна III Сабескага / Р. Калодзей // *Arche*. – 2015. – № 12. – С. 143–163.
7. *Любы, А. У.* Унутрыпалітычная барацьба ў Вялікім Княстве Літоўскім у 30–40-ыя гг. XV ст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. У. Любы. – Мінск, 2006. – 121 с.
8. *Мацук, А. У.* Барацьба магнцкіх групавак у ВКЛ (1717–1763 гг.) / А. У. Мацук. – Мінск: Медысонт, 2010. – 640 с.
9. *Мацук, А. У.* Грамадска-палітычнае жыццё Вялікага Княства Літоўскага ў часы бескарацыйскага 1733–1735 гг. / А. У. Мацук. – Мінск: Беларус. навука, 2020. – 366 с.
10. *Несцяруч, Л. М.* Станіслаў Аўгуст Панятоўскі. Манарх, асветнік, мецэнат / Л. М. Несцяруч. – Брэст: Брэсц. друкарня, 2011. – 298 с.
11. *Прыбытка, Г.* Барацьба магнцкіх групавак у XVIII ст. [Электронны рэсурс] / Г. Прыбытка // PAWET. – Рэжым доступу: https://pawet.net/library/history/bel_history/articles/pryb2/%D0%BF%D1%80%D1%8B%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%BA%D0%B0_%D0%B3_%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D1%8C%D0%B1%D0%B0_%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%BA%D1%96%D1%85_%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BA_%D1%83_xviii_%D1%81%D1%82.html. – Дата доступу: 2023.
12. *Соловьёв, С.* Сочинения / С. Соловьёв. – М.: Мысль, 1993. – Кн. 10, т. 19–20. – 751 с.
13. *Щебальский, П.* Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II / П. Щебальский. – М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1864. – 48 с.
14. *Bartoszewicz, J.* Panowie niemieccy na dworze Stanisława Augusta / J. Bartoszewicz. – Warszawa: Drukarnia Józefa Ungera, 1852. – 228 s.
15. *Kołodziej, R.* Początek kryzysu? Funkcjonowanie sejmu Rzeczypospolitej w ostatnich latach panowania Jana III Sobieskiego (1688–1695) / R. Kołodziej // *Sejm Królestwa Polskiego i Rzeczypospolitej Obojga Narodów a europejskie reprezentacji stanowe* / red. nauk.: D. Kupisz, W. Uruszczak. – Warszawa: Wydaw. Sejm., 2019. – S. 211–227.

16. Political parties [Electronic resource] // Oxford Reference. – 2024. – Mode of access: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/oi/authority.20110803100334707>. – Date of access: 2024.

17. *Schmitt, H. Dzieje Polski XVIII i XIX wieku / H. Schmitt.* – Kraków: Druk. «Czasu» W. Kirchmayera, 1867. – Т. 3. – 213 s.

(Дата падачы: 21.02.2024 г.)

Ван Ифу

Белорусский государственный университет, Минск

Wang Yifu

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510+581+549.1)“2017/2023”

**ТРЕХСТОРОННИЙ МЕХАНИЗМ СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ,
АФГАНИСТАНА И ПАКИСТАНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ НОРМАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ
В 2017–2023 ГГ.**

**THE CHINA-AFGHANISTAN-PAKISTAN TRIPARTITE
COOPERATION MECHANISM AND ITS SIGNIFICANCE
FOR THE NORMALISATION OF THE SITUATION
IN AFGHANISTAN IN 2017–2023**

В статье анализируется развитие трехстороннего механизма сотрудничества между Китаем, Афганистаном и Пакистаном в 2017–2023 гг. Устанавливаются факторы, способствовавшие созданию трехстороннего механизма сотрудничества. Рассматриваются результаты пяти встреч министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана. Анализируется взвешенная и прагматичная позиция Китая по урегулированию ситуации в Афганистане. Сделан вывод о важности трехстороннего сотрудничества для нормализации ситуации в Афганистане, содействия миру и стабильности в регионе и укрепления сотрудничества в различных областях.

Ключевые слова: Афганистан; безопасность; внешняя политика КНР; региональное сотрудничество; Пакистан.

The article analyses the development of the trilateral cooperation mechanism between China, Afghanistan and Pakistan in 2017–2023. The factors that facilitated the establishment of the trilateral cooperation mechanism are identified. The results of the five meetings of the foreign ministers of China, Afghanistan and Pakistan are examined. China's balanced and pragmatic position on resolving the situation in Afghanistan is analysed. It concludes on the importance of trilateral cooperation in promoting reconciliation in Afghanistan, promoting peace and stability in the region and strengthening cooperation in various fields.

Keywords: Afghanistan; security; PRC foreign policy; regional cooperation; Pakistan.

Афганистан и Пакистан являются важными узловыми странами, соединяющими Китай, Южную и Центральную Азию. В связи с этим Китай

уделяет большое внимание развитию политического, экономического и гуманитарного сотрудничества с данными странами, а также заинтересован в достижении мира и стабильности в регионе.

В данной статье анализируется формирование и развитие механизма трехстороннего сотрудничества Китай – Афганистан – Пакистан в 2017–2023 гг. Цель исследования заключается в анализе политических предложений и практики участия Китая в восстановлении Афганистана путем создания трехстороннего механизма сотрудничества Китая, Афганистана и Пакистана, а также в определении значения этого механизма для нормализации ситуации в Афганистане.

Изучение афганской политики Китая и взаимоотношений в треугольнике Китай – Афганистан – Пакистан имеет большое значение, поэтому к данной теме обращались исследователи из разных стран, включая Беларусь и Россию. Ю. И. Малевич и Э. Э. Румянцев проанализировали Китайско-пакистанский экономический коридор как новую форму двустороннего сотрудничества [1], Г. А. Сизов изучил изменение роли Китая в афганском вопросе и в вопросах безопасности в Центральной Азии [2]. Политика Китая в отношении Афганистана в начале XXI в. нашла отражение во многих работах китайских авторов. Ду Чжэюань оценил влияние афганских изменений на национальную безопасность Китая и стратегический ответ Китая [3], Го Цайшай проанализировал политику Китая в отношении Афганистана [4], Ян Чай изучил возможности и вызовы, с которыми столкнулся Китай после вывода американских войск из Афганистана [5].

При написании статьи мы использовали разные категории источников: официальные документы, отражающие развитие отношений между Китаем, Афганистаном и Пакистаном [10; 12; 13; 18; 23], материалы официальных сайтов государственных органов и информационных агентств [8; 15; 17; 19; 22], резолюции Совета Безопасности ООН по Афганистану [6] и др.

Первоначально Китай демонстрировал сдержанный подход к афганскому вопросу, но на фоне постепенного вывода американских войск и Международных сил содействия безопасности из Афганистана к концу 2014 г. китайская дипломатия заметно активизировалась. Будущее Афганистана приобретало большое значение как для безопасности в регионе, так и для успешной реализации инициативы «Один пояс, один путь».

Большое внимание китайским правительством уделялось многосторонней дипломатии и, в частности, роли Пакистана. Во-первых, Афганистан и Пакистан имели давние исторические связи (культурные, этнические и др.). Во-вторых, Пакистан был тесно связан с группировкой Талибан. В то же время Китаю нужно было учитывать сложности взаимодействия между афганским и пакистанским правительствами по вопросам, связанным с Аль-Каидой. Китай решил выступить в качестве дипломатического посредника между Афганистаном и Пакистаном, между афганским правительством и талибами [7]. Его цель заключалась в том, чтобы по двусторонним и многосторонним каналам разумно и прагматично продвигать

политическое урегулирование афганской проблемы, ускорять реализацию ранее достигнутых договоренностей, совместно продвигать мирный процесс в Афганистане.

В то же время глубокий международный, региональный и внутренний контекст имело создание Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). С точки зрения международной и региональной ситуации, поскольку США выводили свои силы из Афганистана и усиливали свою стратегию в АТР, мировые и региональные державы стояли перед «необходимостью выбора новых стратегий в Центральной и Южной Азии» [1, с. 188]. Китай и Пакистан рассчитывали, что КПЭК может включить и Афганистан [8], что в долгосрочной перспективе оказало бы положительное влияние на экономическое развитие Афганистана. Это также стало одной из причин рождения трехстороннего сотрудничества Китай – Афганистан – Пакистан.

Афганское правительство выражало заинтересованность в посреднической роли Китая. Так, в «Десятилетнем плане трансформационного развития (2015–2024 гг.)», опубликованном в 2015 г., выражалась надежда Афганистана стать важным узлом азиатских региональных транспортных коридоров. В то же время в докладе говорилось о значении Китая в региональном сотрудничестве, в том числе о его роли в содействии мирному процессу в Афганистане, а также о поддержке Афганистана в строительстве инфраструктуры, инвестициях и иной помощи [9].

Таким образом, возникла идея трехстороннего сотрудничества Китай – Афганистан – Пакистан, в развитии которого были заинтересованы все участники. Афганистан переживал сложный переходный период, стране предстояло пройти долгий путь политического примирения и восстановления экономики. Пакистан вступал в период поддержания стабильности и стимулирования развития и нуждался в благоприятной внешней среде. Китай активно продвигал строительство «Одного пояса, одного пути» и был готов прилагать активные усилия для обеспечения стабильности, безопасности и развития региона [10].

По инициативе китайского правительства 26 декабря 2017 г. в Пекине состоялся 1-й трехсторонний диалог министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана. Министр иностранных дел Китая Ван И председательствовал на встрече, в которой приняли участие глава МИД Афганистана С. Раббани и глава МИД Пакистана Х. М. Асиф. Стороны выразили надежду на то, что диалог будет содействовать трехсторонней координации и сотрудничеству и защищать общие интересы. В «Совместном информационном коммюнике» страны отметили договоренность укреплять сотрудничество в сфере безопасности и совместно бороться с терроризмом во всех его проявлениях [10].

Таким образом, с 2017 г. трехсторонний механизм стал работать в формате встреч глав МИД. При посредничестве Китая трехсторонний диалог содействовал развитию более тесных отношений Афганистана и Пакистана. В мае 2018 г. делегация афганского правительства по вопросам

безопасности совершила рабочий визит в Пакистан, в ходе которого стороны провели консультации по совместной реализации Афгано-пакистанского плана действий по обеспечению мира и солидарности. Китай поддержал это сближение и объявил о том, что продолжит предоставлять все условия для продвижения трехстороннего диалога [11].

5 декабря 2018 г. член Госсовета КНР, министр иностранных дел Ван И, глава МИД Афганистана С. Раббани и глава МИД Пакистана Ш. М. Куреши провели 2-й трехсторонний диалог министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана в Кабуле. Стороны подтвердили готовность продолжать совместную работу по продвижению трехстороннего сотрудничества в трех областях политического взаимодоверия и примирения, развития сотрудничества и взаимодействия, в области безопасности и борьбы с терроризмом. Стороны вновь заявили о своей поддержке всеохватного процесса мирного примирения, осуществляемого под руководством самих афганцев. Этот процесс, получивший широкую поддержку стран региона и международного сообщества, является наиболее реалистичным путем к установлению мира в Афганистане. Кроме того, стороны договорились содействовать развитию трехстороннего сотрудничества в деле совместного строительства «Одного пояса, одного пути». Три страны призывали стороны афганского конфликта положить конец насилию и прилагать усилия для начала мирного процесса [12].

7 сентября 2019 г. член Госсовета КНР, министр иностранных дел Ван И, глава МИД Пакистана Ш. М. Куреши и глава МИД Афганистана С. Раббани провели в Исламабаде 3-й трехсторонний диалог министров иностранных дел Китая, Афганистана, Пакистана. Три стороны с удовлетворением отметили позитивные сдвиги, достигнутые в трехстороннем сотрудничестве. Китай, Афганистан и Пакистан внимательно следили за последними событиями в регионе и вновь заявляли о своей поддержке урегулирования внутриафганского конфликта на основе политических консультаций [13].

Следует отметить, что 29 февраля 2020 г. в Дохе было подписано «Соглашение о восстановлении мира в Афганистане» – мирное соглашение между США и движением «Талибан». В совместном заявлении США и Афганистана было указано, что США и их союзники выведут свои войска из Афганистана в течение 14 месяцев, если талибы будут соблюдать Дохийское соглашение [14]. Соглашение было неоднозначно оценено мировым сообществом. Так, бывший посол Афганистана в Великобритании Ахмад Вари Масуд отметил, что Дохийское соглашение «привело к политическому развалу Афганистана и не позволило афганскому народу больше ничего ожидать от западных стран во главе с США» [15].

Участники диалога Китай – Афганистан – Пакистан внимательно следили за ходом переговоров между США и талибами и указывали на необходимость прямых переговоров между Исламской Республикой Афганистан и движением «Талибан», которые могли бы привести к полному прекращению насилия и установлению прочного мира в Афганистане. Китай

и Пакистан высоко оценивали усилия афганского правительства по продвижению процесса примирения, национального восстановления и экономического развития, отметили готовность продолжать поддерживать афганскую сторону на основе уважения воли афганского народа. Три стороны договорились претворять в жизнь решения 3-го диалога министров иностранных дел с помощью таких механизмов, как стратегический диалог, консультации по вопросам антитеррористической безопасности и диалог по практическому сотрудничеству [13].

В дальнейшем ситуацию обострило и заявление Дж. Байдена от 14 апреля 2021 г. о планируемом выводе американских войск из Афганистана с мая 2021 г. [16]. С одной стороны, после вывода американских военных страна могла вновь погрузиться в хаос войны; с другой стороны, это означало восстановление суверенитета Афганистана и возвращение власти самим афганцам.

Поскольку возвращение движения «Талибан» в афганскую политическую жизнь являлось лишь вопросом времени, Китай вновь призывал к скорейшему возобновлению процесса мирных переговоров под руководством афганцев и надеялся на скорейшее прекращение огня в Афганистане во избежание полномасштабной гражданской войны и превращения Афганистана в плацдарм террористических сил [17]. Ввиду глубокого недоверия между движением Талибан и правительством в Кабуле Китай и Пакистан заявляли о необходимости содействовать возобновлению мирных переговоров между правительством Афганистана и движением Талибан посредством трехстороннего диалога [13].

Возобновление трехстороннего диалога произошло 4 июня 2021 г. В ходе 4-й встречи министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана китайский представитель четко заявил: «Вывод иностранных войск из Афганистана следует продвигать ответственным и планомерным образом, чтобы предотвратить ухудшение ситуации с безопасностью в Афганистане и избежать того, чтобы террористические силы воспользовались этой возможностью и вернулись» [18]. Китай, Афганистан и Пакистан были единодушны в том, что афганскому правительству необходимо интегрироваться в международное сообщество, чтобы получить его одобрение и необходимую помощь. В то же время афганское правительство должно соблюдать резолюцию 2513 Совета Безопасности ООН, в которой говорится, что талибы должны помешать «Аль-Каиде» или отдельным лицам угрожать безопасности других стран с территории Афганистана [6]. В ходе встречи главы МИД трех стран заявили, что они «не будут поддерживать создание правительства в Афганистане силой оружия и будут поддерживать Афганистан как независимое, суверенное и нейтральное государство» [18]. Этот важный принцип впоследствии был озвучен 11 августа 2021 г. на встрече по Афганистану в Дохе с участием Китая, США, России, Пакистана и Европейского союза, а также в заявлении ООН после смены власти в Кабуле 15 августа 2021 г. [19].

Изменившиеся обстоятельства привели к тому, что вооруженные силы движения «Талибан» одержали победу на поле боя. Это означало, что предыдущие переговоры утратили смысл: «без дипломатического сотрудничества сила может привести к катастрофе, а без силового подкрепления дипломатия может привести к унижению» [5]. 12 августа 2021 г. афганское правительство было вынуждено заявить, что готово разделить власть с талибами, если они прекратят вооруженные действия [20], однако три дня спустя, 15 августа, талибы захватили Кабул, президент А. Гани и многие чиновники были вынуждены бежать за границу. 7 сентября талибы объявили о создании нового правительства [21].

Эти события стали неожиданным вызовом для мирового сообщества и открыли новую страницу истории Афганистана. Официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин на пресс-конференции 16 августа 2021 г. отметила, что Китай уважает право афганского народа самостоятельно определять свою судьбу и будущее, готов продолжать развивать отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества с Афганистаном, играть конструктивную роль в мире и восстановлении Афганистана [22]. Китай был готов продолжать взаимодействие с афганским правительством.

В 2023 г. произошел перезапуск механизма трехстороннего сотрудничества между Китаем, Афганистаном и Пакистаном в новых условиях. 6 мая 2023 г. в Исламабаде состоялся 5-й трехсторонний диалог министров иностранных дел. Он проходил под председательством главы МИД Пакистана Б. Б. Зардари, на нем присутствовали член Госсовета, министр иностранных дел Китая Цинь Ган и исполняющий обязанности министра иностранных дел Временного правительства Афганистана А. Х. Муттаки. Участники встречи подчеркнули, что мирный, стабильный и процветающий Афганистан отвечает общим интересам региона, а трехстороннее сотрудничество между Китаем, Афганистаном и Пакистаном имеет решающее значение для достижения этой цели. Также важным итогом диалога стало подключение Афганистана к Китайско-пакистанскому экономическому коридору [23].

Внимательно изучив политику китайского правительства по афганскому вопросу, отметим, что, подтвердив свои основные интересы в сфере безопасности, Китай ясно дал понять, что он не намерен вмешиваться во внутренние дела Афганистана в процессе примирения и национального восстановления. Китай всегда отмечал важность реализации многосторонних механизмов и совместных консультаций, примером которых является трехсторонний диалог министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана. Японский ученый М. Хироно отметил, что Китай всегда придерживался «посреднического метода» (facilitative approach) в афганском вопросе, пытаясь играть долгосрочную и важную роль посредника [7].

Китай выступает за многостороннее сотрудничество на основе Устава ООН, поскольку считает, что мирное восстановление Афганистана, региональная стабильность и борьба с «тремя силами зла» не под силу одной стране. По мнению Г. Киссинджера, китайские лидеры убеждены в том, что,

если Афганистан вновь окажется под контролем террористических организаций и экстремистских сил, то его основные соседи – Пакистан, Китай, Иран, Россия, а также Индия и страны Центральной Азии – столкнутся с огромным риском дестабилизации границ [24].

Мир в Центральной Азии и Афганистане затрагивает долгосрочные интересы Китая в области экономики и безопасности. В частности, речь идет об обеспечении стабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и продвижении китайского Экономического пояса Шелкового пути. Поэтому взаимодействие с государствами в данной области сохраняет особую актуальность для Пекина [2, с. 89].

Таким образом, механизм трехстороннего сотрудничества Китай – Афганистан – Пакистан сложился в 2017 г. и продолжает функционировать в формате встреч министров иностранных дел. В течение 2017–2023 гг. прошло пять встреч, при этом встреча 2023 г. проходила в новых условиях с участием представителя Временного правительства Афганистана, сформированного талибами. С учетом непризнания многими странами Временного правительства для Афганистана участие в трехстороннем механизме является особенно важным.

Китай, Афганистан и Пакистан имеют схожие позиции по нормализации ситуации в Афганистане: невмешательство во внутренние дела страны, отмена односторонних санкций в отношении Афганистана и возвращение активов, оказание помощи в достижении экономического развития и процветания [4]. Стороны укрепляют координацию и сотрудничество во многих областях, прежде всего, в области безопасности. Кроме того, трехсторонний механизм содействует расширению Китайско-пакистанского экономического коридора и позволяет регулировать разногласия между странами через диалог и консультации. Таким образом, механизм трехстороннего сотрудничества играет позитивную роль в продвижении мирного процесса в Афганистане и обеспечении стабильности в регионе.

Список использованных источников

1. Малевич, Ю. И. Китайско-пакистанский экономический коридор как новая форма двухстороннего сотрудничества / Ю. И. Малевич, Э. Э. Румянцев // Научные труды РИВШ. – 2019. – Вып. 18. – С. 185–193.
2. Сизов, Г. А. Трансформация роли Китая в афганском вопросе и обеспечении безопасности в Центральной Азии / Г. А. Сизов // Сравнительная политика. – 2020. – № 2. – С. 89–96.
3. Ду Чжэюань. Афухань бяньчжу дуй Чжунго гуоця аньцюань де иньсян юй Чжунго де чжаньлюэ иньдуй = Влияние изменений в Афганистане на национальную безопасность Китая и стратегический ответ Китая / Ду Чжэюань // Тоньи чжаньсяньсюэ яньцзюй = Исследование Объединенного фронта. – 2021. – № 6. – С. 95–105 (на кит. яз.).
4. Го Цайшай. Чжунго дуй Афухань чжэньцзе яньцзюй = Исследование политики Китая в отношении Афганистана / Го Цайшай // Наньян яньцзюй = Исследования Южной Азии. – 2017. – № 1. – С. 28–36 (на кит. яз.).

5. Ян Чаоюэ. Мэйгуо чэцзюнь Афухань хоу Чжунго мяньлинь дэ цзиюй юй тяожань = Возможности и вызовы для Китая после вывода войск США из Афганистана / Ян Чаоюэ // Гуоцзи гуаньси яньцзюй = Исследования международных отношений. – 2022. – № 1. – С. 54–74 (на кит. яз.).

6. Резолюция 2513: принята Советом Безопасности 10 марта 2020 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 10.03.2020. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N20/063/38/PDF/N2006338.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 30.11.2023.

7. Hirono, M. Chinese Conflict Mediation and the Durability of the Principle of Non-intervention: the Case of Post – 2014 in Afghanistan / M. Hirono // The China Quarterly. – 2019. – Vol. 239. – P. 614–634.

8. Ван И: туйдун Чжунбацзинцизиюлан сяньму сянь Афухань яньшэнь = Ван И: содействие распространению проектов Китайско-пакистанского экономического коридора на Афганистан [Электронный ресурс] // Чжунго «Идайилу» ван = Китайская сеть «Пояс и путь». – 09.09.2019. – Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/102831.html>. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

9. Afghanistan Widens 10-year Development Plan to Tackle Poverty [Electronic resource] // New China. – Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2018-11/20/c_137619131.htm. – Date of access: 30.11.2023.

10. Шоуси Чжунгуо – Афухань – Бацзиситан саньфан вайчжан дуйхуа цзюсин = Соостоялся первый трехсторонний диалог министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзябу = Министерство иностранных дел КНР. – 16.12.2017. – Режим доступа: http://switzerlandemb.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/xgxw_676213/201712/t20171226_7966060.shtml. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

11. Чжунго вайцзябу фаянрен Лукан чжучи лисин цзичжехуй = Пресс-секретарь Министерства иностранных дел Китая Лу Кан проводит очередную пресс-конференцию [Электронный ресурс] // Чжунго ван = Китайская сеть. – 15.05.2018. – Режим доступа: http://news.china.com.cn/world/2018-05/15/content_51322416.htm?f=pad&a=true. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

12. Диэрчи Чжунгуо – Афухань – Бацзиситан саньфань вайчжан дуйхуа льяньхэ шэнмин = Совместное заявление второго трехстороннего диалога на уровне министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзябу = Министерство иностранных дел КНР. – 17.12.2018. – Режим доступа: http://switzerlandemb.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/1207_676219/201812/t20181217_7966255.shtml. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

13. Дисанчи Чжунгуо – Афухань – Бацзиситан саньфань вайчжан дуйхуа льяньхэ шэнмин = Совместное заявление третьего диалога на уровне министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзябу = Министерство иностранных дел КНР. – 09.09.2019. – Режим доступа: http://newyork.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/201909/t20190909_7947918.shtml. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

14. US–Afghanistan–Joint–Declaration [Electronic resource] // U.S. Department of State. – 29.02.2020. – Режим доступа: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/02.29.20-US-Afghanistan-Joint-Declaration.pdf>. – Дата доступа: 30.11.2023.

15. Цзунтай CGTN дунця чжуаньфань Афухань цянй чжу Ингуо даши = Эксклюзивное интервью CGTN с бывшим послом Афганистана в Великобритании [Электронный ресурс] // Чжунго чжунъян дянъшитай = Центральное телевидение Китая (CCTV). – 26.08.2021. – Режим доступа: <http://m.news.cctv.com/2021/08/26/ARTI9g5fFh7g4AzLSnxdI3VS210826.shtml>. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

16. Biden Announces Full U.S. Troop Withdrawal From Afghanistan by Sept. 11 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense. – 14.04.2021. – Режим доступа: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2573268/biden-announces-full-us-troop-withdrawal-from-afghanistan-by-sept-11/>. – Дата доступа: 30.11.2023.

17. Ван И гову вэйюань цзянь вайчжан цзай цзешу фанвэнь Чжунъя саныго хэ чуси Шанхайхэцзучжи вайчжан хуэйи дэн дуобань хуэйи хоу цзешоу мэйти кайфань = Интервью государственного советника и министра иностранных дел Ван И для СМИ после его визита в три страны Центральной Азии и участия в заседании министров иностранных дел Шанхайской организации сотрудничества и других многосторонних встречах [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Китайская правительственная сеть. – 17.07.2021. – Режим доступа: https://www.gov.cn/guowuyuan/2021-07/17/content_5625738.htm. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

18. Дисичи Чжунго-Афухань-Бачжиситан саньфань вайчжан дуйхуа лянхэ шэнмин-гуаньюй шэньхуа саньфань хэцзуо = Совместное заявление четвертого трехстороннего диалога на уровне министров иностранных дел Китай – Афганистан – Пакистан по углублению трехстороннего сотрудничества [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзяоубу = Министерство иностранных дел КНР. – 04.06.2021. – Режим доступа: http://spainembassy.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676308/1207_676320/202106/t20210604_9180997.shtml. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

19. Афухань вэньти Чжун Мэй Э Ба сифань хуэйи цзюсин = Состоялась четырехсторонняя встреча Китая, США, России и Пакистана по Афганистану [Электронный ресурс] // Чжунго чжунъян дянъшитай = Центральное телевидение Китая (CCTV). – 12.08.2021. – Режим доступа: <https://tv.cctv.com/2021/08/12/VIDEVCfnHMPV00XICVJ617S210812.shtml>. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

20. Афухань тии юй Талибань фэньцзюань ии цзешу баоли, шуширэн тусянь = Десять людей сдаются в плен, когда Афганистан предлагает разделить власть с Талибаном, чтобы положить конец насилию [Электронный ресурс] // Чжунго ван = Китайская сеть. – 13.08.2021. – Режим доступа: http://henan.china.com.cn/news/2021-08/13/content_41644690.htm. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

21. Афухан джуши = Ситуация в Афганистане [Электронный ресурс] // Чжунго чжунъян дянъшитай = Центральное телевидение Китая (CCTV). – 15.08.2021. – Режим доступа: <https://tv.cctv.com/2021/08/15/VIDE1j2KVQ2GXZYjlbLaYA210815.shtml>. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

22. Чжунго вайцзяоубу фаянрен цзю Афухань чжуши да цзичжэ вэнь = Официальный представитель МИД Китая ответил на вопросы о ситуации в Афганистан [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Китайская правительственная сеть. – 16.08.2021. – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2021-08/16/content_5631591.htm. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

23. Дивучи Чжунго-Афухань-Бацзиситань саньфань вайчжан дуйхуа лянхэ шэн-мин = Совместное заявление пятого диалога на уровне министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. – 09.05.2023. – Режим доступа: http://www1.fmprc.gov.cn/wjbzhd/202305/t20230509_11073518.shtml. – Дата доступа: 30.11.2023 (на кит. яз.).

24. Wang, Li. China and Russia in the SCO: Consensus & divergence / Wang Li, Zhou Dongchen, A. Kolotova // Human Affairs. – 2020. – Vol. 30. – № 2. – P. 189–198.

(Дата подачи: 06.02.2024 г.)

В. В. Василенко

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилев

V. Vasilenko

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

УДК 94(476)«1914/1916»

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914–1916 ГГ.

SOCIAL AND POLITICAL SITUATION AND MOOD OF THE POPULATION IN THE MINSK PROVINCE IN 1914–1916

В статье изучается общественно-политические настроения населения в Минской губернии во время Первой мировой войны. Рассматривается влияние проблем в экономике и общественной жизни на отношение местного населения к войне и властям. Показаны действия губернских и полицейских властей по сбору и анализу информации о настроении в обществе, а также меры по поддержанию общественного порядка.

Ключевые слова: Первая Мировая война; Минская губерния; экономические проблемы; рост цен; дефицит; настроение населения.

The article studies the socio-political sentiments of the population in the Minsk province during the First World War. The influence of problems in the economy and public life on the attitude of the local population to the war and the authorities is examined. The actions of provincial and police authorities to collect and analyze information about the mood in society, as well as measures to maintain public order, are shown.

Keywords: World War I; Minsk province; economic problems; rising prices; shortage; the mood of the population.

19 июля (1 августа) 1914 г. началась Первая мировая война. Сосредоточение и развертывание войск российской армии на театре военных действий предусматривало создание Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. Белорусские губернии стали тыловым районом Северо-Западного фронта. Минская губерния 18 июля 1914 г. распоряжением губернатора А. Ф. Гирса была объявлена на военном положении [1, с. 19] и вошла

в состав Минского военного округа [2, л. 98]. Военное положение вводилось на основании «Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении». В губерниях вся полнота власти переходили в ведение военных властей. Они получали широкие полномочия в осуществлении контроля и регулирования общественно-политической и социально-экономической жизни. По их указанию могли закрывать государственные учреждения, органы местного самоуправления, смещать должностных лиц и предавать их суду, запрещать выпуск печатных изданий, вводить комендантский час и принимать любые меры для поддержания порядка. Военные ограничивали перемещение населения, назначали реквизиции, запрещали вывоз сырья, материалов, продовольствия, фуража. Людей могли привлекать на военные работы. Губернатор и местная администрация подчинялись и выполняли все указания военных властей. Судебная власть переходила в ведение военных судов [3, с. 393–394]. В обязательном постановлении начальника Минского военного округа Е. А. Рауша-фон-Траубенберга «О действиях, наказуемых по законам военного времени» говорилось, что в местностях, объявленных на военном положении гражданские лица за совершенные преступления подлежат военному суду и наказанию по законам военного времени (вплоть до смертной казни). В документе были прописаны положения, которые ограничивали права и свободы людей. Наказуемо было распространение ложной информации, любые действия с огнестрельным оружием, воспрепятствование деятельности воинских и полицейских чинов, необоснованное повышение цен торговцами, скупка товаров с целью спекуляции. Устанавливался контроль за работой промышленных учреждений. Служащим и рабочим запрещалось проводить забастовки [4, с. 786–789]. Информация о преступлениях, за совершение которых могли судить военным судом, была опубликована в газете «Наша ніва» [5, с. 2]. Введение тотального контроля со стороны властей и жестких мер ответственности за нарушение законов и постановлений было продиктовано обстоятельствами военного времени.

В Российской империи в первые месяцы войны наблюдались патриотический подъем и поддержка властей в защите Отечества от агрессора. В городах повсеместно прошли патриотические манифестации. Однако население, особенно в деревне, не проявляло энтузиазма по отношению к происходящим событиям, хотя отнеслось «к участию в войне как к выполнению естественного долга перед царем и отечеством» [6, с. 620]. В стране началась мобилизация нижних чинов запаса в войска. Призывная компания в губерниях сопровождалась нарушением общественного порядка, что выразилось в погромах, потасовках, дебошах. Беспорядки были отмечены в разных регионах и городах Российской империи: в Поволжье, Сибири, Вятке, Витебске, Могилеве, Минске, Новгороде, Новониколаевске, Пензе, Саратове, Ставрополе, Тобольске, Царицыне, Уфе [7, с. 338–339]. В белорусских губерниях мобилизация прошла, в основном, организованно и в установленные сроки [8, с. 26]. Но не обошлось без эксцессов. Были

случаи погромов имений помещиков мобилизованными крестьянами. Недовольство среди призывников запаса вызвал запрет продажи спиртных напитков и закрытие всех питейных заведений в местах сборных пунктов и по пути следования мобилизованных. Это спровоцировало беспорядки и волну разграблений винных лавок и погребов. В Минской губернии погромы имений и винных лавок произошли в Новогрудском, Мозырском и Игуменском уездах [8, с. 25; 4, с. 875–876]. Местные власти быстро пресекали такие действия, и они не оказали существенного влияния на спокойствие и общественную безопасность в губернии.

Во время войны серьезное внимание уделялось мониторингу общественно-политической и социально-экономической ситуации и настроений в обществе. Сбором информации и анализом всех событий занимались в Департаменте полиции Министерства внутренних дел. В губерниях чины полиции собирали и докладывали подробную информацию обо всем происходящем начальнику жандармского управления. Он с апреля 1915 г. должен был предоставлять отчет (один раз в два месяца) в департамент о настроениях среди населения, его отношении к властям, войне и общей ситуации в губернии [7, с. 362]. В прифронтовых губерниях, а по сути в тылу армии, это было особенно важно, чтобы на волне недовольства не спровоцировать беспорядки, бунты, забастовки. Отслеживая негативные настроения среди населения, власти могли своевременно реагировать на ситуацию и решать те или иные проблемы, предотвращать антиобщественные действия.

Минский губернатор просил начальников полиции характеризовать ситуацию в губернии и настроения населения в донесениях по следующим пунктам: «1) Насколько интенсивно идут полевые работы, не наблюдается ли сокращение полевых площадей, в каком положении находятся в частности поля запасных, как велика в сравнительно с прежней рабочая плата, ощущается ли недостаток рабочей силы, каковы виды на урожай озимых хлебов; 2) В какой степени ощущается на местах дороговизна жизненных припасов в городах и отдельно в сёлах; 3) Каковы настроения населения в связи с последними событиями на театре войны, в частности как к этому вопросу ныне иногородническое население (польское, еврейское, иностранное); 4) Наблюдаются ли случаи захвата помещичьих земель, равно случаи массовых потрав и порубок на чужих землях, не является ли это следствие подпольной агитации; 5) Наблюдаются ли случаи умышленного уклонения населения от явки к исполнению воинской повинности и от выполнения прочих обязанностей в связи с войной. Как отнеслось население к последнему призыву ополчению; 6) Наблюдались ли такие случаи среди немцев и поляков, бывших иностранцев и коренных русских подданных» [9, л. 182 – об. 182]. Как видно, эти вопросы охватывают все сферы жизни людей – экономическую, социальную, политическую.

В Минской губернии в первые месяцы войны обстановка была спокойная. Население было воодушевлено победами российской армии. По случаю взятия войсками Львова и Галича в соборе города Мозырь отслужили

молебен. Храм был переполнен молящимися, в числе которых находились представители власти, учащаяся молодежь, жители города. В еврейской синагоге тоже состоялся молебен [10, с. 2].

В марте 1915 г. минский полицмейстер докладывал губернатору А. Ф. Гирсу, «что в настроениях населения гор. Минска царит абсолютное спокойствие, неизменное же с первых дней кампании сопутствующее: патриотическим подъёмом народных масс, благожелательностью их по отношению к правительству и уверенностью в грядущем торжестве права и правды так грубо поправленных тевтонскими полчищами...». В рапорте говорилось, что показателем отзывчивости в стремлении помочь армии и поддержать власть является участие населения в работе общественных групп и организаций, устройстве концертов, вечеров, кружечных сборов на нужды, вызванные войной [11, л. 11 – об. 11]. Народ был воодушевлен победами российской армии на фронте. В марте 1915 г., особенно в его первой половине, среди городского населения Минска наблюдался «патриотический энтузиазм» и радость. Причиной этому был захват русскими войсками австрийской крепости Перемышль [11, л. 23]. Известие об этом было получено в полдень 9 марта. Улицы города оживились, на зданиях появились флаги, за полчаса город принял праздничный вид. Днём в соборе состоялся торжественный молебен, а после него на протяжении всего дня проходила торжественная манифестация с пением гимна [12, с. 4]. Празднования по поводу взятия Перемышля прошли во всех уездах Минской губернии [13, с. 4].

Несмотря на такие настроения среди населения власти в Минске усилили контроль за общественным порядком. По распоряжению полицмейстера сыскное отделение и приставы должны были установить наблюдение за фабриками, заводами, мастерскими и торгово-промышленными предприятиями и принимать меры по предотвращению там беспорядков. Следовало организовать наблюдение за уличной жизнью и особенно в районах фабрик, заводов, предприятий и недопускать там скопления народа, демонстраций, выступлений. Кроме этого нужно было следить за местными типографиями, чтобы там не печатали прокламации, воззвания и нелегальную литературу, распространение которых могло оказать отрицательное воздействие на население. В местах скопления людей предписывалось усилить посты. Чины полиции должны были взять под особый контроль школы, молитвенные дома и другого рода заведения, где могли проходить публичные собрания, чтобы не допускать незаконных сходок [14, л. 2 – об. 2].

Радостная эйфория первых месяцев войны сменилась тревожными настроениями и недовольством среди жителей губернии. Этому способствовал ряд причин: экономические проблемы, тревожные новости с фронтов весной-летом 1915 г., а также антисемитские настроения среди местного населения.

Социальную напряженность среди жителей вызвали проблемы с наличием товаров повседневного спроса. В январе 1915 г. в Минске и губернии появился, еще не массово, дефицит некоторых товаров и продуктов первой

необходимости. Наблюдались спекуляции и рост цен. В Минске 28 января на заседании городской думы обсуждались указанные проблемы и необходимые меры для их решения [15, с. 4]. В феврале аналогичная ситуация была в Пинском уезде [16, с. 4].

Экономические проблемы беспокоили власти. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков потребовал от губернаторов и градоначальников обратить внимание на причины подорожания товаров первой необходимости и не допускать спекуляции ими [7, с. 364]. С дороговизной боролись при помощи установления фиксированных цен (такс) на продукты и товары. Минский губернатор в конце мая 1915 г. сообщал земским управам, городским общественным управлениям, начальникам полиции о постановлении начальника Минского военного округа. В нем говорилось об удержании цен на предметы первой необходимости и мерах по борьбе с их повышением [17, с. 2–3].

Действия, предпринимаемые властями, для решения проблем в экономике не давали нужного результата. Росло недовольство среди населения. В июле 1915 г. губернатор А. Ф. Гирс довел до чинов полиции информацию о неблагоприятной обстановке в деревне. Крестьяне оказались в тяжелой ситуации, чем не преминули воспользоваться в своих корыстных интересах «некоторые из евреев». Это вызывало недовольство деревенского населения. Губернатор обращал внимание на жалобы крестьян на евреев. Они захватывали в аренду земли и сенокосы, скупали сельскохозяйственную продукцию у помещиков и крестьян, искусственно завышали цены на товары первой необходимости. А. Ф. Гирс требовал пресекать такие действия, так как они угрожали общественной безопасности. Виновных следовало привлекать к ответственности по всей строгости законов военного времени [11, л. 44].

Весной-летом 1915 г. российская армия на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах вела тяжелые оборонительные бои и отступала из Галиции и Польши. В конце лета – начале осени театр военных действий переместился в пределы белорусских губерний.

Приближение линии фронта вызывало тревогу у населения. В августе настроения среди рабочих, интеллигенции, работников и служащих просветительских и общественных организаций Минска были спокойные. Но население, по сообщению пристава 1-й части города, было встревожено приближением немецких войск и находилось в подавленном состоянии [18, л. 40 – об. 40]. Жители, ожидая ухудшения экономической ситуации, стали снимать в сберегательных кассах свои вклады. В городе из обращения исчезла мелкая монета. Наблюдались перебои с поставками некоторых продуктов и дров [4, с. 790]. Настроения среди сельского населения были еще тревожнее. В Игуменском уезде крестьяне были озабочены призывом в войска и тем, с кем тогда останутся их семьи. Все задавали одни и те же вопросы, связанные с ситуацией на фронте и приближением немецких войск. Крестьяне высказывали недовольство в адрес властей, которые не подготовились к войне и не решали проблемы людей. Чиновников обвиняли

во взяточничестве, поборах. Солдаты, прибывшие в отпуск, а также раненые, к властям и царю относились враждебно. Военные принудительно выселяли всех из прифронтовой полосы и уничтожали имущество. Это вызвало негодование и озлобление у людей [4, с. 824].

Экономическая ситуация ухудшалась с каждым месяцем. В Минске в сентябре 1915 г. появились проблемы с обеспечением населения продуктами и товарами первой необходимости. Всё дорожало. Рабочие стали увольняться и уезжать в деревню спасать свои семьи и имущество, а некоторые перебирались во внутренние губернии России, где обстановка была спокойнее [4, с. 809]. Рост цен и спекуляции затронули уезды Минской губернии. Из Речицкого уезда один из корреспондентов сообщал в начале октября, «что дороговизна и спекуляции охватили весь Речицкий уезд» [19, с. 2–3]. В Новогрудском уезде не было фуража и продуктов. У крестьян ничего не оставалось после реквизиций, которые проводили как гражданские, так и военные власти. По сообщениям из Борисовского уезда у сельского населения реквизировали всё и им нечем кормить скот. Тяжелее была ситуация в местностях около линии фронта или освобожденных от немецких войск. В Минском уезде жилье крестьян и запасы зерна были уничтожены огнем, а имущество разграблено немцами [4, с. 791, 829, 833].

Люди пытались найти виновных в сложившейся экономической ситуации. В донесениях Минского губернского жандармского управления в октябре говорилось, что крестьяне и рабочие виновниками дороговизны жизни считали торговцев, которые стремятся нажиться на проблемах людей. Торговля в губернии находилась в руках евреев. Это подогревало антисемитские настроения среди православного и католического населения. Евреи не испытывали острой нужды в отличие от остального населения, так как создали организации, оказывающие помощь нуждающимся из своей среды [20, с. 101–102].

В конце 1915 г. социальная напряженность в обществе не наблюдалась, обстановка в Минске была спокойная. В декабре пристав 1-й части города сообщал в рапорте полицмейстеру, что настроение населения «уравновешенное», никаких заслуживающих внимания событий не произошло, «все интересовались почти исключительно лишь своими обычными делами». После 20 декабря наблюдалось оживление среди жителей, вызванное праздником Рождества и окончания года. Праздничные дни прошли спокойно. Некоторые успехи российской армии на театре военных действий вызвали у населения живой интерес, а печатные издания с информацией с фронта быстро раскупались. Вражды на национальной почве тоже не было [21, л. 52 – об. 52, 54].

Весной 1916 г. жители губернии были заняты сельскохозяйственными работами. Власти обеспечили продажу семян крестьянам и помещикам по себестоимости для проведения посевной. Такие действия, по сообщению губернатора А. Чернявского, оказали благоприятное влияние на настроение населения, а также на ход посевных работ. Ему пришлось

принимать меры по организации занятости беженцев на сельскохозяйственных работах и устройстве их быта. Неблагоприятным явлением, по мнению чиновника, был выезд населения из губернии. Власти держали это на контроле [22, л. 120–121].

В июльском рапорте начальник Минского военного округа Е. А. Раушфон-Траубенберг сообщал Главному начальнику снабжений армий Западного фронта, что в конце мая – июне настроение сельского населения в губерниях, входящих в округ, было спокойным. Наблюдался «подъем духа» в связи с успехами войск на фронте. Несмотря на это, среди крестьян была заметна усталость от войны и желание скорейшего мира при условии полной победы над врагом и изгнания его с территории России. Городские жители были сильно обеспокоены почти каждодневным ростом цен на все жизненно важные продукты, а также отсутствием некоторых продовольственных товаров первой необходимости. Во всем этом, как считало население, были виноваты торговцы [23, л. 2]. Крестьяне меньше страдали от дороговизны. По мнению начальника Минского губернского жандармского управления они были лучше обеспечены материально, так как получали казенный паек и зарабатывали на различных работах для армии. А вот положение служащих было намного хуже [20, с. 102].

Осенью изменений в настроении населения губерний Минского военного округа не произошло. Жителей волновали все те же проблемы: дороговизна, отсутствие товаров первой необходимости. Претензии и обвинения звучали уже не только в адрес торговцев, но и властей, которые не принимали мер для решения экономических проблем [23, л. 15 – об. 15]. В Минской губернии среди крестьянского населения было недовольство действиями отступающих русских войск. Появились кривотолки о деятельности правительства, которое, по мнению населения, недостаточно снабжает армию всем необходимым [24, л. 68].

Таким образом, ситуация в обществе в Минской губернии в начальный период войны характеризовалась как спокойная. Среди населения наблюдался патриотический подъем. Радостные эмоции вызывали победы российской армии на фронте. В донесениях чинов полиции отмечалась спокойная обстановка, нарушений общественного порядка не было. Патриотический угар первых месяцев прошел. Люди столкнулись с повседневными проблемами. С начала 1915 г. стали наблюдаться рост цен и дефицит некоторых товаров. Первоначально это были временные явления. Власти принимали меры, чтобы устранять такие проблемы. Но с каждым месяцем ситуация в экономике ухудшалась. Летом-осенью 1915 г. в сельской местности и городах стали появляться проблемы с обеспечением населения товарами и продуктами первой необходимости. Настроения среди населения были тревожные. Люди высказывали свое недовольство в адрес чиновников и военных. Фактором, усиливающим тревогу, были неудачи российских войск на фронте и его приближение к губернии. В конце 1915 г. – весной 1916 г. настроения среди населения и обстановка в губернии были спокойные.

Но это было временным явлением. Экономические проблемы еще больше усугубились в конце лета – осенью 1916 г. Уровень жизни населения заметно упал. В уездах люди находились в бедственном положении. Хуже была ситуация в городах. К концу 1916 г. социальная напряженность в обществе усилилась, местное население всё больше было недовольно действиями властей.

Список использованных источников

1. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): сб. док. / Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. ист. архив Беларуси, Нац. ист. архив Беларуси в г. Гродно; сост.: В. В. Врублевский [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко (пред.) [и др.]. – Минск: Беларусь, 2014. – 352 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 336. Оп. 1. Д. 6.
3. Суряев, В. Н. Великая война. Беларусь. Фронт. Северо-западный край Российской империи в 1914–1918 гг. / В. Н. Суряев. – Saarbrücken [Саарбрюкен]: LAP LAMBERT Academic Publishing, cop. – 2015. – 470 с.
4. Документы и материалы по истории Белоруссии: в 4 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1936–1954. – Т. 3: (1900–1917 гг.) / под ред. В. Н. Перцева [и др.]. – 1953. – 1019 с.
5. Кары за праступкі ў ваенны час // Наша ніва. – 1914. – 21 жніўня. – С. 2.
6. Ольденбург, С. С. Царствование Николая II / С. С. Ольденбург. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 764 [4] с.
7. Кирмель, Н. С. Спецслужбы России в Первой мировой войне 1914–1918 годов / Н. С. Кирмель. – М.: Кучково поле, 2018. – 544 с.
8. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов. – Минск: Беларус. навука, 2014. – 317 с.
9. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Ф. 300. Оп. 1. Д. 69.
10. Торжественное молебствие // Мозырянин. – 1914. – 25 августа. – С. 2.
11. НИАБ в г. Минске. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 99.
12. Хроника Минского дня. Манифестации в Минске // Минский голос. – 1915. – 10 марта. – С. 4.
13. Хроника Минского дня. Празднование взятия Перемышля // Минский голос. – 1915. – 12 марта. – С. 4.
14. НИАБ в г. Минске. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 90.
15. Хроника Минского дня. Город и вздорожание продуктов // Минский голос. – 1915. – 30 января. – С. 4.
16. Хроника Минского дня. Борьба с дороговизной в уездах // Минский голос. – 1915. – 23 февраля. – С. 4.
17. Хроника. Борьба с дороговизной // Мозырянин. – 1915. – 24 мая. – С. 2–3.
18. НИАБ в г. Минске. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 93.
19. Кузнецов, Д. Дороговизна в Речицком уезде и борьба с нею / Д. Кузнецов // Мозырянин. – 1915. – 7 октября. – С. 2–3.

20. Рындин, С. Н. Донесения начальников губернских жандармских управлений как источник информации об общественно-политических настроениях в белорусских губерниях (1915–1916 гг.) / С. Н. Рындин // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2014. – Вып. 15. – С. 100–107.

21. НИАБ в г. Минске. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 104.

22. НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 9165.

23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2049. Оп. 1. Д. 471.

24. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64.

(Дата подачи: 15.02.2024 г.)

О. В. Габрусевич

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилев

O. Gabrusevich

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

УДК 286.3

СУДЬБЫ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ АДВЕНТИСТСКОГО УЧЕНИЯ В БССР (1929–1941 ГГ.)

THE FATE OF SEVENTH-DAY ADVENTIST BELIEVERS IN SOVIET BELARUS (1929–1941)

Статья посвящена малоизученной и актуальной теме конфессиональной истории Беларуси: положению адвентистов седьмого дня в БССР в 1929–1941 гг. Охарактеризована советская политика в области религии, прослежены судьбы репрессированных верующих. Сделан вывод о том, что антирелигиозные гонения нанесли серьезный удар по адвентистским общинам в БССР, но не привели к исчезновению данного учения.

Ключевые слова: Советская Белоруссия; религия; протестантизм; адвентизм; сектантство; адвентисты седьмого дня; антирелигиозная идеология.

The article is devoted to a little-studied and relevant topic in the confessional history of Belarus: the situation of the Seventh-day Adventists in the BSSR in 1929–1941. The Soviet policy in the field of religion is characterized, the fates of repressed believers are traced. It is concluded that anti-religious persecution dealt a serious blow to Adventist communities in the BSSR, but did not lead to the disappearance of this confession.

Keywords: Soviet Belarus; religion; Protestantism; Adventism; sectarianism; seventh-day Adventists; anti-religious ideology.

Первые последователи адвентизма появились на белорусских землях в начале XX в. С приходом к власти большевиков в октябре 1917 г. религиозные общества, и в частности адвентисты седьмого дня (далее – АСД), получили возможность пройти юридическую регистрацию в новообразованном государстве. В первое десятилетие после революции советское

правительство было снисходительно и даже благосклонно к протестантским движениям. Однако в конце 1920-х гг. политика в их отношении претерпевает кардинальную трансформацию. Цель нашей статьи – проследить изменения в положении церкви АСД БССР в 1929–1941 гг. сквозь призму судеб конкретных верующих. Актуальность темы обусловлена двумя факторами: во-первых, отсутствием специальных исследований в отечественных историографии и религиоведении; во-вторых, значительной ролью церкви АСД в современном белорусском протестантизме. На 1 января 2024 г. в нашей республике зарегистрированы 73 общины адвентистов. По данному показателю церковь АСД занимает 5-е место среди всех конфессий и 3-е – среди протестантских [1].

Советская власть рассматривала религию как «опиум народа», а верующих (и, в особенности, духовенство, лидеров религиозных общин) как классово чуждых советскому строю элементов, склонных к контрреволюционной деятельности. К концу 1920-х гг. трансформация внутривластного и экономического курса, концентрация власти в руках И. Сталина способствовали началу масштабной антирелигиозной кампании. 8 апреля 1929 г. ВЦИК СССР принял постановление «О религиозных объединениях». Оно максимально ограничило деятельность церковных общин. Запрещалось проведение детских, юношеских, молитвенных и других собраний, издание религиозной литературы, создание библиотек, изучение Библии вне церковных зданий. С этого времени власти начинают лишать регистрации, закрывать церкви, мечети, синагоги, молитвенные дома, отдают их под клубы, зернохранилища и складские помещения либо вообще уничтожают [2]. В резолюции II Всесоюзного съезда воинствующих безбожников (апрель 1929 г.) баптисты, евангелисты, адвентисты и методисты прямо зачисляются в разряд религиозных организаций, верхушка которых является «политической агентурой... и военно-шпионскими организациями международной буржуазии». На XVI съезде ВКП (б) в 1930 г. И. Сталин заявил, что в социалистическом строительстве репрессии являются необходимым элементом наступления [3, стр. 309]. Как показала история, эти слова были услышаны и послужили руководством к действию. По данным профессора М. П. Костюка, до начала Второй мировой войны в БССР было репрессировано около 500 тысяч человек. Если исходить из того, что до войны население в Белорусской республике составляло около 5 млн человек, то в среднем был репрессирован каждый десятый житель [4, с. 349]. Религия, церковь, активные члены традиционных религиозных объединений и «сектантских» общин и групп планомерно уничтожались. Борьба с верующими, в число которых входили и последователи адвентистского учения, стала одной из самых трагических страниц в истории религиозных гонений и открыла новую, пока еще не дописанную главу в христианском мартирологе.

В архивных источниках и мемуарной литературе сохранились сведения о репрессиях адвентистов в Витебской, Минской и Гомельской областях.

В 1928 г. на территории БССР насчитывалось 127 верующих церкви АСД, которые осуществляли свою религиозную деятельность в Минске, Витебске, Орше, Полоцке и в Гомельском округе [5, с. 15].

В январе 1925 г. в Витебск приехал Рудольф Фрицевич Куплис. Адвентистским пастором он служил там 4 года. 29 июня 1929 г. в возрасте 30 лет Р. Ф. Куплис был арестован, а пять месяцев спустя приговорен к 3 годам за антисоветскую агитацию по статье 58-10 УК РСФСР и отправлен в Ухтинско-Печорский исправительно-трудовой лагерь (далее – ИТЛ) в Республику Коми. В 1992 г. Р. Ф. Куплис был посмертно реабилитирован [1]. Документы по делу витебского пастора иллюстрируют и экономическую политику в отношении религиозных организаций. Последние были приравнены к коммерческим предприятиям, а священнослужители – к предпринимателям. В ходе сворачивания нэпа и тех, и других правительство обложило непомерными налогами. За неуплату подоходного налога священнослужителей могли арестовать, а церковные общины закрыть. Р. Ф. Куплису подоходный налог был начислен почти в три раза больше положенного. Со слов витебского пастора, ему также был посчитан налог от стоимости личных книг, которые он приобрел для себя в течение 16 лет [6].

Среди витебских адвентистов, пострадавших от репрессий, оказался и Осип Тимофеевич Вихров, 1865 г. р. Он был осужден как «сектантский пропагандист» и «кулак». Сведения о хозяйстве «кулака» на момент ареста в 1930 г. отсутствуют. По данным на июль 1923 г. семья Осипа Тимофеевича, состоявшая из четырех человек (супруга Ефимия Ильинична, сын Иван и сестра Осипа Федосья Тимофеевна), владела избой, двумя сараями, амбаром, лошадью, тремя коровами и тремя овцами [7]. В 1930 г. О. Т. Вихров по решению «тройки» был осужден и отправлен в Северный край по статье 72«а» УК БССР. В приговоре обвинение звучало так: «за систематическое ведение пропаганды и агитации против мероприятий соввласти обосновывая свою агитацию на евангелистском писании» (в этой цитате, как и в дальнейших по тексту, сохранены орфография и пунктуация оригинального документа – *О. Г.*). Спустя десятилетия, 21 ноября 1989 г., Осип Тимофеевич будет реабилитирован (посмертно) [8]. Как отмечает исследователь М. П. Костюк, за «кулачество» было репрессировано и выслано за пределы республики свыше 250 тыс. крестьян [4, с. 347].

Прокофий Степанович Королёв родился в 1889 г. Находясь на офицерской службе в царской армии, еще до Октябрьского переворота 1917 г., он принял адвентистское учение. Затем, уйдя в отставку, П. С. Королёв женился и вместе с супругой переехал в д. Королёво Витебского района, по всей видимости, являющуюся его малой родиной. У них родилось шестеро детей. При советской власти П. С. Королёв не вступал в колхоз и самостоятельно занимался сельским хозяйством. Вероятно, его белогвардейское прошлое в совокупности с неприятием политики коллективизации, а также активная деятельность в «сектантской» общине адвентистов седьмого дня г. Витебска послужили причиной его ареста. Ему предъявили

обвинение по уже упомянутой 72-й статье, добавив статью 76 (организованная антисоветская деятельность) из УК БССР. По решению «тройки» 20 января 1934 г. П. С. Королёв был осужден на 5 лет ИТЛ. В 1990 г. Прокофий Степанович был посмертно реабилитирован [1].

Сохранились сведения об адвентисте Платоне Миновиче Роговцове из д. Затон Жлобинского района. Платон Минович работал фельдшером. В 1933 г. в доме П. Роговцова органами НКВД был проведен обыск. Нашли религиозную литературу, что стало поводом для ареста 40-летнего верующего. П. М. Роговцова приговорили к 3 годам и сослали в с. Чулан-Курган Южно-Казахстанской области. Там в декабре 1937 г. Платон Минович получил новый 10-летний срок по статье 58-11 УК РСФСР и был отправлен в Рыбинский ИТЛ Ярославской области. Его супруга и дети в 1944 г. переехали в Витебск. В 1947 г. П. М. Роговцова освободили. Он вернулся в Витебск, но смог устроиться на работу только дворником. Реабилитирован Платон Минович 4 мая 1989 г. [1].

Нужно сказать, что 72-я статья Уголовного кодекса БССР (аналог 58-10 УК РСФСР) – «пропаганда и агитация против советской власти» – была самой «популярной», на основании которой предъявлялись обвинения. По ней осудили около 40 % арестованных. Широко использовалась статья 68 – шпионаж. По этой статье в БССР было репрессировано более трети осужденных [4, с. 349].

В связи с начавшимися репрессиями руководство Всесоюзного Совета АСД, возглавляемое Г. И. Лебсаком, 23 мая 1932 г. обратилось в Центральный исполнительный комитет БССР в г. Минске. Руководство АСД ходатайствовало перед властью о возможности беспрепятственно осуществлять религиозную деятельность. В документе говорилось: «группы Адвентистов Седьмого Дня... в настоящее время... имеются в г. г. Минске, Гомеле, Борисове, Витебске и некоторых селах разных районов с количеством членов приблизительно около 150–200. Проповедники, проживавшие в Минске, Гомеле и Витебске, обслуживавшие эти группы в последние годы, были сосланы отсюда на Север и группы Адвентистов Седьмого Дня таким образом, вот уже в течение 3-х лет остались без всякого духовного обслуживания и... все это время, как можно заключить из писем членов Адвентистов Седьмого Дня..., они находятся в недоумении и просят прийти им на помощь, чтобы и они могли бы иметь свои молитвенные собрания для удовлетворения своей духовной нужды также как это могут иметь и имеют Адвентисты Седьмого Дня в других местах СССР. В настоящее время они убедительно и определенно просят прислать им проповедников для их духовного обслуживания» [1].

От гонений пострадали и адвентисты Минска. Имеются документы, свидетельствующие об их трагических судьбах. Один из таких документов за 1958 г. содержит свидетельство об аресте минского пастора и закрытии общины АСД: «Община наша закрылась в 1929 г. ввиду ареста проповедника...» [9]. В 1927 г. минские адвентисты собирались по адресу

ул. И. Лекерта № 2-б [1]. В архивном документе за 1929 г. имеются данные о том, что две минские общины посещали 27 человек [10, с. 103].

Тем временем политика в отношении духовенства ужесточалась. В 1937 г. вышел секретный оперативный приказ НКВД № 00447, в соответствии с которым «церковники и сектантские активисты» были объявлены «антисоветскими элементами», подлежащими репрессиям [11, с. 209]. Среди пострадавших оказался и Филипп Никонович Куземко – пастор минской церкви с 1921 по 1929 гг. До пасторского служения Филипп Никонович с 1912 по 1918 гг. учился в адвентистской миссионерской школе Фриденсау (Германия, школа функционирует и сегодня). В декабре 1929 г. минского пастора арестовали и в январе 1930 г. приговорили к 3 годам лагерей «за контрреволюционную сектантскую деятельность» [12]. После освобождения в конце 1932 г. Ф. Н. Куземко переехал на родину жены в Одессу. Там он устроился на работу счетоводом в детдоме. 22 мая 1937 г. Филиппа Никоновича в очередной раз арестовали и предъявили обвинение по статье 54-10-2 УК УССР. Решением «тройки» при УНКВД по Одесской области от 23 августа 1937 г. адвентистский пастор был признан виновным и приговорен к высшей мере наказания. Через четыре дня приговор привели в исполнение. В 1989 г. Филиппа Никоновича посмертно реабилитировали [12].

Благодаря архивам самих адвентистов известна судьба Владимира Иосифовича Луцука. Вместе с семьей до Великой Отечественной войны он посещал адвентистскую церковь в Минске. В 1930-е гг. В. И. Луцук переехал в местечко Копысь Оршанского района, где работал на мебельном производстве. 23 июня 1941 г. Владимира Иосифовича арестовали и отправили в Куйбышевскую область. Через семь месяцев как социально опасный элемент он был обвинен в шпионаже и получил срок 10 лет. После освобождения из заключения по амнистии в 1948 г. В. И. Луцук переехал в Могилев. Решением Витебского областного суда 2 февраля 1963 г. В. И. Луцук был реабилитирован [1].

В госархиве Приморского края г. Владивостока имеются сведения о двух репрессированных адвентистах – уроженцах Беларуси. Первый из них, Иван Викторович Голубь, родился в 1886 г. в д. Грушевка Минской губернии. Затем он проживал в с. Силан Бикинского района Приморского края. Когда Иван Викторович был сослан на Дальний Восток, точно не известно. Можно предположить, что это произошло после 1929 г. И. В. Голубю было предъявлено обвинение в том, что он «кулак, адвентист... является членом антисоветской к-р организации так называемых адвентистов 7 дня... члены к-р группировки... систематически устаревали нелегальные сборище под предлогом читки ивангелия, а всам деле на каждом сборище обсуждались вопросы контр-революционного характера...». К Ивану Викторовичу, по решению «тройки», была применена высшая мера наказания в виде расстрела. Приговор был приведен в исполнение 26 апреля 1938 г. В семье Ивана и Марфы Голубей было 12 детей. И. В. Голубь реабилитирован (посмертно) 20 сентября 1956 г. [13].

О другом уроженце Беларуси известно немного. Фёдор Наумович Афон родился в 1875 г. в с. Жиличи Минской губернии. Дата его ссылки в Приморский край за религиозные убеждения также неизвестна. Проживал Фёдор Наумович в с. Лобановка Иманского района, трудился в колхозе «Великая Заря». Вместе с супругой Марией они воспитывали 5 сыновей. Арестовали Ф. Н. Афона 8 марта 1938 г. Ему было предъявлено обвинение: «Активный сектант-адвентист. Систематически проводил к-р пораженческую агитацию, агитировал против политики партии и сов. строительства». Как и у И. В. Голубя, у Ф. Н. Афона конфисковали религиозные книги: Библию и «Псалмы Сиона». Пять дней спустя по решению «тройки» Ф. Н. Афона приговорили к расстрелу. Постановлением Президиума Приморского краевого суда Фёдор Наумович был реабилитирован (посмертно) 7 декабря 1961 г. [14].

В архивных документах удалось обнаружить сведения о репрессированных адвентистах Гомеля. Гомельская церковь АСД в межвоенный период находилась на переулке Слесарном, д. 2 (ныне ул. Курчатова, возле вокзала). В январе 1926 г. гомельским адвентистам было отказано в регистрации, так как «число членов общины насчитывает менее 50 человек, что и свидетельствуется» [15]. С 1924 по 1937 г. местными пресвитерами поочередно являлись: Андрей Белый, Максим Решетнев, Александр Решетнев и Лазарь Холявко. К началу 1937 г. гомельская община АСД насчитывала около 40 человек [1].

Первым репрессированным адвентистом с гомельщины стал Максим Михайлович Решетнев. Вместе с семьёй он проживал в деревне Иваки, где в их доме проходили богослужения. Работал Максим Михайлович в местном колхозе. За религиозные проповеди о II пришествии Христа на землю Максим получил 3 года тюремного заключения [1]. Пресвитера Лазаря Холявко арестовали в 1937 г. и на третий день после ареста расстреляли. Родного брата Лазаря (имя не известно) с женой Александрой и детьми выслали в Казахстан. Там глава семьи умер, а после войны Александра с дочерьми вернулись в Гомель [1].

Андрей Романович Буз, пастор АСД в Гомеле с 1976 по 1991 гг., в своей книге сообщает некоторые сведения о местной общине в период репрессий. В 1937 г. сотрудники НКВД арестовали пастора, пресвитера, секретаря и диакона (имен А. Р. Буз не упоминает) гомельской церкви и заставили их подписать обвинительные протоколы. После двух месяцев допросов пастор получил тюремный срок. Пресвитер, секретарь и диакон по решению «тройки» были расстреляны [16, с. 97].

В это время жертвой репрессий стала и адвентистка Софья П. О ней А. Р. Буз узнал в 1989 г. от дочери Софьи Веры С. Мать Веры пела в церковном хоре адвентистов. В 1937 г. Софью П. арестовали. От нее требовали подписать протокол, в котором она должна была указать на кого-нибудь из единоверцев, якобы участвующих в организации и деятельности против советской власти. В течение двух месяцев продолжался допрос. Днем

Софья П. работала, а вечером ее забирали сотрудники внутренних дел и на протяжении всей ночи допрашивали, но протокол мужественная женщина не подписывала. Не выдержав давления, Софья П. покончила с собой, так и не согласившись с выдвинутыми против нее обвинениями [16, с. 98].

О последствиях антирелигиозной политики для протестантского движения красноречиво говорят цифры. По данным старшего научного сотрудника Института истории РАН, кандидата исторических наук И. А. Курляндского, только с августа по ноябрь 1937 г. в СССР было репрессировано 19 904 евангельских христиан, из которых 7004 были приговорены к расстрелу [17, с. 517]. За 1937 и начало 1938 г. спецслужбы БССР ликвидировали ряд «сектантских» организаций, арестовано и осуждено было 860 человек [11, с. 211]. К 1938 г. в республике не осталось ни одной зарегистрированной протестантской общины, в том числе АСД [2].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В период антирелигиозной кампании и репрессий 1929–1941 гг. церковь АСД в БССР перенесла тяжелый удар. Общины адвентистов были лишены легального статуса и разгромлены. Преследованиям подверглись как пасторы, так и рядовые верующие. В нашей статье упомянуты 15 репрессированных (полностью установлены имена 11, одно имя – частично), однако не вызывает сомнений, что жертв было значительно больше. Из 15 человек 7 расстреляли, одна верующая совершила суицид, остальные 7 были приговорены к различным срокам заключения. Восемьерых впоследствии реабилитировали, из них шестерых – посмертно. Тем не менее даже в столь трудное время церковь АСД выстояла и впоследствии возродила свою деятельность на белорусских землях.

Список использованных источников

1. Текущий архив Белорусского униона церквей АСД // История церкви христиан адвентистов седьмого дня в Беларуси.

2. Янушевич, И. И. Формирование советской модели государственно-церковных отношений в БССР (1919–1991 гг.) / И. И. Янушевич // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст.: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Д. Кароль (старшыня) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2018. – С. 290–296.

3. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – Т. 12. – 398 с.

4. Вабішчэвіч, А. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (галоўны рэдактар) і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – 613 с.; іл.

5. Хайтун, Д. Сучаснае сектанцтва на Беларусі / Д. Хайтун, П. Капаевіч. – Менск [Мінск]: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1929. – 72 с.

6. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 449. Оп. 5. Д. 742. Л. 4, 4а, 11.

7. ГАВО. – Ф. 104. Оп. 2. Д. 15. Л. 3-5.

8. ГАВО. – Ф. 2926. Оп. 6. Д. 17170. Л. 44.
9. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 3651. Оп. 1. Д. 3. Л. 137–138 об.
10. Государственный архив Минской области. Религиозная жизнь на Минщине (1918–1941 гг.): документы и материалы / сост. В. М. Матюх [и др.]; редкол. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: А. Н. Вараксин, 2015. – 216 с.
11. *Навіцкі, У. І.* Евангельскія хрысціяне ў Беларусі: пяць стагоддзяў гісторыі (1517–2017 гг.) / У. І. Навіцкі [і інш.]; навук. рэд. У. І. Навіцкі; Тэалагічны інстытут хрысціян веры евангельскай. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2019. – 470 с.: іл.
12. Государственный архив Одесской области. – Ф. Р-8065. Оп. 2. Д. 12230. По обвинению Куземки Филиппа Никоновича по ст. 54-10 ч. 2.
13. Государственный архив Приморского края г. Владивосток (ГАПК). – Ф. Р-1588. Оп. 2. Д. 22517. Л. 1, 2, 2 об., 52.
14. ГАПК. – Ф. Р-1588. Оп. 2. Д. 33583. Л. 2, 2 об, 5, 5 об., 24, 25.
15. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 161. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.
16. Буз, А. Р. Жизнь христиан в Советском Вавилоне / А. Р. Буз. – Одесса. 2012. – 156 с.
17. *Курляндский, И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.) / И. А. Курляндский. – Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – М.: Кучково поле, 2011. – 720 с.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

К. Е. Гавриленко

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. Gavrilenko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 930+94(476+477+470)

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ

HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF THE BUG HOLLÄNDERS

В статье представлен историографический анализ истории бужских голендров – полиэтнической и поликонфессиональной группы лично свободных крестьян чиншевиков, проживавших на территории современных Беларуси, Польши и Украины в XVI–XX вв. Показан тематический диапазон исследований разных периодов и стран по данной теме.

Ключевые слова: историография; бужские голендры; колонии.

The article presents a historiographical analysis of the history of the Bug Holländers, a multiethnic and multi-religious group of personally free Chinshevik peasants on the territory of modern Belarus, Poland and Ukraine in XVI – 40-s XX c. The thematic range of studies of different periods and countries on this topic is shown.

Keywords: historiography; Bug Holländers; colonies.

В историческом развитии белорусских земель принимали участие представители различных этносов, конфессий, социокультурных групп. На рубеже XVI–XVII вв. на территории современного Брестского района, а также на сопредельных польских и украинских землях, в долине р. Западный Буг возникли колонии голендров – полиэтнической и поликонфессиональной группы лично свободных крестьян-чиншевиков [1, с. 4]. Они проживали в системе поселений, которые получили названия «материнские колонии» (Нейдорф и Нейбров, которые находились на территории современного Брестского района) и «дочерние колонии» (около 10 поселений на территории Беларуси, Польши и Украины). В историографии ряд авторов придерживаются версии, что первоначально жителями колоний были переселенцы из голландских земель, но в XVIII в. бужскими голендрами стали также немцы, поляки и, возможно, белорусы [2]. Более трех веков продолжалось развитие колоний, которое было прервано событиями Второй мировой и Великой Отечественной войн. В 1-й пол. 1940-х гг. поселения бужских голендров опустели [1]. До настоящего времени сохранились лишь три деревни потомков бужских голендров – пихтинских голендров в Иркутской области России, возникшие во времена реализации Столыпинской аграрной реформы [3, с. 159]. Бужские голендры являлись частью многих социально-экономических и этноконфессиональных процессов в истории Беларуси и соседних стран.

Историческое развитие колоний бужских голендров уже долгое время является предметом исторических, культурологических и этнографических изысканий. Изучением данной темы занимаются исследователи из Беларуси, России, Германии, Нидерландов, Польши и Украины. Диапазон тематики исследований охватывает широкий спектр вопросов: от этнического происхождения голендров и исторических предпосылок возникновения колоний до особенностей в развитии поселений и причин, приведших к переселению в Германию. Таким образом, цель данной работы заключается в изучении и оценке исторических исследований по истории бужских голендров, а также в определении основных этапов и направлений в изучении темы.

Одной из первых публикаций, посвященных прошлому колоний Нейдорф и Нейбров, можно считать хронику Нейдорф и Нейбров 1776 г., изданную в сборнике «*Acta conventuum et synodorum in Majori Polonia a dissidentibus celebratarum*» [4]. Данная работа посвящена истории лютеранского прихода, деятельности ее пасторов и является одним из основных первоисточников об истории бужских колоний, на который ссылаются авторы из разных стран (Э. Бютов [1], А. Хорожий [5; 6], Н. Галеткина [3] и др.). В XIX в. российский этнограф А.Г. Киркор в своем знаменитом труде «Живописная Россия» упомянул колонии бужских голендров [7, с. 15]. Отдельная заметка о голендрах была опубликована в IX томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [2]. В 1902 г. выходит статья пастора кирхи Нейдорф-Нейбров Г. Шульца, посвященная истории прихода и колоний с момента

основания и до начала XX в. [8]. Хотелось бы отметить, что все приведенные работы в настоящее время лишь отчасти можно считать научными.

В 1915 г. И. Т. Барановский в статье «Деревни голендров на польских землях» дал характеристику положению переселенцев из голландских и немецких земель в Польше в XVI–XVIII вв., к числу которых относились и бужские голендры [9]. Статью И. Т. Барановского можно считать одной из первых научных работ о голендрах Польши и других странах.

Первые исследования по истории колоний бужских голендров появились в 1920-е и 1930-е гг. в польской и немецкой историографиях, в рамках изучения истории немцев на территории межвоенной Польши. Именно в этот период времени формируются основные научные вопросы, которые до настоящего времени поднимают ученые в своих работах: проблематика этнического происхождения голендров, датировка и причины создания колоний голендров в долине р. Западный Буг, повседневная жизнь, культура и хозяйственная деятельность колонистов. Среди перечисленных тем особое место занимает вопрос об этническом происхождении голендров. Здесь следует отметить, что ряд исследователей (например, В. Куна [10]) в рамках своих научных изысканий ставили цель доказать исключительно немецкое происхождение голендров. Данные исследования должны были лечь в теоретическую основу процесса переселения колонистов в Германию в конце 1930-х – начале 1940-х гг. В противовес этой научной идее выступила предложенная пастором кирхи Нейдорф-Нейбров Э. Лодвихом концепция о кашубском происхождении жителей колоний. Ранее подобную версию происхождения бужских голендров в научных кругах не обсуждали. Концепция о кашубском происхождении так и не получила научного обоснования. Лишь в нескольких публикациях пастора и его дочери сохранились сведения о данной концепции [11].

После окончания Второй мировой и Великой Отечественной войн начался новый этап в изучении истории бужских голендров. Период характеризуется тем, что предмет исследования (колонии голендров) прекратил свое существование. Прошлое голендров – исследовательская тема ученых из различных стран, однако до 1990-х гг. лишь в Польше и Германии (в основном в ФРГ) выходили работы по данной проблематике.

В белорусской историографии исследования по истории бужских голендров впервые появились в 1990-х гг. Этот факт обусловлен тем, что именно в данный период времени Беларусь обретает государственный суверенитет, возникает интерес к новым темам о прошлом страны, в том числе и связанным с национальными и религиозными меньшинствами, локальной историей. Авторами первых работ являлись И. Кращенко, Е. С. Розенблат [7], В. В. Тугай [12] и др. Исследования белорусских ученых по тематике можно разделить на те, которые относятся к изучению голендров в контексте региональной истории Брестчины (Е. С. Розенблат [13; 14], Е. И. Пашкович [15], Н. П. Галимова [16]), и те, которые рассматривают голендров как часть немецкого этноса на белорусских землях (В. В. Тугай [12],

В. П. Пичуков [17] и др.) либо как представителей протестантизма на белорусских землях (А. С. Котлярчук [18]). Наиболее значимые работы принадлежат брестскому историку Е. С. Розенблату [7; 13; 14], который с опорой на материалы историографии и документы Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно и Государственного архива Брестской области подготовил ряд публикаций об истории колоний голендров Нейдорф и Нейбров, а также посвятил им отдельную тему в своем авторском учебно-методическом комплексе для магистрантов «Проблемы этнической истории Беларуси» [14]. Одними из ключевых идей в работах Е. С. Розенבלата являются: голландское происхождение колонистов и религиозные причины, которыми руководствовался граф Р. Лещинский при создании колоний (по мнению автора землевладелец мог поселить колонистов-лютеран в своих владениях с целью популяризации среди крестьян идей Реформации). О. П. Дмитриева в своей работе, посвященной положению национальных меньшинств на территории Беларуси в годы Первой мировой войны, опираясь на документ из фондов НИАБ в Гродно, описывает борьбу колонистов за свои имущественные права, в ходе которой представителям жителей Нейдорф и Нейбров удалось доказать свое голландское, а не немецкое происхождение местным властям [19].

Также об истории колоний Нейдорф и Нейбров пишет В. В. Тугай. В работах автора жители колоний Нейдорф и Нейбров – представители немецкого этноса [12]. В. П. Пичуков в материалах к своему спецкурсу «Малые диаспоры Беларуси в конце XVIII – 30-е гг. XX в.» приводит сведения о бужских голендрах и также дает им характеристику как представителям немецкого этноса [17]. Благодаря представленным работам видно, что в белорусской историографии есть две позиции относительно этнического происхождения голендров – немецкое и голландское.

Помимо этнической проблематики в белорусской историографии поднимаются и другие исследовательские вопросы. В работе С. А. Захаревича система самоуправления в колониях бужских голендров показывается как фактор их культурной адаптации на белорусских землях во времена Речи Посполитой [20]. Е. И. Пашкович в своем исследовании рассматривает Нейдорф и Нейбров как колонии – особый тип поселений для межвоенной Польши, а также дает сведения о численности населения [15]. О положении бужских голендров в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн пишут Н. П. Галимова и Е. С. Розенблат. В работах авторов бужские голендры – пример этнических немцев (фольксдойче) на белорусских землях. В работах Н. П. Галимовой анализируется попытка организации школьного образования у голендров в 1941–1944 гг. [16]. Е. С. Розенблат дает сведения о численности оставшихся на территории Беларуси в годы войны колонистах, а также времени и причинах переселения их в Германию [13].

Изучение истории бужских голендров на белорусских землях невозможно без анализа их религиозной жизни. Отдельных работ по данной

проблематике нет, однако общие работы по истории Реформации дают представления об историческом контексте возникновения и развития лютеранского прихода Нейдорф и Нейбров. Одной из таких работ можно считать коллективную монографию «Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем», в двух разделах которой представлен анализ истории Реформации в регионе [21]. Хотелось бы отметить, несмотря на то, что на протяжении нескольких веков голендры-лютеране образовывали крупнейшую протестантскую общину на Брестчине, упоминания о них в тексте коллективной монографии нет. В отечественной историографии есть примеры работ, где религиозная жизнь бужских голендров рассматривается в контексте других событий. К примеру, в монографии А. С. Котлярчука, анализируется положение лютеранской общины бужских голендров во времена «Шведского потопа» [18].

Бужские голендры являлись предметом исследования не только историков, но и представителей других наук. Например, в статье Е. Е. Вертейко на основе «Списка жителей Домачевской гмины за 1925 г.» представлен антропонимический анализ фамилий колонистов. Исследователь дает характеристику фамилий 1028 жителей колоний [22].

Как было сказано выше, часть бужских голендров стали столыпинскими переселенцами и в начале XX в. оказались на территории современной Иркутской области России. Долгие годы об этой малой переселенческой группе было практически неизвестно в научных кругах. В 1990-е гг. в России впервые в свет вышли публикации, посвященные истории пихтинских голендров (бужские голендры в Сибири). Российская историография истории бужских голендров тематически относится к таким направлениям исследований, как история и этнография малых народов Сибири, прошлое немцев России, история столыпинских переселенцев. Хотелось бы отметить, что несмотря на малочисленность пихтинских голендров, изучению их прошлого, этнографии и идентичности посвящены десятки публикации, а также одна диссертация. В 2012 г. в Санкт-Петербурге Н. Г. Галеткиной была защищена диссертация на соискание степени кандидата исторических наук [23]. В своей работе исследователь проводила сравнение исторического пути развития, быта и идентичности двух переселенческих групп в Иркутской области – вершинских поляков и пихтинских голендров. Диссертация стала основой для отдельной одноименной монографии. Также историк является автором значительного числа публикаций по данной проблематике. Анализ работ Н. Г. Галеткиной предпринял С. М. Исхаков [25]. Одна из статей Н. Г. Галеткиной вошла в 4-й номер журнала «Тальцы» 2004 г., который был полностью посвящен прошлому и современности пихтинских голендров [26]. Редакция журнала для тематического выпуска попросила подготовить статью об этимологии понятия «голендр» иркутского историка Б. С. Шостаковича [27]. В этом же номере журнала в статье Н. Г. Галеткиной прозвучал ответ на критику Б. С. Шостаковича на ее работы, а также были высказаны принципиальные замечания относительно исследования

оппонента [28]. В 2005 г. выходит ответ на статью Н. Г. Галеткиной [29]. Также проблематикой бужских и пихтинских голендров в России занимались М. М. Алексеева (лингвистическое изучение говора переселенцев) [30], В. В. Тихонов (вопрос музеефикации наследия голендров в Сибири) [31] и др.

В послевоенной польской историографии история бужских колонистов является частью исследований о всех группах голендров. Помимо колоний Нейдорф и Нейбров на польских землях в разное время существовало примерно 200 поселений голендров. Чаще всего польские исследователи рассматривают голендров не как пример национальных меньшинств, а как особую прослойку крестьянства, на которую распространялось действие «голландского права». В работах, посвященных истории голендров, значительное внимание уделяется таким темам, как особенности землепользования, организация и генезис поселений, антропогенное влияние колонистов на территории (мелиоративное строительство, лесонасаждения и др.), религиозная жизнь и пр. Отдельные работы о бужских голендрах были подготовлены такими авторами, как Я. Горак [32], П. Тарковский [33], К. Бем [34], И. Топп [35], А. Хорожий (потомок бужских голендров) [5; 6] и др. В 1971 г. в журнале «Polska Sztuka Ludowa» представлено исследование Я. Горака об особенностях домов бужских голендров. Значительное количество статей и источников об истории колоний Нейдорф и Нейбров было опубликовано на страницах ежегодного краеведческого журнала «Nadbużańskie Ślawatycze» [36]. Большая часть статей о голендрах, представленных в журнале, принадлежат А. Хорожему. О развитии лютеранского прихода Нейдорф и Нейбров писал К. Бем [34]. Процесс переселения бужских голендров в Сибирь и их последующая судьба стали предметом исследования И. Топп [35].

Изучение бужских голендров в украинской историографии проходит на стыке двух направлений – краеведения и истории немцев Волыни. Исследователи рассматривают исторический процесс развития колоний голендров как в рамках отдельных публикаций, так и общих, освещающих историю колонизации Волыни немцами. Основные темы публикаций – хозяйственное развитие дочерних колоний, культурная и религиозная жизнь колонистов. Еще одной темой в украинской историографии бужских голендров является процесс переселения колонистов в Германию в 1939–1940 гг. Одним из тех, кто внес вклад в изучение истории бужских голендров можно считать луцкого историка М. П. Костюка. Хотелось бы сразу отметить, что автор в своих исследованиях занимается исключительно историей бывших дочерних колоний на украинских территориях. В его работах бужские голендры рассматриваются в контексте истории немецкой колонизации Волыни в XIX – начале XX в. В ряде публикаций автора, подготовленных к 400-летию с момента создания материнских колоний (2017 г.), история колонии голендров является уже отдельным предметом исследования [37]. Также некоторые работы автора являются источниками

по истории формирования памяти о колониях. Помимо М. Костюка об прошлом дочерних колоний на Волыни писали В. Надольска [38], О. Остапук [39] и др.

В немецкой историографии наиболее частыми исследовательскими вопросами являются история немецких колоний на Волыни и проблематика переселения голендров и других немцев в Германию. В 1983 г. выходит статья Г. Герхарда о колониях бужских голендров. В 1979–1980 гг. историческим обществом немцев-волынян «Волынь» началось издание научно-популярного сборника «Wolhynische hefte» [41, с. 7–8]. Сборник выходил до 2016 г. с периодичностью один раз в два года. На страницах периодического издания публиковались исследования по истории волыньских немцев, к числу которых, по мнению авторов, относились и бужские голендры. Всего за годы издания сборника было опубликовано 10 статей об истории колоний бужских голендров, авторами которых являлись Г. Хольц [42], Г. Краус [43] и др. О процессе переселения в Германию в начале 1940 г. в своей монографии писал Х. Г. Шмидт [44]. Значительную работу по изучению бужских голендров проводит Э. Бютов (родился в колонии Забужские голендры на территории Волыни) [1, с. 3]. Автор подготовил значительное количество работ по истории бужских голендров, занимается сбором и публикацией документальных, нарративных и визуальных материалов о колониях. В основном в своих исследованиях Э. Бютов концентрирует внимание на вопросах прошлого дочерних колоний на Волыни и пихтинских голендров. Э. Бютов является председателем общества голендров Германии, которое ставит перед собой цель всестороннего изучения прошлого бужских колоний. Результат исследовательской работы общества представлен на их персональном сайте в сети Интернет [45].

Подводя итог, хотелось бы сделать несколько выводов:

1. Хронологически историографию бужских голендров можно разделить на два периода:

1) начало XX в. – 1930-е гг. В данный период времени появляются первые работы об истории колоний. Главной особенностью периода можно считать тот факт, что исследователи изучают существующие колонии;

2) 1940-е гг. – наши дни. На данном этапе исследователи изучают общины, которые прекратили свое существование. Данный период имеет смысл разделить на два подпериода:

2.1) 1940–1990-е гг. На данном этапе отдельные исследования проводят ученые в ФРГ и Польше, сбор полевых данных возможен лишь на польской части материнских колоний (в д. Мостица Дольне). Основными источниками исследования являются документы из семейных фондов бывших голендров и отдельные архивные материалы;

2.2) Второй подпериод начинается в 1990-е гг., когда исследования по истории бужских голендров выходят на новый уровень и связаны с «открытием» пихтинских голендров, началом поиска документальных свидетельств в архивах Беларуси, Украины и России.

2. Основными темами являются вопрос об этническом происхождении голендров, религиозная жизнь колонистов, хозяйственная деятельность, причины формирования дочерних колоний и переселения в Сибирь, а также переселение в Германию в 1940-е гг.

3. На основе анализа отечественной и зарубежной историографии можно прийти к выводу, что большая часть работ посвящена истории дочерних колоний на территории Волыни и поселениям пихтинских голендров в Сибири. Лишь незначительное количество работ раскрывает процесс исторического развития бужских голендров на территории Беларуси.

Список использованных источников

1. Бютов, Э. Происхождение и история бужских голендров / Э. Бютов // Талыцы: журнал. – 2004. – № 4 (23). – С. 3–22.

2. История колоний Нейдорф-Нейбров на Буге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neubrow.domachevo.com/>. – Дата доступа: 21.02.2024.

3. Галеткина, Н. Г. «Пихтинские голендры»: поиски исторической родины / Н. Г. Галеткина // Мигранты и принимающее общество в Байкальской Азии: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 159–178.

4. Historia ecclesiae Neoburchdorffensis alias Slavaticensis // Acta Conventuum et Synodorum in Majori Polonia a dissidentibus celebratarum – Wrocław: Wilhelm Gottlieb Korn, 1776. – P. 9–32.

5. Chorąży, A. Nadbużańscy Olędrzy. Rys historyczny w 400. rocznicę założenia kolonii. Die Hauländer an dem Bug. Ein geschichtlicher Überblick zum 400-jährigen Jubiläum der Ansiedlung / A. Chorąży // Spadkobiercy Reformacji. Erben der Reformation. – Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2017. – S. 79–102.

6. Chorazy, A. O nadbuzanskich olendrach z Nejdorf-Nejbrowa – pozn. Moscie Dolnych I Gornych – w dawnej polskiej prasie religijnej i świeckiej. Wybrane publikacje z lat 1885–1935 / A. Chorazy // Nadbużańskie Sławatycze. – 2015. – R. XVI. – S. 33–56.

7. Розенблат, Е. С. «Вольные голендры» на Брестчине: история колоний Нейдорф и Нейбров / Е. С. Розенблат // Личность в истории: героическое и трагическое: сб. материалов Пятой междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию исторического факультета, Брест, 23–24 ноября 2011 г. / редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Брест: БрГУ, 2012. – С. 187–192.

8. Schultz, H. Kronika zboru ewangelicko-luterskiego Nejdorfskiego [Электронный ресурс] / H. Schultz // Parafia Ewangelicko-Augsburska Świętej Trójcy w Lublinie. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/XOzllP>. – Дата доступа: 28.01.2024.

9. Baranowski, I. T. Wsie holenderskie na ziemiach polskich / I. T. Baranowski // Przegląd Historyczny. – T. 19. – S. 64–82.

10. Kuhn, W. Die Anfänge von Neudorf am Bug / W. Kuhn // Deutsche Monatshefte in Polen. – 1937/1938. – № 4(14). – P. 538–544.

11. Łodwich-Jakowiak, W. «Wierni po wsze czasy»: słowiańskie korzenie prajocow / W. Łodwich-Jakowiak // Nadbużańskie Sławatycze. – 2002. – R. III. – S. 70–77.

12. Тугай, В. В. Немецкий этнос в Беларуси (вторая половина XIX – 30-е гг. XX в.) / В. В. Тугай // Гісторыя. Праблемы выкладання. – 1998. – № 1. – С. 16–22.

13. *Разянблат, Я. С.* Акупацыйны рэжым на тэрыторыі Брэстскага раёна / Я. С. Разянблат // Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Брэсцкага раёна / уклад. Г. К. Кісялёў [і інш.]; пад рэд. Г. К. Кісялёва. – Мінск: БЕЛТА, 1998. – С. 178–185.
14. *Розенблат, Е. С.* Проблемы этнической истории Беларуси: учеб.-метод. комплекс для студентов второй ступени высшего образования (магистратура) исторического факультета специальности «История» / Е. С. Розенблат. – Брест: Изд-во БрГУ имени А. С. Пушкина, 2020. – 163 с.
15. *Пашкович, Е. И.* Сельские поселения Полесского воеводства в 1920-е годы: административно-территориальное устройство, демографическая структура / Е. И. Пашкович // Ученые записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 3. – С. 46–52.
16. *Галимова, Н. П.* События Великой Отечественной войны на территории Брестской области / Н. П. Галимова // Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў (да 75-годдзя Вялікай Перамогі): зб. навук. артыкулаў / Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны; рэдкал.: М. М. Мязга (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – С. 110–117.
17. *Пичуков, В. П.* Малые диаспоры беларуси (конец XVIII – 30-е годы XX в.): учеб.-метод. комплекс для студентов специальности «История» / В. П. Пичуков. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф. Скарына, 2010. – 76 с.
18. *Kotljarchuk, A.* In the shadows of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century / A. Kotljarchuk. – Södertörns högskola, 2006. – 360 p.
19. *Дмитриева, О. П.* Положение национальных общностей Беларуси в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / О. П. Дмитриева // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2013. – № 2. – С. 53–61.
20. *Захаркевич, С. А.* Сравнительный анализ адаптивного потенциала этнических меньшинств Беларуси в XIV–XVIII вв. / С. А. Захаркевич // Актуальные вопросы антропологии. Сборник научных трудов. – Вып. 8. – С. 245–255.
21. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. В. Гурко [и др.]; под ред. А. В. Гурко. – Минск: Белорусская наука, 2020. – 622 с.
22. *Вертейко, Е. Е.* Именник брестских «голендров» (жителей колоний Нейдорф и Нейбров) в 1-й половине XX в. / Е. Е. Вертейко // Весці БДПУ. – Сер. 1. – 2015. – № 4. – С. 59–63.
23. *Галеткина, Н. Г.* Этническая идентичность локальных переселенческих групп: «вершининские поляки» и «пихтинские голендры»: дис. ... канд ист. наук: 07.00.07 / Н. Г. Галеткина. – СПб., 2012. – 233 л.
24. *Галеткина, Н. Г.* Пихтинские голендры и вершининские поляки: Очерки по этничности сибирских переселенцев / Н. Г. Галеткина. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 224 с.
25. *Исхаков, С. М.* Голландцы в России XVIII–XX вв. / С. М. Исхаков // Исторический вестник. – 2013. – Т. 5. – № 152. – С. 234–249.
26. Тальцы: журнал. – 2004. – № 4 (23). – 128 с.
27. *Шостакович, С. Б.* Голендры: этимология термина и понятия / С. Б. Шостакович // Тальцы: журнал. – 2004. – № 9. – С. 23–35.

28. Галеткина, Н. Г. Несколько замечаний в ответ на критику / Н. Г. Галеткина // Тальцы: журнал. – 2004. – № 4 (23). – С. 36–38.
29. Шостакович, С. Б. Несколько вынужденных реплик принципиального характера по поводу замечаний неожиданного моего оппонента / С. Б. Шостакович // Тальцы: журнал. – 2005. – № 3 (26). – С. 65–72.
30. Алексеева, М. М. Вариативность в говоре пихтинских голендров / М. М. Алексеева // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г. Труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. – С. 197–199.
31. Тихонов, В. В. Перспективы сохранения этнокультурного наследия этнической группы голендров в Предбайкалье / В. В. Тихонов // Омский научный вестник. – 2014. – № 1 (125). – С. 233–237.
32. Gorak, J. Holenderskie domy nad Bugiem / J. Gorak // Polska Sztuka Ludowa. – T. 25. – Z. 1. – S. 29–38.
33. Tarkowski, P. Neydorf i Neybrow – daw ne osady holenderskie nad Bugiem / P. Tarkowski // Drohiczyński Przegląd Naukowy: wielokulturowe studia Drohiczyńskiego Towarzystwa Naukowego. – 2014. – № 6. – S. 439–450.
34. Bem, K. Worshipping Together or Just under One Roof? Reformed and Lutheran Church Agreements in Poland in the Early Seventeenth Century/ K. Bem // Searching for Compromise? Interreligious Dialogue, Agreements, and Toleration in 16th–18th Century Eastern Europe. – Boston: Brill, 2023. – P. 110–137.
35. Topp, I. Syberyjskie losy «nadbużańskich olędrow» / I. Topp. // Wrocławskie Studia Wschodnie. – 2009. – T. 13. – s. 51–66
36. Костюк, М. П. Німецькі колонії на Волині (XIX – початок XX ст.) / М. П. Костюк. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2003. – 384 с.
37. Костюк, М. П. Ювілей Бузьких голендрів: 400-річчя заснування перших колоній на Західному Бузі / М. П. Костюк // Питання німецької історії: зб. наук. пр. / відп. ред. Н. В. Венгер. – Дніпро: РВВ ДНУ, 2017. – С. 105–114.
38. Надольска, В. Забузькі голендри на Волині: походження, господарство, культура / В. Надольска // Краєзнавство. – 2013. – №1. – С. 167–172.
39. Остапюк, О. Голландці на Любомльщині / О. Остапюк // Актуальні проблеми географії, екології, історії Великої Волині. Науковий збірник «Велика Волинь». – Житомир, 2003. – С. 284–287.
40. Richter, G. Die Kirchengemeinde Neudorf-Neubrunn am Bug // Der Heimatbote. – 1983. – № 9. – S. 8
41. Родина Волинь: Статті и воспоминания о жизни и деятельности немцев на территории Житомирской, Ровенской и Волинских областей Украины / сост. Н. А. Арндт, Г. П. Мокрицкий. – Визентхайд – Житомир: Изд-во «Волинь», 1998. – 212 с.
42. Helmut, H. Die Bughaulander: Erste Protestanten Ost-polens / H. Helmut // Wolhynische Hefte. – 1990. – F. 6. – S. 52–55.
43. Rause, G. Kolonien Jamki, Janowka, Karolinowka, Mieczyslawow, Neudorf, Oluka – Pläne, Einwohnerlisten / G. Rause // Wolhynische Hefte. – 1990. – F. 6. – S. 162–169.
44. Schmidt, H. K. In Ängsten – und siehe, wir leben. Lebenserinnerungen eines Wolhynienpfarrers 1909–2009 / H. K. Schmidt. – BoD Norderstedt: BoD Norderstedt, 2016. – 376.

45. Mutterkolonie Neudorf und Tochterkolonien Bugholendry e.V. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bugholendry.de/>. – Дата доступа: 18.02.2024.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

Е. И. Головач

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилев

E. Golovach

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

УДК 94(470)"1894/1917"

ОБСУЖДЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ УКАЗА 9 НОЯБРЯ 1906 Г.: ПОЗИЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ

DISCUSSION IN THE STATE DUMA AND THE STATE COUNCIL OF THE DECREE OF NOVEMBER 9, 1906: POSITIONS OF REPRESENTATIVES OF THE BELARUSIAN PROVINCES

Статья посвящена обсуждению в Государственной думе третьего созыва и Государственном совете программы аграрных преобразований П. А. Столыпина. Ему предшествовала дискуссия в обществе и правительстве, посвященная проблеме сохранения или ликвидации сельской общины. Отмечено, что в обеих палатах российского парламента присутствовали как сторонники, так и противники принятия указа 9 ноября 1906 г. Особое внимание уделяется анализу выступлений представителей белорусских губерний, в частности членов либеральных и правых партий, стремившихся путем продуктивной законотворческой деятельности улучшить положение крестьянской части населения.

Ключевые слова: аграрная реформа; указ 9 ноября; Государственная дума; Государственный совет; депутаты; белорусские губернии; либеральные и правые партии.

The article is devoted to the discussion in the State дума of the third convocation and the State council of the program of agrarian transformations of P.A. Stolypin. It was preceded by a public and governmental debate on the issue of preserving or eliminating the rural community. It is noted that in both chambers of the Russian parliament there were supporters and opponents of the decree of November 9, 1906. Special attention is paid to the analysis of speeches of representatives of Belarussian provinces, in particular members of liberal and right-wing parties, who sought to improve the situation of the peasant part of the population through productive lawmaking.

Keywords: Agrarian reform; November 9 decree; State дума; State council; deputies; Belarussian provinces; liberal and right-wing parties.

Нерешенность аграрного вопроса в Российской империи в начале XX в. обусловила поиск путей его решения правительством, политическими партиями и отдельными представителями общества. Свою программу преобразований в России, получившую название модернизации, предложил

председатель Совета министров П. А. Столыпин. Одним из основных нормативных документов, воплощающим его позицию по проведению аграрной реформы, являлся указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования» (9 ноября 1906 г.).

Принятие данного указа о выходе крестьян из общины разрушало вековой порядок сельскохозяйственных отношений, т. е. домашний быт, семейный уклад, воззрения и привычки крестьянской части населения. Он предоставлял возможность каждому члену сельского общества закрепить находящуюся в его пользовании наделенную землю в личную собственность [1, с. 11]. По мнению П. А. Столыпина, существование общины препятствовало формированию в деревне среднего класса, а также не давало возможности заложить основы гражданского общества и правового государства.

Указ 9 ноября 1906 г. был передан в земельную комиссию Государственной думы 8 ноября 1908 г., и на протяжении 10 заседаний (с 23 октября по 22 ноября 1908 г.) проходило его обсуждение в общем собрании [2, с. 17].

Во время одного из первых заседаний Государственной думы третьего созыва (16 ноября 1907 г.) перед ее членами выступил председатель Совета министров П. А. Столыпин с изложением декларации правительства, главное внимание в которой уделялось решению аграрного вопроса. При этом он обозначил, что ни беспорядочная раздача земель, ни прекращение крестьянских выступлений, благодаря каким-либо незначительным уступкам, не помогут изменить ситуацию в лучшую сторону. В связи с этим П. А. Столыпин определил основные направления, осуществление которых является «вопросами бытия русской державы»: создание мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода из общины, разрешение вопросов улучшенного землепользования [3, с. 62].

В ответ на речь премьер-министра высказали свои суждения представители ведущих фракций Государственной думы.

Члены партии мирного обновления, анализируя содержание указа 9 ноября, давали ему следующую оценку: при полной или частичной ликвидации общины произойдет быстрая мобилизация земли, т. е. единственно возможными субъектами населения будут отдельные лица. В результате разрешение аграрного вопроса затянется на долгие годы [4, л. 31].

В свою очередь представители Конституционно-демократической партии отмечали, что указ 9 ноября является ловким ходом кабинета П. А. Столыпина, а его принятие выгодно меньшинству крестьянской части населения. Кадеты опасались, что не оправдаются расчеты правительства, усматривая взаимосвязь между упразднением общины и истоками аграрного движения в России. По их мнению, причины крестьянских выступлений заключаются не в существовании общины, а в противостоянии между крестьянским и помещичьим землевладением [4, л. 31].

В общих прениях по данному вопросу принимало участие 40 крестьян, из которых 22 причисляли себя к правам, 5 – к октябристам, 6 – к разным

умеренным группам, 7 – к левым. Такое распределение крестьянских ораторов по партиям не вполне соответствовало их отношению к общине. Следует отметить, что как среди правых крестьян, так и среди октябристов встречались противники и сторонники указа 9 ноября. Однако большинство крестьян с правой стороны и из центра стояли за свободу выхода из общины, т. е. за указ 9 ноября 1906 г. [5, с. 15].

Большинство белорусских депутатов положительно отнеслись к принятию закона 9 ноября 1906 г. Так, в речи правого крестьянина М. К. Ермолаева (Витебская губерния) делался акцент на то, что община имеет принудительный характер и тормозит улучшение хозяйства [6, с. 15]. По его мнению, вред общины заключается и в том, что она «простирает свои претензии на личность» [5, с. 16]. Свою точку зрения он объяснял наличием в России чересполосицы, когда крестьянский надел «немыслимо даже проехать с бороной» [5, с. 16].

Умеренно-правый крестьянин А. Ф. Кучинский (Минская губерния) утверждал, что община препятствует приобретению крестьянами-общинниками земли. Витебский депутат В. Г. Амосенок (умеренно-правый) приветствовал закон 9 ноября. В свою очередь представитель Минской губернии А. Н. Наливайко (умеренно-правый), обращая внимание на невыгодное наделение крестьян землей, также высказывался за немедленное принятие этого указа.

Однако были и разочарованные законом. Так, русский националист Ф. Т. Шевцов (Могилевская губерния) заявил по поводу содержания указа 9 ноября, что «не того крестьяне ожидали» [7, с. 69]. По его мнению, переселение крестьян на хутора связано с большими расходами, поэтому необходимо «образовывать народ, чтобы завести культуру, а как образовать народ при расселении на хутора?» [7, с. 69–70]. В заключение своей речи Ф. Т. Шевцов отметил, что без наделения малоземельных и безземельных крестьян землей невозможно достигнуть мирного положения [8, с. 64]. В качестве примера он приводил Могилевскую губернию, в которой еще до принятия указа 9 ноября крестьяне выходили из общины. В связи с этим представитель фракции русских националистов констатировал, что, с одной стороны, данный закон нужен, а с другой – нет. Несмотря на все свои сомнения, могилевский депутат выступал за то, что закон «безусловно надо принять» [5, с. 24].

Позиция октябриста С. А. Шидловского заключалась в том, что указ 9 ноября представляет собой естественное продолжение и развитие начал, которые были заложены при отмене крепостного права в 1861 г. [9, с. 3]. В своей речи, приветствуя принятие данного указа, депутат отмечал, что целью обсуждаемого законопроекта является развитие частного землевладения, а также создание необходимых условий для улучшения культуры и разрешения аграрного вопроса [10, л. 31].

Прения по закону 9 ноября заняли в Государственной Думе много времени. До 15 ноября высказалось более 50 ораторов, а затем время

выступления было ограничено 10-минутным сроком. И только благодаря тому, что в последнем заседании многие из депутатов отказались выступать с думской трибуны, прения по этому вопросу не затянулись еще на долгое время [10, л. 31].

От имени фракции правых выступил представитель Могилевской губернии епископ Митрофан. Придавая общину «изначальным явлением в русской истории», он придавал ей значение «лучшей школы для выработки чувств взаимопомощи, солидарности и братства» [11, с. 54]. Одним из преимуществ общины могилевский депутат считал удобство, которое связано с тем, что учителя имеют возможность оказывать просветительское воздействие не только на отдельных представителей общества, но и на все население в целом [5, с. 54]. В ходе своих рассуждений епископ Митрофан пришел к убеждению, что с целью улучшения быта русских крестьян не только полезно, но даже необходимо заимствовать опыт западноевропейских стран. Крестьянин будет знать, что его труд не пропадет бесследно, а также научится ценить чужую собственность. Такие выводы епископ Митрофан сделал на основе собственных наблюдений во время поездок по епархии. Так, в Могилевской губернии еще до принятия указа 9 ноября небольшими участками земли владели латыши из Остзейского края. Местное население, видя перед собой наглядный пример получения хорошего урожая, начало более охотно переходить на хуторское хозяйство. По мнению представителя фракции правых, примерно через 2–3 года Могилевская губерния будет готова перейти на хуторскую систему, в то время как большая часть Витебской губернии уже перешла к ней [5, с. 54–55]. Таким образом, содержание выступления епископа Митрофана определяло позицию правых партий по данному вопросу: не разрушать сельскую общину, однако оказывать содействие крестьянам, которые хотят из нее выйти [9, с. 4].

Представитель Могилевской губернии В. Ф. Голынец (умеренно-правый) свои рассуждения по вопросу о принятии указа 9 ноября 1906 г. завершил выводом о том, что ораторы всех думских фракций единогласно высказываются за то, что новый законопроект послужит толчком к раскрепощению крестьян, к переходу от подворного или общинного землевладения к отрубному, хуторскому. Аналогичной точки зрения придерживался преподаватель минской гимназии И. Я. Павлович (октябрист) [5, с. 56]. Свою речь он завершил глубоким убеждением в том, что закон 9 ноября будет иметь такое же громадное значение, как и Манифест 19 февраля 1861 г., поэтому «по истине неблагодарная задача оппозиционных партий бороться с правительством именно на почве этого закона» [5, с. 57].

По мнению протоиерея Ф. И. Никоновича (Витебская губерния, правый), принятие указа 9 ноября 1906 г. поможет решить земельный вопрос, что в свою очередь повлияет на уничтожение чересполосицы [8, с. 61]. Русский националист В. К. Тычинин (Гродненская губерния) с целью решения проблемы малоземелья предложил начать осваивать новые земли в Западной Сибири, Туркестане, Закавказье. По его мнению, не только правительство,

но и местные общественные учреждения должны заняться проведением мероприятий, направленных на окультуривание болотистых, песчаных, покрытых ярами земель, что также будет способствовать решению аграрного вопроса [8, с. 61–62].

В целом же отношение монархистов к столыпинским преобразованиям в аграрной сфере было неоднозначным. Крайне правые (СРН, а с декабря 1911 г. – ВДСРН) поддержали П. А. Столыпина в проведении государственной переселенческой политики, однако отстаивали точку зрения, согласно которой необходимо сохранить общинное землепользование в России. В свою очередь центристы и умеренно-правые одобрили большинство нововведений в аграрном секторе, предложенных П. А. Столыпиным.

Споры, развернувшиеся вокруг указа 9 ноября 1906 г. в Государственной думе, продемонстрировали сущность позиций депутатов от белорусских губерний по важнейшему вопросу общественно-политической жизни страны. Ярким примером реализации на практике указанного законопроекта являлся тот факт, что в Витебской губернии в период со времени обнародования закона 9 ноября 1906 г. по 1 июня 1909 г. поступило 15 126 заявлений о выходе из общины. Всего же от общинного к личному землевладению в губернии перешло в полном составе 216 деревень, а к отрубному хозяйству – 21 деревня [12, с. 4].

Весной 1909 г. проект закона «Об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землепользования» поступил в верхнюю палату российского парламента – Государственный совет, где рассматривался с 17 октября 1909 г. по 30 апреля 1910 г. [13, с. 74]. Для обсуждения законопроекта 20 октября 1909 г. была создана Особая комиссия из 30 членов, председателем которой был избран князь П. Н. Трубецкой [13, с. 75]. На заседании 17 октября 1909 г. он отметил, что при образовании комиссии ставилась задача всестороннего рассмотрения вопросов, затронутых в законопроекте, этим и обусловлено привлечение к участию в его предварительном рассмотрении значительного числа членов Государственного совета (изначально 18 человек, позже цифра была увеличена до 24, а затем – 30) [14, стлб. 13].

В работе Особой комиссии принимали участие представители ведомств и члены Государственного совета, а к обсуждению отдельных вопросов привлекались видные члены Государственной думы, ученые и специалисты [13, с. 75].

В состав Особой комиссии входил землевладелец Гродненской губернии К. Г. Скирмунт (один из создателей и руководителей Краевой партии Литвы и Беларуси) [14, стлб. 23]. Выступая в поддержку аграрной политики П. А. Столыпина, он в заседании 18 марта 1910 г. отметил, что целью принятия указа 9 ноября 1906 г. является облегчение и ускорение перехода от крестьянского общинного землепользования к крестьянскому землевладению на правах частной и личной собственности. По мнению К. Г. Скирмунта, «у кого собственности нет, тот не ценит собственности чужой, а собственник

по природе своей консервативен» [14, стлб. 1331–1332]. В связи с этим главная задача государства заключается в том, чтобы создать крестьян-собственников, способных быть предусмотрительными и инициативными хозяевами. Подводя итог всему вышесказанному, гродненский представитель сделал вывод о необходимости как можно быстрее провести аграрную реформу, которая будет способствовать культурному и нравственному развитию крестьянской части населения, а также улучшению производительности крестьянского хозяйства [14, стлб. 1332–1333].

В прениях в заседании 27 марта 1910 г. принимал участие землевладелец Витебской губернии С. И. Лопацинский (член бюро группы Центра). В самом начале своей речи он отметил, что не является сторонником ни общинного, ни семейного владения, а наоборот выступает за личную крестьянскую собственность. Свою точку зрения он объяснял тем, что существование сословного неравенства в обществе оказывает негативное влияние на благосостояние Российского государства. Приводя в качестве примера Витебскую губернию, он указывал на то, что в ней в одной части существует подворное владение, а в другой части – общинное владение. На территории с подворным землепользованием ему неоднократно приходилось выступать в качестве защитника отцов против детей, которые вмешивались в права своих родителей при распределении земельных участков. В связи с этим он выступал с инициативой, чтобы на государственном уровне были приняты меры, ограждающие частную собственность у крестьян, как это уже сделано для дворянского сословия [14, стлб. 1679].

Членами Государственной думы были сделаны две поправки к законопроекту «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования». Наибольшее разногласие в Особой комиссии, а затем и в Государственном совете вызвала первая поправка к указу 9 ноября, состоящая из 8 статей (так называемый «отдел первый»). Главное внимание в ней было сосредоточено на статье, предлагавшей укрепить в личную собственность крестьянские наделы во всех общинах, в которых не производились общие переделы земли на протяжении последних 24 лет [5, с. 81]. Вторая поправка касалась укрепления излишков, однако осуществление данного предложения правительство считало по взаимному соглашению, а при отсутствии такового по оценке волостного суда, неприемлемым [5, с. 92].

В свою очередь меньшинством Особой комиссии Государственного совета были обозначены две поправки: 1) по вопросу личной и семейной собственности, 2) по вопросу о предоставлении обществам преимущественных прав к приобретению продаваемых домохозяевами наделных земель. При их обсуждении в Особой комиссии голоса разделились почти поровну [3, с. 108–111].

Законопроект был передан Государственным советом в согласительную комиссию, которая исключила пункт об упразднении общин там, где не проводились переделы более 24 лет. Кроме того, была установлена процедура

выявления личности домохозяина, если возникала спорная ситуация. В таком виде 2 июня 1910 г. Государственная дума одобрила законопроект, а уже 10 июня его поддержал Государственный совет [3, с. 114].

Таким образом, законодательный проект «Об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения» (указ 9 ноября 1906 г.) после утверждения обеими палатами российского парламента – Государственной думой и Государственным советом – 14 июня 1910 г. был подписан императором Николаем II. При его обсуждении в Думе и Совете принимали активное участие представители ведущих фракций белорусских губерний, которые высказали весьма неоднозначные позиции по поводу осуществления столыпинских аграрных преобразований, направленных на разрушение общинной формы собственности и закрепление частной крестьянской собственности на землю, решение вопроса крестьянского малоземелья и создания крепкого класса крестьян – земельных собственников.

Список использованных источников

1. Чупров, А. И. По поводу Указа 9 ноября 1906 г. / А. И. Чупров. – М.: Издание М. и Э. Сабашниковых, 1908. – 102 с.
2. Ососов, А. Земельный вопрос в 3-ей Государственной думе / А. Ососов. – СПб.: Книгоиздательство «Труд и польза», 1913. – 899 с.
3. Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы / Федеральное собрание Российской Федерации, Государственная дума; под общ. ред. С. Е. Нарышкина. – М.: Издание Государственной Думы, 2012. – 228 с.
4. О деятельности политических партий России // РГИА. – Ф. 1470. Оп. 1. Д. 254. Январь. Ч. I.
5. Герье, В. Второе раскрепощение. Общие прения по указу 9 ноября 1906 года в Государственной думе и в Государственном совете / В. Герье. – М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1911. – 232 с.
6. Герье, В. Второе раскрепощение. Общие прения в 3-ей Государственной Думе по указу 9 ноября 1906 г. / В. Герье. – М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1910. – 69 с.
7. Головач, Е. И. Деятельность представителей либеральных и монархических политических партий от белорусских губерний в земельной комиссии III Государственной думы Российской империи / Е. И. Головач // Романовские чтения – 12: сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 23–24 нояб. 2016 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – С. 69–71.
8. Забаўскі, М. М. Аграрнае пытанне ў Расійскай Дзяржаўнай думе III склікання і пазіцыі дэпутатаў ад Беларусі (1907–1912) / М. М. Забаўскі // Весн. Беларус. дзярж. пед. ун-та. – 1998. – № 1. – С. 59–70.
9. Государственная Дума в России. Заседание 23-го октября // Колокол. – 1908. – 25 окт. – С. 3–4.
10. Вырезки из газетных статей и заметок о законе 9 ноября. 1907–1909 гг. // РГИА. – Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1071.

11. Прения по указу 9 ноября 1906 года в Государственной думе. – СПб., 1911. – 76 с.
12. Земская жизнь // Земщина. – 1909. – 15 июня. – С. 4.
13. Бородин, А. П. Государственный совет и указ 9 ноября 1906 года (Из истории аграрной реформы Столыпина) / А. П. Бородин // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 74–89.
14. Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1909–1910 годы. Сессия V. Заседания 1–64 (10 октября 1909 г. – 17 июня 1910 г.). – СПб.: Государственная типография, 1910. – 4096 стлб.

(Дата подачи: 26.02.2024 г.)

К. Д. Даўматовіч
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

K. Daumatovich
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(474/476 ВКЛ):930(4–11)«18/19»+328(474/476 ВКЛ)

**ВЫВУЧЭННЕ ПАРЛАМЕНТАРЫЗМУ
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА НА КАФЕДРЫ ГІСТОРЫІ
БЕЛАРУСІ СТАРАЖЫТНАГА ЧАСУ І СЯРЭДНІХ ВЯКОЎ
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА:
ДА 30-ГАДОВАГА ЮБІЛЕЮ КАФЕДРЫ**

**STUDYING PARLIAMENTARISM OF THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA AT THE DEPARTMENT OF HISTORY
OF BELARUS IN ANCIENT TIMES AND THE MIDDLE AGES
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY:
TO THE 30TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT**

У артыкуле адзначаецца ўклад супрацоўнікаў кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ ў развіццё беларускай гістарыяграфіі за апошнія 30 год. Паказана роля першага загадчыка кафедры П. А. Лойкі ў складванні даследчага напрамку ў беларускай гістарычнай навуцы – гісторыі парламентарызму Вялікага Княства Літоўскага. Зроблена выснова аб афармленні і функцыянаванні персанальнай навуковай школы П. А. Лойкі. Таксама адзначана роля У. А. Падалінскага ў далейшай распрацоўцы праблематыкі парламентарызму Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: кафедра гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; Вялікае Княства Літоўскае; парламентарызм; сойм; беларуская гістарыяграфія.

The article notes the influence of the staff of the Department of History of Belarus of Ancient and Middle Ages of BSU in the development of Belarusian historiography over the last 30 years. The role of the first head of the Department, P. A. Lojka, in the development of the research direction – the history of parliamentarism of the Grand Duchy of Lithuania is shown. A conclusion is made about the design and functioning of the personal scientific school

of P. A. Lojka. The role of U. A. Padalinski in the further development of the problems of parliamentarism of the Grand Duchy of Lithuania was also noted.

Keywords: Department of History of Belarus of Ancient Times and Middle Ages; Belarusian State University; Grand Duchy of Lithuania; parliamentarism; Sejm; Belarusian historiography.

Вялікае Княства Літоўскае з'яўляецца неад'емнай часткай гісторыі Беларусі. Працяглы час ВКЛ было «падзелена» паміж гісторыяй Польшчы і гісторыяй Расіі і ўвогуле не ўяўлялася як гісторыя, якая можа быць належнай іншым нацыям. Нават калі ў канцы XIX – пачатку XX ст. сярод беларусаў адбываўся сапраўдны нацыянальны «рэнесанс», акадэмічная супольнасць не змяніла сваіх поглядаў. У пэўнай меры гэта звязана з тым, што ў Беларусі на той момант не існавала адукацыйных і навуковых цэнтраў. Быў зачынены Віленскі ўніверсітэт, а беларуская моладзь была вымушана атрымліваць адукацыю па-за межамі Радзімы (у Маскве, Санкт-Пецярбургу, Кіеве і інш.). Аднак сітуацыя кардынальна змянілася ў канцы 1910-х – пачатку 1920-х гг., калі была аформлена беларуская дзяржаўнасць на сацыялістычнай аснове. У 1921 г. у Савецкай Беларусі была адкрыта першая класічная вышэйшая навучальная ўстанова – Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Тады ж навуковымі коламі былі зроблены першыя спробы стварэння нацыянальнага гістарычнага наратыву, арганічнай часткай якога была і гісторыя ВКЛ [1, с. 52–53; 2–4]. Аднак доўгі час, нават пасля адкрыцця ў 1934 г. гістарычнага факультэта, ва ўніверсітэце не існавала вузкасפעцыялізаванай структуры, якая б займалася пытаннямі айчынай ВКЛістыкі. У 1936 г. была створана кафедра гісторыі СССР і БССР. Ужо ў 1958 г. была вылучана кафедра гісторыі БССР, якая займела сваё праблемнае і храналагічнае поле – сацыяльная гісторыя ВКЛ XVII–XVIII стст.

Пасля афармлення незалежнасці Рэспублікі Беларусь у пачатку 1990-х гг. пытанні айчынай гісторыі набылі яшчэ большую актуальнасць. Сталі даступны дасягненні замежнай медыявістыкі, а гісторыя ВКЛ стала асобным этапам айчынай гісторыі [5]. Ва ўмовах навуковага плюралізму стала магчымым вывучэнне новых праблем, сярод якіх вылучыўся накірунак сацыяльна-палітычнай гісторыі Вялікага Княства. Усё гэта прывяло да таго, што ў 1994 г. на гістарычным факультэце БДУ на базе рэарганізаванай кафедры гісторыі БССР была створана кафедра гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў (далей – кафедра), якую ўзначаліў Павел Алегавіч Лойка. Больш за тое, планавалася адкрыць спецыялізацыю «Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага». Варта адзначыць, што верхняя храналагічная мяжа кафедры дасягае канца XVIII ст. як сімбіёз марксісцкай перыядызацыі і новамоднай на той час ідэі «доўгага Сярэднявечча» Жака Ле Гофа. У 1990-я гг. на кафедры працавалі Аляксандр Пятровіч Ігнаценка, Уладзімір Пятровіч Емельянчык, Леанід Аляксандравіч Жылуновіч, Уладзімір Аркадзевіч Сосна, Юрый Леанідавіч Казакоў і інш. [6, с. 197; 7, с. 422–423].

З 1990-х гг. супрацоўнікі кафедры прынялі ўдзел у стварэнні нацыянальнага гістарычнага наратыву Беларусі. Першая спроба была рэалізавана

ў выданні «Нарысы гісторыі Беларусі» ў дзвюх частках. Менавіта тады адбыліся першыя спробы распрацаваць «белыя плямы» беларускай гісторыі перыяду ВКЛ, якія закраналі ў асноўным палітычную тэматыку, у тым ліку і праблему парламентарызму.

У «Нарысах» П. А. Лойка пры разглядзе праблем Люблінскай уніі 1569 г. і палітычнага палажэння ВКЛ пасля яе заключэння закранаў шэраг парламентарскіх сюжэтаў («абозны сойм» 1562 г. пад Віцебскам, рэформы 1560-х гг., пасяджэнне Люблінскага сойма 1569 г.) [8, с. 132–137]. Акрамя гэтага, у «Нарысах» У. П. Емельянчык сумесна з П. А. Лойкам распрацавалі праблему палітычнага крызісу ў Рэчы Паспалітай. У гэтым кантэксце яны закраналі шэраг парламентарысцкіх сюжэтаў другой паловы XVII – XVIII ст., якія раскрываюць прычыны падзелаў дзяржавы Абодвух народаў (права *liberum veto*, пастанова 1673 г. аб кожным трэцім пасяджэнні сойма ў межах ВКЛ, пытанні дысідэнтаў, спробы рэфармавання дзяржаўнага ладу ў 1764 і 1788–1792 гг., апошняе пасяджэнне сойма РП у 1793 г.) [9, с. 230–237]. Дадаткова У. П. Емельянчык у кнізе «Паланэз для касінераў: (3 падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі)» тэматыку парламентарызму закранаў у рэчышчы паўстання Т. Касцюшкі. Перш за ўсё акцэнт быў зроблены на пастановах Чатырохгадовага (Вялікага) сойма 1788–1792 і Гарадзенскага сойма 1793 гг., якія ў наступстве мелі ўплыў на падзеі 1794 г. [10, с. 4–10, 23–24, 34, 57, 84, 124, 126–127, 144–145, 156]. Дарэчы, гэта праца атрымала высокую ацэнку сярод калег [11].

Першыя спробы стварэння нацыянальнага гістарычнага наратыву ажыццяўляліся ў пэўным сэнсе ў «экстрэмальных» умовах, калі ад навуковага асяроддзя патрабавалася ў кароткі тэрмін напісаць гісторыю Беларусі. Таму шэраг праблем, у тым ліку парламентарызм ВКЛ, быў разгледжаны даволі агульна. Адсюль адразу паўстала патрэба ў дапрацоўцы нацыянальнай гісторыі ў 2000-х гг., тым больш што беларуская гістарыяграфія дадала распрацоўку многіх тэм з гісторыі ВКЛ. Тады быў рэалізаваны вялікі навуковы праект па стварэнні і выданні шасцітомнай «Гісторыі Беларусі», у напісанні якой актыўны ўдзел прынялі супрацоўнікі кафедр.

У «Гісторыі Беларусі» у 6 тамах (Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага) П. А. Лойкам была вылучана асобная праблема органаў саслоўнага прадстаўніцтва і ўлады. У яе межах навуковец паказаў эвалюцыю соймавай практыкі ў ВКЛ. Адзначалася, што сойм з’явіўся ў канцы XV ст. (у выданні абдрукоўка «ў канцы XVI ст.») як неабходнасць пашырэння сацыяльнай апоры вярхоўнай улады Вялікага Княства. Быў акрэслены склад сойма, у які ўваходзілі паны радныя, службовыя асобы цэнтральнага і мясцовага дзяржаўнага апарату, а таксама шляхта ўсіх зямель княства. Вучоны абазначыў змены ў соймавым прадстаўніцтве, якія адбыліся ў 1512 і 1565 гг. Акрамя гэтага, П. А. Лойка паказаў геаграфію соймавых пасяджэнняў у ВКЛ, многія з якіх адбыліся ў беларускіх гарадах [12, с. 386–387].

Ужо ў наступным томе «Гісторыі Беларусі» (Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай) У. П. Емельянчык у межах шырокай тэмы палітычнага крызісу Рэчы Паспалітай вылучыў шэраг проблем, у тым ліку звязаных з гісторыяй парламентарызму. Так, навуковец у працэсе разгляду грамадзянскай вайны ў ВКЛ у канцы XVII – пачатку XVIII ст. закранаў пытанні права *liberum veto* і яго ўплыву на працу сойма, фарміравання магнацкіх груповак і кліентэльных адносін, ролі асобных пасяджэнняў соймаў падчас унутрыпалітычнага канфлікту [13]. Больш за тое, У. П. Емельянчык раскрыў тэму грамадска-палітычнага жыцця ў Рэчы Паспалітай у другой палове XVIII ст. У гэтым кантэксце была паказана роля асобных соймаў у працэсе дзяржаўных пераўтварэнняў на пачатку праўлення Станіслава Аўгуста Панятоўскага (напрыклад, соймы 1764 і 1766 гг.), а таксама роля дысідэнцкага пытання, якое стала першачарговым на сойме 1767–1768 гг. [14, с. 209–210]. Асобную ўвагу навуковец надаў дзейнасці Чатырохгадовага (Вялікага) сойма 1788–1792 гг. Былі паказаны этапы яго рэфарматарскай дзейнасці, апагеем якой з’яўлялася прыняцце Канстытуцыі 3 мая 1791 г. [14, с. 230–237]. У кантэксце першага і другога падзелаў Рэчы Паспалітай гісторык адзначыў соймы 1773–1775 і 1793 гг., якія юрыдычна аформілі тэрытарыяльныя і палітычныя змены ў дзяржаве [14, с. 227–229, 243–245]. Акрамя гэтага, У. П. Емельянчык удзельнічаў у міжнародных навуковых праектах, у якіх так ці інакш закраналася гісторыя парламентарызму ВКЛ [15].

Калі казаць пра персанальныя даследаванні, то трэнд на вывучэнне палітычнай гісторыі ВКЛ у Беларусі заклаў першы загадчык кафедры П. А. Лойка. Першапачаткова ён атаясамляўся як даследчык сацыяльна-эканамічнай гісторыі Вялікага Княства, праблематыка якой дамінавала ў савецкія часы, асабіста ў асяродках даследчыкаў эпохі феадалізму ў БДУ і Інстытуце гісторыі АН БССР. Найчасцей гэта тэматыка ў навуковым дыскурсе савецкай гістарыяграфіі прадстаўлялася ў дыхатаміі «сяляне vs шляхта». Аднак ва ўмовах 1990-х гг. П. А. Лойка сканцэнтраванасць на вывучэнні гісторыі беларускай шляхты, перш за ўсё ў парадыгме палітычнай гісторыі. Нават рыхтавалася доктарская дысертацыя, якая, на вялікі жаль, не дачакалася абароны – даследчык заўчасна сыйшоў з жыцця 22 кастрычніка 2010 г. [16, с. 114]. У межах гісторыі шляхты апошняя трэці XVI – першай трэці XVII ст. навукоўцам таксама была распрацавана сумежная тэматыка парламентарызму ВКЛ. Так, П. А. Лойкам разглядаліся пытанні гістарыяграфіі грамадска-палітычнага жыцця ў Рэчы Паспалітай, палітычнай думкі, функцыянавання соймаў беларускіх зямель, афармлення такога соймавага стану, як шляхта ВКЛ, Люблінскага сойма 1569 г., ролі соймавай практыкі ў міжаслоўных узаемадачынненнях і інш. [16–27].

Сапраўднай навацыяй для ўсёй беларускай гістарыяграфіі быў выхад у 2002 г. асобнай манаграфіі П. А. Лойкі «Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай у другой палове XVI – першай трэці XVII ст.». Аўтар засяродзіў увагу на вырашэнні трох проблем:

стану беларускай шляхты ў далюблінскі перыяд, палітычных інтарэсаў і сацыяльнай актыўнасці шляхты беларускіх зямель у апошній трэці XVI – першай трэці XVII ст., грамадска-палітычнай свядомасці беларускай шляхты. Тым не менш у гэтай працы навукоўцам выказваліся цікавыя назіранні наконт гісторыі парламентарызму. Пры гэтым найчасцей менавіта парламентарскія сюжэты выступалі галоўным інструментарыем у вырашэнні пастаўленых задач. Так, П. А. Лойка адносіў канчатковае афармленне сойма ВКЛ да канца XV ст. [28, с. 24–25]. Акрамя гэтага, было адзначана, што ў 1565 г. у Вялікім Княстве была створана парламенцкая сістэма (соймік – сойм) [28, с. 4, 26–27]. У кнізе П. А. Лойка разгледзеў працэс афармлення шляхецкага саслоўя ВКЛ і яго структуру як складаную частку прадстаўнічых інстытутаў улады [28, с. 8–29]. Сацыяльная актыўнасць шляхты гісторыку бачылася праз яе ўдзел у соймавых пасяджэннях ад лакальнага ўзроўню да агульнадзяржаўнага. Пры гэтым палітычныя інтарэсы шляхты беларускіх зямель былі самымі разнастайнымі і тычыліся пытанняў эканомікі, улады, права, рэлігіі, знешняй палітыкі і г. д. [28, с. 30–85]. Адносна грамадска-палітычнай свядомасці беларускай шляхты была зроблена выснова аб яе патрыятычным стаўленні да Айчыны [28, с. 86–94]. Варта адзначыць, што многія навуковыя тэзісы П. А. Лойкі фігуравалі ў шматлікіх абагульняючых працах, дапаможніках па гісторыі Беларусі для сярэдняй і вышэйшай школы, метадычнай літаратуры для настаўнікаў і г. д.

Асабістыя даследаванні П. А. Лойкі зрабілі моцную падставу для выкладчыцкай дзейнасці. Дзякуючы сімбіёзу навукі і выкладання на гістарычным факультэце БДУ П. А. Лойка здолеў стварыць персанальную навуковую школу па гісторыі ВКЛ. Пад яго непасрэдным навуковым кіраўніцтвам было абаронена дзесяць кандыдацкіх дысертацый, а яшчэ адна дысертацыя была абаронена пасля сыходу з жыцця Паўла Алегавіча. Пры гэтым шэраг прац было прысвечана менавіта палітычнай гісторыі ВКЛ, у іх так ці інакш закраналася парламентарская тэматыка [16, с. 115; 26–27]. Больш за тое, праз сваіх вучняў П. А. Лойка змог развіць шэраг навуковых праблем. Так, праблематыку лакальных прадстаўнічых інстытутаў улады на тэрыторыі Полаччыны закранаў Васіль Аляксеевіч Варонін [29, арк. 77; 30–31]. Падчас сваёй працы на кафедры В. А. Варонін удзельчаў у міжнародным археаграфічным праекце па выданні полацкіх грамат, у якім былі прадстаўлены дакументы і па соймавай праблематыцы [32–33]. Пытаннямі палітычнага развіцця полацкай шляхты і ВКЛ увогуле ў эпоху дынастыі Вазаў займаецца Віталь Уладзіміравіч Галубовіч, які ў свой час пісаў дысертацыю пад кіраўніцтвам П. А. Лойкі [34–36]. У рэчышчы барацьбы магнцкіх групавак тэматыку парламентарызму закранаў Генадзь Віктаравіч Прыбытка [37]. У кантэксце праблемы вялікакняжацкай улады ў структуры органаў дзяржаўнага кіравання ВКЛ у канцы XIV – пачатку XVI ст. прасочваюцца парламентарскія сюжэты ў дысертацыі Віктара Васільевіча Цішчанкі [38]. Акрамя гэтага, соймавая праблематыка ім была разгледжана ў рэчышчы судовай кампетэнцыі вялікага князя літоўскага ў канцы

XV – першай трэці XVI ст. [39–40]. У кантэксце знешняй палітыкі ВКЛ пытанні парламентарызму разглядаліся ў працах Макара Аляксандравіча Шніпа (пачатак XVI ст.) і Алены Васільеўны Дземідовіч (пачатак XVII ст.) [41–45]. Аднак праблемны падыход да тэматыкі парламентарызму ВКЛ больш характэрны для навуковай дзейнасці Уладзіміра Аляксеевіча Падалінскага [46].

У 2010-я гг. на кафедры адбыліся істотныя змены. Па-першае, гэта звязана з сыходам з жыцця першага яе закладчыка П. А. Лойкі. Па-другое, у гэты час супрацоўнікі кафедры арганізуюць шэраг навуковых мерапрыемстваў па гісторыі і гістарыяграфіі ВКЛ. Па-трэцяе, выкладчыкамі кафедры сталі выпускнікі мінулых дзесяцігоддзяў: М. А. Шніп, А. У. Любы, У. А. Падалінскі і інш. [6, с. 198–200; 7, с. 423–425]. Ужо пад іх кіраўніцтвам пісаліся навуковыя працы, у якіх так ці інакш закраналася тэматыка парламентарызму ВКЛ. Так, напрыклад, пад навуковым кіраўніцтвам А. У. Любага ў кантэксце сумежных тэм дадзеныя пытанні ў сваіх працах закраналі В. А. Валадковіч і С. А. Ганчарэнка [47–50]. Аднак вялікай праблемай гэтага перыяду было тое, што за паўтара дзесяцігоддзя на кафедры не было абаронена кандыдацкіх дысертацый па палітычнай гісторыі Вялікага Княства, за выключэннем працы А. В. Дземідовіч [43]. Пры гэтым былі падрыхтаваны дысертацыі, прысвечаныя наватарскім праблемам гісторыі ВКЛ, якія адпавядаюць сучасным тэндэнцыям сусветнай гістарычнай навукі (Д. В. Скварчэўскі, Н. В. Стахно) [51–52].

Нягледзячы на гэта, праблематыку парламентарызму ВКЛ на новы ўзровень узняў У. А. Падалінскі, які займаў пасаду закладчыка кафедры з 2017 па 2023 г. Навукоўцам распрацоўваюцца праблемы соймавага прадстаўніцтва, дзейнасці асобных соймаў (асабліва Люблінскага сойма 1569 г.), прававой і палітычнай культуры, палітычнай эліты, парламентарскіх традыцый ВКЛ у апошняй трэці XVI ст. і інш. [53–61]. У 2017 г. выйшла з друку манаграфія У. А. Падалінскага «Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай». У ёй упершыню ў беларускай гістарыяграфіі комплексна рэканструявалася праца вальнага сойма 2 ліпеня – 12 жніўня 1569 г. Гісторыкам была разгледжана дзейнасць дэлегацыі ВКЛ у пытаннях вызначэння дзяржаўна-прававога статуса Вялікага Княства ў складзе Рэчы Паспалітай, забеспячэння абароны, а таксама ў вырашэнні мясцовых і персанальных спраў [62, с. 19–124]. Акрамя гэтага, быў вызначаны персанальны склад сенатараў і земскіх паслоў ВКЛ на Люблінскім пасяджэнні [62, с. 125–196, 201–207]. Дадзеная праца атрымала высокую адзнаку рэцэнзентаў [63]. Спалучэнне навуковай зацікаўленасці і выкладчыцкай дзейнасці У. А. Падалінскага дазволіла яму стварыць і выкладаць спецыяльны курс «Эвалюцыя парламенцкай сістэмы Вялікага Княства Літоўскага ў XIV–XVIII стст.» [64].

Вылучэнне гісторыі парламентарызму ВКЛ як асобнай праблемы паўплывала і на навуковую дзейнасць студэнтаў і магістрантаў кафедры.

Традыцыйна соймавая праблематыка прысутнічае ў навуковых дакладах, студэнцкіх публікацыях, дыпломных працах і магістарскіх дысертцыях.

Такім чынам, кафедра гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ з'яўляецца адзінай у Рэспубліцы Беларусь вузкаспецыялізаванай структурай, якая дазваляе атрымаць вышэйнюю адукацыю ў галіне айчынай ВКЛістыкі на ўсіх узроўнях (бакалаўрыят, магістратура, аспірантура, дактарантура). Традыцыйнае вывучэння праблематыкі парламентарызму ВКЛ на кафедры заклаў першы яе закладчык П. А. Лойка ў 1990–2000-я гг. Акрамя гэтага, ён здолеў сфарміраваць персанальную навуковую школу. Яе прадстаўнікі разглядалі пытанні парламентарызму як асобную праблему, так і ў сувязі з іншымі тэмамі. Навуковая і выкладчыцкая дзейнасць П. А. Лойкі паўплывалі на даследаванні шэрагу супрацоўнікаў (а калісьці студэнтаў) кафедры, якія не заўсёды былі звязаны з ім навуковым кіраўніцтвам. Ужо на працягу 2010-х – пачатку 2020-х гг. трэнд на вывучэнне гісторыі парламентарызму ВКЛ развіў У. А. Падалінскі, які здолеў узяць гэтую тэму на новы навуковы ўзровень. Кафедра гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ за апошнія трыццаць гадоў стала сапраўдным навуковым цэнтрам вывучэння як гісторыі ВКЛ у цэлым, так і гісторыі парламентарызму ў прыватнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Довматович, К. Д.* Сейм Великого Княжества Литовского в историографии Восточной Европы конца XIX – первой половины XX в. / К. Д. Довматович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2023. – Вып. 23, ч. 1. – С. 48–56.

2. *Доўнар-Запольскі, М. В.* Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі; Беларус. Энцыкл., Нац. архіў Рэсп. Беларусь; пер. з рус. Т. М. Бутэвіч [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1994. – 510 с.

3. *Ігнатоўскі, У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі; уступ. арт. А. П. Грыцкевіча; кам. і заўв. Э. Н. Гнеўкі. – 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1992. – 190 с.

4. *Пічэта, У.* Гісторыя Беларусі: частка першая / У. Пічэта. – Масква – Ленінград: Дзяржаўнае выдавецтва, 1924. – 134 с.

5. *Біч, М. В.* Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі / М. В. Біч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1. – С. 15–24.

6. *Любы, А. Ул.* Апошнія дваццаць пяць год гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ў Беларускім дзяржаўным ўніверсітэце / А. Ул. Любы // *Studia Historica Europae Orientales* – Исследования по истории Восточной Европы. – 2019. – Т. 12. – С. 197–202.

7. *Любы, А. Ул.* Беларуская гістарыяграфія Вялікага Княства Літоўскага на мяжы XX і XXI ст.: да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта / А. Ул. Любы // *Przegląd Środkowo-Wschodni*. – 2020. – № 5. – S. 421–426.

8. *Лойка, П. А.* Палітычныя адносіны ў Вялікім княстве Літоўскім / П. А. Лойка // Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – С. 114–139.

9. *Емельянчык, У. П.* Палітычнае становішча. Канец Рэчы Паспалітай / У. П. Емельянчык, П. А. Лойка // Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – С. 228–242.

10. *Емельянчык, У.* Паланез для касінераў: (3 падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі) / У. Емельянчык. – Мінск: Беларусь, 1994. – 160 с.

11. *Жылуновіч, Л. А.* Рэц. на кн.: У. Емельянчык. Паланез для касінераў: (3 падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі) / У. Емельянчык. – Мінск: Беларусь, 1994. – 160 с. / Л. А. Жылуновіч, Ю. Л. Казакоў, У. А. Сосна // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – № 1. – С. 79–80.

12. *Лойка, П.* Органы саслоўнага прадстаўніцтва і ўлады / П. Лойка // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2008. – Т. 2. – С. 380–387.

13. *Емельянчык, У.* Грамадзянская вайна ў Вялікім княстве Літоўскім (1696–1700 гг.) / У. Емельянчык // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 3. – С. 93–104.

14. *Емельянчык, У.* Глава 2. Грамадска-палітычнае жыццё. Раздзел 3. Беларусь у другой палове XVIII ст. / У. Емельянчык // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 3. – С. 209–259.

15. *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, tom I: Województwo wileńskie. XIV–XVIII wiek / Andrzej Rachuba (red.); Uładzimir Jamialjančyzyk, Henryk Lulewicz, Przemysław P. Romaniuk. – Warszawa: DiG, 2004.*

16. *Падалінскі, У. А.* Гісторыя Беларусі перыяду Сярэднявечча і ранняга Новага часу ў даследаваннях Паўла Лойкі (1958–2010) / У. А. Падалінскі, А. Р. Дзянісав // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2018. – № 3. – С. 110–119.

17. *Голубеў, В. Ф.* Памяці сябра, Паўла Алегавіча Лойкі / В. Ф. Голубеў // Беларускі гістарычны часопіс: навукова-тэарэтычны, навукова-метадычны часопіс. – 2011. – № 9. – С. 37–41.

18. *Казакоў, Ю. Л.* Павел Алегавіч Лойка / Ю. Л. Казакоў, А. Г. Каханоўскі, С. М. Ходзін // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2011. – № 1. – С. 115.

19. *Лойка, П. А.* Афармленне шляхецкага саслоўя ў Вялікім княстве Літоўскім / П. А. Лойка // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2010. – Вып. 5. – С. 102–115.

20. *Лойка, П. А.* Гістарыяграфія праблемы вывучэння ролі шляхты ў грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай (другая палова XVI – першая трэць XVII ст.) / П. А. Лойка // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2008. – Вып. 3. – С. 46–52.

21. *Лойка, П. А.* Міжсаслоўныя стасункі ў беларускім грамадстве (XVI – першая палова XVII ст.) / П. А. Лойка // XXI век: актуальныя праблемы гістарычнай навука: матэрыялы міжнарод. науч. конф., посвящ. 70-летію ист. фак. БГУ, Минск, 15–16 апр. 2004 г. / редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [і др.]. – Минск: БГУ, 2004. – С. 207–209.

22. *Лойка, П. А.* Рэалізацыя акта Люблінскага сойма 1569 г. у гістарычнай рэчаіснасці другой паловы XVI – пачатку XVII ст. / П. А. Лойка // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: у 7 т. Т. 2. Гісторыя. Філалогія. Журналістыка / адк. рэд. А. А. Яноўскі. – Мінск: БДУ, 2001. – С. 52–64.

23. *Лойка, П. А.* Сфера палітычных інтарэсаў шляхты беларускіх зямель у апошняй трэці XVI – першай трэці XVII ст. / П. А. Лойка // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* – Мінск: Універсітэцкае, 2000. – № 1. – С. 3–7.

24. *Лойка, П. А.* Узасмадзяенне шляхецкага і мяшчанскага саслоўяў на беларускіх землях у другой палове XVI – першай палове XVII ст. / П. А. Лойка // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* – 2009. – № 3. – С. 3–8.

25. *Лойка, П.* Соймікі беларускіх зямель у дзяржаўна-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай (апошняя трэць XVI – першая трэць XVII ст.) / П. Лойка // *Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнар. навук. канф. (Мінск – Наваградак, 23–24 ліст. 2007 г.) / навук. рэд.: С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч.* – Мінск: БП-С Плюс, 2008. – С. 176–182.

26. *Сосна, У. А.* Памяці гісторыка-медывіста Паўла Алегавіча Лойкі (12.07.1958–22.10.2010). Беларускія сяляне і шляхта ў даследаваннях Паўла Лойкі / У. А. Сосна // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб.* – Мінск: РИВШ, 2010. – Вып. 3.

27. *Сосна, У. А.* Палітычная гісторыя познефеадальнай Беларусі ў працах выкладчыкаў кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ: традыцыя і сучаснасць / У. А. Сосна // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб.* – Мінск: РИВШ, 2014. – Вып. 7. – С. 231–244.

28. *Лойка, П. А.* Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай у другой палове XVI – першай трэці XVII ст. / П. А. Лойка. – Мінск: БДУ, 2002. – 99 с.

29. *Варонін, В. А.* Сацыяльна-эканамічнае і палітычныя развіццё Полацкага ваяводства ў першай палове XVI стагоддзя: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / В. А. Варонін. – Мінск, 2000. – 110 арк.

30. *Варонін, В.* Законатворчая дзейнасць віцебскіх абласных з’ездаў у першай палове XVI ст. (на прыкладзе ўстаў аб «пахожых» сялянах 1531 і 1551 гг.) / В. Варонін // *Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнар. навук. канф. (Мінск – Наваградак, 23–24 ліст. 2007 г.) / навук. рэд.: С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч.* – Мінск: БП-С Плюс, 2008. – С. 55–60.

31. *Варонін, В.* Палітычны лад Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст. / В. Варонін // *Беларускі гістарычны агляд: навуковы часопіс.* – 1998. – Т. 5, сш. 1 (8). – С. 27–66.

32. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. I / А. Л. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 864 с.

33. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. II / А. Л. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 524 с.

34. *Галубовіч, В.* Прадстаўніцтва ад Вялікага княства Літоўскага на соймах Рэчы Паспалітай падчас праўлення Уладзіслава Вазы (1633–1648 гг.) / В. Галубовіч // *Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства*

Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнар. навук. канф. (Мінск – Наваградак, 23–24 ліст. 2007 г.) / навук. рэд.: С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч. – Мінск: БІП-С Плюс, 2008. – С. 260–267.

35. *Галубовіч, В. У.* Кнігі запісаў Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага за час праўлення Уладзіслава IV Вазы як крыніца па гісторыі Беларусі: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.09 / В. У. Галубовіч. – Мінск, 2003. – 20 с.

36. *Галубовіч, В. У.* Полацкая шляхта ў час праўлення дынастыі Вазаў: 1588–1668 гг.: манаграфія / В. У. Галубовіч. – Гродна: ГДАУ, 2015. – 242 с.

37. *Прыбытка, Г. В.* Барацьба магнатскіх групавак у Вялікім Княстве Літоўскім у сярэдзіне XVII ст. (1655–1668 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02; 07.00.03 / Г. В. Прыбытка. – Мінск, 2000. – 18 с.

38. *Цішчанка, В. В.* Вялікакняжацкая ўлада ў структуры органаў дзяржаўнага кіравання ВКЛ у канцы XIV – пачатку XVI ст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / В. В. Цішчанка. – Мінск, 2006. – 120 арк.

39. *Цішчанка, В. В.* Вялікі князь літоўскі як суддзя ў 1492–1529 гг. (Практычны і юрыдычны аспекты дзейнасці) / В. В. Цішчанка // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2008. – Вып. 3. – С. 65–73.

40. *Цішчанка, В. В.* Аспекты адміністрацыйна-маёмаснай і судовай практыкі вялікіх князёў у Вялікім княстве Літоўскім (канец XV – першая трэць XVI ст.) / В. В. Цішчанка // *Studia historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. – Мінск: РИВШ, 2009. – Вып. 2. – С. 123–135.

41. *Дземідовіч, А. В.* Адлюстраванне адносін шляхты Вялікага княства Літоўскага да вайны Рэчы Паспалітай з Расіяй у соймавых інструкцыях (першая трэць XVII ст.) / А. В. Дземідовіч // Беларусь в современном мире: материалы III Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Гомель, 20 мая 2010 г. / Гомел. гос. техн. ун-т; редкол.: В. В. Кириенко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2010. – С. 164–166.

42. *Дземідовіч, А. В.* Адносіны Вялікага княства Літоўскага са Шведскім каралеўствам у канцы XVI – пачатку XVII ст. у святле рашэнняў Люблінскага сойма 1569 г. / А. В. Дземідовіч // *Studia Historica Europae Orientalis*: науч. сб. / Респ. ин-т высш. шк.; отв. ред.: А. В. Мартынюк, Г. Я. Голенченко. – Мінск, 2008. – Вып. 1. – С. 132–140.

43. *Дземідовіч, А. В.* Вялікае княства Літоўскае ў знешнепалітычных адносінах Рэчы Паспалітай з Расіяй і Швецыяй у першай трэці XVII ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.15 / А. В. Дземідовіч. – Мінск, 2012. – 22 с.

44. *Шніп, М. А.* Пытанне уніі ў стасунках Вялікага княства Літоўскага і Польскага каралеўства ў пачатку XVI ст. / М. А. Шніп // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2007. – Вып. 2. – С. 163–166.

45. *Шніп, М. А.* Унутрыпалітычны канфлікт 1508 года ў Вялікім княстве Літоўскім у кантэксце міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / М. А. Шніп. – Мінск, 2009. – 24 с.

46. *Падалінскі, У. А.* Прадстаўніцтва і палітычная пазіцыя Вялікага княства Літоўскага на вальных соймах Рэчы Паспалітай у апошняй трэці XVI ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / У. А. Падалінскі. – Мінск, 2004. – 22 с.

47. *Валадковіч, В. А.* “Crimea majestatis” (абраз маестата) у прававой сістэме Вялікага Княства Літоўскага XV–XVI стагоддзяў / В. А. Валадковіч // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2015. – Вып. 15, ч. 1. – С. 23–31.

48. *Валадковіч, В. А.* Працэдура разгляду судовых спраў на вальных соймах Рэчы Паспалітай у канцы XVI – пачатку XVII ст. / В. А. Валадковіч // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 13: в 2 т. Т. 1 / сост. С. В. Анцух; под общ. ред. В. Г. Шадурского. – Минск: Четыре четверти, 2015. – С. 7–9.

49. *Ганчарэнка, С. А.* Характар канфлікту паміж Крыштофам Радзівілам «Перуном» і Жыгімонтам III Вазаю ў апошнім дзесяцігоддзі XVI – пачатку XVII стагоддзяў / С. А. Ганчарэнка // Сборник работ 70-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 15–18 мая 2013 г.: в 3 ч. – Минск: БГУ, 2013. – Ч. 2. – С. 312–315.

50. *Ганчарэнка, С. А.* Сенатарскія роды Вялікага Княства Літоўскага ў 1566–1605 гг.: склад і структура / С. А. Ганчарэнка // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 10. – С. 104–123.

51. *Скварчэўскі, Д. В.* Фарміраванне і развіццё астранамічных ведаў у Вялікім Княстве Літоўскім у XIV–XVII стст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Д. В. Скварчэўскі. – Мінск, 2016. – 24 с.

52. *Стахно, Н. В.* Танаталагічныя ўяўленні шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XVI – XVIII ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Н. В. Стахно. – Мінск, 2019. – 24 с.

53. *Падалінскі, У.* Люблінская унія 1569 г. / У. Падалінскі, Л. Собалева // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.]. – Минск: Экаперспектыва, 2008. – Т. 2. – С. 457–478.

54. *Падалінскі, У. А.* Вальны сойм Рэчы Паспалітай 1572 г.: эпідэмія, улада і грошы / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2021. – № 6. – С. 3–13.

55. *Падалінскі, У. А.* Галоўны з’езд Вялікага Княства Літоўскага: генезіс, функцыі, гістарычнае развіццё / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 1. – С. 13–23.

56. *Падалінскі, У. А.* Партыкулярызм vs уніфікацыя: распрацоўка і прыняццё Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / У. А. Падалінскі // Журнал Белорусского государственного университета. История = Journal of the Belarusian State University. Historical sciences. – 2018. – № 2. – С. 10–20.

57. *Падалінскі, У. А.* Прававая культура шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI ст.: казус Яна Осціка / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2020. – № 6. – С. 10–17.

58. *Падалінскі, У. А.* Прадстаўнікі Гарадзенскага павета на соймах Рэчы Паспалітай у апошніы трэці XVI ст. / У. А. Падалінскі // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зб. навук. арт. – Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2007. – С. 32–39.

59. *Падалінскі, У. А.* Стаўленне шляхты Вялікага Княства Літоўскага да інстытута вальнага сойма ў канцы XVI ст. / У. А. Падалінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 8. – С. 15–24.

60. *Падалінскі, У. А.* Ухваленне падаткаў на вальных соймах Рэчы Паспалітай як фактар палітычнай барацьбы (1593–1598 гг.) / У. А. Падалінскі // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2009. – № 3. – С. 157–176.

61. *Подолинский, В. А.* Борьба за суверенитет ВКЛ после Люблинской унии / В. А. Подолинский // История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1. Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О. Н. Лавко, В. Ф. Голубев; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд. – Минск: Беларуская навука, 2019. – С. 384–395.

62. *Падалінскі, У. А.* Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай / У. А. Падалінскі; навук. рэд. А. А. Радаман. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017. – 240 с.

63. *Галубовіч, В. У.* Рэц. на кн.: Падалінскі, У. А. Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017. – 240 с. / В. У. Галубовіч // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя = Journal of the Belarusian State University. Historical sciences. – 2018. – № 1. – С. 101–103.

64. *Падалінскі, У. А.* Эвалюцыя парламенцкай сістэмы Вялікага Княства Літоўскага ў XIV–XVIII стст.: электронны вучэбна-метадычны комплекс для спецыяльнасці 1-21 03 01 «Гісторыя (па напрамках)», напрамак спецыяльнасці 1-21 03 01-01 «Гісторыя (айчынная і ўсеагульная)» / У. А. Падалінскі; БДУ, Гіс. фак., Каф. гісторыі Беларусі старажыт. часу і сярэд. вякоў. – Мінск: БДУ, 2018. – 48 с. – №007305102018, Дзеп. в БГУ 05.10.2018.

(Дата падачы: 23.02.2024 г.)

М. Н. Денисов

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск

M. Denisov

The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 001.32(476)(091)“1944/1950”

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ АКАДЕМИИ НАУК БССР В УСЛОВИЯХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1944–1950 ГГ.)

INDUSTRIAL PROJECTS OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE BSSR IN THE CONDITIONS OF THE RESTORATION OF ITS ACTIVITIES (1944–1950)

В статье рассмотрены вопросы восстановления Академии наук БССР в период после окончания боевых действий Великой Отечественной войны на территории Беларуси (1944–1950 гг.), определена роль научных исследований АН БССР в сфере промышленности в указанный период, дана краткая характеристика наиболее значимых проектов.

Ключевые слова: Академия наук БССР; экономика; промышленность; энергетика; Великая Отечественная война; наука; техника.

The article discusses the issues of the restoration of the Academy of Sciences of the BSSR in the period after the end of the hostilities of the Eastern Front (World War II) on the territory of Belarus (1944–1950), the role of scientific research of the Academy in the field of industry

during the specified period is defined, a brief description of the most significant projects is given.

Keywords: Academy of Sciences of the BSSR; economy; industry; energy industry; Eastern Front (World War II); science; technology.

События Великой Отечественной войны серьезным образом повлияли на деятельность Академии наук БССР. Значительная часть ее сотрудников принимала непосредственное участие в боевых действиях на фронте, в то время как другая их часть, находившаяся в эвакуации, в это время решала задачи по увеличению военно-экономического потенциала страны. К моменту освобождения территории Беларуси в 1944 г. АН БССР находилась в разоренном состоянии: была уничтожена практически вся материально-техническая база учреждения, многие ученые и сотрудники погибли или серьезно пострадали в результате боевых действий. Именно в таких условиях Академии наук БССР пришлось решать задачи по восстановлению народного хозяйства и научного потенциала республики.

Одной из ключевых отраслей народного хозяйства БССР в послевоенные годы стала промышленность. Так, именно в этот период в республике началось бурное развитие как тяжелой промышленности – машиностроения и металлургии, так и добывающей промышленности, энергетики, легкой промышленности и т. д. В свою очередь, АН БССР не могла оставаться в стороне от социально-экономического развития республики, а потому активно включилась в данный процесс, в частности занимаясь разработкой и внедрением проектов по научно-техническому и экономическому профилю.

Цель данной работы – охарактеризовать деятельность Академии наук БССР в 1944–1950 гг. и определить роль ее исследований в восстановлении и развитии промышленного потенциала БССР в рассматриваемый период.

Общий ущерб, нанесенный Академии наук войной, был оценен в 304 млн советских рублей, что по валютному курсу на конец 1944 г. составляло приблизительно 57,3 млн долларов США (с учетом инфляции, на 2020 г. – более 780 млн) [1]. Практически полностью были разрушены производственные корпуса, в которых размещались научно-исследовательские учреждения, лаборатории и мастерские. Очевидно, что в данных условиях первоочередной задачей стало восстановление утраченной материально-технической базы, так как ее отсутствие делало по сути невозможным осуществление каких-либо значимых проектов. Восстановительные работы были начаты в 1946 г. с выходом постановления Совета Министров БССР «О мерах неотложной помощи Академии наук БССР» [2, с. 10–11]. Данное постановление предусматривало выделение средств на восстановление и ремонт зданий академии, а также на научно-исследовательскую работу. Общая сумма ассигнований составила более 11 млн рублей в 1946 г., а в 1947 г. правительством дополнительно было выделено еще более 6 млн рублей. В результате к концу 1947 г. было открыто левое крыло главного корпуса, в котором разместился, в частности, Физико-технический

институт. В 1948 г. был введен в строй лабораторный корпус, а в 1950 г. был завершен ремонт главного корпуса академии [2, с. 12]. При этом, очевидно, выделяемых средств было явно недостаточно, что отразилось на выполнении планов научно-исследовательских работ институтами академии в первые послевоенные годы.

Тем не менее в рассматриваемый период Академия наук БССР смогла значительно расширить сеть организаций. Так, если в 1944 г. АН БССР осуществляла свою деятельность в рамках трех отделений: естественных, общественных и технических наук, при которых действовало 12 научно-исследовательских учреждений, 8 из которых были институтами [3, Л. 7], то к началу 1950-х гг. количество научных учреждений возросло до 28 (15 из них – институты), а их сеть стала более специализированной [4, с. 66].

Очевидно, что с расширением сети научных учреждений АН БССР, увеличивалось и количество институтов, секторов и лабораторий, которые занимались разработкой проблем белорусской промышленности и энергетики, а также внедрением новых технических средств в производство. Большинство из них действовали при Отделении технических наук. Среди таких учреждений на конец 1944 г. следует отметить Институты торфа и химии, и в особенности Физико-техническую лабораторию [3, Л. 7]. В 1945 г. в составе Отделения были созданы Архитектурно-строительный сектор и Сектор железочугунного литья и железочугунных конструкций, а Физико-техническая лаборатория была реорганизована в Физико-технический сектор [5, Л. 2]. В 1947 г. Отделение технических наук было реорганизовано в Отделение физико-математических и технических наук, а Физико-технический сектор был реорганизован в Физико-технический институт, также в состав Отделения были включены Институт геологических наук, ранее входивший в состав Отделения естественных наук [6, Л. 2], а также Институт механизации сельского хозяйства. На протяжении указанного периода структура Отделения постоянно изменялась и к 1950 г. в его составе действовало 4 института: торфа, химии, физико-технический, геологических наук, а также Сектор энергетики. Отдельно в ряде научных институтов АН БССР, занимавшихся проблемами развития промышленности в республике, следует отметить также Институт экономики, входящий на протяжении всего своего существования в состав Отделения общественных наук.

В июле 1946 г. на общем собрании АН БССР был утвержден первый послевоенный пятилетний план научно-исследовательских работ на 1946–1950 гг. [4, с. 60]. Тогда же был обозначен ряд фундаментальных общеакадемических проблем, связанных, в том числе, и с развитием промышленности на территории БССР. К числу данных проблем относились: изучение и комплексное использование торфяных ресурсов БССР, энергетическое использование водных ресурсов, химия и технология переработки продуктов лесохимической промышленности, экономические вопросы

восстановления народного хозяйства БССР [6, Л. 24, 26]. Позже в данный список было включено изучение природных ресурсов и производительных сил Полесской низменности [7, Л. 2]. Также следует отметить, что отдельные проблемы могли включать в себя несколько связанных тем, выполняемых различными институтами как в рамках одного, так и в рамках нескольких отделений Академии наук. В частности, изучением Полесской низменности занимались институты социалистического сельского хозяйства, биологии, геологических наук, торфа, механизации сельского хозяйства и мелиорации, входившие в состав Отделения технических и Отделения естественных наук [7, Л. 49].

Однако, несмотря на несомненную важность научных разработок для промышленности, если посмотреть на процент от общего количества тем, выполняемых институтами АН БССР, то можно заметить, что в рассматриваемый период доля исследований в этом направлении составляла около одной трети от общего числа исследований и с каждым годом постепенно снижалась. Так, если в 1944 г. из 88 разрабатываемых тем на институты «промышленного» профиля, с учетом исследований Института экономики, приходилось 38 (43,2 %), то в 1945 г. на 86 тем приходилось уже 31 (36 %). В 1946–1948 гг. доля исследований оставалась на приблизительно таком же уровне: в 1946 г. по данному профилю разрабатывались 38 тем из 106 (35,8 %), 47 из 123 (38,2 %) в 1947 г. и 61 из 181 (33,7 %) в 1948 г. В 1949–1950 гг. доля данных исследований снова снизилась: в 1949 г. на 184 разрабатываемые АН БССР темы приходилось лишь 47 тем, связанных с промышленностью и экономикой (25,5 %), а в 1950 – 41 из 158 (25,9 %) [3; 5–9].

При этом доля исследований Отделения естественных наук в обозначенный период неуклонно росла, а в отдельные годы превышала показатель в 50 % от всех разрабатываемых тем [8, Л. 10]. Данный факт, объясняется тем, что белорусская экономика носила аграрно-промышленный характер, и, естественно, первостепенную важность имели исследования в области сельского хозяйства [10, с. 33]. Кроме того, исследования в данном направлении актуализировал массовый голод в СССР 1946–1947 гг. [11]. В подобных условиях большая часть сил научных организаций, очевидно, была направлена на исследования по улучшению урожайности культур, повышению плодородности почв и т. п. [7, Л. 162–190].

Важнейшим элементом сети научно-исследовательских учреждений в рассматриваемый период являлся Физико-технический институт, сотрудники которого взялись за решение актуальных теоретических и практических задач, связанных с изучением и совершенствованием металлургических процессов, а также созданием новых технических средств для предприятий, занятых в машиностроении [4, с. 64].

Первоначальной задачей восстановленного Физико-технического сектора стало восстановление его лабораторной базы. В ходе данной работы сектором были осуществлены закупки необходимого оборудования,

а также налажены контакты с научными организациями СССР [5, Л. 74]. Тем не менее огромную часть поставленных задач, сектор был не в состоянии решать до своей реорганизации в Физико-технический институт в 1947 г. Основными проблемами оставались недостаточное материально-техническое и кадровое обеспечение, а основная часть выполняемых работ носила теоретический характер [9, Л. 132–134].

После реорганизации институт смог приступить к решению проблем прикладного характера. Огромное значение приобрели исследования по новым сплавам металлов, природе ферромагнетизма, конструированию новых технических средств. Учеными института были разработаны конструкции магнитных дефектоскопов, с помощью которых на производствах осуществлялся контроль деталей и инструментов. Данные приспособления нашли широкое применение на Минском велосипедном и Минском инструментальном заводах. Разработки института позволили усовершенствовать технологии электроискровой обработки металлов, шлифовки и полировки поверхностей на ряде заводов республики. Тесное сотрудничество было налажено с Минским тракторным заводом, основанным в 1946 г. Так, на данном заводе магнитным методом осуществлялся контроль качества деталей, а также укоренены методы укрепления режущего инструмента [4, с. 67].

Качественный уровень разработок института был отмечен, в частности, в отчетах о деятельности АН БССР, которые включают в себя справки о результатах непосредственного применения данных разработок на производстве. Причем данные оценки были осуществлены не самими исполнителями или другими сотрудниками института, а представителями предприятий, на которых указанные разработки внедрялись [12, с. 231].

Другим важнейшим направлением деятельности Отделения физико-технических наук на данном этапе стали исследования в области химии. В это время свет увидели теоретические работы в области химической обработки древесины, а также посвященные способам получения строительных материалов и др. [4, с. 68]. В частности, большие успехи были достигнуты в изучении технологии производства синтетического каучука, а также перспектив развития его производств в республике [3, Л. 26 об.]. Также институтом были продолжены начавшиеся в 1942 г. исследования способов переработки нефти и нефтепродуктов [3, Л. 28 об.]. Важное место в исследованиях данного периода занимала тема «Изучение белков люпина с целью использования их для получения пластических масс», в рамках которой был сделан вывод о возможности применения данных материалов в легкой промышленности БССР [5, Л. 68].

Наиболее значимой работой Института химии стала разработка схемы по производству флотационных масел, применяемых в лесохимической промышленности. Данная разработка имела большое экономическое значение, так как замена импортных компонентов местными позволила бы существенно снизить затраты на производство продукции из древесины. Потенциальный экономический эффект данного исследования был оценен в том

числе и правительством БССР, которое поручило Министерству лесной и бумажной промышленности БССР начать разработку соответствующих мероприятий по внедрению данной технологии в лесохимическую промышленность к 1949 г. В ходе применения данной технологии положительные результаты были получены на Руднянском лесохимическом заводе (ныне входит в состав ОАО «Речицадрев») [7, Л. 222]. В рамках осуществления данного проекта на всей территории республики планировалось построить и переоборудовать 100 смоло-скипидарных заводов [8, Л. 37]. Данное поручение Совмина БССР видится весьма амбициозным и тем не менее невыполнимым, что подтверждает тот факт, что за период 1946–1950 гг. в строй было введено лишь 31 новое предприятие во всей отрасли, не говоря о ее отдельном узком направлении [13, с. 72].

Значительную часть исследований взял на себя Институт торфа, основными задачами которого стали изучение запасов торфа на территории БССР и путей наиболее эффективного его использования в народном хозяйстве республики. Так, институтом были проведены широкие экспедиционные работы, в ходе которых были выявлены новые торфяные месторождения, а также дана их комплексная характеристика. Кроме того, учеными разработаны новые технологии добычи торфа, которые обеспечили повышение его топливных качеств, а также разработаны новые приспособления для механизации процессов добычи, укладки, просушки и переработки торфа [4, с. 68].

Ряд исследований Института торфа был тесно связан с работой Энергетического сектора, который занимался разработкой методов сжигания фрезерного торфа. Данное направление исследований только начало развиваться в указанное время, тем не менее уже к концу 1950-х гг. энергетика БССР преимущественно использовала именно этот вид топлива [4, с. 68].

Однако, несмотря на в целом удовлетворительные результаты исследований, важной проблемой, отмеченной руководством АН БССР, оставалось весьма слабое продвижение результатов работ в производство. Кроме того, отмечалось слабое взаимодействие институтов АН БССР с профильными министерствами, а также отраслевыми институтами, занимавшимися разработкой смежных проблем [8, Л. 66–67]. Также, как отмечалось выше, в первые послевоенные годы АН БССР столкнулась со значительными трудностями, связанными с выполнением планов исследовательских работ. Так, среди наиболее частых проблем назывались недостаточное материальное и кадровое обеспечение учреждений, а также перегруженность самих планов и как следствие – отсутствие возможности даже приступить к выполнению работ по ряду тем [6, Л. 6].

Таким образом, последствия Великой Отечественной войны негативно отразились на деятельности Академии наук БССР в первые послевоенные годы. Значительные материальные и кадровые ресурсы в данный период были направлены в основном на восстановление ее материально-технической базы и решение наиболее острых социально значимых проблем

экономики. Недостаточность имевшихся ресурсов в совокупности с проблемами планирования научно-исследовательских работ, а также слабыми связями АН БССР с другими учреждениями негативным образом отразилась и на реализации проектов АН БССР в сфере промышленности. Кроме того, в рассматриваемый период «промышленные» проекты не занимали ведущего положения среди разрабатываемых АН БССР проблем. Тем не менее даже в таких условиях они играли важную роль в развитии промышленности республики, а также заложили основу для создания в АН БССР в последующие годы мощной научной и производственной базы.

Список использованных источников

1. База данных по курсам валют (Доллар США) [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации // Архивная копия Архивная копия от 15 января 2016 на Wayback Machine. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20160112154708/http://cbr.ru/currency_base/OldDataFiles/USD.xls. – Дата доступа: 05.12.2023.
2. Токарев, Н. В. Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991) / Н. В. Токарев. – Минск: Беларуская навука, 2016. – 247 с.
3. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАНБ). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 92.
4. Академия наук Белорусской ССР / Н. А. Борисевич [и др.]. – Минск: Главная редакция Белорусской Советской Энциклопедии, 1979. – 600 с., ил.
5. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 106.
6. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 148.
7. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 167.
8. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 197.
9. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 126.
10. Беларусь // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 1996. – Т. 2. – С. 12–65.
11. Шалак, А. В. К оценке масштаба голода 1946–1947 гг. / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. – 2009. – Т. 10, № 2. – С. 100–108.
12. Денисов, М. Н. Документы ЦНА НАН Беларусі як крыніца па гісторыі прамысловага развіцця Беларусі ў 1944–1991 гг. / М. Н. Денисов // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27–29 апр. 2023 г. в 2 т. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. – Т. 2. – С. 232–234.
13. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011. – 728 с.; іл.

(Дата подачи: 07.02.2024 г.)

Ду Гэгэ

Белорусский государственный университет, Минск

Du Gege

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510+58)(091)“1991/2021”

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КНР С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1991–2012 ГГ.

THE RELATIONSHIP BETWEEN CHINA AND CENTRAL ASIAN STATES IN 1991–2012

В статье рассматриваются основные направления взаимоотношений КНР и государств Центральной Азии в 1991–2012 гг. Проведен анализ двустороннего и многостороннего сотрудничества в сферах безопасности, экономики и культуры. Установлено, что в качестве основной сферы КНР рассматривала сферу безопасности, что привело к подписанию ряда соглашений по борьбе с угрозами. Решение ключевых вопросов безопасности позволило КНР уделять большее внимание экономическому сотрудничеству, развитию гуманитарных и культурных проектов в регионе.

Ключевые слова: безопасность; Китай; культурное сотрудничество; международное сотрудничество; страны Центральной Азии; торгово-экономические отношения.

The article examines the main directions of relations between the People's Republic of China and the states of Central Asia in 1991–2012. The analysis of bilateral and multilateral cooperation in the fields of security, economy and culture is carried out. It was established that the PRC considered the security sector as the main sphere, which was reflected in the signing of a number of agreements on combating threats. Addressing key security issues has allowed China to pay more attention to economic cooperation, the development of humanitarian and cultural projects in the region.

Keywords: security; China; cultural cooperation; international cooperation; Central Asian countries; trade and economic relations.

Китайская Народная Республика (КНР) каждый год подтверждает свой статус одного из лидеров на международной арене. В контексте наращивания дальнейшего потенциала КНР немаловажную геостратегическую роль играют государства Центральной Азии (ЦА), обретение независимости которыми в связи с распадом СССР привело к формированию новой ситуации в регионе. Это обусловило интерес к проблематике сотрудничества Китая и государств ЦА как китайских исследователей (Бао И [1], Ли Лифань [2], Цзян Сиюань [3], Ся Липин [3], Чжан Цзе [4] и др.), так и исследователей других государств, в т. ч. конкурирующих с Китаем за влияние в регионе (А. Д. Воскресенский [5], С. Г. Лузянин [5], С. Бланк [6], Ш. Бреслин [7] и др.). Научные исследования, посвященные изучению особенностей внешней политики Китая в отношении государств ЦА проводились и политологами государств региона (Г. Нурша [8], К. Л. Сыроежкин [9], А. Бахова-

динов [10] и др.), что позволяет структурировать интересы обеих сторон, а также выявить различные точки зрения на стратегию Китая в отношении отдельных государств ЦА и региона в целом.

Таким образом, целью данного исследования является анализ и оценка основных направлений взаимоотношений КНР и государств ЦА с момента приобретения ими независимости и статуса полноправных субъектов международных отношений в 1991 г. и до прихода к власти Си Цзиньпина, нынешнего Председателя КНР (до 2012 г. включительно).

В статье мы выделим и рассмотрим основные направления взаимодействия КНР со странами ЦА в конце 1990-х – начале 2000-х гг., которые включали в себя:

- сотрудничество в сфере безопасности и борьбы с угрозами;
- многостороннее и двустороннее экономическое сотрудничество;
- гуманитарное и культурное сотрудничество.

Сотрудничество в сфере безопасности и борьбы с угрозами.

27 декабря 1991 г., практически сразу после распада СССР, КНР объявила о признании независимости 5 государств ЦА. В начале 1992 г. между КНР и государствами ЦА были установлены дипломатические отношения: 2 января – с Республикой Узбекистан, 3 января – с Республикой Казахстан, 4 января – с Республикой Таджикистан, 5 января – с Кыргызской Республикой, 6 января – с Республикой Туркменистан. Таким образом, КНР стала одним из первых государств в мире, признавших данные государства полноправными субъектами международных отношений.

Сотрудничество со странами ЦА имело большое стратегическое значение для КНР, что было обусловлено политикой сдерживания США в Южно-Китайском море, возможным расширением НАТО, а также потенциалом для расширения политического и экономического влияния. Однако на первый план для КНР выходят вопросы безопасности и необходимость принятия мер по предотвращению возможных угроз, в том числе сепаратизма и национально-религиозного экстремизма, так как Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан имеют общую границу с нестабильным Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) КНР. С Узбекистаном и Туркменистаном у КНР нет общей границы, что сделало данные страны менее значимыми для Китая на начальном этапе развития отношений.

КНР начинает проявлять активность в ЦА в середине 1990-х гг., преследуя цели безопасности и совместной борьбы с терроризмом. Так, в Шанхае 26 апреля 1996 г. между Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном было подписано «Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы», в преамбуле которого подтверждалось «взаимное неприменение силы или угрозы силой, отказ от получения одностороннего военного превосходства» [11]. Соглашение было первым в сфере безопасности между получившими независимость странами ЦА, Россией и КНР и регулировало формы сотрудничества между вооруженными силами государств в пределах 100-километровой зоны по обе

стороны от линии общей границы. Во время переговоров в Шанхае также было принято решение о проведении регулярных встреч «Шанхайской пятёрки» (стран, подписавших Соглашение).

В последующие годы во время саммитов «Шанхайской пятёрки» был подписан ряд документов, уточняющих и расширяющих сферы сотрудничества:

- Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 24 апреля 1997 г.;

- Совместное заявление участников Алма-Атинской встречи от 3 июля 1998 г., в котором впервые поднимался вопрос о борьбе с угрозами: «любые проявления национального сепаратизма, этнической нетерпимости и религиозного экстремизма неприемлемы» (п. 5) [12];

- Бишкекская декларация от 25 августа 1999 г., которая заложила основу проведению «регулярных контактов и консультаций на различных уровнях» (ст. 2) [13] и подняла вопрос о создании «зоны, свободной от ядерного оружия» (ст. 5) [13];

- Душанбинская декларация от 5 июля 2000 г. еще более расширила сферы взаимодействия, что привело к решению «углублять взаимодействие в политической, дипломатической, торгово-экономической, военной, военно-технической и иных областях в целях укрепления региональной безопасности и стабильности» (ст. 2) [14].

Начав с вопроса о предупреждении возможных конфликтов в районе общей границы в первом Соглашении 1996 г. и придя к идее многостороннего равноправного сотрудничества в Душанбинской декларации 2000 г., страны – участницы «Шанхайской пятёрки» совместно с Республикой Узбекистан 14–15 июня 2001 г. на саммите в Шанхае приняли решение о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Во время саммита в Шанхае были подписаны Декларация о создании ШОС, «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», где указывалось не только стремление к доверию и дружбе, но и поощрялось сотрудничество во многих областях и «построение нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка» [15].

Таким образом, 3 из 5 государств ЦА (Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан), имея общую границу с КНР, с первых лет приобретения независимости активно сотрудничали с Китаем в сфере безопасности и борьбы с угрозами в районе общей границы, а с расширением сфер сотрудничества и другие страны ЦА начали присоединяться к проводимым саммитам и подписанию соглашений.

Подписание всеми главами государств – членов ШОС Соглашения о Региональной антитеррористической структуре от 7 июня 2002 г., а также двустороннего соглашения «О сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» между КНР и Республикой Узбекистан от 4 сентября 2003 г. имело исключительное значение для решения вопросов

безопасности КНР, так как в данных соглашениях устанавливался запрет на создание в соседних государствах уйгурских организаций, выступающих за независимость СУАР Китая (ст. 10 Соглашения между КНР и Узбекистаном) [16].

Подобные двусторонние соглашения о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом КНР заключала и с другими государствами ЦА: 11 декабря 2002 г. – с Кыргызстаном; 23 декабря 2002 г. – с Казахстаном и т. д. Так КНР создала гарантии безопасности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Таким образом, в сфере безопасности КНР уделяла внимание как многостороннему формату, так и развитию двусторонних отношений с каждым конкретным государством ЦА.

Правительство КНР подписало двусторонние договоры о партнерских отношениях дружбы и сотрудничества: с Казахстаном (23 декабря 2002 г.), Кыргызстаном (24 июня 2002 г.), Узбекистаном (25 мая 2005 г.), Таджикистаном (15 января 2007 г.). В данных документах стороны договаривались строить взаимоотношения на принципах «взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования» [17].

Особо следует отметить отношения с Туркменистаном, который дистанцировался от многостороннего сотрудничества. В 1995 г. КНР оказала поддержку специальной Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об общепризнанном статусе постоянного нейтралитета Республики Туркменистан.

Таким образом, КНР в сфере безопасности стремилась к созданию многосторонней системы безопасности в ЦА, результатом чего стало учреждение ШОС.

Экономическое сотрудничество.

Международное сотрудничество КНР с государствами ЦА не могло ограничиваться только сферой безопасности. Уже в Совместном заявлении участников Алма-Атинской встречи от 3 июля 1998 г. отмечалась необходимость «широкомасштабного и долгосрочного сотрудничества во всех областях экономики» (ст. 7), определялись основные принципы экономического сотрудничества (ст. 6) [12].

Таким образом, уже в 1998 г. «Шанхайская пятерка» наметила основные направления экономического сотрудничества: энергетика, развитие необходимой для транспортировки сырья инфраструктуры, увеличение товарооборота и наращивание инвестиций (в том числе льготного кредитования). Это подтверждает мысль И. Н. Комиссиной и А. А. Куртова о том, что «хотя ШОС изначально создавалась с целью совместной защиты границ, ее деятельность с самого начала приобрела ярко выраженную экономическую направленность» [18]. Китайские исследователи полагают, что «изначально Китай придавал большое значение экономическому сотрудничеству в рамках ШОС, считая, что таким образом можно решить проблемы, связанные

именно с региональной безопасностью» [19, с. 214], т. е. на первом месте стояла сфера безопасности, а экономическое сотрудничество было способом достижения этой цели.

14 сентября 2001 г. государствами – членами ШОС был подписан документ, который касался только экономического сотрудничества – Меморандум об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций. Государства – участники ШОС определили широкий перечень направлений отраслевого сотрудничества, представляющих «взаимный интерес» (ст. 3) [20].

«Возросшая потребность в энергоносителях китайской экономики активизировала внешнюю политику Китая в энергетической сфере. Начав на первом этапе с Казахстана, к 2006 г. Китай начал развивать активное энергетическое сотрудничество с Узбекистаном и Туркменистаном» [21, с. 70]. Необходимость доставки сырья из стран ЦА обусловила помощь КНР в развитии инфраструктуры региона: строительство китайско-кыргызско-узбекской железной дороги Андижан – Карасу – Торугарт – Кашгар, железной дороги «Туркменбаши – Дашогуз – Атамурат» в Туркменистане, газопровода «Средняя Азия – Китай» через Казахстан и Узбекистан и т. д.

Всё это способствовало созданию новых рабочих мест, притоку китайских инвестиций в экономики стран ЦА, особенно необходимых в условиях мирового финансового кризиса конца 2000-х гг., но зачастую за предоставление льготных кредитов КНР требовала выполнения особых условий. Так, на строительство китайско-кыргызско-узбекской железной дороги в 2006 г. Китай «выделил 1,2 млрд долл., в обмен потребовав для себя исключительный доступ к природным ресурсам» [22].

Используя ШОС для внешнего влияния на весь регион, Китай не забывал создавать и укреплять двусторонние отношения с государствами ЦА, во многом базировавшиеся на предоставлении кредитов. Так, в Казахстане Китай выделял кредиты под конкретные экономические проекты, особенно в области горнорудной промышленности, а кредиты, полученные Таджикистаном от Китая, «превышали объем средств, выделяемых ему другими международными финансовыми организациями и государствами» [22]. При этом кредиты, предоставляемые Китаем Таджикистану «по низким ставкам и на длительный срок, носят “связанный” характер, основными особенностями которого являются использование китайских материалов, оборудования, машин и технологий, а также китайской рабочей силы в ходе реализации проектов» [23].

Что касается товарооборота в рассматриваемый период, то стоит отметить стремительное увеличение его объемов к 2012 г. Так, в своем интервью в 2013 г. заместитель министра торговли Китая Цзян Яопин отметил, что «в 1992 г. объем торговли между двумя сторонами (Китаем и странами ЦА – Д. Г.) составлял всего 460 млн долл. США, тогда как в 2012 г. этот показатель достиг 45,94 млрд долл. США, увеличившись почти в 100 раз» [24].

Согласно данным Economist Intelligence Unit, по итогам 2012 г. 1-е место в двусторонней торговле занимал Казахстан (общий объем экспорта и импорта составил 23 982 млн долл. США), 2-е место – Туркменистан (общий объем экспорта и импорта составил 9160 млн долл. США), 3-е – Узбекистан (общий объем экспорта и импорта составил 2954 млн долл. США), 4-е – Таджикистан (общий объем экспорта и импорта – 2022 млн долл. США), последнее – Кыргызстан (общий объем экспорта и импорта – 1271 млн долл. США) [25, с. 84–93]. Отметим, что хотя Туркменистан дистанцировался от политического сотрудничества и участия в ШОС, страна стала важным торговым партнером Китая в регионе.

Китайские исследователи, в т. ч. Сунь Чжуанчжи, считают, что увеличение объема товарооборота между КНР и странами ЦА является отражением потенциала сотрудничества между двумя сторонами: «Торговые отношения между Китаем и пятью странами ЦА стали все более тесными, и они играют все более важную роль в экономическом развитии ЦА. Данные показывают, что Китай стал крупнейшим торговым партнером Казахстана и Туркменистана, вторым по величине торговым партнером Узбекистана и Кыргызстана и третьим по величине торговым партнером Таджикистана» [24].

Таким образом, экономическое сотрудничество носило взаимозависимый и взаимовыгодный характер.

Гуманитарное и культурное сотрудничество.

Гуманитарное сотрудничество является неотъемлемой составляющей как многостороннего сотрудничества, так и двусторонних отношений Китая со странами ЦА.

Необходимость сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере отражена в различных Соглашениях Китая и стран ЦА: Бишкекской декларации от 25 августа 1999 г., Душанбинской декларации от 5 июля 2000 г. и др. Так, в ст. 15 Душанбинской декларации стороны договорились «поощрять развитие сотрудничества стран «пятерки» в области культуры, включая совместную организацию различных фестивалей, выставок и гастролей», а также отметили целесообразность проведения встреч министров культуры стран-участниц «пятерки» [14]. Первая такая встреча состоялась в Пекине 12 апреля 2002 г.

Подобного рода договоренности зафиксированы и в двусторонних соглашениях. Например, в Договоре между КНР и Узбекистаном «О партнерских отношениях дружбы и сотрудничества» стороны отмечали «развитие обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта, а также налаживание контактов между соответствующими органами» (ст. 14) [14].

Практика взаимного проведения Дней культуры, фестивалей искусства и других мероприятий получила распространение на территории всех государств ЦА. Во время саммита в Астане в 2005 г. был создан Китайско-казахстанский подкомитет по культурному и гуманитарному сотрудничеству, проведены Фестиваль искусств и Выставка ШОС, а в 2008 г. – фестиваль фольклорного танца.

Китай стремится обеспечить свои геополитические и экономические интересы в регионе «во многом путём снятия культурно-языковых барьеров, обращая внимание на развитие в регионе китайского языка, своей культуры и образа жизни» [26, с. 74]. Помимо взаимодействия в сфере культуры и спорта получило широкое распространение создание на территории ЦА Институтов Конфуция, распространяющих китайский язык и культуру. Еще в 2005 г. в Ташкенте (Узбекистан) был создан первый Институт Конфуция, в 2007 г. Институт Конфуция был учрежден в Казахстане и в Кыргызстане, а в 2009 г. – в Таджикистане. В настоящее время в странах ЦА действуют 13 Институтов.

Таким образом, Китай на рубеже XX–XXI вв. рассматривал расширение своего влияния на государства ЦА через продуманное, последовательное укрепление геополитических, экономических, культурных связей.

Китайский исследователь Ли Шучжень в 2007 г. писал о необходимости взаимовыгодного сотрудничества «для гармоничного развития мировой экономики, в культурной сфере не обойтись без познания друг друга посредством диалога между цивилизациями для формирования открытого и инклюзивного духовного мира, в сфере безопасности крайне важна реализация глобальной новой концепции безопасности и создание бесконфликтного и стабильного мира» [27, с. 50–51]. Тесно переплетаясь друг с другом, данные сферы (геополитическая, экономическая, культурная) создали своеобразную паутину взаимозависимости КНР и государств ЦА как на региональном уровне, так и на международном.

В 1990-х – начале 2000-х гг. КНР рассматривала сферу безопасности как ключевую для развития отношений со странами ЦА, так как нестабильность в регионе могла повлиять на обстановку в СУАР. В связи с этим уже во второй половине 1990-х гг. китайская дипломатия начала прилагать усилия по продвижению повестки борьбы с сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом. Результатом стало подписание ряда двусторонних и многосторонних соглашений, а также создание ШОС. Решение ключевых вопросов безопасности позволило уделять большее внимание экономическому сотрудничеству, что наглядно показывает существенный рост товарооборота Китая со странами ЦА. Параллельно Китай развивал гуманитарные и культурные проекты в регионе. К 2012 г. КНР удалось достичь значительных успехов в реализации своей внешнеполитической стратегии относительно государств ЦА и стать их крупнейшим партнером во всех сферах.

Список использованных источников

1. *Bao И.* Китай: Стратегические интересы в Центральной Азии и сотрудничество со странами региона / Бао И // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 5. – С. 117–123.
2. *Ли Лифань.* Китай: энергетическая безопасность страны и сотрудничество с Россией, Казахстаном, Японией в сфере энергоресурсов / Ли Лифань // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 1. – С. 128–140.

3. Цзян Сиюань = 蒋锡源. Мирное возвышение Китая = 中国的和平崛起 / Цзян Сиюань = 蒋锡源, Ся Липин = 夏丽萍. – Пекин: Китайские общественные науки = 北京: 中国社会科学, 2004. – 382 с. (на кит. яз.).

4. Чжан Цзе = 张杰. Геостратегия Китая в Центральной Азии и ее влияние на «Экономический пояс Шелкового пути» = 中国的中亚地缘战略及其对“丝绸之路经济带” / Чжан Цзе = 张杰 // Исследование мировой географии = 世界地理研究. – 2016. – № 1. – С. 22–30 (на кит. яз.).

5. Воскресенский, А. Д. Политика Китая в Центральной Азии / А. Д. Воскресенский, С. Г. Лузянин // Южный фланг СНГ: Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России: сб. ст. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений; под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. – М.: Логос, 2003. – С. 301–336.

6. Blank, S. Infrastructural Policy and National Strategies in Central Asia: The Russian Example / S. Blank // Central Asian survey. – Oxford, 2004. – Vol. 23, № 3/4. – P. 225–248.

7. Breslin, Sh. China and the Global Political Economy / Sh. Breslin. – Houndmills, Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2013. – 256 p.

8. Нурша, Г. К дискуссии о «мягкой силе» Китая: уроки для Казахстана / Г. Нурша // Казахстан-Спектр. – 2017. – № 3. – С. 68–83.

9. Сыроежкин, К. Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии / К. Л. Сыроежкин. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – 733 с.

10. Баховадинов, А. Геополитические ориентиры Таджикистана / А. Баховадинов, Х. Додихудоев // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 1. – С. 144–151.

11. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы [Электронный ресурс]: заключено в г. Шанхай 26.04.1996 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901763237>. – Дата доступа: 17.01.2024.

12. Совместное заявление участников Алма-Атинской встречи – Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: заключено в г. Алма-Ата 03.07.1998 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901794856>. – Дата доступа: 17.01.2024.

13. Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: заключена в г. Бишкек 25.08.1999 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901743899>. – Дата доступа: 17.01.2024.

14. Душанбинская декларация Глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: заключена в г. Душанбе 05.07.2000 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901770882>. – Дата доступа: 17.01.2024.

15. Декларация о создании «Шанхайской Организации Сотрудничества» [Электронный ресурс]: заключена в г. Шанхай 15.06.2001 г. // Министерство иностранных дел

Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1678030/. – Дата доступа: 17.01.2024.

16. Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]: заключено в г. Шанхай 04.09.2003 г. // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/uz/docs/1325463>. – Дата доступа: 17.01.2024.

17. Договор между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой о партнерских отношениях дружбы и сотрудничества [Электронный ресурс]: заключен в г. Пекин 25.05.2005 г. // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/2059800>. – Дата доступа: 17.01.2024.

18. Комиссина, И. Н. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / И. Н. Комиссина, А. А. Куртов; под ред. Е. М. Кожокина. – М.: РИСИ, 2005. – 117 с.

19. Чэньсин, В. ШОС: стабилизатор региональной безопасности в евразийском пространстве / В. Чэньсин // Интеграционные процессы в евразийском пространстве и современный мир: материалы междунар. науч.-практ. конф., Алматы, 14 ноября 2012 г.; отв. ред. Б. К. Султанов. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2013. – С. 211–215.

20. Меморандум об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций [Электронный ресурс]: заключен в г. Алматы 14.09.2001 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicstva-sos-/1678100/. – Дата доступа: 17.01.2024.

21. Zhiltsov, S. S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: New Opportunities and New Challenges / S. S. Zhiltsov // Central Asia and the Caucasus. – 2014. – Vol. 15, iss. 4. – P. 69–79.

22. Маркова, Е. А. Политика Китая в Центральной Азии (90-е годы XX века – начало XXI века) / Е. А. Маркова // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – № 9 (1). – С. 121–129.

23. Соколан, Д. С. Роль Китая в социально-экономическом развитии Таджикистана: плюсы и минусы / Д. С. Соколан, Г. А. Каландаршоев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – №3. – С. 357–367.

24. Дун Айбо = 董爱波. Масштабы торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии возросли = 中国与中亚五国的贸易规模增 / Дун Айбо = 董爱波, Ван Цзокуй = 王作葵. – 2013. – Режим доступа: <https://www.163.com/money/article/9114NOTI00254TI5.html>. – Дата доступа: 07.02.2024 (на кит. яз.).

25. Connecting Central Asia with Economic Centers – Russian Version. – Tokio: Asian Development Bank Institute, 2015. – 100 p.

26. Серебрякова, Н. В. Центральназиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира» / Н. В. Серебрякова // Мировые державы в Центральной Азии / под ред. Л. Е. Васильев. – М.: Институт Дальнего Востока, 2011. – С. 74–75.

27. Ли Шучжень = 李淑珍. Коннотация, основа и значение концепции гармоничного мира = 和谐世界理念的内涵 依据和意义 / 李淑珍 // Ситуация и политика = 形势与政策. – 2007. – №2. – С. 50–55 (на кит. яз.).

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

Е Хуашэн

Белорусский государственный университет, Минск

Ye Huasheng

Belarusian State University, Minsk

УДК 94.82-2:[299.51+294.3]

ЖЕНСКИЕ ПЕРСОНАЖИ КИТАЙСКОЙ ДРАМЫ ПЕРИОДА ДИНАСТИИ МИН «НОВАЯ РЕДАКЦИЯ “МУЛЯН СПАСАЕТ СВОЮ МАТЬ И ПООЩРЯЕТ ДОБРОТУ”» В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ «ТРЕХ РЕЛИГИЙ»

FEMALE CHARACTERS OF THE MING DYNASTY CHINESE DRAMA «NEW EDITION OF “MULIAN SAVES HIS MOTHER AND ENCOURAGES KINDNESS”» IN THE CONTEXT OF THE TEACHINGS OF THE «THREE RELIGIONS»

В статье рассматривается китайская драма династии Мин в контексте религиозного климата того периода. В частности, первостепенное внимание уделено женским персонажам драмы, которые свидетельствуют о трансформации, которую переживало общество эпохи Мин. Автор пришел к выводу о том, что наполнение подробными, в том числе положительными, характеристиками изначально сугубо отрицательного женского персонажа пьесы – Лю Цинти, а также появление нового образа – невесты главного героя Цао Сайин, свидетельствует о наличии социального запроса на женский поведенческий кодекс, который был инициирован в лоне неоконфуцианства и начал реализовываться в рамках концепции сань цзяо.

Ключевые слова: Китайская драма; династия Мин; сан цзяо; «три религии»; «Новая редакция “Мулян спасает свою мать и поощряет доброту”»; буддизм; даосизм; неоконфуцианство; концепция «строгого целомудрия».

The article examines Chinese drama of the Ming Dynasty in the context of the religious climate of that period. In particular, primary attention is paid to the female characters of the drama, who testify to the transformation that Ming society was experiencing. The author came to the conclusion that the filling with detailed, including positive, characteristics of the initially purely negative female character of the play – Liu Qingti, as well as the creation of a new image – the bride of the main character Cao Saiying, indicates the presence of a social demand for a female behavioral code, which was initiated in the bosom of Neo-Confucianism and began to be implemented within the framework of the concept of san jiao.

Keywords: Chinese drama; Ming Dynasty; san jiao; “three religions”; «New edition of “Mulian saves his mother and encourages kindness”»; Buddhism; Taoism; neo-Confucianism; the concept of “extreme virtue”.

В традиционном обществе Китая три религии – конфуцианство, даосизм и буддизм – играли важную роль, оказывая влияние на социальные, политические и культурные институты, определяя место мужчин и женщин в семье и обществе. Первоначально эти учения функционировали более менее независимо. Однако с течением времени они начали сближаться и даже объединяться в некоторых своих аспектах. Такой синкретизм трех религий наблюдался уже во времена династий Вэй, Цзинь, Южной и Северной династий, династий Тан и Сун. Но только в период династий Юань, Мин и Цин религиозный синкретизм не только поддерживался как форма «народной религии», но и начал поощряться государством. Так, во времена династии Мин идея интеграции трех религий в одно учение – *сань цзяо* – была поддержана на государственном уровне: основатель династии Мин император Тайцзу (1328–1398 гг.) первым сформулировал политику совмещения трех религий в одно учение [1, с. 41]. Немалый вклад в популяризацию данной концепции вложил также знаменитый неоконфуцианец Ван Янмин (1472–1529 гг.) [2, с. 46].

Эта инициатива «сверху» имела определенную поддержку среди населения Китая, поскольку религиозный синкретизм давно пронизал общественное сознание людей. В частности, синкретические идеи проникли и в китайскую драматургию того времени, которая во многом отражала существующие реалии и социальные запросы, в том числе на нормы морали и нравственности для мужчин и женщин.

Ярким примером такого религиозного синкретизма и фактически популяризацией *сан цзяо* стала пьеса драматурга Чжэн Чжичжэня (1518–1595 гг.) «Новая редакция “Мулянь спасает свою мать и поощряет доброту”», которая основана на известном буддийском произведении III–IV в. «Мулянь спасает свою мать», обнаруженном в коллекции Дуньхуанских рукописей из пещеры Магао (Дуньхуан) периода династии Тан. В свою очередь китайская история Муляня явилась переработкой буддийской Улламбана-сутры традиции махаяны, переведенной, согласно буддийской традиции, на китайский язык Дхармаракашей в III–IV вв.

Сюжет сутры оказался близок средневековым китайцам. Многочисленные версии данного произведения передавались в народе долгое время, пока не нашли должного внимания среди образованной китайской аудитории. Особое почтение к пьесе испытывали жители родной провинции литератора юго-востока Китая – Аньхоя, где постановка пьесы носила ритуальный характер, длилась семь суток и требовала огромных денежных средств [3, р. 8].

Рассматриваемая в данной статье пьеса Чжэн Чжичжэня в каком-то смысле стала знаковой в истории китайского театра – в дальнейшем она легла в основу китайской оперы, а ее образы, в том числе и женские, стали классическими образцами для последующих произведений, в которых популяризовались общественные нормы поведения.

Неудивительно, что пьеса привлекла пристальное внимание исследователей. Ряд китайских ученых освящают разные аспекты данной драмы.

Тайваньский исследователь Чэнь Фань-инь уделил большое внимание эволюции истории о спасении матери Муляна [4]. Фольклорные элементы, художественные приемы, а также религиозные аспекты данного драматического произведения затрагиваются в трудах Чжу Хэнфу, Лю Чжэнь и Линь Юня. В частности, в исследованиях Чжу Хэнфу «Исследование Мулянской оперы» [5] и Линь Юня «Мулянская опера и буддизм» [6] особое внимание уделено изучению проблемы слияния трех религий на материале текста данной драмы. Китайский ученый Сюэ Жуолинь в работе «Идеологические коннотации и фольклорные характеристики Мулянской оперы» пришел к выводу, что, несмотря на то, что сюжет драмы про Муляна возник на основе буддийской традиции, в процессе передачи он постепенно китаизировался, совместив идеи конфуцианства, буддизма и даосизма [7, с. 11]. В исследовании Чжу Хэнфу «Связь между историей о спасении Муляна своей матери и социальным статусом конфуцианской этики» рассматривается вопрос взаимосвязи между расцветом драмы про Муляна в XV–XVI в. и моральным климатом в южном Аньхое, – в частности, автор утверждает, что распространение данного сюжета про Муляна происходило в то время, когда конфуцианская мораль находилась в упадке, и именно данное произведение и его постановки сыграли значимую роль в распространении конфуцианской морали [8, с. 146].

Прежде чем обратиться к анализу женских образов данного драматического произведения в контексте его религиозных аспектов, необходимо взглянуть на то, что собой представлял ее создатель.

О жизни Чжэн Чжичжэня известно очень мало. Некоторые сведения об этом драматурге представлены в предисловии к пьесе и подписи в конце текста. Содержащаяся в них информация указывает на то, что он был уроженцем Синьяня (Хуэйчжоу), изучал конфуцианство, попытался сделать карьеру на государственной службе, но после неудач на императорских экзаменах решил посвятить себя написанию пьес. С обнаружением в 1980-х гг. его могилы и «Семейного древа Чжэна из Цинси» появилось больше сведений о вехах его жизненного пути.

В частности, в «Семейном древе Чжэна из Цинси» описывается, что он был старшим сыном в семье, родился 24 сентября 1517 г. и умер 4 марта 1595 г. в возрасте 77 лет. Он женился на дочери семьи Ван, у них было двое сыновей и две дочери. Чжэн Чжичжэнь с детства страдал глазным заболеванием, но был чрезвычайно умен. В молодости он учился в уездной школе. Хорошее образование позволило ему писать стихи и сочинять мелодии. Однако он неоднократно терпел неудачу на императорских экзаменах и в конце концов посвятил свою жизнь музицированию и литературной деятельности [9, с. 132]. В записях также подчеркивались в духе конфуцианства его добродетели: верность друзьям, поддержание добра и борьба со злом, почтительность по отношению к родителям и покровительство своим братьям, а также верность своему роду и предкам [9, с. 133]. Все это указывает на то, что его семья имела конфуцианские корни.

Теперь обратимся непосредственно к основному повествованию пьесы и вычленению ее религиозных элементов для того, чтобы чуть позже определить место ее женских образов и их социальные функции.

Пьеса состоит из трех основных сюжетов: Первый сюжет повествует о том, как мать главного героя Муляна из семьи Лю нарушает заповедь о вегетарианской пище и начинает есть мясо, что приводит ее к сошествию в ад. Второй сюжет описывает странствие Муляна на запад в поисках Будды. Третий сюжет посвящен поискам Муляна своей матери в аду, чтобы вызволить ее оттуда.

Как уже упоминалось выше, основа пьесы была буддийской. Позже она была дополнена даосскими и конфуцианскими элементами. Религиозные элементы можно выявить как в самом содержании повествования, – когда непосредственно в тексте упоминаются учение Будды, учение Конфуция, или же поведение в соответствии с той или иной религией, – так и в используемых понятиях и концепциях, которые указывают на определенный религиозный фон.

Буддийская основа сюжета пьесы сохранилась во многих деталях. Так, Муляну помогла обрести просветление буддийская богиня Гуаньинь, после чего он и решил отправиться в путешествие на запад, чтобы поклониться Будде и попросить его спасти свою мать. Кроме того, в произведении обыгрываются некоторые буддийские понятия. Во-первых, это идея загробной жизни и накопления заслуг для следующей: «Всем известно, что есть загробная жизнь, так почему бы не совершать добрые дела, чтобы накопить заслуги для следующей жизни» [10, с. 134–135]. Понятие «загробная жизнь», или «следующая жизнь» *лай шэн*, характерно и для буддийских, и даосских текстов.

Помимо понятия «загробной жизни» в пьесе сохранились и другие признаки буддийского антуража произведения. В нем присутствуют понятия «причина прошлой жизни» *цян ши инь* и «причина следующей жизни» *хоу ши инь*, характерные также, как и в первом случае, как для буддийских, так и для даосских текстов: «Если вы спрашиваете о прошлой жизни, то это то, что вы переживаете в этой жизни; если вы спрашиваете о следующей жизни, то это то, что вы сделали в этой жизни» [10, с. 134–135]. В пьесе также встречается связанное с прошлой и будущей жизнями такое буддийское понятие, как перевоплощение *лунь хуэй*, несущее в себе значение кармы – воздаяния за поступки [10, с. 134–135].

Одновременно в рассматриваемом произведении ясно проявлена и даосская концепция «унаследованного бремени» – *чэнфу* [11, с. 70]. Согласно этой концепции, если предки накапливали добродетель и творили добрые дела, то Небеса будут милостивы и защитят потомков; если же предки совершили зло, то потомков ждут невиданные бедствия.

В пьесе концепция *чэнфу* прослеживается, к примеру, в похвале императора за сыновью почтительность Муляна, в награде Муляна чиновничьими должностями [10, с. 250]. Исходя из концепции *чэнфу*, несшая наказание

в аду мать Муляна стремилась добиться к себе снисхождения, подчеркивая, что ее сын сделал много добрых дел: «Мой сын – хороший человек, который готов делать добро. Он часто жертвовал вегетарианскую еду монахам и даосским священникам, чтобы помочь бедным. Несмотря на то, что я плохая, надеюсь, что заслуги моего сына могут компенсировать мои недостатки» [10, с. 250]. Конечно, согласно *чэнфу*, накапливаться могут не только добрые заслуги, но и злые дела. В пьесе сын семьи Лю – речь идет о семье брата матери Муляна – был наказан за многочисленные злодеяния своего отца: «Я – Лю Лунбао, сын Лю Цзя. Поскольку мой отец не уважал богов и занимался похищением других, после его смерти я стал нищим и зарабатывал на жизнь попрошайничеством» [10, с. 466].

Это наглядный пример даосской теории *чэнфу*, в которой, в отличие от буддизма, наказание и воздаяние носит не индивидуальный характер, а наследуется от предшествующих поколений.

Как центральный персонаж произведения, Мулян преподносится читателю не только как прилежный буддист, но также как почтительный сын. Причем, сыновья почтительность – главная тема всего произведения, что указывает на сильное конфуцианское влияние и дает основания предполагать, что произведение использовалось для распространения в первую очередь конфуцианской морали: «Небесное сыновнее благочестие – первое, и сила сыновнего благочестия должна исходить из юности» [10, с. 5]. В данном случае используется понятие *сяо* – «почтительный», которое широко встречается в конфуцианских текстах. Мулян демонстрирует сыновнюю почтительность, когда не соглашается со своей матерью, убеждавшей его кушать мясную пищу, и цитирует выдержку из знаменитого конфуцианского трактата «Лунь юй» [12, с. 12].

На конфуцианское влияние также указывает использование в произведении понятия *чжун* – «верность»: «Император считал, что верность и сыновняя почтительность столь же важны, как моральный кодекс и кодекс поведения для чиновников и сыновей» [10, с. 245]. Верность в конфуцианстве имеет очень широкое значение: это верность себе, верность другим и верность императору. В пьесе в основном обсуждается вопрос верности правителю. Конфуцианская идея верности императору является ядром традиционной китайской политической мысли [13, с. 29].

Переходя теперь непосредственно к анализу женских персонажей рассматриваемой драмы, следует отметить два образа, которые во многом являются противоположными: мать Муляна Лю Цинти и его невеста Цао Сайин. Не имея исторических прототипов в китайской традиции, эти образы и их интерпретации явились своеобразным результатом социального запроса на образцы женского поведения, данные в рамках традиции *сан цзяо*.

Основным центральным образом рассматриваемой пьесы является мать Муляна. Для того, чтобы дать объективную оценку этому персонажу, следует обратить внимание на его эволюцию. Как уже упоминалось выше, сюжет о том, как Мулян спас свою мать, заимствован из «Улламбана-сутры».

В сутре мать Муляна не имеет ни имени, ни фамилии, а ее образ предельно прост: она описывается всего одним предложением: «Грехи твоей матери имеют глубокие корни» [14, с. 1]. Что же касается конкретизации ее грехов и того, какое наказание она получила в аду, в этом произведении такие детали отсутствуют. То есть этот женский персонаж долгое время являлся фоном для демонстрации достоинств главного героя драмы.

В IX в. в эпоху Тан рассказы о Муляне начали распространяться в песенно-повествовательном жанре *бяньвэнь*, где сказание перемежалось со стихотворными вставками. К этому жанру относятся такие произведения, как «Мулян спасает свою мать в подземном мире» и «Происхождение Муляна» [15; 16]. В них присутствует четкий образ и имя матери Муляна с некоторыми деталями ее жизни и характера (ее зовут госпожа Цинти, она из богатой семьи живет на западе, по натуре она жадная, убивает скот и птицу) [15; 16].

Рассказы про Муляна в жанре *бяньвэнь* заметно расширили сюжетное содержание «Улламбана-сутры» и обогатили характеры персонажей, при этом сохранив основную идею сутры. Причина, по которой в произведениях *бяньвэнь* мать Муляна продолжала изображаться как злодейка, которую сослали в ад, заключалась, с одной стороны, в том, чтобы наглядно продемонстрировать буддийские идеи «кармы» и «реинкарнации», а также закрепить статус буддизма в обществе, который соперничал с конфуцианством. С другой стороны, госпожа Цинти в произведениях того времени выступала как «любящая мать», достойная сочувствия. Материнская любовь к сыну также помогала обосновать модель сыновней почтительности через образ Муляна, который на протяжении всего произведения стремился спасти свою мать. Рассказы про Муляна в жанре *бяньвэнь* фактически явились своеобразной пропагандой конфуцианской модели «почитания родителей» и «творения добрых дел», что позволяет говорить о сближении и примирении буддизма и конфуцианства в китайском обществе периода Мин.

Пьеса Чжэн Чжичжэня эпохи Мин в целом основывалась на произведениях в жанре *бяньвэнь*, однако в ней добавилось еще больше деталей к характеристикам героев драмы и, в частности, к описанию матери Муляна. Дело в том, что это произведение было создано в эпоху, когда идея «слияния трех религий» проникла во все сферы жизни общества. Буддийские взгляды на реинкарнацию, добро и зло дополнялись традиционной конфуцианской этикой, краеугольным камнем которой была идея «сыновней почтительности». Образ матери Муляна обогатился такими чертами, как заботливость, отзывчивость, ответственность перед семьей и мужем [10, с. 50]. Этот позитивный набор качеств был присущ матери Муляна, пока был жив ее муж. При этом образ Лю Цинти сохранял также традиционные черты в рамках буддийской концепции о воздаянии. С буддийской и даосской точек зрения Лю Цинти заслужила попадания в ад, когда стала убивать животных и нарушать обеты. Однако с позиций конфуцианства ее образ не был таким уж ненавистным и даже укладывался в конфуцианскую женскую модель

поведения. К этим аспектам ее образа можно отнести усердие, с которым Лю Цинти работала, а также ее заботу о муже. Она не только помогала в повседневной жизни своему супругу, она также активно поддерживала его благотворительные дела, такие как вынос еды для монахов и помощь бедным людям. Таким образом, образ Лю Цинти в целом отвечал конфуцианской модели хорошей жены, тогда как с точки зрения буддизма она являлась моделью несправедливой жизни.

Сугубо положительным женским драматическим персонажем, через который шла популяризация и распространение модели женского праведного поведения, стал совершенно новый для этой драмы женский образ – невеста Муляна Цао Сайин. Этот персонаж появляется не случайно. Дело в том, что в то время, когда была составлена драма, в рамках неоконфуцианства завершилось построение женской морали на основе тысячелетнего обобщения нравственных требований конфуцианства к женщинам. В рамках этого «женского кодекса» женское целомудрие ставилось практически на один уровень с мужской верностью. Концепция строгого целомудрия стала моральным эталоном для женщин.

В пьесе невеста Муляна, несомненно, является представителем строгого целомудрия в соответствии с конфуцианской этикой. Поскольку Мулян отправился на запад поклоняться Будде, чтобы спасти свою мать, он не мог завершить оговоренный ранее брачный договор. В этот момент один мужчина – господин Дуань, – влюбился в Сайин и поручил свахе сделать ей предложение. Мачеха принуждала ее к замужеству, но Сайин категорически не соглашалась: «Верный министр не служит монархам двух династий, целомудренная женщина, как она, не может выйти замуж за второго мужа!» [10, с. 382]. Чтобы защитить свое целомудрие, она даже отрезала волосы и стала монахиней [10, с. 382].

В целом, образ Цао Сайин представлял собой типичный женский конфуцианский образец верности, целомудрия и мученичества.

Таким образом, несмотря на буддийский фон драмы, а также даосские элементы, основным религиозным стержнем исследуемого произведения все же стало неоконфуцианство. Именно оно играло ведущую роль в формировании концепции «трех учений» в период Мин. В рамках последней под особым влиянием неоконфуцианства шло распространение образца женской нравственности, что доказывается созданием нового женского персонажа драмы – невесты главного героя. Кроме того, распространение конфуцианских женских идеалов транслировалось не только через образ Цао Сайин как целомудренной дочери, но также через образ Лю Цинти как добродетельной жены, т. е. через тот образ, который изначально, в буддийском прочтении, был исключительно негативным.

Следует также учитывать, что китайская драма не только отражала процессы, которые происходили в обществе Мин. Представленное произведение было популярно среди образованных слоев населения: неоконфуцианских ученых, придворной знати, т. е. людей, которые являлись проводниками

проводимой в государстве религиозной и социальной политики. В дальнейшем такие популярные произведения, каковым несомненно являлась рассматриваемая пьеса, стали инструментами распространения религиозных и этических идеалов женской добродетели среди всего населения Китая.

Список использованных источников

1. Ван, Гунвэй (王公伟). «Запись самопознания» и направление мысли “три религии в одной” в эпоху поздней династии Мин («自知录»与晚明“三教合一”思潮) / Гунвэй Ван // Буддийская культура (佛教文化). – 2005. – № 6. – С. 41–51.

2. Ран, Цилинь (冉麒麟). Исследование социальной идентичности конфуцианства в свете идеи «трех религий» в эпоху династии Мин (明代“三教合一”思想下的儒学社会色彩认同研究) / Цилинь Ран // И Юань. – 2021. – № 6. – С. 45–49.

3. Grant, B.; Idema, W.L. Introduction // Escape from blood pond hell: The tales of Mulian and woman Huang. Washington: University of Washington Press, 2011. – x, 278 pp.

4. Чэнь, Фань-инь (陈芳英). Исследование эволюции истории о спасении матери Муляна и связанной с ней литературы (目连救母故事之演进及其有关文学之研究) / Фань-инь Чэнь. – Тайвань: Издательский комитет Национального Тайваньского университета, 1983. – 193 с.

5. Чжу, Хэнфу (朱恒夫). Исследование Мулянской оперы (目连戏研究) / Хэнфу Чжу. – Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 1993. – 227 с.

6. Линь, Июнь (凌翼云). Мулянская опера и буддизм (目连戏与佛教) / Июнь Линь. – Гуандун: Пресса о высшем образовании провинции Гуандун, 1998. – 274 с.

7. Сюэ, Жолинь (薛若邻). Идеологические коннотации и фольклорные характеристики Мулянской оперы (目连戏的思想内涵与民俗特征) / Жолинь Сюэ // Литературоведение. – 1994. – № 5. – С. 11.

8. Чжу, Хэнфу (朱恒夫). Связь между историей о спасении Муляном своей матери и социальным статусом конфуцианской этики (目连救母故事与儒家伦理的社会地位之关系) / Хэнфу Чжу // Театроведение. – 2001. – № 2. – С. 146–161.

9. Чжу, Ваньшу (朱万曙). Информация о жизни Чжэн Чжичжэня найдена в «Семейного древа Чжэна из Цинси» (《祁门清溪郑氏家乘》所见郑之珍生平资料) / Ваньшу Чжу // Литературное наследие. – 2004. – № 6. – С. 132–135.

10. Чжэн, Чжичжэнь (郑之珍). Новая редакция «Мулян спасает свою мать и поощряет доброту» (新编目连救母劝善戏文) / Чжичжэнь Чжэн / пер. Чжу Ваньшу. – Хэфэй: Книжный магазин Хуаншань, 2005. – 514 с.

11. Ю, Джи (于吉). Школа Тайпин Цзин (太平经) / Джи Ю. – Шанхай: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 2013. – 2624 с.

12. Конфуций (孔子). Лун Юй (论语) / Конфуций. – Яньцзи: Изд-во Янбянского университета, 2017. – 248 с.

13. Хэ, Ян (何晏). Аннотация к классике сыновней почтительности (孝经注疏) / Ян Хэ. – Шанхай: Шанхайское изд-во древних книг, 1990. – 206 с.

14. Будда говорит о сутре Улламбана (佛说盂兰盆). – Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 2011. – 3 с.

15. Пань, Чунгуй (潘重规). Мулян спасает свою мать в подземном мире (大目乾连冥间救母变文) [Электронный ресурс] / Чунгуй Пань // Новая коллекция Дуньхуан Бяньвэнь

(敦煌变文集新). – Режим доступа: <http://guoxue.r12345.com/new/0002/dhbw/048.htm>. – Дата доступа: 12.12.2023.

16. Пань, Чунгуй (潘重规). Происхождение Муляна (目连缘起) [Электронный ресурс] / Чунгуй Пань // Новая коллекция Дуньхуан Бяньвэнь (敦煌变文集新). – Режим доступа: <http://guoxue.r12345.com/new/0002/dhbw/047.htm>. – Дата доступа: 12.12.2023.

(Дата подачи: 09.02.2024 г.)

Е. В. Елисеенко

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. Yeliseyenka

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 613-055.2:930.2(476)+070.1:613-055.2(476)(091)

**ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ЖЕНСКОГО ЗДОРОВЬЯ
В ИЗДАНИИ «БЕЛАРУСКАЯ РАБОТНИЦА І СЯЛЯНКА»
(«РАБОТНИЦА І КАЛГАСНИЦА БЕЛАРУСІ»)
В ПЕРИОД 1924–1939 ГГ.**

**ISSUES OF WOMEN'S HEALTH IN THE PUBLICATION
«BELARUSIAN WORKWOMAN AND VILLAGE WOMAN»
(«WORKWOMAN AND KALGASNITSA OF BELARUS»)
IN 1924–1939**

В данной статье представлена малоизученная в отечественной историографии проблема охраны репродуктивного здоровья женщин БССР в 1924–1939 гг. Автор анализирует публикации периодического издания «Беларуская работніца і сялянка» (с 1931 г. – «Работніца і калгасніца Беларусі»). Выделены приоритетные направления медико-санитарного просвещения женщин, обозначены темы, считавшиеся важнейшими в вопросах охраны репродуктивного здоровья женщин для белорусской медицины.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье женщин; медико-санитарное просвещение; аборт; материнство и младенчество; женский алкоголизм; болезни женской репродуктивной системы.

This article presents the problem of protecting the reproductive health of women in BSSR in 1924–1939, little studied in historiography. The author analyzes the publications of the periodical «Belarusian Workwoman and Village Woman» (since 1931 – «Workwoman and Kalgasnitsa of Belarus»). The priority areas of women health education are highlighted, and the topics that were considered the most important in matters of protecting women's reproductive health for Belarusian medicine.

Keywords: Women's reproductive health; health education; abortion; motherhood and infancy; female alcoholism; diseases of the female reproductive system.

Октябрьская революция обозначила радикально новые перемены в гендерном вопросе и статусе женщины в советском обществе. Женщины не только давали полную свободу выбора репродуктивного поведения,

но и делегировали ей полную ответственность за все возможные последствия. Свобода нравов 1920-х гг. выплескивала «из стакана воды» новый взгляд государства на репродуктивное здоровье женщин. Особенный интерес для изучения представляет период первого десятилетия советской власти, отмеченный небывалыми ранее изменениями в социальном статусе женщин. Женщина рассматривалась государством как активная труженица. Советская женщина имела возможность получить образование и построить карьеру. Вместе с тем на протяжении 1920–1930-х гг. в СССР кардинально менялось отношение государства к репродуктивному здоровью женщин: от полной свободы к тотальному контролю. Всё это делает рассматриваемый период весьма важным.

С 1970-х гг. многие историки стали обращаться к вопросам гендера в целом, в мировой исторической науке возник устойчивый интерес к женской истории и истории повседневности. В белорусской исторической науке эти тенденции начали прослеживаться в начале 2000-х гг.

При изучении положения советских женщин белорусскими историками рассматриваются вопросы охраны материнства и младенчества, проблемы семейного быта и семейно-брачных отношений, борьбы с пьянством в семьях, половой распущенностью, а также деятельность государства по пресечению данных негативных явлений.

И. Р. Чикалова рассматривает государственную систему охраны репродуктивного здоровья женщин через трансформацию понимания семьи, домашнего труда и материнства в 1920-е гг., где женщина рождает новую *трудовую частицу* [30, с. 247–251].

В 2017 г. вышла книга А. А. Гужаловского «Сэксуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі: 1917–1929 гг.». Автор раскрывает вопросы сохранения репродуктивного здоровья супругов в браке, проблемы абортот и детоубийства в советском обществе, борьбу государства с распространением венерических заболеваний, в том числе на примерах из частной жизни белорусов [6, с. 174–183; с. 215–226].

Работы А. Н. Дулова показывают гендерную роль женщины рассматриваемого периода как труженицы, определяя ее в обществе как «работающая мать». Вместе с тем автором рассматривается государственная поддержка материнства, профилактика абортов и т. д. [7].

Вопросы нормативно-правового обеспечения охраны репродуктивного здоровья советской женщины, организации системы здравоохранения в советский период напрямую связаны с историей медицины в целом и нашли отражения в работах С. Н. Занько, Л. Е. Радецкой [1, с. 7], Е. М. Тищенко [25, с. 387] и др.

Вместе с тем проблема медицинского просвещения советской женщины в БССР в области сохранения её репродуктивного здоровья 1920–1930-х гг. в исторической науке детально не рассмотрена.

Выбор периодического издания «Беларуская работніца і сялянка» для исследования не случаен. Впервые оно вышло в печать в 1924 г. За столет-

ною историю своего существования издание меняло названия и с 1995 г. известно белорускам как журнал «Алеся» [10]. Журнал всегда был доступным, популярным и раскрывал на своих страницах важные вопросы, волнующие белорусских женщин, в том числе и проблему охраны женского здоровья.

Для изучения заявленной проблематики были проанализированы публикации «Беларускай работніцы і сялянкі» (с 1931 г. – «Работніца і калгасніца Беларусі») за 1924–1939 гг.

Материалы, отражающие вопросы охраны репродуктивного здоровья женщины в БССР, можно разделить по хронологии на два периода: 1924–1935 гг. и 1936–1939 гг. Хронологической границей выступает постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [23].

Публикации периодического издания за 1924–1935 гг., отражающие вопросы охраны репродуктивного здоровья женщины в БССР, можно классифицировать по следующим группам:

- 1) публикации в рамках медико-санитарного просвещения женщин;
- 2) публикации об абортах, их последствиях, а также средствах контрацепции;
- 3) письма читательниц и обратная связь с редакцией.

Рассмотрим каждую группу более подробно.

Медико-санитарное просвещение занимало важное место в работе советских партийных органов. Справедливо данную проблему поднимали в печати. Уже в первом номере издания «Беларуская работніца і сялянка» декларировалась важность рождения здорового поколения [12]. В 1924 г. доктор М. Вацлавская разместила статью об анатомическом строении репродуктивной системы женщины и проблеме венерических болезней. Репродуктивный период в жизни женщины врач определила с 18 до 50 лет [2].

Публикации врача Моисея Абрамовича Поляка (1868–1938) часто встречались в периодической печати 1920–1930-х гг. в БССР. Этот выдающийся врач, акушер-гинеколог, заведующий Центральным роддомом в г. Минске, секретарь общества минских врачей, сыграл важную роль в просветительской работе среди белорусских женщин в вопросах охраны репродуктивного здоровья. В мае 1928 г. доктор публикует статью «Как должна ухаживать за собой женщина во время менструации», где детально останавливается на вопросах личной гигиены женщины. Интересен тот факт, что доктор призывал использовать в качестве средств личной гигиены чистый бинт, вату, прокладки из ваты, которые продавались «готовыми в аптеках» и стоили недорого [15]. В 1930 г. появился материал М. А. Поляка «Гігіена жанчыны», представляющий собой анатомический разбор женской репродуктивной

системы с медицинским объяснением процесса зачатия ребенка. Опубликована и иллюстрация женских репродуктивных органов [19].

В мае 1926 г. «Беларуская работніца і сялянка» разместила статью о трудящейся женщине, семье и браке [26]. Данная статья предполагала общественную дискуссию в преддверии изменения законодательства в данном направлении. По этой причине редакция просила тружениц города и села присылать свои мнения о семье и браке, возрасте вступления женщины в семейную жизнь.

В этом же номере был размещен материал, в котором подчеркивалось, что занятия физической культурой делают женщину выносливой, крепкой и более способной к тяжелому физическому труду. Также отмечалось, что взрослая работница и крестьянка является или станет матерью, и занятия физической культурой дают здоровье женщине и ее детям [8].

В рубрике «Охрана здоровья» в 1926 г. писали про негативное влияние алкоголя на репродуктивное здоровье женщины. В заметке под красноречивым заголовком «Пьяницы губят также здоровье своих детей», утверждалось, что пьющая женщина отравляет здоровье своего ребенка во время беременности и при кормлении грудью [24]. Общими усилиями предлагалось вступить в борьбу со злейшим врагом трудящихся – алкоголизмом [11].

В девятом номере за 1928 г. представлена рубрика «Беражы здароўе» со статьей «Трыпер – страшная хвароба. Умей асыярагацца і лячыць яе». На примерах историй болезней Домны, Марины и Зоси рассказывается о симптоматике, лечении и последствиях заражения гонореей [27].

В 1929 г. доктор Хвед опубликовал статью «Пухліны маткі», посвященную борьбе с онкологическими заболеваниями женской репродуктивной системы, обратив внимание женщин на важность своевременного обращения к врачам и диагностики заболеваний [29].

В седьмом номере за 1929 г. публикуется материал «Як жанчыне даглядаць сябе ў час цяжарнасці». В статье женщине рекомендуют носить свободную одежду, соблюдать личную гигиену, использовать бандаж для поддержки живота и эластичные бинты (при проблемах с венами) и даже фиксируют факт частой перемены настроения у беременных женщин [21].

Как видим, в рамках медико-санитарного просвещения женщин в БССР рассматривались вопросы строения и функций женской репродуктивной системы, ее болезней (в том числе венерических), а также факторы, оказывающие негативное влияние на женское здоровье.

Публикации об абортах, их последствиях, а также средствах контрацепции можно выделить в отдельную группу. 18 ноября 1920 г. Советская власть разрешила «производство» аборт (искусственное прерывание беременности).

Во втором номере «Беларуской работніцы і сялянкi» была размещена статья доктора М. А. Поляка «Об абортах», в которой автор предупреждает женщин о высокой вероятности осложнений при такой операции. Доктор настоятельно просит женщин не обращаться к бабкам, знахаркам и пови-

тухам для проведения процедуры аборта и фиксирует в печати, что срок беременности для аборта не должен превышать трех месяцев [17]. В марте 1927 г. в рубрике «Охрана здоровья» опубликована статья о предохранительных средствах против беременности. Отмечается рост абортотворности в 1927 г. Среди противозачаточных средств от нежелательной беременности автор упоминает неоконченный акт, изделия из тонкой резины, женский резиновый колпачок для шейки матки, женский презерватив из золота, серебра или слоновой кости, который был предназначен для размещения на шейке матки. Здесь необходимо отметить, что женщины, проживающие в городской и сельской местности имели разный доступ к таким средствам контрацепции.

Упоминались в качестве контрацепции и доступные для женщины бытовые средства: спринцевания с уксусом, впрыскивания йода, использование борной кислоты и т. д. [20]. К сожалению, такие «рекомендации» на страницах популярного издания использовались женщинами на практике и часто приводили к тяжелым репродуктивным последствиям.

В марте 1928 г. М. А. Поляком снова опубликован материал об абортах. В статье он отмечает законные основания для медицинского аборта: тяжелые болезни (заболевания легких, сердца и др.), а также сложное материальное положение, обремененность большим количеством детей, наличие грудного ребенка [18]. В апрельской статье про аборт доктор предостерегает женщин от обращений к неквалифицированным кадрам, отмечая, что многие акушерки и бабки сидят в тюрьмах за свою преступную деятельность. Далее идет описание методов проведения подпольных абортотворений в антисанитарных условиях. Первая группа – «зелья», вызывающие сильную интоксикацию организма, чтобы вызвать выкидыш. Вторая группа – использование острых предметов для прокола, третья группа – бытовые предметы, вызывающие ожоги слизистой женских половых органов (например, горчица) [14].

В десятом номере за 1930 г. доктор М. А. Поляк публикует статью «Як збэрагчыся ад цяжарнасці», где в качестве надежных примеров контрацепции приводит резиновые женские колпачки и препарат «Контрацэпцін», отмечая малоэффективность мужских презервативов, которые часто рвутся и имеют высокую стоимость, поэтому малодоступны [22]. В тринадцатом номере за 1930 г. врач разъясняет женщинам причины маточных кровотечений [16]. Белорусский историк А. А. Гужаловский отмечал, что минский врач М. А. Поляк рекомендовал женщинам в качестве способа контрацепции уксусные тампоны [6, с. 174]. В пятнадцатом номере за 1930 г. женщинам снова рассказывают об осложнениях после аборта, подчеркивая, что в советском государстве аборт разрешен в отличие от царской России и Европы [13].

Таким образом, проблема абортотворения неоднократно поднималась в печати. В материалах об абортах прослеживается борьба с неквалифицированной медицинской помощью бабок и повитух, «подпольными» абортотворениями.

Письма читательниц и обратная связь регионов с редакцией «Беларускай работніцы і сялянкі» является самой немногочисленной, но важной группой опубликованных материалов, так как показывает события на местах.

В 1928 г. в рубрике «3 груды пісем рабселькорак» читательница Фаня Гиновкер написала, что в Оршанском округе 31 декабря прошла лекция врача Рубиновича на фабрике «Днепровская мануфактура», которая заинтересовала и работниц фабрик, и местных крестьянок. Лекция была посвящена женским болезням и их лечению [4]. Данный факт важен, так как подтверждает работу на местах: выездные лекции в вопросах медико-санитарного просвещения женщин.

В декабре 1928 г. анонимный корреспондент под псевдонимом «Вясковая» опубликовала заметку «Сымоніхіна зельле», где рассказала, что в деревне Зачистье Борисовского района знахарка Сымониха подпольно делает аборты женщинам. Автор завершает заметку просьбой привлечь Сымониху к ответственности [3].

В пятом номере за 1929 г. «Беларуская работніца і сялянка» публикует материал заведующего диспансером Голодца из г. Бобруйска «От позорного ремесла – к трудовой жизни», посвященный борьбе с проституцией и распространением венерических заболеваний [5].

Публикация таких материалов имела важное значение для советской женщины. В этом огромная заслуга советской власти и советских врачей. Необходимо отметить, что медицинские работники М. А. Поляк, М. Вацлавская, Хвед, Голодец и др. внесли огромный вклад в вопросы охраны репродуктивного здоровья женщин в БССР, поднимая в печати проблемы соблюдения личной гигиены, вреда самолечения, абортов, необходимости своевременной диагностики женских болезней.

Однако общественно-политический климат 1920-х гг. сменился в связи с ужесточением модели построения социализма, в том числе и в вопросах построения семьи. Личная жизнь была взята государством под контроль. Материалы по охране репродуктивного здоровья женщины постепенно вытеснялись, считались неприличными и неуместными для обсуждения.

В середине 1930-х гг. «Работніца і калгасніца Беларусі» публикует преимущественно материалы об общественно-политической ситуации в стране, о важности выявления «неправильного» уклона в партии, врагов партии, борьбе с безграмотностью женщин, о положении трудящихся за рубежом, передовиках производства, необходимости защиты советского государства, о воспитании детей, а вот в вопросах охраны репродуктивного здоровья женщин намечается «коренной перелом». На обложке периодических изданий всё чаще размещается изображение женщины с маленьким ребенком на руках...

Так, обложка одиннадцатого выпуска издания «Работніца і калгасніца Беларусі» в 1936 г. ожидаемо вышла с изображением матери с ребенком на руках... На первой странице размещался проект закона о запрете аборт-

тов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении материальной помощи многодетным, расширении сетки родильных учреждений и яслей, введении уголовной ответственности за неуплату алиментов, изменениях в законодательстве о разводах. Закон об абортах 18 ноября 1920 г. подлежал пересмотру [23].

С обложки двенадцатого июньского номера 1936 г. улыбался десяти-месячный Сережа Стефанович. Выпуск пестрил заголовками «Шчасце быць мацерай!», «Радуйцеся жанчыны!», «Я маці шчаслівай сям’і», «Пра маці дзевяці дзяцей» [28]. В августовский номер «Работніца і калгасніца Беларусі» за 1936 г. прислала заметку Т. Кукаревич, крестьянка из колхоза «Звезда» Узденского района. Женщина родила ребенка в роддоме Гоцуховского сельского совета, приехав туда для родов за двадцать километров. За свое счастливое материнство она благодарила товарища Сталина [9].

Таким образом «Беларуская работніца і сялянка» является важным историческим источником для изучения системы охраны репродуктивного здоровья женщины в 1924–1939 гг. Официальную позицию советской власти здесь можно разграничить в 1936 г.

В первый период женщина прежде всего, имея известную свободу интимных отношений, рассматривалась как труженица и модель своего репродуктивного поведения она регулировала сама. Медиками и властями признавался тот факт, что многочисленные роды тяжело сказываются на женском здоровье. Поэтому для советской женщины в периодической печати размещались материалы о контрацепции.

В 1936–1939 гг., ввиду изменения политической ситуации в стране, тотального контроля, форсированного строительства социализма и вынесения «неудобных» вопросов охраны репродуктивного здоровья женщин (абортов, контрацепции, борьбы с распространением венерических болезней и др.) из публичного обсуждения, формируется культ многодетной матери-труженицы, благодарной партии и лично товарищу Сталину за счастливое материнство. Активно публикуются материалы для матери по уходу за детьми, в центре внимания медицинского просвещения – мать и ребенок.

Список использованных источников

1. Акушерство: учеб. пособие / С. Н. Занько [и др.]; под ред. С. Н. Занько, Л. Е. Радецкой. – Витебск: Витеб. гос. мед. ун-т, 2017. – 382 с.
2. Вацлавская, М. Женские болезни / М. Вацлавская // Беларус. работніца і сялянка. – 1924. – № 2. – С. 37.
3. Вясковая. Сымоніхіна зелле / Вясковая // Беларус. работніца і сялянка. – 1928. – № 12. – С. 24.
4. Гиновкер, Ф. 3 груды пісем рабселькорак / Ф. Гиновкер // Беларус. работніца і сялянка. – 1928. – № 3. – С. 23.
5. Голодец. От позорного ремесла – к трудовой жизни / Голодец // Беларус. работніца і сялянка. – 1929. – № 5. – С. 8.

6. *Гужалоўскі, А. А.* Сэксуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі: 1917–1929 гг. / А. А. Гужалоўскі. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017. – 257 с.
7. *Дулов, А. Н.* Брак, семья, материнство в государственной политике БССР 1920-х – первой половине 1930-х гг. / А. Н. Дулов // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / под ред. И. Р. Чикаловой. – Минск: БГПУ, 2004. – Вып. 3. – С. 218–235.
8. *Задорын, Н.* Фізкультура – работніцы і сялянцы. Чаму неабходна фізкультура? / Н. Задорын // Беларус. работніца і сялянка. – 1926. – № 5. – С. 12.
9. *Кукарэвіч, Т.* Шчаслівае мацярынства / Т. Кукарэвіч // Работніца і калгасніца Беларусі. – 1936. – № 15. – С. 15.
10. *Меляшэвіч, Р. І.* «Беларуская работніца і сялянка» – першае нацыянальнае выданне для жанчын / Р. І. Меляшэвіч // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2005. – № 2. – С. 129–133.
11. На борьбу с зеленым змием // Беларус. работніца і сялянка. – 1928. – № 9. – С. 6.
12. Охрана материнства и детства – залог здорового поколения // Беларус. работніца і сялянка. – 1924. – № 1. – С. 36.
13. *Поляк, М.* Аборт / М. Поляк // Беларус. работніца і сялянка. – 1930. – № 15. – С. 16.
14. *Поляк, М.* Аборты – не дело акушеров и бабок-повитух / М. Поляк // Беларус. работніца і сялянка. – 1928. – № 4. – С. 24.
15. *Поляк, М.* Как должна ухаживать за собой женщина во время менструации / М. Поляк // Беларус. работніца і сялянка. – 1928. – № 5. – С. 26.
16. *Поляк, М.* Маточные кровотечения / М. Поляк // Беларус. работніца і сялянка. – 1930. – № 13. – С. 17.
17. *Поляк, М.* Об абортах / М. Поляк // Беларус. работніца і сялянка. – 1924. – № 2. – С. 36.
18. *Поляк, М.* Об аборте / М. Поляк // Беларус. работніца і сялянка. – 1928. – № 3. – С. 21.
19. *Поляк, М.* Гігіена жанчыны / М. Поляк // Беларус. работніца і сялянка. – 1930. – № 7. – С. 17.
20. *Поляк, М.* Предохранительные средства против беременности / М. Поляк // Беларус. работніца і сялянка. – 1927. – № 3. – С. 19.
21. *Поляк, М.* Як жанчыне даглядаць сябе ў час цяжарнасці / М. Поляк // Беларус. работніца і сялянка. – 1929. – № 7. – С. 16.
22. *Поляк, М.* Як зберагчыся ад цяжарнасці / М. Поляк // Беларус. работніца і сялянка. – 1930. – № 10. – С. 17.
23. Проект постановления ЦВК и СНК Союза ССР «Аб забароне абортў, павелічэнні матэрыяльнай дапамогі рожаніцам, устанаўленні дзяржаўнай дапамогі шматсямейным, пашырэнні сеткі радзільных дамоў, дзіцячых ясель і дзіцячых садоў, узмацненні крымінальнага пакарання за неплацеж аліментаў і аб некаторых зменах у заканадаўстве аб разводах» // Работніца і калгасніца Беларусі. – 1936. – № 11. – С. 1–2.
24. Пьяницы губят также здоровье своих детей // Беларус. работніца і сялянка. – 1926. – № 5. – С. 26.
25. *Тищенко, Е. М.* История медицины: пособие / Е. М. Тищенко. – Гродно: Гродн. гос. мед. ун-т, 2015. – 417 с.

26. Трудящаяся женщина, семья и брак // Беларус. работніца і сялянка. – 1926. – № 5. – С. 5.

27. Трыпер – страшная хвароба. Умей асцярагацца і лячыць яе // Беларус. работніца і сялянка. – 1928. – № 9. – С. 22.

28. *Фрыдрых-Мурашка*. Радуйцеся жанчыны! / Фрыдрых-Мурашка // Работніца і калгасніца Беларусі. – 1936. – № 12. – С. 3.

29. *Хвэд*. Пухліны маткі / Хвэд // Беларус. работніца і сялянка. – 1929. – № 4. – С. 17.

30. *Чикалова, И. Р.* И. Арманд и А. Коллонтай: феминизм, коммунизм и женский вопрос в послереволюционной России / И. Р. Чикалова // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2002. – Вып. 2. – С. 241–250.

(Дата подачі: 20.02.2024 г.)

A. Y. Erashovich

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. Yerashevich

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК [94(476):336.225.66(476)(091)]«18»

УРАДАВЫЯ ПАДАТКОВЫЯ ЛЬГОТЫ Ў БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНІЯХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.

GOVERNMENT TAX BENEFITS IN THE BELARUSIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

У артыкуле разгледжаны абставіны дадання ўрадам Расійскай імперыі падатковых саступак пэўным беларускім губерням, выяўлены формы падатковых льгот, ахарактарызаваны іх месца і роля ў падатковым механізме расійскіх улад на тэрыторыі Беларусі ў першай палове XIX ст. Крыніцамі працы стаў значны комплекс апублікаваных заканадаўчых актаў з Поўнага збору законаў Расійскай імперыі і неапублікаваных архіўных дакументаў і матэрыялаў з фондаў архівасховішчаў у Мінску, Гродне, Вільнюсе. Асноўная ўвага сканцэнтравана на выяўленні месца і ролі падатковых саступак урада на тэрыторыі Віцебскай і Магілёўскай губерняў – рэгіёнаў, найбольш пацярпелых ад настанупстваў шматгадовых неўраджаяў.

Ключавыя словы: падатковыя льготы; падатковыя нядоімкі; растэрміноўка плацяжоў; імператарскія маніфесты; неўраджай; беларускія губерні.

The article examines the circumstances of granting tax concessions by the government of the Russian Empire to certain Belarusian provinces, identifies the forms of tax benefits, characterizes their place and role in the tax mechanism of the Russian authorities on the territory of Belarus in the first half of the XIX century. The sources of the paper were a significant set of published legislative acts from the complete code of laws of the Russian Empire

and unpublished archival documents and materials from the archives in Minsk, Grodno, Vilnius. The main focus is on identifying the place and role of government tax concessions on the territory of Vitebsk and Mogilev provinces. These regions have been most affected by the effects of long-term crop failures.

Keywords: tax benefits; tax arrears; installment payments; imperial manifestos; crop failures; Belarusian provinces.

Падатковыя льготы, як элемент сістэмы і адна з умоў падаткаабкладання, важны інструмент дзяржаўнай падатковай палітыкі і спосаб дзейнасці, аказваюць шматвектарны ўплыў на функцыянаванне падатковай сістэмы, карэкціроўку мадэлі дзяржаўнай фінансавай палітыкі. У механізме дзяржаўнай падатковай палітыкі ўрада на тэрыторыі беларускіх губерняў Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. значнае месца належыць комплексу падатковых урадавых саступак на розных умовах. Рэтраспектыўны аналіз праблематыкі артыкула актуалізуе асэнсаванне і выкарыстанне станоўчага і адмоўнага гістарычнага вопыту эфектыўнасці выкарыстання падатковых «крэдытаў і канікулаў» у ходзе папаўнення даходнай часткі дзяржаўнага бюджэту.

Гістарычныя даследаванні па тэме работы фактычна адсутнічаюць. Аб спісанні ўрадам падатковых нядоімак на тэрыторыі Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. згадвалася ў агульных працах, прысвечаных фарміраванню і функцыянаванню дзяржаўных фінансаў [1], у рамках вывучэння дзяржаўных павіннасцей сялянства Расійскай імперыі ў дарэформенны час [2], гісторыі дзяржаўных падаткаў [3]. Тым не менш у сучаснай айчыннай гістарыяграфіі тэма працы не распрацавана і ў пададзеным аўтарам аспекце адносіцца да найменш даследаваных пытанняў дзяржаўнай фінансавай палітыкі ўрада Расійскай імперыі на тэрыторыі Беларусі ў дарэформенную эпоху.

Мэта працы – вызначыць абставіны давання ўрадам падатковых саступак пэўным беларускім губерням, выявіць формы падатковых льгот, ахарактарызаваць іх месца і ролю ў падатковым механізме ўлад Расійскай імперыі на тэрыторыі Беларусі ў першай палове XIX ст. Для рэалізацыі мэты даследавання быў выкарыстаны значны комплекс апублікаваных заканадаўчых актаў з Поўнага збору законаў Расійскай імперыі і неапублікаваных архіўных дакументаў і матэрыялаў з фондаў архіўасховішчаў у Мінску, Гродне, Вільнюсе.

У архіўных фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Мінску, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Гродне, Дзяржаўнага гістарычнага архіва Літвы ў Вільнюсе адклалася мноства спраў па прашэннях у мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання беларускіх губерняў у першай палове XIX ст., як калектыўных ад імя грамад падаткаплацельшчыкаў (сялян, мяшчан і інш.), так і ў меншай ступені індывідуальных ад імя пэўных суб'ектаў падаткаабкладання (памешчыкаў і інш.) аб памяншэнні, растэрміноўцы, вызваленні, прыпыненні грашовых казённых спагнанняў, давайных збораў, выдачы фінансавых пазык у дзяржаўных крэдытных уста-

новах. З прадстаўленнем аб спісанні безнадзейных да спагнання нядоімак у памеры больш за 10 тыс. руб. трэба было звяртацца за дазволам ў Сенат, сумы дзяржаўнага казначэйства да 10 тыс. руб. – да міністра фінансаў, фінансавыя сродкаў іншых ведамстваў і ўпраўленняў – да іншых міністраў і галоўнаўпраўляючых [4, т. 12-2, № 10692, с. 888–889].

Імператар Аляксандр I згодна з маніфестам ад 2.04.1801 г. дараваў усе грашовыя нядоімкі ў памеры да 1000 руб. [5, т. 26, № 19949, с. 722], а пасля каранацыі паводле маніфеста ад 15.09.1801 г. выключыў з падушнага акладу на 1802 г. 25 кап. з рэвізскай душы мужчынскага полу [5, т. 26, № 20011, с. 788; 6, арк. 153]. За палову 1802 г. сяляне былі вызвалены ад ўзносу падушных падаткаў [7, арк. 129адв.]. У канцы 1806 г. былі выключаны з рахункаў безнадзейныя да спагнання нядоімкі [5, т. 29, № 22312, с. 779–781].

Імяны ўказ імператара Аляксандра I Сенату ад 9.06.1823 г. (сенацкі ўказ ад 18.06.1823 г.) скасоўваў па ўсіх губернях спагнанне з казённых сялян з 1.07.1823 г. усталёванай маніфестам ад 16.05.1811 г. штомесечнай пеннай нядоімкі за неплацёж у тэрмін аброчнага, падушнага падаткаў, збораў на вадзяныя і сухапутныя шляхі зносін, за права вінакурства, на земскія павіннасці. Акрамя дараванай пені, усе назапашаныя да 1823 г. нядоімкі дзяржаўных падаткаў былі растэрмінаваныя на розных умовах [8, арк. 226–227, 239; 9, арк. 124–127; 5, т. 38, № 29504, с. 1032–1033]. 14.11.1824 г. з'явіўся імператарскі ўказ Сенату адносна палёгак у плацяжы нядоімак мяшчанам і цэхавым рамеснікам гарадоў усіх губерняў. Выйшла распараджэнне аб спагнанні ў 1825 г. нядоімак за ранейшыя гады ўзроўню да паўгадавога акладу дзяржаўных падаткаў у два тэрміны, вызначаных для плацяжу апошніх, роўнымі часткамі. Грашовыя недаборы ў памеры больш за паўгадавы аклад дзяржаўных падаткаў павінны былі збірацца з цэлых таварыстваў штогод у два тэрміны роўнымі часткамі ў ступені не больш за паўгадавы аклад дзяржаўных падаткаў да іх канчатковай выплаты разам з бягучымі акладамі. Усе недаборы за першую палову года, бягучыя дзяржаўныя падаткі за другую палову года, растэрмінаваныя нядоімкі і бягучыя дзяржаўныя падаткі будучых гадоў загадвалася спаганяць цалкам у вызначаныя тэрміны [10, арк. 1049адв.; 5, т. 39, № 30114, с. 587–588].

З прычыны неўраджайў хлеба плацёж падатковых нядоімак (да 1822 г. больш за 500 тыс. руб. у Віцебскай і Магілёўскай губернях), паводле зацверджанага імператарам Аляксандрам I палажэння Камітэта міністраў ад 4 і 7.02.1822 г., і нядоімкі пошліны за права броварства, згодна з дакладам міністра фінансаў ад 14.04.1822 г., былі растэрмінаваныя роўнымі часткамі на 5 гадоў. Імяны ўказ ад 11.04.1823 г., акрамя пацвярджэння выплат часткамі падатковых нядоімак на працягу 5 гадоў, прадугледжваў растэрміноўку плацяжу з 1825 г. на 10 гадоў роўнымі часткамі без спагнання пені збораў за абедзве паловы 1822 г. усіх падатковых нядоімак і спагнанняў, за выключэннем пені (за ранейшы час даравана), злучаных у агульную суму памерам 6 006 716 руб., а зборы падушнага падатку і пошліны за права вінакурства на 4 гады (1824–1827 гг.) памяншаліся

напалову. Памерлыя пасля мінулай рэвізіі душы выключаліся з падатковага акладу (толькі ў Магілёўскай губерні у 1823 г. было выключана з рахункаў больш за 96 тыс. чал. памерлых) [11, арк. 89]. Імператарскім указам ад 2.12.1827 г. урадавая льгота ў зборы паловы сумы штогадовых дзяржаўных падаткаў была працягнута, і плацёж палавіннага акладу казённых падаткаў быў распаўсюджаны і на 1828 г. Паводле імяннага ўказа ад 21.12.1828 гг. у 1829 і 1830 гг. было загадана спаганяць у Віцебскай і Магілёўскай губернях замест паловы толькі 3/4 акладу дзяржаўных падаткаў (выключыць да ўзносу 1/4 частку падушных і вінакурных), а збор поўнага акладу належыла пачаць толькі з 1831 г. [11, арк. 65адв.–66, 161адв.–162адв.; 12, арк. 22адв.–23адв.; 13, арк. 96–97; 14, арк. 16–16адв.; 4, т. 3, № 2536, с. 1208].

Прыход да ўлады новага імператара Мікалая I азнаменавалася новымі «вышэйшымі» міласціямі, падарункамі і палёгкамі сваім падданым. Падпісаны манархам у першы ж дзень 1826 г. маніфест прадпісваў, што з усіх нядоімак ранейшых гадоў да 1825 г. падушнага, аброчнага падаткаў, збораў на сухапутныя і вадзяныя шляхі зносіні за права броварства загадвалася спаганяць не больш за гадавы аклад у сукупнасці, а калі грашовых запасычанацей было больш за гадавы аклад, уключаючы і растэрмінаваныя, то ўсе недаборы да 19.11.1825 г. выключаліся з рахункаў і дараваліся [4, т. 1, № 29, с. 40; 15, арк. 38–38адв.; 16, арк. 103, 183]. Імператарскі маніфест спарадзіў сярод казённых сялян чуткі аб свабодзе ў плацяжы дзяржаўных падаткаў і з'явіўся падставай для памешчыцкіх сялян і дваровых людзей да непадпарадкавання сваім гаспадарам [17, арк. 1–2; 4, т. 1, № 330, с. 455]. Новыя ўрадавыя саступкі розным станам супалі з каранацыяй Мікалая I. Згодна з маніфестам ад 22.08.1826 г. спісваліся казёння натуральныя і грашовыя пазыкі, якія даваліся ў розныя часы таварыствам і прыватным асобам [4, т. 1, № 540, с. 891–896; 15, арк. 382–386адв.].

Толькі паводле маніфеста ад 1.01.1826 г. у Расійскай імперыі было саступлена 20 667 тыс. руб. нядоімак, у тым ліку ў Віцебскай губерні – 2929 тыс. руб., у Магілёўскай – 2559 тыс. руб., у Віленскай – 797 тыс. руб., у Мінскай – 370 тыс. руб., у Гродзенскай – 204 тыс. руб., у Беластоцкай вобласці – 6 тыс. руб., альбо 33,2 % ад іх агульнаімперскага ўзроўню [1, с. 169]. Пасля абнародавання імператарскіх маніфестаў толькі ў Віленскай губерні ў 1826 г. было даравана нядоімак больш чым на 2 млн руб. [18, л. 1–71]. У Мінскай губерні адпаведна маніфеста ад 22.08.1826 г. было выключана з залішне запісаных 1683 душ па 7-й рэвізіі да 1.03.1835 г. 149 056,86 руб. падатковай нядоімкі і 240 300 руб. пені за 481 прапісную душу [19, арк. 77].

Землеўладальнікі ў Віцебскай і Магілёўскай губернях скарысталіся саступкамі паводле імператарскіх маніфестаў ад 1.01 і 22.08.1826 г., імяннага ўказа Сенату ад 22.08.1827 г. аб дараванні да 1825 г. нядоімак збораў падушнага, аброчнага, на сухапутныя і вадзяныя шляхі зносіні, за права вінакурства [20, арк. 277, 278]. У Віцебскай губерні было даравана 3 406 925 руб. асігнацыямі ўсіх падатковых нядоімак, а ў Магілёўскай –

3 045 750 руб., разам 6 452 665 руб. [11, арк. 161адв.–162адв.; 12, арк. 22адв.–23адв.]. Памешчыкам Віцебскай і Магілёўскай губерняў былі дараваны пені, рэкруцкія складчынныя грошы, плацяжы двайных дзяржаўных падаткаў з прапісных душ і іншыя зборы. У 1822 і 1823 гг. была выдана ўрадавая беззваротная грашовая дапамога безмаянтковым дваранам, грашовыя пазыкі ў 1818, 1822–1825 гг. для забеспячэння харчаваннем сялян і для засеву палёў, частка сум якіх была даравана адпаведна маніфестам ад 22.08.1826 г., а плацёж астатніх быў растэрмінаваны.

Тым не менш да віцебскага генерал-губернатара дайшлі звесткі, што многія памешчыкі, якія скарысталіся выключэннем у значнай колькасці нядоімак і іншых спагнанняў у 1815, 1825, 1826 гг., ухіляліся ад уносу грашовых плацяжоў у надзеі, што ўрад быццам даруе ці растэрмінуе ім падатковыя нядоімкі ў будучым [21, арк. 55адв.].

Урадавая грашовая дапамога для Магілёўскай губерні з 1824 да 1831 гг. складала больш за 7300 тыс. руб. Паколькі імператарскім указам ад 11.04.1823 г. плацёж нядоімкі дзяржаўных падаткаў да 1823 г. быў растэрмінаваны плацёжам на 10 гадоў, а згодна з маніфестам ад 22.08.1826 г. з Магілёўскай губерні было выключана з рахункаў больш за 2 878 000 руб., у ёй з 1824 па 1828 г. спаганялася толькі палова падушных і вінакурных падаткаў. Памяншэнне падушных грошай складала больш за 3 млн руб., а ўзнос паловы акладу за 1828 г. – 734 тыс. руб. Дараваная ўрадам у 1829 і 1830 гг. 1/4 частка дзяржаўных падаткаў складала яшчэ 767 тыс. руб. [11, арк. 87].

Урадавыя палёгкі ў дзяржаўных плацяжах у 1830–1840-х гг. былі дадзены купцам і мяшчанам Бабруйска, Дынабурга, Полацка [4, т. 4, № 3059, с. 570–571, № 3291, с. 804–805; т. 5-1, № 3677, с. 467; Т. 12-2, № 10851, с. 1066; т. 14-1, № 12435, с. 557–558; т. 15-1, № 13409, с. 299–300; 11, арк. 76адв.–78, 163–163адв.]. Льгота для купцоў 3-й гільды павятовых гарадоў усіх пяці беларускіх губерняў і Беларускай вобласці, якая заключалася ў плацяжы паменшанага збору ў 100 руб. (30 руб. сер.) штогод за набытае гандлёвае гільдзейскае пасведчанне, з 1835 г. была працягнута яшчэ на 6 гадоў [4, т. 9-1, № 7324, с. 809], а з 1841 г. – яшчэ на 3 гады [4, т. 15-1, № 13570, с. 415]. У мэтах павелічэння насельніцтва гарадоў і развіцця ў іх гандлю і прамысловасці практыкавалася перасяленне хрысціянскіх купцоў, мяшчан і людзей свабоднага стану, якія мелі права на пераход у гарадское саслоўе, з іншых заходніх губерняў у гарады, казённые і памешчыцкія мястэчкі беларускіх губерняў. Усім пасяленцам, якія маглі прылічацца ў купцы і мяшчане, даваліся льготы на працягу 25 гадоў – з 1842 па 1867 гг., у прыватнасці звальненне на 15 гадоў ад усіх казённых падаткаў і павіннасцей, у тым ліку рэкруцкай [4, т. 16-2, № 15145, с. 132–133].

Пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг. былі дадзены некаторыя льготы адносна даўгавых плацяжоў паведам губерняў (Віленскай губерні, Лідскаму, Навагрудскаму, Пружанскаму, Слонімскаму Гродзенскай губерні, Вілейскаму, Дзісенскаму, Пінскаму Мінскай губерні), якія больш за іншых пацярпелі ад разбуральных дзеянняў паўстанцаў [4, т. 7, № 5079, с. 15–16].

Неўраджаі хлеба 1833–1834 гг. ахапілі 17, а ў 1839–1841 гг. да паловы губерняў еўрапейскай часткі імператарскай Расіі. У сувязі з гэтым было прыпынена ўсялякае ўзмоцненае спагнанне дзяржаўных падаткаў і нядоімак у губернях, якія пацярпелі ад неўраджаяў [22, арк. 1]. Міністр фінансаў дазволіў у адносінах да жыхароў Віцебскай губерні, якія мелі патрэбу ў харчаванні, пры спагнанні дзяржаўных падаткаў і нядоімак не прымаць ніякіх узмоцненых мер, пакідаючы плацяжы на добрай волі кожнага. Збіраць бягучыя дзяржаўныя падаткі і нядоімкі (падушныя, аброчныя, на вадзяныя і сухапутныя шляхі зносін, за права броварства) шляхам экзекуцыі неплацельшчыкаў было забаронена, аднак спагнанне нядоімкі земскага збору працягвалася [23, арк. 13, 152]. Мікалай I 25.10.1834 г. прыняў рашэнне аб змене ўмоў і парадку звароту пазык казённых сум, выдзеленых урадам на харчаванне ў Віцебскай і Магілёўскай губернях, якія пацярпелі ад неўраджаяў. Усе нядоімкі за ранейшы час і за неўраджайны год, якія накапіліся да 1.07.1834 г., растэрмінаваліся. Іх спагнанне пачыналася з другой паловы 1835 г., але ў першыя два гады можна было збіраць не больш за чвэрць бягучага акладу дзяржаўных падаткаў, а ў наступныя гады – па палове акладу да сканчэння ўсёй сумы запазычанасці. Бягучыя дзяржаўныя падаткі і земскія зборы спаганяліся па-ранейшаму цалкам [24, арк. 47; 25, арк. 21адв.–22].

Паводле палажэння Камітэта міністраў ад 1.08.1839 г. у Віцебскай губерні плацёж нядоімак быў растэрмінаваны з 1840 г. на тэрмін ад 3 да 12 гадоў [26, арк. 16–17]. Дзяржаўная грашовая дапамога казённым, памешчыцкім сялянам, мяшчанам і яўрэйскім грамадам Магілёўскай губерні ўключала льготы ў растэрмінаванні і дараванні плацяжоў нядоімак і пеняў па розных зборах, усталёваных паводле палажэння Камітэта міністраў ад 1.08.1839 г. для Віцебскай губерні [27, арк. 51–52адв., 59–59адв.].

Новыя ўрадавыя міласці і палёгкі з'явіліся пасля падпісання імператарам Мікалаем I 16.04.1841 г. маніфеста ў сувязі са шлюбом сына і спадчынніка трона цэсарэвіча вялікага князя Аляксандра з дачкой вялікага герцага гесен-дармштадскага Марыяй Аляксандраўнай [4, т. 16-1, № 14460, с. 308–313; т. 17-1, № 15390, с. 186, № 15611, с. 353].

Нягледзячы на растэрмінаванне падатковых нядоімак і дараванне часткі грашовых плацяжоў пачынаючы з 1822 г., разам у Віцебскай губерні да 1844 г. было на рахунках 857 426,75 руб. запазычанасцей. Нядоімкі дзяржаўных падаткаў і вінакурнай пошліны памешчыцкіх маёнткаў у Віцебскай губерні да 1844 г. дасягнулі сумы ў 642 205,49 руб., у тым ліку растэрмінаваных плацяжом на некалькі гадоў – 249 707,16 руб. (38,9 %), а з улікам налічаных пеняў у 79 598,59 руб. разам недаборы склалі 721 804,085 руб. (84,2 %). Акрамя таго, было выдана 92 139,13 руб. пазык на харчаванне сялян і засеў палёў, да іх дадана 43 483,53 руб. працэнтаў, усяго на суму ў 135 622,66 руб. (15,8 %) [28, арк. 5–5адв., 29, арк. 18–18адв.]. Міністр фінансаў бачыў прычыну накуплення нядоімак у «нерадзінні» саміх памешчыкаў, якія не спяшаліся своєчасова і поўна пагашаць

дзяржаўныя грашовыя даўгі ў надзеі, па былых прыкладах, на ўрадавыя палёгкі і дараванні. Акрамя таго, пагрозлівае хадайніцтва дваран Віцебскай губерні магло стаць прыкладам іншым да неплацяжу нядоімак, а самае галоўнае, па меркаванні Ф. П. Урончанкі, не магло прынесці ніякай карысці дзяржаўнай казне, аб чым сведчыла пастаяннае накапленне значнай сумы нядоімак пасля ўсіх урадавых палёгак [29, арк. 18адв.–19адв., 20].

У 1844–1848 гг. заходнія губерні напаткалі неўраджаі хлеба, голад і эпідэмія халеры. Моцныя неўраджаі хлеба ў Віцебскай губерні ў 1845–1847 гг. паўтарыліся ў 1851 г. У сувязі з гэтым патрабавалася пры спагнанні нядоімак дзяржаўных падаткаў не выкарыстоўваць ніякіх строгіх мер уздзеяння на неплацельшчыкаў [30, арк. 1]. Палажэннямі Камітэта міністраў ад 22.10.1846 і 28.01.1847 гг. усе набраныя на памешчыцкіх маёнтках Віцебскай губерні да 1847 г. падатковыя нядоімкі, уключаючы аклады за 1845 і 1846 гг., былі растэрмінаваны на 10 гадоў [31, арк. 1–2, 3 адв., 4–5]. Ухваленае імператарам 11.10.1849 г. палажэнне Камітэта міністраў таксама давала мяшчанам і памешчыцкім сялянам Магілёўскай губерні льготы ў плацяжы нядоімак [4, т. 24-2, № 23567, с. 88–89]. 26.07.1849 г. імператар Мікалай I падпісаў палажэнне Камітэта міністраў аб падатковых льготах станам Віленскай, Гродзенскай, Мінскай і Ковенскай губерняў. Нядоімкі дзяржаўных падаткаў да 1847 г. памерам больш за двухгадовы аклад з рэвізскай душы мужчынскага полу ўсіх саслоўяў, акрамя дзяржаўных сялян, растэрміноўваліся плацяжом на 10 гадоў, менш за двухгадовы, але больш за аднагадовы аклад мяшчан хрысціян і яўрэяў – на 6 гадоў, сялян памешчыцкіх, гарадскіх, духоўных і іншых падатковых станаў (грамадзян, вольных людзей), акрамя дзяржаўных сялян, – на 4 гады, менш за гадавы аклад мяшчан – на 4 гады, вінакурнай пошліны больш за гадавы аклад – на 3 гады. Усе недаборы дзяржаўных падаткаў растэрміноўваліся без спагнання пені з другой паловы 1849 г. з унясеннем штогод роўнымі часткамі разам з бягучымі дзяржаўнымі падаткамі. Уся належная да выплаты да 1847 г. пеня за нязбор у тэрмін падатковых нядоімак і вінакурнай пошліны выключалася з рахункаў [32, арк. 1, 4; 33, арк. 40–41; 34, с. 416–417]. 7.12.1851 г. імператар падпісаў палажэнне Камітэта міністраў і загадаў задаволіць патрабаванні дваранства Віцебскай губерні аб даванні дапамогі і льгот памешчыцкім сялянам, а таксама хадайніцтва аб аказанні ўрадавай дапамогі і льгот іншым саслоўям [35, арк. 14–15адв.]. Адпаведна ўхваленым імператарам палажэнням Камітэта міністраў ад 7.12.1851 г. і 22.02.1852 г. нядоімкі дзяржаўных падаткаў і павіннасцей з усіх станаў у памешчыцкіх маёнтках Віцебскай губерні былі растэрмінаваны на 20 гадоў з выплаты пачынаючы з 1853 г. без спагнання пені [36, арк. 8–12]. 22.02.1852 г. гэтыя саступкі былі распаўсюджаны таксама на мяшчан і аднадворцаў [37, арк. 29адв.–30, 45адв.–47; 38, арк. 1]. Імператар Мікалай I паводле палажэння Камітэта міністраў ад 5.02.1852 г. растэрмінаваў жыхарам Магілёўскай губерні рэкруцкую і штрафную нядоімку ў памеры 113 756,23 руб. на 10 гадоў з 1853 г. [39, арк. 280–280адв.]. Палажэннем Камітэта міністраў

ад 8.05.1851 г. памешчыкам паведаў Магілёўскай губерні раёна ўнутранага правяўнага ўпраўлення, якія мелі менш за 50 сялянскіх рэвізскіх душ мужчын, дазвалялася замест сялянскіх падатковых нядоімак да 1849 г. па добраахвотнаму жаданню, але з абавязкам на год пастаўляць хлеб у вайсковыя магазіны па даведачых ці 10-гадавых сярэдніх цэнах [4, т. 26-1, № 25192, с. 343–344]. Ухваленыя імператарам пастановы журналаў Камітэта міністраў ад 1, 8, 22.12.1853 г. давалі чарговыя льготы жыхарам Віцебскай і Магілёўскай губерняў у выплаце плацяжоў. Ранейшыя нядоімкі дзяржаўных падаткаў, земскіх і іншых казённых збораў за ранейшы час з памешчыцкіх маёнткаў адтэрміноўваліся да ўзносу з 1854 г. часткамі на 10 гадоў без спагнання пені на адтэрмінаваныя плацяжы (расходы з земскіх збораў было немагчыма выканаць з-за недахопу ў наяўнасці сум, якія нельга было адкласці ў пазыку на кошт дзяржаўнага казначэйства, таму выдаткі земскіх збораў задавальняліся на кошт пазык з дзяржаўнага казначэйства). Выдадзеныя з дзяржаўнага казначэйства, харчовага капіталу і прыказаў грамадскай апекі пазыкі для харчавання памешчыцкіх сялян растэрміноўваліся. Калі б пасля 1854 г. на льготных памешчыцкіх маёнтках накапліваліся новыя нядоімкі дзяржаўных падаткаў, казённых збораў і харчовых пазык у сукупнасці больш за 80 руб. сер. на акладную душу агульнай ранейшай нядоімкі, банкаўскіх і іншых казённых даўгоў, яны паступалі ў апякунскае кіраванне, на працягу 4 месяцаў апісваліся з наступным публічным продажам [40, арк. арк. 1–2, 3–Задв., 10, 16, 16адв.; 41, арк. 56–61адв.; 42, арк. 3–Задв.; 43, арк. 1; 38, арк. 1–3; 4, т. 28-1, № 27791, с. 668].

Змена на троне імператара Мікалая I Аляксандрам II суправаджалася новымі манаршымі ласкамі, льготамі, дараваннямі і палёгкамі сваім падданым. Імператарскі маніфест ад 27.03.1855 г. пакідаў для спагнання з накопленых да 1855 г. ранейшых нядоімак падаткаў збораў падушнага, аброчнага, на сухапутныя і вадзяныя зносіны, за права вінакурства разам з пені суму не больш за гадавы аклад дзяржаўных падаткаў. Усе астатнія нядоімкі, з уключэннем і растэрмінаваных, дараваліся і выключаліся з рахункаў і інш. [44, арк. 2–2адв.; 45, арк. 2–8адв., 21–32; 4, т. 30-1, № 29165, с. 224–227]. З прычыны каранавання новага імператара 26.08.1856 г. выйшаў новы імператарскі маніфест з дазволам жыхарам Расійскай імперыі скарыстацца чарговымі манаршымі паблажкам. Усе падатковыя нядоімкі ранейшых гадоў, уключаючы і растэрмінаваныя да 1856 г. зборы падушнага, аброчнага, на сухапутныя і вадзяныя шляхі зносін, за права броварства з далучанай да іх пені, дараваліся і інш. Выключыліся з рахункаў да часу каранавання зборы і спагнанні ў павятовыя казначэйствы з прапісных па рэвізіі душ, за выкарыстаную замест гербавай простую паперу, пошліны з пратэрмінаваных замежных пашпартоў, рэкруцкія грошы з дробнамянтковых дваран замест пастаўкі навабранцаў натурай, нядоімкі рэкруцкіх грошай, за павышэнне чынамі і ўзнагароды ордэнамі, за валоданне крамамі, 1 % збору са спадчынных купецкіх капіталаў, з дзяржаўных сялян за карыстанне казённымі землямі і аброчнымі галінамі, пені за аброчныя

галіны. Рабіліся палёгкі ў спагнанні плацяжоў па пазыках таварыствам і прыватным асобам [4, т. 31-1, № 30877, с. 789, 791].

Па нашых падліках, толькі ў Мінскай губерні ў адпаведнасці з пунктамі 1 і 4 маніфеста ад 27.03.1855 г. з розных відаў маёнткаў было даравана 72 087,20 руб. збораў нядоімак да 1855 г., альбо 52,3 % іх агульнай колькасці ў 137 809,53 руб. пры гадавым акладзе больш за 61 882,66 руб. [45, арк. 230–234адв.]. Паводле ўмоў маніфеста ад 26.08.1856 г. у Мінскай губерні належыла выключыць з рахункаў не менш за 111 116,57 руб. розных відаў нядоімак па асобных зборах [46, арк. 1089, 1232–1245адв., 1274–1275, 1280, 1281, 1327, 1328, 1334; 47, арк. 344адв.–345, 348–363, 371адв.–373, 378–412адв., 718–718адв., 722–741адв., 758–771, 788–805, 810–815, 1035–1037адв., 1048–1050, 1090–1099, 1111–1120, 1129адв.–1130, 1208адв., 1209]. Паводле 14-га артыкула маніфеста ад 26.08.1856 г. у Мінскай губерні неабходна было дараваць 2391,49 руб. пені за неплацёж у тэрмін пазыковых грошай, 2996,72 руб. харчовага доўгу, растэрмінаваць 55 742,71 руб. капітальнай сумы з працэнтамі па пазыках, выданых з прычыны неўраджаяў і пажараў [48, арк. 270адв.–271].

Такім чынам, даванне расійскім урадам падатковых льгот пэўным станам і на розных умовах у асобных беларускіх губернях у першай палове XIX ст. звязана са зменамі правячых манархаў, у сувязі са стихійнымі бедствамі, у першую чаргу з прычыны неўраджаяў хлеба, пажараў. Дзяржаўныя палёгкі ўзносу і растэрмінавання выплат датычыліся найперш нядоімак мінулых гадоў, часткова бягучых падатковых акладаў і не закраналі грашовыя зборы земскіх павіннасцей. У дарэформенны перыяд падатковых скідкі былі найбольш распаўсюджанымі ў Віцебскай і Магілёўскай губернях – раёнах, якія найбольш пацярпелі ад наступстваў шматгадовых неўраджаяў.

Асноўнымі формамі выкарыстання афіцыйнымі ўладамі Расійскай імперыі падатковых саступак для асобных катэгорый падаткаплацельшчыкаў і спосабамі атрымання для іх асобных фіскальных пераваг у выглядзе падатковых «крэдытаў і канікулаў» на тэрыторыі беларускіх губерняў у 1801–1860 гг. былі наступныя: 1) выключэнне з рахункаў безнадзейных да спагнання падатковых нядоімак і дараванне пені (у асноўным пасля перамены на троне імператараў); 2) змена тэрмінаў выканання дзяржаўных падатковых абавязацельстваў (як правіла, растэрміноўка плацяжоў падатковых нядоімак і харчовых урадавых пазык); 3) зніжэнне ставак падаткаабкладання (для купцоў 3-й гільдыі і мяшчан гарадоў і мястэчак з мэтай актывізацыі ў іх гандлёвых абаротаў) і вызваленне ад дзяржаўных падаткаў на пэўны тэрмін (для перасяленцаў у гарады і мястэчкі беларускіх губерняў); 4) замена грашовых выплат іх натуральным выкананнем – зборам хлеба (не атрымала распаўсюджвання); 5) выключэнне памерлых падаткаплацельшчыкаў з рэвізскага ўліку і падатковых акладаў (у рэдкіх выпадках).

Аднак казённымі недаборы не памяншаліся, нягледзячы на растэрмінаванне выплат дзяржаўных плацяжоў і спісанне нядоімак. Частка памешчыкаў

Віцебскай і Магілёўскай губерняў выкарыстоўвалі ўрадавыя падатковыя палёгкі як зачэпку да ўхілення ад здачы ў дзяржаўны скарб казённых плацяжоў у чаканні будучага растэрмінавання ці даравання ўрадам падатковых нядоімак. У асяроддзі вышэйшага саслоўя гэтых губерняў фарміраваліся патэрналісцкія настроі і ўкаранілася звычка не выконваць у поўным аб'ёме і ў належны тэрмін дзяржаўныя грашовыя абавязацельствы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Блиох, И. С.* Финансы России XIX столетия. История-статистика: в 4 т. / И. С. Блиох. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – Т. 1. – 29, XIII, 292, VII с.
2. *Неупокоев, В. И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX века / В. И. Неупокоев. – М.: Наука, 1987. – 288 с.
3. *Захаров, В. Н.* История налогов в России IX – начала XX в. / В. Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шаццило. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 296 с.
4. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е с 1825 по 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830–1884.
5. Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 32.
7. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 1. Спр. 131а.
8. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 430.
9. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 46.
10. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 9410.
11. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 5952.
12. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4723.
13. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 2717.
14. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 11282.
15. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 80.
16. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 704.
17. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 1294.
18. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – F. 380. Ap. 70. Bib. 50.
19. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 714.
20. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 2698.
21. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 10357.
22. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 8379.
23. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 4459.
24. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 8228.
25. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 8994.
26. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 11620.
27. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 11665.
28. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 11153.

29. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 11282.
30. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 18369.
31. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 21560.
32. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродне (НГАБГ). – Ф. 1. Воп. 29. Спр. 59.
33. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 765-3.
34. Виленские губернские ведомости. – 1849. – № 37. – 17.09.
35. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 21452.
36. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 24984.
37. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 23847.
38. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 4. Спр. 9031.
39. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 16385.
40. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 26534.
41. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 24643.
42. НГАБ. – Ф. 2626. Воп. 1. Спр. 309.
43. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 31764.
44. НГАБ. – Ф. 2068. Воп. 1. Спр. 9.
45. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 4. Спр. 2857.
46. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 2858.
47. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 25. Спр. 231.
48. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 2954.

(Дата падачы: 26.02.2024 г.)

Жэнь Сюэ

Белорусский государственный университет, Минск

Ren Xue

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(510)“960/1279”+1(510)(091)

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ИМПЕРИИ СУН

THE INFLUENCE OF CONFUCIANISM ON THE FOREIGN POLICY OF THE SONG EMPIRE

Целью работы является оценка влияния конфуцианства на внешнюю политику средневекового Китая в период правления династии Сун (960–1279 гг.). На основе анализа воздействия конфуцианской идеологии на внешнеполитическую практику империи Сун отмечено, что конфуцианские постулаты («китаецентризм», «мироустроительство») противоречили новым международным реалиям, сопровождавшимся возникновением сильных «варварских» государств на внешних рубежах империи. Неспособность империи Сун эффективно противостоять новым угрозам привела к ослаблению ее международных позиций, снижению внешнеполитической активности и, в конечном счете, к гибели.

Ключевые слова: средневековый Китай; империя Сун; конфуцианство; внешняя политика; конфликты.

The aim of the work is to assess the influence of Confucianism on the foreign policy of medieval China during the reign of the Song Dynasty (960-1279). Based on the analysis of the impact of Confucian ideology on the foreign policy practice of the Song Empire, it is noted that Confucian postulates ("Sinocentrism", "world order") contradicted new international realities, accompanied by the emergence of strong "barbaric" states in the external the frontiers of the empire. The inability of the Song Empire to effectively counter new threats led to a weakening of its international position, a decrease in foreign policy activity and, ultimately, to its demise.

Keywords: medieval China; Song Empire; Confucianism; foreign policy; conflicts.

Правление династии Сун занимает особое место в истории Китая. Она просуществовала с 960 г. до 1279 г. (до 1127 г. в форме династии Северная Сун, затем – в форме династии Южная Сун) и обладала высоким интеллектуальным и экономическим потенциалом.

Цель данной статьи заключается в оценке влияния конфуцианства на внешнюю политику империи Сун. Объектом научного исследования является внешняя политика Китая, предметом представляется роль конфуцианства в реализации внешней политики династии Сун. Задачами исследования являются оценка роли и места конфуцианства в процессе осуществления внешней политики империи Сун, выявление особенностей сочетания конфуцианских догматов с дипломатической практикой сунских императоров, раскрытие основных результатов влияния конфуцианства на внешнюю политику империи Сун.

Вопрос о влиянии конфуцианства на внешнюю политику династии Сун привлекает внимание китайских и зарубежных исследователей. К соответствующей проблематике обращались китайские специалисты Гэ Чжаогуан, У Сяопин, Чжэн Вэй [1–4], советские и российские авторы С. Н. Гончаров, М. В. Крюков, З. Г. Лапина [5–7]. Они указывали на связь внешней политики империи Сун с конфуцианскими «мироустроительными» установками, исследовали проблематику сочетания конфуцианских канонов с практическими аспектами сунской дипломатии в условиях появления сильных «варварских» государств на внешних границах империи.

Во время правления династии Сун конфуцианство сохраняло статус официальной идеологии империи. Ученые-конфуцианцы, которые оказывали существенное влияние на имперскую политику, исходили из «китаецентричности» мира и необходимости «мироустроительства» посредством распространения «благой преобразующей силы» дэ. Центральной фигурой в их идейной конструкции являлся император («сын Неба»), призванный сплотить весь остальной мир и достичь «великого единства».

К «варварам» идеологи конфуцианства во времена существования империи Сун относились в большинстве своем негативно. В частности, автор Ши Цзе (1005–1045 гг.) в своем труде «О Китае» («Чжун го лун» кит. «中国论»), который является первым известным политическим трактатом спе-

циально на тему о Китае в древнем времени [1, с. 1], обращал внимание на «дикость варваров» и призывал не допускать их смешивания с китайцами [8]. Автор «Новой истории пяти династий» («Синь у дэй ши» кит. «新五代史») Оуян Сю (1007–1072 гг.) призывал к проведению жесткой политики в отношении «варваров», отдавая предпочтение военным средствам разрешения возникающих проблем [3, с. 124].

Более умеренную позицию занимал конфуцианский ученый Сыма Гуан (1019–1086 гг.), который утверждал, что «варвары» достойны «всеобщей любви», хотя от них не следует ожидать благожелательности и праведности в категориях конфуцианской этики и морали. Сыма Гуан призывал относиться к «варварам» с состраданием и милостью, но при этом указывал, что добродетельно с «варварами» следует обращаться лишь в случае их повиновения империи [4, с. 136–137].

Китайский философ и педагог Ли Гоу (1009–1059 гг.) утверждал: «Если уподобить Поднебесную человеку, то китайцы – его внутренние органы, а варвары – конечности. Если же внутренние органы в покое, в них царит гармония, дух высок, а конечности поражены болезнью, то это – не беда. Если же внутренние органы неспокойны и в них нарушена гармония, дух угнетен, а внимание сосредоточено [лишь] на лечении конечностей, то и конечности не исцелишь и сердцевину загубишь. Поэтому способ использования армий состоит в том, чтобы [прежде всего] привести в порядок все внутри, а затем окраину» [7, с. 110]. Агрессивность соседних народов Ли Гоу объяснял тем, что им чужды и недоступны этические категории конфуцианства – «ритуал и долг-справедливость» [7, с. 111].

Философ Чжу Си (1130–1200 гг.), придавший неоконфуцианству универсальную и систематизированную форму, утверждал, что различия между китайцами и «варварами» практически непреодолимы. В одном из своих сочинений он написал: «Обезьяны по своему внешнему виду похожи на людей, они самые разумные из всех тварей и не обладают только способностью говорить. Что же касается варваров, то они занимают место между людьми и животными. Вот почему изменить их крайне трудно» [6, с. 273]. Согласно Чжу Си, мирный договор был порочен уже потому, что противоречил конфуцианским идеалам и его ни в коем случае нельзя было заключать, даже если этого настоятельно требовала реальная обстановка. [5, с. 262].

Взгляды мыслителя Е Ши (1150–1223 гг.) сформировались в эпоху кризиса империи Южная Сун и ее борьбы с империей Цзинь. Он писал: Китай не должен управлять варварами – это принцип. Китай есть Китай, а варвары суть варвары – это название. И то и другое следует использовать в своих интересах, поэтому когда варвары нападают, мы воюем с ними, когда варвары подчиняются, мы принимаем их. Умение вести себя по отношению к варварам в зависимости от того, с какой целью они приходят, – это понимание обстановки. Хотя Китай выше, а варвары – ниже, но, нарушив принцип, нельзя управлять; не понимая сущности названия, нельзя следовать принципу; без понимания обстановки невозможно реагировать на ее изменения [6, с. 274].

Жесткая позиция конфуцианцев по отношению к «варварам» объяснялась тем, что в XI–XII вв. они смогли создать свои собственные и достаточно сильные государства, которые успешно конкурировали с империей Сун в Восточной Азии. Такими государствами стали Ляо на севере, Западная Ся (Си Ся) на северо-западе, Корё на северо-востоке, Дали, Тубо и Аннам на юге.

В 979 г. Северная Сун начала войну с киданьским государством Ляо, рассчитывая вернуть земли, завоеванные киданями в 936 г. («16 округов в Янь и Юнь»). Война, начатая по соображениям престижа и безопасности (на спорных территориях располагались Великая китайская стена и другие пограничные укрепления), продолжалась 25 лет и завершилась подписанием Шаньюаньского договора в 1004 г., по условиям которого Сун признала Ляо равным себе, отказалась от притязаний на спорные территории и согласилась выплатить Ляо дань (официально о мире с Ляо правители Сун объявили в 1005 г.).

Результаты войны с Ляо вынудили сунских правителей перейти к доктрине «удержания внутреннего, минимум внешнего» (*шоу нэй суй вай*), суть которой заключалась в том, что главной задачей правителя является сохранение внутренней стабильности империи, а не расширение ее пределов [9, с. 187].

В 1040–1044 г. Северная Сун вела войну с тангутским государством Си Ся (поводом к войне стало провозглашение Си Ся империей, равнозначной империи Сун). По итогам этой войны Северная Сун добилась вассальной присяги от Си Ся, но при этом выплатила тангутам дань, объем которой был столь значительным, что вызвал серьезные антиправительственные выступления в империи [9, с. 202].

Новое военное столкновение империи Сун с тангутами произошло в 1066–1072 гг. и завершилось новой выплатой дани Си Ся [9, с. 226]. До конца XI в. Северная Сун еще два раза воевала с тангутами (в 1081–1086 гг. и в 1096–1099 гг.). Эти войны не сопровождались значительными успехами со стороны империи и завершились очередными выплатами дани Си Ся (уступкой тангутов стало официальное извинение за прежние конфликты, осуществленное в 1099 г. [9, с. 245]).

Наиболее успешной для Северной Сун стала война с Си Ся в 1103–1119 гг., в ходе которой китайцы смогли вытеснить тангутов с приграничных земель империи. Однако заключенный по итогам войны мирный договор был не очень выгодным для империи (помимо выплаты дани она обязалась ликвидировать военные сооружения в шести приграничных областях) [9, с. 262].

В начале XII в. на северных рубежах империи появился новый опасный противник в лице племен чжурчжэней, которые в 1113–1117 гг. завоевали Ляо и в 1115 г. провозгласили государство Цзинь. В 1123 г. Северная Сун и Цзинь подписали «дружеский» договор, по условиям которого признали равенство друг друга. Северная Сун обязалась выплатить Цзинь дань,

удовлетворившись тем, что правитель Цзинь не настаивает на подписании «родственного» договора с ней [9, с. 266].

Однако дружба между Сун и Цзинь длилась недолго. В 1125 г. правитель Цзинь Уцимай объявил войну империи. В 1126 г. цзиньские войска подошли к столице Северной Сун Кайфэну, вынудив императора Цинь-цзуну подписать мирное соглашение на невыгодных и унижительных условиях. Помимо выплаты большого размера дани (ее ежегодный размер приравнялся к 2 млн связок монет, в то время как по договору с киданями, заключенному в 1042 г., он составлял всего лишь 500 тыс. монет [5, с. 30–31]), сунский император согласился признать Уцимай «дядей по отцу» (это признание снижало его значимость в качестве единственного обладателя «мандата Неба») и именовать чжурчжэньское государство «Великая Цзинь». Также он обязался отправить в Цзинь заложников и передать ей три области к северу от Хуанхэ – Тайюань, Чжуншань и Хэцзянь [5, с. 31].

Условия примирения с чжурчжэнями были столь «позорными» для Сун, что она попыталась добиться их изменения практически сразу же после принятия. В конце 1126 г. цзиньские войска возобновили военные действия и в 1127 г. заняли столицу Северной Сун Кайфэн. В подписанном под диктовку цзиньцев мирном договоре сунский правитель признал себя вассалом Цзинь и формально отказался от притязаний на то, что именно он является «посредником между Небом и людьми», согласившись с тем, что он «утратил благодать силу дэ» [5, с. 48].

Поражение в войне с Цзинь привело к ликвидации Северной Сун. Ее земли, расположенные севернее р. Хуанхэ, перешли под власть чжурчжэней. Подчиняться сунскому императору отказались Си Ся и Корё (государство в Корее) [5, с. 97–98]. Однако окончательно ликвидировать династию Сун чжурчжэни не смогли.

Пришедший к власти в 1127 г. император Южной Сун Гао-цзун выразил готовность примириться с Цзинь, отправив туда послов «с униженными речами и щедрыми дарами» [5, с. 108]. В 1131 г. он официально отказался от притязаний на северные территории [9, с. 294].

Реальные переговоры между Южной Сун и Цзинь начались в 1138 г. Цзиньская сторона настаивала на том, чтобы Гао-цзун официально признал себя вассалом Цзинь, но это требование было для Южной Сун неприемлемым. Возникшую проблему удалось решить на основе компромисса. Согласно китайской версии, послов принял канцлер Южной Сун Цинь Гуй, осуществивший ритуал вассальной присяги [5, с. 208]. Цзиньские послы утверждали, что их встреча с императором состоялась, хотя скамьи, на которых сидели император и послы, были обращены на запад и восток, т. е. на нейтральные стороны света (согласно сложившейся ритуальной практике, повелитель обращался лицом на юг, а вассал – лицом на север) [5, с. 209]. В ходе переговоров цзиньцы выразили готовность вернуть Южной Сун завоеванные ими земли южнее реки Хуанхэ, а Южная Сун обязалась выплатить Цзинь дань в размере 250 тыс. штук шелка и 250 лян серебра в год [9, с. 304].

В 1140 г. цзиньский император Си-цзун объявил мирный договор с Южной Сун недействительным и направил войска на территории, уступленные сунской империи. Однако в 1141 г. мирные переговоры между Цзинь и Южной Сун возобновились. Ради достижения мира южносунский император Гао-цзун согласился осуществить ритуал признания вассальной зависимости от Цзинь и в обращении к цзиньскому правителю назвал свою империю «ничтожным владением» [5, с. 238]. «Тщательно соблюдать наши ритуалы Срединного государства и не обзывать ими внешние государства – это самое верное», – заявил он [5, с. 236].

В конце 1141 г. мирный договор был подписан и в 1142 г. вступил в силу. Южная Сун получила меньше территорий, чем прежде (под властью Цзинь сохранялись Хэнань с Кайфэнгом), но сохранила суверенный статус при формальном признании вассальной зависимости от Цзинь. Большим достижением Гао-цзун считал согласие цзиньцев вернуть его родственников, которые находились в чжурчжэньском плену с 1127 г. [5, с. 240].

В конце XII – начале XIII в. между Южной Сун и Цзинь возникло еще три военных конфликта (1161–1164, 1206–1208, 1217–1221 гг.), но принципиального воздействия на характер их отношений эти конфликты не оказали. Главным образом изменялись размеры дани, которую Южная Сун должна была выплачивать Цзинь. В 1164 г. отношения «сюзерен» – «вассал» были заменены псевдородственными связями (правитель Цзинь считался «дядей», а правитель Южной Сун – «племянником») [5, с. 250].

В соответствии с установками конфуцианцев империя Сун неохотно начинала войны с соседними народами, хотя безоговорочно миролюбивой ее политика не являлась. Как правило, военные действия увязывались с соображениями престижа, а не материальной выгоды и рассматривались в качестве средства «наказания непокорных». Проигрыш в войне рассматривался как «воля Неба». По этой причине сунские правители легко соглашались на выплату дани государствам, которые одерживали победы в войнах с империей, и на признание вассальной зависимости от этих государств.

В соответствии со сложившейся конфуцианской традицией сунская дипломатия уделяла большое внимание данническим отношениям, исходя из того, что они повышают престиж имперской власти. Получение «дани» сопровождалось определенным ритуалом, в ходе которого «данники» были обязаны сообщать официальное название государства, откуда они прибыли, а также перечислить количество «даров» и назвать возраст и имя «дарителя» [2, с. 153]. Срок и частота передачи «дани» строго регламентировались.

Империя Сун не только принимала «данников», но и сама выплачивала дань, рассматривая соответствующие выплаты как знак уважения к внешним контрагентам и своеобразный откуп от вражеских государств без передачи им территорий (утрата территорий рассматривалась как более серьезная уступка врагам) [5, с. 22, 157].

Особенностью дипломатии империи Сун являлось нежелание вступать в родственные связи с «варварами». В 1042 г. сунские дипломаты категорически отвергли предложение правителя Ляо Син-цзуна о женитьбе на старшей дочери сунского императора, отдав предпочтение повышению размера даннических выплат [5, с. 22]. За все время правления династии Сун не было заключено ни одного «мира, основанного на родстве» [5, с. 22].

Конфуцианство стало официальной идеологией не только в династии империи Сун, оно также стремительно распространилось и в Восточной Азии (к примеру, в XI в. конфуцианство установилось в частной и государственной системе образования государства Корё [10, с. 151–152]).

Отказ от активной внешней политики не предохранил Южную Сун от внешних проблем. В первой половине XIII в. на ее северных рубежах появился новый, более серьезный противник в лице монголов. Первым результатом их прихода стала ликвидация Цзинь (Южная Сун даже поспособствовала исчезновению этого государства), но затем объектом монгольской экспансии стала непосредственно южносунская империя. В 1279 г. земли Южной Сун оказались под властью монгольской империи Юань.

В целом можно отметить, что во времена правления династии Сун конфуцианство оказывало существенное воздействие на внешнюю политику Китая. Китайские теоретики и политические деятели рассматривали окружающий мир с позиций «китаецентризма» и «мироустроительства», но в отличие от предшествующего периода китайской истории в их подходах к «варварам» стало меньше толерантности. Увлечение традиционализмом привело империю Сун к снижению внешнеполитической активности, концентрации внимания на внутренних проблемах и, в конечном счете, к гибели.

Список использованных источников

1. Гэ, Чжаогуан. Сун дай чжун го и ши дэ ту сянь = Продвижение сознания «Китай» в эпоху династии Сун: отдаленный источник националистических идей в современную эпоху / Чжаогуан Гэ // Литература, история и философия. – 2004. – № 1. – С. 5–12. (на кит. яз.)

2. У, Сяопин. Сун дай вай цзяо чжи ду янь цзю = Исследования дипломатической системы династии Сун / Сяопин У. – Хэфэй: Изд-во Народы Аньхой, 2006. – 346 с. (на кит. яз.)

3. Чжэн, Вэй. Люе лунь оуян сю чжэн тун гуань чжун дэ минь цзу инь су = Небольшое обсуждение этнических факторов во взглядах Оуян Сю по ортодоксии / Вэй Чжэн. – Яньтай: Журнал Юньнаньского университета национальностей, 2020 – С. 117–125. (на кит. яз.)

4. Чжэн, Вэй. Бэй сун минь цзу гуань си сы сян янь цзю = Исследования идеологии этнических отношений в период правления династии Северная Сун, диссертация канд. этнография / Вэй Чжэн. – Ланьчжоу, 2011. – 219 с.

5. Гончаров, С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142 / С. Н. Гончаров. – М.: Наука, 1986. – 296 с.

6. Крюков, М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII) / М. В. Крюков, В. В. Малавин, М. В. Софронов; под ред. З. Г. Лапина. – М.: Наука, 1984. – 336 с.

7. Лапина, З. Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае / З. Г. Лапина. – М.: Наука – Гл. ред. вост. лит., 1986. – 383 с.

8. Ши Цзе. Чжун го лун = О Китае [Электронный ресурс] / Ши Цзе // Гу Ши Вэнь Ван. – Режим доступа: https://so.gushiwen.cn/shiwen/v_944df4e557e1.aspx. – Дата доступа: 10.01.2024 (на кит. яз.).

9. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) / отв. ред. И. В. Попова; Ин-т восточных рукописей РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2016. – 942 с.

10. Ли Ги Бек. История Кореи: новая трактовка / пер. с кор. под ред. С. О. Курбанова. – М.: ООО «Русское слово – РС», 2000. – 464 с.

(Дата подачи: 01.02.2024 г.)

A. M. Zahidulin

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна

A. Zahidulin

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

УДК 930(470):94(438)

**ГІСТОРЫЯ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1918–1939 ГГ.
У ДАСЛЕДАВАННЯХ ВУЧОНЫХ ПОЛЬСКА-РАСІЙСКАЙ
ГРУПЫ ПА СКЛАДАНЫХ ПЫТАННЯХ, ШТО ВЫНІКАЮЦЬ
З ГІСТОРЫІ РАСІЙСКА-ПОЛЬСКІХ АДНОСІН**

**HISTORY OF WESTERN BELARUS 1918–1939.
IN STUDIES OF SCIENTISTS OF THE POLISH-RUSSIAN GROUP
ON COMPLEX ISSUES ARISING FROM THE HISTORY
OF POLISH-RUSSIAN RELATIONS¹**

Артыкул прысвечаны дзейнасці арыгінальнага навукова-даследчага калектыву, створанага ўрадамі Расійскай Федэрацыі і Польшчы, які атрымаў назву Група па складаных пытаннях, якія вынікаюць з гісторыі расійска-польскіх адносін. У Групу ўвайшлі прафесійныя гісторыкі, архівісты Расійскай Федэрацыі і Польшчы, а таксама прадстаўнікі міністэрстваў замежных спраў, сілавых структур, урадаў дзвюх краін. Мэта дадзенага артыкула – вызначыць пытанні гісторыі Беларусі 1918–1939 гг., якія разглядаліся навукоўцамі Групы ў працэсе вывучэння расійска-польскіх адносін, і даць ім характарыстыку.

Ключавыя словы: гісторыя Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы 1918–1939; Група па складаных пытаннях, якія вынікаюць з гісторыі расійска-польскіх адносін; расійская гістарыяграфія; польская гістарыяграфія.

¹ Даследаванне выканана ў межах праекта БРФФД Г23ГПІ-036 «Грамадска-палітычнае развіццё Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.) у замежнай гістарыяграфіі».

The article examines the activities of a temporary specific research team, which was named the Group on complex issues arising from the history of Russian-Polish relations. The Group included professional historians, archivists of the Russian Federation and Poland, as well as representatives of the ministries of foreign affairs, security forces, and governments of the two countries. The purpose of this article is to identify the issues of the history of Belarus in 1918–1939, which were considered by the scientists of the Group on complex issues arising from the history of Russian-Polish relations, and to give them a description.

Keywords: history of Western Belarus as part of Poland 1918–1939; Group on complex issues arising from the history of Russian-Polish relations; Russian historiography; Polish historiography.

Тэма пытанняў гісторыі Беларусі ў сучасных сумесных расійска-польскіх даследаваннях з’яўляецца актуальнай. Пераважная большасць гістарычных падзей, заснаваных на расійска-польскім узаемадзеянні, не абыходзілася без удзелу беларусаў. Імкненне расійскіх і польскіх гісторыкаў вырашыць спрэчныя пытанні гісторыі прыводзіць да выяўлення новых фактаў, стварэння новых канцэпцый. Выявіць, якая роля адводзіцца беларусам у падзеях, кампрамісныя трактоўкі якіх імкнуцца выпрацаваць расійскія і польскія вучоныя, з’яўляецца актуальнай праблемай айчынай гістарыяграфіі. Найбольш багатымі на факты і падзеі, а таксама спрэчнымі у рознасці трактовак з’яўляюцца польска-савецкая вайна і перыяд знаходжання Заходняй Беларусі пад польскай уладай з 1918 па 1939 г.

Аб’ект даследавання – дзейнасць Групу па складаных пытаннях, што выпякаюць з гісторыі расійска-польскіх адносін. Прадмет даследавання – пытанні гісторыі Беларусі 1918–1939 гг., якія разглядаліся вучонымі Групу па складаных пытаннях, што вынікаюць з гісторыі расійска-польскіх адносін. Мэта даследавання – вызначыць пытанні гісторыі Беларусі 1918–1939 гг., якія разглядаліся вучонымі Групу па складаных пытаннях, што вынікаюць з гісторыі расійска-польскіх адносін, і даць ім характарыстыку. Беларуская тэматыка ў расійска-польскіх даследаваннях цікавіла беларускіх гістарыёграфі. Яна прааналізавана шэрагам вучоных, у першую чаргу А. А. Савічам [1], А. М. Загідуліным [2].

Вывучэнне савецка-польскіх адносін у РСФСР з’яўлялася кантэкстам для даследавання пытанняў грамадска-палітычнага развіцця Заходняй Беларусі ў міжваенны час. У савецкі час у перыяд «адлігі» былі перагледжаны некаторыя спрэчныя пытанні савецка-польскіх адносін. 21 лютага 1956 г. была рэабілітавана распушчаная ў 1938 г. Камуністычная партыя Польшчы. Прышло ўсведамленне спрэчных палітычных сітуацый, у першую чаргу савецка-польскай вайны 1919–1920 гг., і праблемы іх даследавання. У гады «застою» падтрымліваліся даследаванні, што спрыялі дружбе і супрацоўніцтву паміж СССР і ПНР. У канцы 1980-х гг. адбываецца змена парадыгм у гістарычнай навуцы. Метадалагічна плённым прынята лічыць мнагафактарны аналіз, шырокі комплексны падыход да з’яў унутранай і знешняй палітыкі. 21 красавіка 1987 г. у 42 гадавіну Дагавора аб дружбе, супрацоўніцтве і ўзаемнай дапамозе паміж СССР і Польшчай

М. С. Гарбачовым і В. Ярузельскім была падпісана «Дэкларацыя аб савецка-польскім супрацоўніцтве ў галіне ідэалогіі, навукі і культуры» [3, с. 739]. Па выніках дамоўленасці была створана Сумесная камісія вучоных СССР і ПНР па выяўленні складаных пытанняў гісторыі савецка-польскіх адносін і сумеснай выпрацоўцы адкрытых навуковых пазіцый без скажэння ідэалагічным прымітывізмам. Пачынаючы з першага пасаджэння 19–20 мая 1987 г. было вызначана кола праблем для разгляду – 25 тэм у храналагічных рамках 1917–1945 гг. Намаганнямі камісіі і Інстытута славяназнаўства РАН праводзіцца шэраг канферэнцый, на якіх пераасэнсоўваюцца пытанні савецка-польскіх адносін [3, с. 740]. Асноўныя тэмы, якія на пераломе эпох імкнуцца пераасэнсаваць расійскія гісторыкі: катынская трагедыя, польска-савецкая вайна 1919–1920 гг., вераснёўскія падзеі 1939 г., савецка-польская дыпламатыя. У расійскай гістарыяграфіі пачынаюць адступаць ад вобраза Польшчы як «ворага № 1», знікаюць эпітэты «панская», «белапаліякі», «імперыялістычная», «буржуазна-памешчыцкая» ў адносінах да Польшчы [3, с. 747].

Расійская гістарыяграфія вывучае пытанні гісторыі беларусаў у Польшчы ў 1918–1939 гг. у кантэксце савецка-польскіх адносін, польска-савецкай вайны 1919–1920 гг., заключэння Рыжскай мірнай дамовы, дзейнасці Камуністычнай партыі Польшчы і г. д. З 1990-х гг. расійскія гісторыкі пачынаюць глядзець на праблему беларусаў у складзе Польшчы ў 1920–1930-я гг. максімальна прагматычна. У гістарычных даследаваннях мы больш не ўбачым былога імкнення савецкіх гісторыкаў падтрымліваць брацкі славянскі народ, «акупаваны белапаліякамі». Гістарычныя праблемы беларусаў разглядаюцца, зыходзячы з нацыянальных і дзяржаўных інтарэсаў Расіі і Савецкага Саюза. У манаграфіі І. С. Яжбароўскай і В. С. Парсаданавай «Россия и Польша. Синдром войны 1920 г.» [4] адзначаецца, што ў выніку заключэння Рыжскай мірнай дамовы новыя граніцы былі ўсталяваны часта выпадкова, насельніцтва, што трапіла ў склад Польшчы было змешаным, агульная сітуацыя была нестабільнай. Аўтары адзначалі на дадзенай тэрыторыі «пагрозу канфліктаў з боку суседа» [4, с. 28]. Пра лёс беларусаў і ўкраінцаў, што трапілі ў склад Польшчы, размова не ішла.

Польскі гісторык М. Корнат адзначае шэраг тэматычных упушчэнняў сучаснай польскай гістарыяграфіі датычна праблем гісторыі міжваеннай Польшчы і ўсходняй палітыкі. Важнай праблемай гісторыі знешняй палітыкі Польшчы ў міжваенны перыяд з’яўляецца так званы «праметэйскі» рух, гэта значыць канцэпцыя антысавецкага па характары супрацоўніцтва Польшчы з эмігранцкімі элітамі народаў СССР, якія імкнуліся да стварэння ўласных незалежных дзяржаў. Гістарыяграфія часоў ПНР прасоўвала вядомы тэзіс аб тым, што «праметэізм» – гэта праява польскага імперыялізму і не больш чым прыкрыццё для дзеянняў польскай разведкі на ўсходзе. На жаль, у польскай гістарыяграфіі няма сучасных глыбокіх даследаванняў, прысвечаных «праметэйскаму» руху. М. Корнат адзначае недахоп (за невялікім выключэннем) сучасных даследаванняў дзейнасці камуніс-

тычных партый у міжваеннай Польшчы і ўзаемадзеянне іх з Камінтэрнам [5, с. 780.]

У канцы 2000-х – пачатку 2010-х гг. паміж Расійскай Федэрацыяй і Польшчай назіралася палітычнае пацяпленне. У 2002 г. адбыўся візіт прэзідэнта Расійскай Федэрацыі У. У. Пуціна ў Польшчу. Па выніках сустрэч з кіраўніком Польшчы здзейснена спроба стварыць досыць спецыфічны для практыкі міждзяржаўных кантактаў механізм – Групу па складаных пытаннях, што вынікаюць з гісторыі польска-расійскіх адносін. Актыўная дзейнасць Групы пачынаецца толькі ў 2007 г. Дзяржавы Усходняй Еўропы сталі шмат увагі ўдзяляць гістарычнай палітыцы. Спрэчныя пытанні гісторыі ўплываюць на сучасныя міждзяржаўныя адносіны і выкарыстоўваюцца ўрадамі краін у якасці аргументаў у міжнароднай палітыцы. Кіраўніцтва Расійскай Федэрацыі і Польшчы прыйшло да высновы, што вырашаць спрэчныя пытанні гісторыі неабходна з улікам аргументаваных пазіцый навуковых апанентаў. Такім чынам, узнікла палітычная воля для расійска-польскага шчыльнага навуковага супрацоўніцтва.

Сустаршынямі Групы сталі рэктар Маскоўскага дзяржаўнага інстытута міжнародных адносін акадэмік А. В. Таркунова і прафесар, былы міністр замежных спраў Польшчы А. Д. Ротфельд. На першай сустрэчы 1–2 лютага 2008 г. у Бруселі сустаршыні абмеркавалі персанальны склад навуковага калектыву і кола пытанняў для вывучэння [6, с. 6]. У склад Групы, акрамя прафесійных гісторыкаў, увайшлі юрысты, работнікі следчых органаў, што займаліся катынскай справай, прадстаўнікі дзяржаўных архіваў і знешнепалітычных ведамстваў. Першае агульнае пасяджэнне Групы адбылося 12–14 чэрвеня 2008 г. у Варшаве. Урачыстае адкрыццё сустрэчы віталі міністр замежных спраў Польшчы Р. Сікорскі і пасол Расійскай Федэрацыі ў Польшчы У. М. Грынін [6, с. 7]. Другая сустрэча адбылася ў Маскве 27–28 кастрычніка 2008 г. На ёй быў распрацаваны план сумеснай грунтоўнай навуковай публікацыі. Абмеркаванне тэкстаў новай кнігі адбылося на трэцяй сустрэчы 28–29 мая 2009 г. у Кракаве. 1 верасня 2009 г. адбылася сустрэча прэм’ер-міністраў У. У. Пуціна і Д. Туска ў Сопаце, якая была ўспрынята ў тым ліку як пачатак карэннага пералому у ацэнцы агульнай польска-расійскай гісторыі. 9 лістапада 2009 г. на чацвёртым пасяджэнні Групы [6, с. 12] абмяркоўвалася публікацыя кнігі «Міжнародны крызіс 1939 г. в трактовках российских и польских историков» [7], падрыхтаванай Польскім інстытутам міжнародных пытанняў і Маскоўскім дзяржаўным інстытутам міжнародных адносін, адзначаны выхад спецыяльнага тэматычнага выпуску «Вестника МГИМО» з публікацыямі членаў Групы [8, с. 8]. Навуковая тэматыка даследаванняў вучоных Групы ахоплівала спрэчныя пытанні гістарыяграфіі савецка-польскіх адносін у перыяд і пасля заканчэння Другой сусветнай вайны, разнастайныя накірункі гістарычнай палітыкі. Пэўная ўвага была ўдзелена падзеям польска-савецкай вайны, 90-годдзе якой набліжалася. Асноўныя вынікі знайшлі ўвасабленне ў агульнай калектывнай манаграфіі, якая была падрыхтаваная

да 2010 г. Пасля красавіцкай трагедыі і сустрэч на вышэйшым узроўні ў 2010 г. супрацоўніцтва ў галіне сумесных гістарычных даследаванняў актывізавалася. Падчас візіта ў Расійскую Федэрацыю маршалка Сейма Браніслава Камароўскага было перададзена 67 тамоў завераных копіяў дакументаў, датычных катынскіх падзей. У 2017 г. была выдадзена грунтоўная калектыўная манаграфія – вынік работы Групы па складаных пытаннях «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» [8]. Пасля выдання кнігі дзейнасць Групы пачынае заміраць. У 2016 г. сустаршынёй Групы з польскага боку становіцца прафесар Міраслаў Філіповіч, дырэктар Інстытута Цэнтральнай і Усходняй Еўропы з Любліна. У 2018 г. дадзены інстытут быў расфарміраваны. Пасля некалькі разоў з вуснаў розных палітычных дзеячаў гучалі ідэі аб аднаўленні дзейнасці Групы [9], але рэальных навуковых даследаванняў пад яе эгідай больш не вялося.

Выданне «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» [8] складаецца з 16 тэматыка-храналагічных раздзелаў, кожны з якіх напісаны тандэмам польскага і расійскага гісторыкаў. Разгляд спрэчных пытанняў гісторыі Заходняй Беларусі 1918–1939 гг. тэматычна і храналагічна змешчаны ў раздзеле 1 «Начало» аўтарства Д. Ліпінскай-Наленч, Т. Наленча і Г. Ф. Матвеева і раздзеле 2 «1920–1930-е годы в истории советско-польских отношений», падрыхтаваным В. Матэрскім і А. В. Равякіным. Аўтары дадзеных раздзелаў разглядаюць пытанні маскоўка-варшаўскай і еўрапейскай дыпламатыі і праблемы нацыянальных меншасцей фактычна не ўлічваюць [8, с. 15–126]. Беларускую тэматыку закранае разглядаемае аўтарамі планаванне польскай нацыянальнай палітыкі Ю. Пілсудскім і Р. Дмоўскім. Федэрацыйны план аднаўлення Польшчы Д. Ліпінская-Наленч і Т. Наленч тлумачаць высакароднымі мэтамі Ю. Пілсудскага падтрымаць народы, што зведалі гнёт царызму. Аслабіўшы Расійскую імперыю і дабіўшыся з дапамогай Польшчы незалежнасці, удзячныя літоўцы і беларусы ўвойдуць у польска-беларуска-літоўскую унію. Толькі такім чынам, на думку Ю. Пілсудскага, дадзеныя народы могуць гарантаваць сваю бяспеку [10, с. 56]. Так, па версіі аўтараў, Ю. Пілсудскі апелываў да ягелонскай ідэі. Польская нацыянальная гістарыяграфія даўно развянчала сацыялістычныя погляды маршалка і яго жаданне «дапамагчы» атрымаць незалежнасць літоўцам і беларусам. Расійскі гісторык Г. Ф. Матвееў звяртае ўвагу на тое, што Ю. Пілсудскі прыняў рашэнне самастойна вырашыць пытанне ўсходняй польскай граніцы, спрыяючы стварэнню на ўсход ад яе незалежных ад Расіі буферных літоўска-беларускай і ўкраінскай дзяржаў. Прычым даследчык падкрэслівае, што такое рашэнне было прынята маршалам ужо ў канцы 1918 г., калі ў яго не было яшчэ саюзнікаў з ліку ўплывовых украінскіх, літоўскіх і беларускіх палітыкаў [11, с. 29]. Але, на думку Г. Ф. Матвеева, заняцце польскімі войскамі Вільні ў красавіку 1919 г., гэта значыць сілавы варыянт вырашэння праблемы прыналежнасці горада, на які прэтэндавалі як палякі, так

і беларусы, і літоўцы, перакрэсліў шлях супрацоўніцтва Польшчы з беларускімі і літоўскімі элітамі [11, с. 32].

Няўдалая антысавецкая акцыя С. Булак-Балаховіча, пасля якой Польшча інтэрніравала яго салдат, названа спробай Пілсудскага з годнасцю растацца з пакінутым саюзнікам [10, с. 66].

В. Матэрскі коратка характарызуе такую з’яву, як праметэізм, і падкрэслівае, што ў 1930-я гг. дадзены прыём польскай міжнароднай палітыкі не насіў наступальнага характару [12, с. 120]. Дзейнасць Камуністычнай партыі Польшчы «і яе сатэлітаў» – Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі і Камуністычнай партыі Заходняй Украіны – В. Матэрскі разглядае, у асноўным, у кантэксце іх ліквідацыі Савецкім Саюзам. Гісторык адзначае, што патэнцыяльныя магчымасці антыўрадавай дзейнасці польскіх камуністаў савецкім кіраўніцтвам выкарыстаны не былі па прычыне ўнутрыпартыйных супярэчнасцей і выкліканага імі недаверу з боку І. Сталіна [12, с. 124]. Таксама польскі даследчык звязвае ліквідацыю КПП з рэпрэсіямі супраць палякаў у СССР.

Праекты сумесных даследаванняў, арганізацыя якіх абумоўлена гістарычнай палітыкай, палітычнымі абставінамі, не маюць далёкай перспектывы, бо знікаюць са зменай палітычнага курса і адсутнасцю палітычнай волі. Тым не менш навуковае супрацоўніцтва з’яўляецца вельмі важным для абмену думкамі, літаратурай, прадстаўлення доступу да архіўных матэрыялаў. Вынікі навукова-арганізацыйнай работы Групы былі аформлены ў грунтоўную калектыўную манаграфію. Важна, што кожная з шаснаццаці спрэчных праблем гісторыі ў манаграфіі выкладзена ў артыкуле расійскага і польскага аўтара на адной мове. Трэба адзначыць, што навуковага кампрамісу ў большасці ацэнак польскім і расійскім гісторыкам дасягнуць не ўдалося. Сюжэты, якія б былі прысвечаны непасрэдна гісторыі Заходняй Беларусі, у згаданай манаграфіі адсутнічаюць. Асноўная думка расійскіх і польскіх даследчыкаў у дачыненні да беларусаў: беларусы не з’яўляліся суб’ектам гістарычных падзей, а фактычна паслужылі разменнай картай у расійска-польска-нямецкіх адносінах у 1918–1939 гг. Падобная думка, на жаль, працягвае панаваць у постсавецкай расійскай гістарыяграфіі. Сучасная польская гістарыяграфія, прысвечаная беларусам у складзе міжваеннай Польшчы, нашмат больш багатая і разнапланавая. Але сярод навуковых вынікаў работы польскіх вучоных Групы ўсё роўна сустракаюцца тэндэнцыйныя і міфалагізаваныя погляды і ацэнкі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Савич, А. А. Белорусско-польские противоречия в коммунистическом движении Западной Белоруссии в 1920–1930-х годах: историография и перспективы исследования // Славяноведение. – 2020. – № 3. – С. 15–24.

2. Загідулін, А. М. Нацыянальная палітыка міжваеннай Польшчы: некаторыя варыянты інтэрпрэтацыі ў расійскай і ўкраінскай гістарыяграфіях / А. М. Загідулін // Веснік

Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2023. – № 1 (15). – С. 69–74.

3. *Торкунов, А. В.* Размышления о прошлом с мыслью о будущем / А. В. Торкунов, А. Д. Ротфельд // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 5–15.

4. *Яжборовская, И. С.* Современная историография российско-польских отношений / И. С. Яжборовская // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 737–767.

5. *Яжборовская, И. С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. / И. С. Яжборовская, В. С. Парсаданова. – М.: Академия, 2005. – 404 с.

6. *Корнат, М.* Современная историография российско-польских отношений / М. Корнат // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 767–815.

7. Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / М. Волос [и др.]; под ред. М. М. Наринского и С. Дембского; пер. Н. В. Селиванова. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 480 с.

8. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 823 с.

9. Польша готова возобновить работу Группы по сложным вопросам [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 21.01.2020. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200121/1563672576.html>. – Дата доступа: 20.10.2023.

10. *Липиньская-Наленч, Д.* Начало / Д. Липиньская-Наленч, Т. Наленч // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 50–73.

11. *Матвеев, Г. Ф.* Начало / Г. Ф. Матвеев // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 15–50.

12. *Матерский, В.* 1920–1930-е годы в истории советско-польских отношений / В. Матерский // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 103–126.

(Дата падачы: 12.02.2024 г.)

В. І. Захарыч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

V. Zakharych

Belarusian State University, Minsk

УДК 930.2

ДАМІНІКАНСКІ ОРДЭН НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ КАНЦА XX – ПАЧАТКУ XXI СТ.

THE DOMINICAN ORDER ON THE BELARUSIAN LANDS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Артыкул прысвечаны сучаснай беларускай гістарыяграфіі Дамініканскага манахаўскага ордэна ад з'яўлення яго структур на беларускіх землях да ўваходу зямель былога Вялікага Княства Літоўскага ў склад Расійскай імперыі. Аўтар разглядае публікацыі 1990–2020-х гг., аналізуе распрацаванасць тэм (абагульняючыя работы па каталіцкай царкве, па манастырскай структуры, Дамініканскаму ордэну), вылучае найбольш папулярныя кірункі даследаванняў (прысутнасць Ордэна ў сацыюме, дзейнасць манахаў-прапаведнікаў, матэрыяльная спадчына ў кантэксце элітарнай і рэгіянальнай культуры).

Ключавыя словы: Дамініканскі ордэн; сучасная беларуская гістарыяграфія; Вялікае Княства Літоўскае; канец XX – пачатак XXI ст.

The article is devoted to the modern Belarusian historiography of the Dominican monastic order from the appearance of its structures on Belarusian lands to the entry of the lands of the former Grand Duchy of Lithuania into the Russian Empire. The author examines the publications of the 1990s – 2020s, analyzes the development of topics (summarizing works on the Catholic Church, monastic structure, the Dominican Order), singles out the most popular directions of research (the presence of the Order in society, the activity of preacher monks, material heritage in context of elite and regional culture).

Keywords: Dominican Order; modern Belarusian historiography; Grand Duchy of Lithuania; late 20th – early 21st century.

Гісторыя Дамініканскага ордэна на беларускіх землях налічвае сем стагоддзяў. Першымі дамініканцамі былі, верагодна, місіянеры XIII ст. і першы легітымны каталіцкі біскуп Літвы Віт. У гісторыі Ордэна ў Вялікім Княстве Літоўскім вылучаецца два перыяды: да канца XVI ст. і XVII – пачатак XIX ст. Апошні характарызуецца зменамі ў структуры Ордэна (вылучаюцца дзве правінцыі Ордэна, ідзе пашырэнне ахопленай манахамі тэрыторыі на захадзе і паўночным усходзе зямель сучаснай Беларусі). У перыяд XVII–XVIII ст. Ордэн адыгрываў значную ролю ў культурна-асветніцкім жыцці краю (на беларускіх землях у 1772 г. налічвалася 41 кляштар і каля 460 манахаў). Яны актыўна ўключаліся ў супрацоўніцтва

з насельніцтвам, праводзілі хрысціянскую місію, навучалі моладзь, змянялі мясцовы архітэктурны ландшафт сваімі манастырскімі комплексамі, перабудоўвалі першапачатковыя драўляныя касцёлы ў мураваныя, пераважна ў стылі барока. Некаторыя аб'екты гісторыка-культурнай спадчыны захаваліся да нашага часу (напрыклад, касцёлы ў Дунілавічах, Васілішках, Навагрудку). Акрамя таго, крыніцы, звязаныя з дзейнасцю Ордэна, паказваюць і іншы, эканамічны і сацыяльна-крмінальны бок жыцця (у выглядзе ахвяраванняў і судовых грашова-маёмасных спраў, такіх як пазыкі ці наезды).

За апошнія трыццаць год у Беларусі назіраецца тэндэнцыя абмежаванага вывучэння канфесійнай гісторыі, што, відавочна, з'яўляецца спадчынай сведкай гістарычнай навукі XX ст. Пры вялікай цікавасці да гісторыі каталіцкай і праваслаўнай цэркваў у канцы 1980-х – 1990-я гг. айчынная гістарыяграфія не да канца зразумела, якое месца займае царкоўная праблематыка ў нацыянальным наратыве Беларусі. Асноўны аб'ём распрацовак прыпадае на даследаванні краязнаўцаў ці спецыялістаў-крыніцазнаўцаў, якія шукаюць новыя і ўнікальныя звесткі лакальнага характару. Станоўчы момант – у XXI ст. з'яўляюцца даследчыкі, заангажаваныя ў справах гісторыі каталіцкай царквы, і гэта можа прывесці да стварэння паўнавартаснай сентэнцыі гісторыі касцёла.

Спецыфіка даследаванняў хрысціянскіх цэркваў у Вялікім Княстве Літоўскім у канцы XX – пачатку XXI ст. у рэгіёне Цэнтральнай і Усходняй Еўропы і Беларусі ў прыватнасці праяўляецца ў патэнцыяле супрацоўніцтва сведкіх і духоўных гісторыкаў для стварэння сумеснага навуковага прадукту. Прыкладам такога сімбіёзу можа быць выданне «Канфесіі на Беларусі» [1], якое ахоплівае перыяд XIX–XX стст. Аднак работа не працягнулася. Тым болей няма прагрэсу ў выданні айчыннай работы па гісторыі Дамініканскага ордэна на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага. З боку беларускага манаста адсутнічае чалавечы і матэрыяльны рэсурс для правядзення даследаванняў. Са сведкага боку, пры ўмове фрагментарнага вывучэння і недастатковай распрацаванасці крыніц, не існуе магчымасці выйсці на абагульненне.

Звяртаючыся да прадгісторыі вывучэння гісторыі Дамініканскага ордэна на Беларусі ў XX ст. і пераемнасці да сучаснай гістарыяграфіі, трэба адзначыць наступнае. Галоўным прадстаўніком у праблематыцы гісторыі Касцёла ў савецкай Беларусі быў Я. Н. Мараш – прафесар гістарычнага факультэта Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. У яго работах [2–4] звярталася ўвага на адзін з ордэнаў – езуіцкі, які падаецца як флагманская сіла Ватыкана ў правядзенні акаталічвання на нашых землях. Аўтар адмаўляў асветніцкую дзейнасць каталікоў. Уласна дамініканцамі Я. Н. Мараш не займаўся, звесткі пра іх сустракаюцца толькі адзінкава і ў кантэксце статыстыкі ці канфліктных спраў.

Такім чынам, беларускай гістарыяграфіі на сучасным этапе збольшага прыходзіцца пераадкрываць і прадстаўляць дэідэалагізаванае бачанне

канфесійнай сітуацыі ў Вялікім Княстве Літоўскім перыяду XVI–XVIII стст. Неабходна ў гэтай сувязі адзначыць некаторае адставанне ад тэмаў даследаванняў у іншых нацыянальных гістарыяграфіях у рэгіёне Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, што абумоўлена адсутнасцю спецыялізаваных цэнтраў па вывучэнні гісторыі касцёла пры ўніверсітэцкіх ці навукова-даследчых установах. У кантэксце Дамініканскага ордэна дадатковым фактарам з’яўляецца знаходжанне масіваў крыніц у былых ордэнскіх цэнтрах правінцый (Вільнюс, Львоў, Кракаў).

Цікавай з’явай з 1990-х гг. у свецка-царкоўнай гістарыяграфіі каталіцкай царквы Беларусі была асветніцка-публікацыйная дзейнасць на старонках часопіса «Наша вера», які выпускаецца з 1995 г. да нашых дзён. Ён стаў гістарыяграфічным пунктам, які акумулюе важныя старонкі з развіцця гісторыі касцёла і прадстаўляе беларускі погляд на развіццё канфесіі. Ён мае немалаважнае значэнне і ў пашырэнні ведаў аб Дамініканскім ордэне на нашых землях (маецца каля 20 навукова-папулярных тэматычных артыкулаў).

Звяртаючыся да пытання аб абагульняючых работах па каталіцкай царкве, магчыма прывесці некалькі публікацый. Свае раздзелы ў нацыянальным наратыве пакінулі вядучыя айчыннымі даследчыкі канфесійнай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага: Г. Я. Галенчанка [5], Л. С. Иванова [7; 8], С. В. Марозава [7], А. М. Філатава [8] і В. В. Яноўская [9].

Спробу кароткага падсумавання гісторыі касцёла на Беларусі зрабіў даследчык гісторыі ранняга перыяду гісторыі рымска-каталіцкай царквы на Беларусі, лацініст А. А. Жлутка [10]. Праз аб’екты матэрыяльнай культуры, якія сабраны ў Гродзенскім дзяржаўным музеі гісторыі рэлігіі, паказваецца развіццё касцёла на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага ў артыкуле І. Г. Ганчарука [11]. Агульную інфармацыю па дзейнасці каталіцкіх ордэнаў у Вялікім Княстве за XVI–XIX стст. магчыма знайсці ў публікацыі Л. Карнілавай [12].

Сярод спецыяльных абагульняючых работ пра Дамініканскі ордэн вылучым матэрыял Р. У. Зянюк «Ордэн прапаведнікаў на землях Беларусі» [13]. Аўтар у рэтраспектыўнай манеры выклала асноўную інфармацыю пра розныя сферы дзейнасці Ордэна за перыяд XIII–XIX стст. У артыкуле вылучаюцца тры хвалі місіянерскай дзейнасці дамініканцаў, кароткае паэтапнае апісанне гісторыі, аналіз фундацый некаторых кляштараў, галоўныя сферы дзейнасці на беларускіх землях.

Праблемнай тэмай у беларускай гістарыяграфіі застаецца пытанне аб з’яўленні першых місіянераў і першых манастыроў у межах Вялікага Княства Літоўскага і сучаснай тэрыторыі Беларусі ў прыватнасці. Прынята лічыць першым легітымным біскупам Літоўскім дамініканца Віта, сустракаюцца тэорыі аб заснаванні дамініканскіх кляштараў у Вільні і Навагрудку. Аднак даследчыкі XXI ст. сыходзяцца на перадачы кляштара манахам Ордэна ў Вільні толькі ў 1501 г. і з’яўленні іх у сучаснай Беларусі ў XVII ст. Перадгісторыю з’яўлення дамініканцаў на тэрыторыі Беларусі

і іх пранікнення на дадзены абшар асвятчаюць Ю. М. Лаўрык [14] і А. А. Жлутка [15].

Найбольш цікавы перыяд у дзейнасці Ордэна – XVII–XVIII стст., нягледзячы на ўсе неспрыяльныя ўмовы ў выглядзе ўнутраных і знешніх палітычных канфліктаў таго часу. Найбольш падрабязнымі работамі па гісторыі Ордэна з’яўляюцца даследаванні па лакальнай гісторыі Беларусі. Храналагічна яны ўздымаюць пытанне дзейнасці касцёла і кляштар манахаў ад іх заснавання да скасавання або знішчэння архітэктурнага помніка. Апісанне можа быць як скасаваным, як у артыкулах аб святынях горада: касцёлы Мінска ў артыкуле У. М. Дзянісава [16], пінскія кляштары ў публікацыі А. А. Ярашэвіч [17], цыкл аб каталіцкіх святынях Астравеччыны А. Яроменкі [18], тэзісы аб храмах у Шклове краязнаўцы А. П. Грудзіны [19], так і даволі падрабязным, калі даследаванне закранае канкрэтны храм: гісторыя святыні ў Зембіне С. Адамовіча [20], жыццёвы шлях манаскага аб’яднання ў Стоўбцах, апісаны Р. С. Жаўняркевічам [21], гісторыя ліквідацыі кляштара ў Дудаковічах, выкладзеная навуковым супрацоўнікам магілёўскага музея Н. А. Працаковай [22], лёс касцёла Найсвяцейшай Дзевы Марыі ў Полацку Я. Д. Філіпенка [23].

Кожная работа мае на мэце раскрыць унікальную гісторыю разглядаемага касцёла і кляштара. Напрыклад, апісваючы комплекс у Стоўбцах, немагчыма не ўгадаць аб прыёры кляштара Фабіяне Малішэвічы, які пасля смерці лічыўся бласлаўлёным. Апісваючы кляштар у Забелах, заўсёды апісваецца такая з’ява, як адзіны на нашых землях дамініканскі школьны тэатр. Ва ўмовах захавання касцёла як помніка рэспубліканскага значэння апісвалася святыня ў Зембіне. Уласнымі легендамі (аб заснаванні комплексу, аб «чорным манаху») абзавёўся кляштар у Мінску. Вядомасць навагрудскім дамініканцам прынеслі вучні іх школкі Я. Чачот і А. Міцкевіч.

Найбольшая ўвага надаецца архітэктурнаму вобліку комплексаў. Каштоўнасць такіх работ ва ўвядзенні ў навуковы зварот архіўных крыніц, рэканструванні матэрыяльнага ўвасаблення дамініканскіх мясцін. Напрыклад, публікацыя А. А. Мяцельскага, прысвечаная пабудове і функцыянаванню мураваных касцёла і кляштара дамініканцаў [24]. Аўтар піша аб увасабленні храма, рэканструюе алтары, паказвае працэс пабудовы і далейшых перабудоў касцёла. На падобную тэматыку быў напісаны артыкул Т. П. Варабей аб знешнім і ўнутраным выглядзе забельскага комплексу [25]. Аўтар таксама асноўную ўвагу надае рэканструкцыі яго выгляду на розных этапах яго існавання на падставе крыніц з НГАБ і гістарыяграфіі.

Магчыма падыйсці да культурна-асветніцкага прадстаўлення Ордэна ў работах. Сярод напрамкаў вылучаюцца архітэктура, музыка, адукацыя, кніжная справа. Працягваючы архітэктурную тэматыку, неабходна сказаць, што ў гістарыяграфіі на аснове пісьмовых крыніц, археалагічных раскопак, а таксама ўцалелых помнікаў архітэктуры апісваюцца храмы і іх ком-

плексы, вылучаюцца тэндэнцыі, асабліваасці, паказваецца ўся мастацкая каштоўнасць такой спадчыны.

Сярод даследчыкаў архітэктуры трэба вылучыць унёсак Т. В. Габ-
рус, у працах якой неаднойчы фігуруе Дамініканскі ордэн (як у якасці
прыкладаў у кантэксце агульнай храмавай спадчыны [26; 27], так і ў якасці
галюўнага прадмета даследавання [28; 29]). Даследчыца грунтоўна з улікам
кантэксту падыйшла да апісання манаскіх пабудоў. У працах можна праса-
чыць развіццё архітэктурных стыляў, улічваючы геаграфічнае і палітычнае
становішча канкрэтных земляў, вылучаюцца асабліваасці дамініканскага
храмабудаўніцтва.

У дамініканскіх храмах літургічная музыка мела асаблівае значэнне.
На гэта не маглі не звярнуць увагу даследчыкі музычнай культуры. Так,
мастацтвазнаўца Т. У. Ліхач [30–33] раскрывае музычную тэорыю і практы-
ку, прыводзіць некаторыя звесткі аб музыках-выканаўцах. Аўтар аналізуе
музычныя звычаі ў касцёлах Беларусі ў рэтраспектыве і параўноўвае іх
з іншымі на той момант заходнееўрапейскімі трацыцыямі. Артыкулы хоць
і маюць за мэтавую аўдыторыю спецыялістаў па музычнай культуры, аднак
магчыма вылучыць тэндэнцыі развіцця музыкі і яе асабліваасці ў гісторыі
культуры. Звярнула ўвагу на музыку ў практыках Дамініканскага ордэна
ў кантэксце больш грунтоўных абагульняючых работ даследчыца гісторыі
беларускай музыкі В. У. Дадзіёва [34].

У работах па гісторыі адукацыі ў Беларусі дамініканцам прысвяцілі ўвагу
Р. У. Зянюк, А. Ф. Самусік, І. Г. Ганчарук. Найбольшая зацікаўленасць надад-
зена канцу XVIII–XIX ст., што магчыма патлумачыць больш разнастайнымі
і даступнымі крыніцамі. А. Ф. Самусік як спецыяліст па праблемах аду-
кацыйнай дзейнасці хрысціянскіх канфесій на тэрыторыі Беларусі XVI–
XVII стст. у сваёй публікацыі «Асветніцкая дзейнасць Дамініканскага ордэ-
на на беларускіх землях у XVIII – першай трэці XIX ст.» [35] асвятляе ролю
Ордэна ў асветніцкай дзейнасці ў складаных сацыякультурных умовах.
І. Г. Ганчарук у 2004 г. апублікаваў артыкул «Каталіцкія манаскія ордэны
на Беларусі ў 1770–1820-я гг.» [36]. Сярод многіх апісаных ордэнаў мож-
на вылучыць каштоўныя звесткі пра адукацыю ў манахаў-прапагандыстаў.
І. Г. Ганчарук паказаў сістэму адукацыі, якая існавала ў Ордэне ў пачат-
ку XIX ст., вылучыў адукацыю як царкоўных кадраў, так і свецкіх на пры-
кладзе адукацыі моладзі. Праведзены аналіз сістэмы адукацыі дамініканцаў
і прыведзены прыклады для кожнай студыі (адукацыйнай установы для
манахаў). Р. У. Зянюк з’яўляецца аўтарам манаграфіі «Навучальныя ўстановы
рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі (1772–1914 гг.)» [37], у якой дамініканцы
фігуруюць як элемент адукацыйнай прасторы вызначанага перыяду. Най-
больш вядомым навучальным цэнтрам дамініканцаў таго часу з’яўляюцца
Забелы, якім прысвечаны адзін з яе артыкулаў [38]. Тут на прыкладзе аднаго
кляштара прасочваецца гісторыя станаўлення, развіцця і знікнення адукацый-
нага цэнтра ў паўночным краі сучаснай Беларусі. Даволі падрабязна апісана
гісторыя з’яўлення і дзеяння студый і навіцыятаў, а таксама іх асабліваасці.

Асобна вылучым такую з’яву, як адзіны ў Беларусі дамініканскі школьны тэатр. Даволі падрабязна апісаны тэатр, выкладчыкі і яго рэпертуар у кнізе Ю. і А. Русецкіх [39]. Гістарыяграфічнай крыніцай для іх стала работа А. Мальдзіса «На скрыжаванні славянскіх традыцый» [40]. Менавіта выкладчыкам прысвечаны матэрыял А. Ф. Брыля [41]. Аўтар паспрабаваў высветліць інфармацыю з іх біяграфічных звестак і дапоўніць іх па новых архіўных матэрыялах.

Кнігазборамі кляштарных бібліятэк займаўся ў 2010-я гг. Ю. М. Лаўрык. Вядомы яго даследаванні, прысвечаныя Мінскаму, Нясвіжскаму і Слонімскаму дамініканскім манастырам [42–45]. Аўтар прааналізаваў склад бібліятэк, класіфікаваў кнігі па прызначэнні, апісаў асаблівасці для кожнага віду кніг і акрэсліў характэрныя рысы для кніг адной і той жа эпохі. Справачную інфармацыю аб бібліятэцы ў Гродна магчыма знайсці ў кнізе Н. Ю. Бярозкінай [46] і больш падрабязную – у адмысловай публікацыі В. Шоцік [47].

Невялікую завесу ў галіне мастацтва прыадкрыла Н. Я. Трыфанава, якая прысвясціла адну са сваіх прац партрэтам манахаў-дамініканцаў з Полацка [48]. Даследчыца паспрабавала сабраць вядомыя звесткі пра гэтых манахаў. Аналіз партрэтаў, вылучэнне падабенства з заходнееўрапейскімі школамі, а збольшага адрозненняў з імі дазваляюць вылучыць сваю полацкую мастацкую школу XVIII ст.

Цікавым застаецца факт адсутнасці спецыяльных работ, якія б апісвалі фінансавую ці сацыяльную дзейнасць манахаў. Вядома, што манахі мелі розныя крыніцы прыбыткаў: буйныя грашовыя аперацыі (ліхварства), ахвяраванні, даходы з нерухомай маёмасці. Аднак манастырскія ўладанні не апісваліся ў гістарыяграфіі. Такой праблемай напрацягу 2000-х гг. займаўся А. А. Пруднікаў [49]. Тым не менш дамініканскія мясціны ў апісанне не трапілі. Таксама, як паказваюць матэрыялы судовых разбіральніцтваў, дамініканцы не заставаліся ў баку ад канфліктных спраў, якія вырашаліся рознымі, не толькі мірнымі, шляхамі.

Такім чынам, з 1990-х гг. у Беларусі пачалося стварэнне корпуса работ па гісторыі Дамініканскага ордэна. Даследаванні праводзіліся на працягу трох дзесяцігоддзяў у кантэксце агульнай гісторыі каталіцкай царквы, лакальнай гісторыі і гісторыі дакладнага манаскага ордэна. Найбольш цікавым і прывагэтным бычыцца даследаванне дзейнасці Ордэна XVII–XVIII стст. і яго лёсу пасля падзелаў Рэчы Паспалітай. У сваіх даследаваннях аўтары закраналі наступныя сферы дзейнасці Дамініканскага ордэна: эканоміка, прысутнасць у сацыюме Вялікага Княства і беларускіх зямель, даследаванне дзейнасці Ордэна і яго матэрыяльная спадчына ў кантэксце элітарнай і рэгіянальнай культуры. Варта вызначыць надзённыя і перспектыўныя гарызонты працы па гісторыі Ордэна. Па-першае, гэта стварэнне гісторыі Ордэна на землях Вялікага Княства Літоўскага, вывучэнне такіх макраструктур, як Руская і Літоўская правінцыі Ордэна ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, місія Ордэна і яе змены на розных этапах яго існавання на бела-

рускіх землях. Па-другое, усё яшчэ існуе цьмянае ўяўленне аб памерах і месцазнаходжанні кляштарных збораў (архіваў, бібліятэк, іх сістэматызацыі і публікацыі крыніц). Па-трэцяе, тэрытарыяльнае і маёмаснае пытанне. Межы правінцый былі даволі звілістымі. Праблема кляштарных валоданняў у гістарыяграфіі амаль не даследавалася, нягледзячы на амаль стагоддзе панавання эканамічнай гісторыі і марксісцкай метадалагічнай парадыгмы ва Усходняй Еўропе. Для інтэлектуальнай гісторыі і метадалогіі новай гісторыі ў дамініканскай праблематыцы існуюць цікавыя кейсы: стратэгіі выжывання ў неспрыяльных умовах (падчас войнаў XVII–XVIII стст.), працэс вырашэння канфліктных сітуацый, узаемаадносіны з іншымі структурнымі адзінкамі каталіцкай царквы, гісторыя жаночага аддзялення Ордэна (на прыкладзе кляштара ў Навагрудку) і інш.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 337 с.
2. *Мараш, Я. Н.* Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви / Я. Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1969. – 218 с.
3. *Мараш, Я. Н.* Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795) / Я. Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 272 с.
4. *Мараш, Я. Н.* Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века / Я. Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1974. – 288 с.
5. *Галенчанка, Г. Я.* Царква і канфесіі ў канцы XV – пачатку XVI ст. / Г. Я. Галенчанка, Л. С. Іванова // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2008. – С. 490–540.
6. *Іванова, Л. С.* Рэлігійнае і культурнае жыццё / Л. С. Іванова // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – С. 42–70.
7. *Іванова, Л. С.* Духовнае жыццё / Л. С. Іванова, С. В. Марозава // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – С. 148–169.
8. *Філатава, А. М.* Канфесіянальна-нацыянальная палітыка царскага ўрада / А. М. Філатава // Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – С. 67–75.
9. *Яноўская, В. В.* Канфесіянальная палітыка ўлад / В. В. Яноўская // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – С. 179–188.
10. *Жлутка, А. А.* Пункцыры вялікага шляху. Спраба кароткага падсумавання гісторыі каталіцкага Касцёла на Беларусі / А. А. Жлутка // Наша вера. – 2000. – № 4 (14).
11. *Ганчарук, І. Г.* Каталіцкі Касцёл на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага (па матэрыялах экспазіцыі Гродзенскага дзяржаўнага музея гісторыі рэлігіі) / І. Г. Ганчарук // Studia Theologica Grodnensia: рэлігійнае выданне: зб. навук. арт. – 2021. – Вып. 14. – С. 158–164.

12. *Корнилова, Л. А.* Католические монашеские ордена в Великом княжестве Литовском в XVI – первой половине XIX в. / Л. А. Корнилова // Проблемы цивилизационного развития Беларуси, Польши, России и Украины в конце XVIII–XXI веке / под ред. П. Франашка, А. Н. Нечухрина. – Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2007. – С. 141–145.
13. *Зянюк, Р. У.* Ордэн прапаведнікаў на землях Беларусі / Р. У. Зянюк // Наша вера. – 2015. – № 2. – С. 8–13.
14. *Лаўрык, Ю. М.* ORDO FRATRUM PRAEDICATORUM: дамінікане ў свеце і на Беларусі / Ю. М. Лаўрык // Наша вера: каталіцкі часопіс. – Мінск, 2011. – № 2. – С. 67–71.
15. *Жлутка, А. А.* Благаслаўлены Віт – першы біскуп Літвы-Беларусі: праз цэрні да святасці / А. А. Жлутка // Наша вера. – 2015. – № 2. – С. 14–22.
16. *Дзянісаў, У. М.* Касцёлы г. Мінска ў XVI – пачатку XX стст. (паводле дакументаў НГАБ) [Электронны рэсурс] / У. М. Дзянісаў // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Рэжым доступу: https://niab.by/stat/dzianisau_kascioly/. – Дата доступу: 30.01.2024.
17. *Ярашэвіч, А. А.* Пінскія кляштары / А. А. Ярашэвіч // Наша Вера. – 1999. – № 3 (9). – С. 26–31.
18. *Яроменка, А.* Каталіцкія святыні Астравеччыны / А. Яроменка // Наша вера. – 2012. – № 2. – С. 68–71.
19. *Грудзіна, А. П.* 3 гісторыі каталіцкіх святынь Шклова / А. П. Грудзіна // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф., 25–26 чэрв. 2015 г. / уклад.: А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў, 2015. – С. 363–368.
20. *Адамовіч, С.* Занядбаная святыня. 3 гісторыі касцёла Зембінскага дамініканскага кляштара / С. Адамовіч // Наша вера. – 1999. – № 1. – С. 60–63.
21. *Жаўняркевіч, Р. С.* Кляштар айцоў дамініканаў у Стоўбцах / Р. С. Жаўняркевіч // Наша вера. – 1999. – № 2. – С. 57–61.
22. *Прачакова, Н. А.* Да пытання ліквідацыі дамініканскага кляштара і парафіі ў Дукавічах Магілёўскага павета / Н. А. Прачакова // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф., 25–26 чэрв. 2015 г. / уклад.: А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў, 2015. – С. 318–324.
23. *Филиппенко, Я. Д.* Доминиканский монастырь. Утраченное наследие Полоцкой земли / Я. Д. Филиппенко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Ф. Прикладные науки. Строительство. – Новополоцк, 2010. – № 12. – С. 2–6.
24. *Мяцельскі, А. А.* Пабудова і функцыянаванне мураваных касцёла і кляштара дамініканцаў у вёсцы Пацкава Мсціслаўскага раёна / А. А. Мяцельскі // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. / Дэпартамент па архівах і справаводства Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – 2020. – Вып. 18. – С. 58–69.
25. *Варабей, Т. П.* Забэльскі кляштар дамініканцаў: знешні і ўнутраны выгляд комплексу ў XIX – пачатку XX ст. (паводле дакументаў з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / Т. П. Варабей // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. / рэд.: Ю. М. Бохан [і інш.]. – Мінск: НГАБ, 2016. – Вып. 14. – С. 207–220.
26. *Габрусь, Т. В.* Драўлянае хрысціянскае храмабудаўніцтва Беларусі / Т. В. Габрусь. – Мінск: Беларуская навука, 2020. – 318 с.
27. *Габрусь, Т. В.* Мураваныя харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск: Ураджай, 2001. – 287 с.

28. *Габрусь, Т. В.* Гісторыка-культурны аспект пачатку будаўнічай дзейнасці ордэна дамініканцаў у Беларусі / Т. В. Габрусь // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі* / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск, 2014. – Вып. 17. – С. 10–16.

29. *Габрусь, Т. В.* Апошні этап будаўнічай дзейнасці ордэна дамініканцаў у Беларусі / Т. В. Габрусь // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі: зб. навук. арт. / Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск, 2016. – Вып. 20. – С. 32–38.*

30. *Ліхач, Т. У.* Літургічная музыка на Беларусі: у 3 ч. / Т. У. Ліхач. – Мінск: Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі, 2008. – Ч. 1: Каталіцкая традыцыя. – 172 с.

31. *Ліхач, Т. У.* Каталіцкія кляштары і развіццё музычнай культуры / Т. У. Ліхач // *Наша вера. – 1999. – № 4. – 50–53.*

32. *Ліхач, Т. У.* Ордэн дамініканцаў і развіццё музычнай культуры Беларусі / Т. У. Ліхач // *Наша вера. – 2000. – № 1. – С. 52–55.*

33. *Ліхач, Т. У.* Ордэн дамініканцаў і развіццё музычнай культуры Беларусі / Т. У. Ліхач // *Наша вера. – 2000. – № 2. – С. 34–41.*

34. *Дадзіёмава, В. У.* Музычная культура Беларусі XVIII стагоддзя: гісторыка-тэарэтычнае даследаванне / В. У. Дадзіёмава. – Мінск: Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі, 2004. – 383 с.

35. *Самусік, А. Ф.* Асветніцкая дзейнасць дамініканскага ордэна на беларускіх землях у XVIII – першай трэці XIX ст. / А. Ф. Самусік // *Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт.: у 2 ч. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: Э. С. Ярмусік [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2009. – Ч. 2. – С. 197–202.*

36. *Ганчарук, І. Г.* Каталіцкія манаскія ордэны на Беларусі ў 1770–1820-я гг. / І. Г. Ганчарук // *Наша вера. – 2004. – № 4. – С. 66–71.*

37. *Зянюк, Р. У.* Навучальныя ўстановы рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі (1772–1914 гг.) / Р. У. Зянюк. – Мінск: Беларуская навука, 2017. – 297, [2] с.

38. *Зянюк, Р. У.* Навучальныя ўстановы пры Забэльскім дамініканскім кляштары 1716–1857 гг. / Р. У. Зянюк // *Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння Л. В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. / рэдкал.: Г. У. Савіцкі, В. А. Шышанаў, Н. Ю. Шаркоўская. – Мінск, 2012. – С. 351–356.*

39. *Русецкі, А. У.* Мастацкая культура Віцебскага Паазер’я: ад старажытнасці да пачатку XX стагоддзя / А. У. Русецкі, Ю. А. Русецкі. – Мінск: БелЭн, 2005. – 320 с.

40. *Мальдзіс, А. І.* На скрыжаванні славянскіх традыцый / А. І. Мальдзіс. – Мінск: Навука, 1980. – 352 с.

41. *Брыль, А. Ф.* Звесткі пра Каятана Марашэўскага, Міхала Цяцёрскага і Ігнацыя Юрэвіча ў дакументах Дамініканскага ордэна / А. Ф. Брыль // *Роднае слова. – 2018. – № 4. – С. 3–4.*

42. *Лаўрык, Ю. М.* Кніжныя зборы Менскага дамініканскага канвенту ў 1709 г. / Ю. М. Лаўрык // *Наша вера. – 2011. – № 4. – С. 68–71.*

43. *Лаўрык, Ю. М.* Менскія дамінікане ў 1796 годзе / Ю. М. Лаўрык // *Наша вера. – 2011. – № 3. – С. 66–71.*

44. *Лаўрык, Ю. М.* Бібліятэка дамініканскага канвента ў Нясвіжы / Ю. М. Лаўрык // *Наша вера. – 2018. – № 1. – С. 34–37.*

45. *Лаўрык, Ю. М.* Бібліятэка Слонімскага кляштара дамініканцаў / Ю. М. Лаўрык // Вялікае Княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Т. 3. Дадаatk. А – Я / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 2010. – С. 79.

46. *Березкина, Н. Ю.* Библиотеки и распространение научных знаний в Беларуси (XVI – XX вв.) / Н. Ю. Березкина; науч. ред.: М. П. Костюк, А. А. Коваленя. – Минск, Беларуская навука, 2011. – 523 с.

47. *Шоцік, В.* Гісторыя і лёс бібліятэкі кляштара дамініканцаў у Гародні / В. Шоцік // Гістарычны альманах. Навуковы гістарычны і краязнаўчы часопіс – Гародня, 2006. – Т. 6. – С. 228–235.

48. *Трыфанава, Н. Я.* Партрэты манахаў-дамініканаў з Полацка / Н. Я. Трыфанава // Наша вера. – 2003. – № 2. – С. 50–52.

49. *Пруднікаў, А. А.* Мясцэчкі ва ўладаннях каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі ў сярэдзіне XVII–XVIII ст.: сацыяльна-эканамічнае развіццё / А. А. Пруднікаў. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2021. – 276 с.

(Дата падачы: 27.02.2024 г.)

A. B. Zubarev

Институт бизнеса, Белорусский государственный университет, Минск

A. Zubarev

School of Business of Belarusian State University, Minsk

УДК 94(410)
07.00.03

РАСОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА М. ТЭТЧЕР (1979–1990 ГГ.)

RACE RIOTS AND CONSERVATIVE GOVERNMENT OF M. THATCHER (1979–1990)

В статье рассматривается влияние расовых беспорядков в британских городах в 1980-х гг. на политику консервативного правительства М. Тэтчер в сфере расовых отношений. На основе архивных материалов британского правительства автор делает вывод о нежелании консервативных властей проводить целенаправленную политику по улучшению социально-экономического положения этнорасовых групп через предоставление им дополнительных преимуществ в различных сферах. Среди методов, с помощью которых консерваторы стремились улучшить расовые отношения, было активное включение темнокожих представителей среднего класса в политическую и экономическую жизнь Соединенного Королевства.

Ключевые слова: М. Тэтчер; социальный конфликт; расовые отношения; Брикстон; отчет Скармана; консервативная партия; Хандсфорт; иммигранты.

The article examines the influence of race riots in British cities in the 1980s on the race relations policy of the Conservative government of Margaret Thatcher. Based on archival

materials of the British government, the author concludes that the conservative authorities are unwilling to pursue targeted policies to improve the socio-economic situation of racial groups by providing them with additional advantages in various areas. Among the methods by which the Conservatives sought to improve race relations was the active inclusion of colored middle-class people in the political and economic life of the United Kingdom.

Keywords: M. Thatcher; social conflict; race relations; Brixton; the Scarman report; Conservative party; Handsworth; immigration.

1980-е гг. стали важным периодом в жизни Великобритании: консервативная партия во главе с М. Тэтчер провела ряд реформ, имевших серьезное значение для социально-экономического и политического развития страны. Приватизация государственных предприятий и жесткая монетаристская финансовая политика, хоть и способствовали повышению эффективности британских компаний и снижению инфляции, привели к сильному недовольству в стране, что проявлялось в регулярных забастовках рабочих, столкновениях с полицией и росте криминальной активности в стране в целом.

В средствах массовой информации и политическом дискурсе Великобритании 1980-х гг. зачастую акцентировалось внимание на этнорасовом аспекте беспорядков, прокатившихся по городам страны в это десятилетие. Действительно, значительное число участников столкновений с полицией были представителями афро-карибского сообщества, сформировавшегося в Великобритании в результате крупномасштабной иммиграции 1950–1960-х гг. Иммигранты этой первой волны были трудоустроены в основном в непрестижных сферах деятельности с низкой по британским меркам заработной платой. Несмотря на то что британская экономика в эти годы нуждалась в иммигрантах, последние сталкивались с различными формами дискриминации при трудоустройстве, найме и покупке жилья, в общественных местах. И хотя такая дискриминация была запрещена британскими законами 1964, 1968 и 1976 гг., иммигранты и их потомки оставались одной из самых уязвимых социальных групп в стране.

Особенно тяжело на представителях этнорасовых групп сказался рост безработицы, вызванный затяжным экономическим кризисом 1970-х — начала 1980-х гг. Так, с 1979 по 1980 г. безработица среди представителей этнических меньшинств росла в 4 раза быстрее, чем в целом по стране [1, р. 3]. Наиболее тяжелая ситуация сложилась относительно трудоустройства молодежи, которая, как правило, представляла собой неквалифицированную рабочую силу и страдала от долговременной безработицы. Показателен пример города Брэдфорд, где за зиму 1978–1979 г. уровень безработицы среди недавних выпускников школ вырос с 28 до 40 % [1, р. 14–15]. Опросы общественного мнения как среди белого, так и темнокожего населения показывали, что проблема безработицы стоит на первом месте среди социально-экономических вопросов, которые необходимо было решить консерваторам. Тяжелая ситуация с занятостью сохранялась на протяжении 1980-х гг. Так, по данным британских властей, в 1984 г.

безработица среди белого населения составляла 11 %, а среди небелого – почти в 2 раза больше – 20 % [2, р. 12]

Именно в районах компактного населения иммигрантов из Содружества состоялись крупнейшие в 1980-е гг. беспорядки и столкновения с полицией. Следует отметить, что «расовые бунты» (race riots) несколько раз происходили в крупных британских городах и в предыдущие десятилетия и были заметным явлением британской общественно-политической жизни. Так, столкновения в Ноттинг-Хилле в августе-сентябре 1959 г. создали информационный фон для введения ограничительного законодательства против иммиграции из стран Содружества и колоний. Цель данного исследования – изучить взаимосвязь этнорасовых беспорядков в британских городах и политики консервативной партии в отношении интеграции иммигрантов в британское общество.

На протяжении 1980-х гг. следует выделить 2 крупные волны беспорядков с участием преимущественно представителей афро-карибского сообщества, которые прокатились по городам Великобритании: 1980–1981 гг. (беспорядки в Бристоле, Брикстоне и на северо-западе Англии) и осень 1985 г. (в Бирмингеме и Лондоне (Брикстон)). В этих столкновениях приняло участие значительное число гражданских лиц. Так, по итогам серии беспорядков в британских городах 3–15 июля 1981 г. было арестовано около 3000 участников, более 800 полицейских получили ранения [3, р. 14–15]. Беспорядки сопровождались грабежами и мародерством, а также поджогами магазинов и лавок с целью сокрытия масштаба и следов преступлений [4].

Консервативное правительство было крайне обеспокоено масштабом столкновений 1981 г. и в особенности неспособностью полиции адекватно справиться с ними. Однако среди консерваторов не было единства по поводу трактовки причин столкновений. Так, М. Тэтчер считала, что такой причиной являлась активность левых троцкистских групп [5, р. 137–140] либо лейбористская партия или ее сторонники в районах, где проходили беспорядки [3, р. 4–5]. В то же время мнение других членов правительства опиралось на отчет лорда Скармана, который, хоть и утверждал, что основными участниками столкновений в 1981 г. были темнокожие британцы, среди основных причин рассматривал взаимоотношения с полицией (злоупотребления полицией при применении процедуры задержания гражданских лиц при подозрении в принадлежности к преступным бандам), тяжелое социально-экономическое положение (безработица, низкое качество образования в районах компактного проживания иммигрантских общин, жилищная проблема, отсутствие благоустроенных мест для досуга и отдыха детей и молодежи) [6, р. 134–135].

В целом выводы лорда Скармана подтверждались и отчетами полиции. Так, по мнению министерства внутренних дел причины городских беспорядков лета 1983 г. кроются не в активности левых радикальных групп и иностранных разведок, а в недопонимании между полицией и местными иммигрантскими сообществами [7, р. 1–2]. Проживание в районах с уста-

ревшей или отсутствующей социальной инфраструктурой и занятостью повышало риск вовлечения иммигрантской молодежи в криминальную активность. Зачастую столкновения с полицией были вызваны деятельностью наркодиллеров и криминальных группировок, которые таким образом пытались противостоять полицейским рейдам [8, р. 1–2]. Среди причин столкновений представители властей указывали межэтнические противоречия. Зачастую непосредственным поводом к столкновениям становились марши и демонстрации британских националистических групп, которые, хотя и «носили мирный характер, но провоцировали насилие со стороны их противников» [9, р. 237]. Кроме того, столкновения проходили и между различными иммигрантскими сообществами. Так, во время беспорядков в районе Хандсворт (Бирмингем) основным зачинщиком, по мнению полиции, было темнокожее население, а основными пострадавшими – представители азиатского сообщества (в основном выходцы из индийского субконтинента): в районах беспорядков магазины представителей афро-карибского меньшинства остались невредимыми, тогда как магазины и лавки азиатов были сожжены или разграблены [10, р. 3].

Рассматривая эволюцию консервативного подхода к рассмотрению причин этнорасовых беспорядков 1980-х гг., исследователи отмечают тенденцию к секьюритизации данного вопроса, которая проявлялась в большем внимании к тому, насколько эффективно действует полиция и как усилить ее позиции во взаимоотношениях с этнорасовыми группами, а не тому, как решить социальные проблемы, породившие эти беспорядки [11, р. 12]. С другой стороны, консерваторы старались избегать расистской риторики или обвинения тех или иных этнорасовых групп в совершении преступлений. Так, архивные документы показывают, что хотя полиция и сообщала, что беспорядки 1985 г. сопровождалась конфликтами между темнокожими и азиатами, правительство тем не менее избегало использования этой информации в парламенте, выступлениях членов кабинета и в целом считало такое «намеренное упущение» обоснованным [10, р. 4]. Желание избежать дискуссии по столь чувствительной проблеме как иммиграция и межрасовые отношения проявилось и в дистанцировании от И. Пауэлла – одного из бывших соратников М. Тэтчер, который с конца 1960-х гг. являлся чуть ли не главным критиком иммиграционной политики лейбористских и консервативных кабинетов Великобритании. Так, в августе 1985 г. после выступления И. Пауэлла в одном из консервативных сообществ, где он раскритиковал партию тори за продолжающуюся иммиграцию, члены правительства советовали М. Тэтчер не вступать в дискуссию по столь чувствительной проблеме [12, р. 1; 13, р. 1–5].

Столкновения в Брикстоне в апреле 1981 г. вынудили консерваторов на учреждение специальной парламентской комиссии, которая должна была расследовать данные события. Комиссия под руководством лорда Скармана должна была выяснить причины событий 10–12 апреля 1981 г. и вынести рекомендации по изменению деятельности полиции и других органов власти

с целью недопущения повторения таких событий [4]. Несмотря на ограниченный спектр задач, который был поставлен перед комиссией, отчет комиссии Скармана, опубликованный в ноябре 1981 г., представил обширную картину проблем, с которыми сталкивалось население этнических анклавов британских городов, и предложил ряд мер по их решению.

В политических дебатах и научной литературе до сих пор ведутся дискуссии по вопросу о том, насколько данный отчет повлиял на политику консерваторов в отношении этнических групп и насколько успешными были действия правительства по интеграции этнических меньшинств в британское общество в 1980–1990-е гг. В историографии существуют диаметрально противоположные оценки отчета Скармана и его роли в формировании и осуществлении консервативной политики в сфере расовых отношений. Значительная часть представителей политического истеблишмента восприняли этот доклад с энтузиазмом [14, р. 92], считая, что он вскрыл основные проблемы расовых отношений в Великобритании и его рекомендации по усовершенствованию взаимодействия между полицией и местными иммигрантскими сообществами помогут исправить существующую ситуацию. С другой стороны, ряд исследователей считает, что сам доклад и язык, который использовал автор, по сути, являлись расистскими [15, р. 158–159]. Так, Н. Деакин указывает на то, что лорд Скарман «не понимал или не увидел, что основной причиной расовой дискриминации является деятельность правительства» [14, р. 94]. Через два года после выхода отчета Скармана в коллективной монографии «Скарман и после», посвященной политике консерваторов в 1981–1983 гг. авторы-составители во вступительной статье указали на то, что «отчет Скармана только подтолкнул бюрократическую машину (к реформе расовых отношений), но не смог ее завести» [16, р. 10–12].

Несмотря на такие неоднозначные оценки, следует отметить, что консервативное правительство в своей деятельности ориентировалось на отчет Скармана как на стратегический документ. К примеру, следуя рекомендациям лорда Скармана по улучшению взаимоотношений между полицией и местными небелыми сообществами, в первые четыре года после публикации отчета доля представителей иммигрантского сообщества в полиции была увеличена на 88 % и такая практика должна была быть продолжена [17, р. 1]. Еще одним важным изменением была остановка практики задержаний без оснований. Была реформирована система жалоб на действия полиции и созданы специальные согласительные комиссии из представителей местных сообществ и полиции, которые должны были урегулировать возникающие трудности и предотвращать конфликтные ситуации [17, р. 1–2].

Хотя в своем отчете лорд Скарман намеренно избежал любых упоминаний о необходимости прямой финансовой помощи правительства отсталым городским районам или о внесении изменений в экономическую политику консервативного правительства, власти понимали, что без дополнительных средств на развитие инфраструктуры городов они могут столкнуться

с повторением беспорядков. Среди мер, которые консерваторы рассматривали как несомненное достижение, выделение дополнительного финансирования в рамках программы развития городов занимало особое место. Только за первые 3 года после публикации отчета Скармана финансовая помощь по данной программе выросла более чем в полтора раза: с 210 млн фунтов стерлингов в 1981–1982 гг. до 348 млн фунтов стерлингов в 1983–1984 гг. В то же время прямое финансирование проектов для этнических меньшинств выросло в 3,5 раза и составляло в 1983–1984 г. 27 млн фунтов стерлингов [18, р. 1].

Несмотря на такие заявления, деятельность консерваторов находилась под серьезной критикой лейбористов. Так, в ответ на заявления министра внутренних дел о росте финансирования отсталых городских районов, представитель лейбористской партии на дебатах 21 октября 1985 г. утверждал, что это финансирование все равно меньше, чем выделялось до прихода консерваторов к власти [19]. Более того, лейбористы обвиняли консерваторов в нелегальных действиях и в том, что за время их правления криминальная ситуация в стране только ухудшилась [20, р. 1]. Кроме того, встречи с представителями этнических меньшинств были в значительной степени разочаровывающими для консерваторов. Даже по мнению лояльных тори лидеров иммигрантских общин и бизнесменов, несмотря на финансовую помощь, местное население чувствует, что правительству «все равно на то, что происходит в данных районах» [21, р. 1].

Действительно, консервативное правительство не собиралось предлагать каких-либо целенаправленных действий по стимулированию развития городских окраин через принятие специального закона или расширения финансирования. Единственным работающим методом с их точки зрения считалось стимулирование бизнес-активности местного населения через выделения микрогрантов, обучение и консультации для тех, кто хотел открыть свой бизнес. Эти предложения в целом были созвучны с тем, что предложил в 1981 г. Т. Резон, заместитель министра внутренних дел, после поездки в США с целью изучения американского опыта этнорасовой политики. По его мнению, британское правительство должно было «не предоставлять отдельным социальным группам несправедливые преимущества над остальными, которые могут привести к недовольству, но продвигать меньшинства, находящиеся в ущербном положении на уровне большинства» [22, р. 19]. Предложения Т. Резона были созвучны мнению ряда членов партии тори, которые с середины 1970-х гг. стали продвигать идею о необходимости целенаправленного привлечения на свою сторону иммигрантов из среднего класса, которые разделяли общие с неоконсерваторами ценности: предприимчивость, бережливость, трудолюбие, уважение к частной собственности [23, р. 288].

Столкновения на этнорасовой почве, происходившие в Великобритании в 1980-е гг., играли важную роль в социально-политической жизни страны. Консервативная партия рассматривала эти столкновения как результат

нарушения общественного порядка отдельными группами населения, однако не отрицала наличия социальных проблем, с которыми сталкивались выходцы из стран Содружества и колоний и их потомки. Несмотря на ряд позитивных решений (привлечение представителей неевропеоидной расы в полицию, рост финансирования проектов связанных с этническими меньшинствами), британские консерваторы не считали необходимым проводить целенаправленную политику по предоставлению преимуществ в отношении этнорасовых групп. В то же время власти считали, что основным методом улучшения положения небелого населения Великобритании должно стать стимулирование предпринимательской инициативы среди представителей этнорасовых групп.

Список использованных источников

1. Ethnic Minority Unemployment // Commission for Racial Equality. – July, 1980. – 20 p.
2. Handsworth Riot: Background Notes about Implementation of Recommendations in the Scarman Report (20 September 1985) // The National Archive (Public Record Office) – Department: PREM. – Series: 19. – Piece number: 1521. – P. 1–14.
3. Brief for a Debate on Recent Outbreak of Civil Disorder in Great Britain (July 1981) // The National Archive (Public Record Office) – Department: PREM. – Series: 19. – Piece number: 0484. – P. 1–15.
4. Brixton (Disturbances): House of Commons Debates for 13 April 1981 col. 21 [Electronic resource]. – Mode of access: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1981-04-13/debates/3453d3d1-6997-4911-8044-4899a4bfc260/Brixton\(Disturbances\)](https://hansard.parliament.uk/Commons/1981-04-13/debates/3453d3d1-6997-4911-8044-4899a4bfc260/Brixton(Disturbances)). – Date of access: 01.07.2021.
5. *Thatcher, M.* The Downing Street Ears / M. Thatcher. – London: Harper Collins, 1993. – 914 p.
6. *Redonnet, J.-C.* The Black Community in Brixton (The Lord Scarman Report, 1981) // Poverty and Inequality in Britain (1942–1990): a Selection of Documents / J.-C. Redonnet, T. Whittton. – Paris: Du temps, 1985. – P. 131–135.
7. Public Order: Prospects for the Rest of the Summer (Note of the Home office 22 July 1983) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. Piece number: 1521 – P. 1–2.
8. Handsworth Riot (Note of the Home office 18th November 1985) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. Piece number: 1783 – P. 1–2.
9. Review of Potential for Disturbance in 1981 // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 0484. – P. 232–240.
10. Handsworth and Lozelles Road Riot Report (Prime Minister's office 26 November 1985) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 1783. – P. 1–4.
11. *Peplow, S.* Race and Riots in Thatcher's Britain / S. Peplow. – Manchester: Manchester University Press, 2020. – 371 p.
12. Note by Bernard Ingham (Prime Minister's office 20 September 1985) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 1521. – P. 1.
13. Speech by the Rt Hon. J. Enoch Powell, MBE, MP to the Birkenhead Conservative Women's Luncheon, at the Masonic Hall, Birkenhead, at 1 p.m., Friday 20th September 1985 (Note for Prime Minister) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 1521. – P. 1–5.

14. *Deakin, N.* 'Lord Scarman's Bran-tub': an episode in the politics of urban disorder / *N. Deakin* // *The London journal*. – 1982. – No. 8-1. – P. 92–94.
15. *Jackson, N. M.* 'A nigger in the New England': 'Sus', the Brixton riot, and citizenship / *N. M. Jackson* // *African and Black Diaspora: an international journal*. – Vol. 8. – No. 2. – P. 158–170.
16. *Benyon, J.* The Riots, Lord Scarman and the Political Agenda / *J. Benyon* // *Scarman and After: Essays Reflecting on Lord Scarman's Report, the Riots, and Their Aftermath* / ed. by *J. A. Benyon* – London: Elsevier Science & Technology, 1984 – P. 3–20.
17. Scarman Report: Police and Law and Order Matters (Note of the Home office September 1985) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 1521. – P. 1–2.
18. Scarman Report: Non-police Recommendations (Note of the Home office September 1985) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 1521. – P. 1–4.
19. Inner City Disorders: House of Commons Debates for 21 October 1985 col. 32-33 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1985-10-21/debates/9fab14d-3a31-469c-98fc-6342b09cee8c/InnerCityDisorders>. – Date of access: 01.04.2024.
20. The Tory Criminal Record (Background brief 24th October 1985) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 1783. – P. 1–2.
21. Note from Home office to Prime Minister (4th October 1985) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 1783. – P. 1.
22. Visit to USA (Note of the Secretary of State 26 October 1981) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 0484. – P. 18–21.
23. *Francis, M.* Mrs Thatcher's Peacock Blue Sari: Ethnic Minorities, Electoral Politics and the Conservative Party, c. 1974–1986 / *M. Francis* // *Contemporary British History*. – Vol. 31. – 2017. – P. 274–293.

(Дата подачи: 26.02.2024 г.)

Н. А. Иващенко

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Гродно

N. Ivashchenko

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

УДК 94(476.6)(092)«1801/1917»

ГРОДНЕНСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

GRODNO GOVERNORS: A SOCIO-CULTURAL PORTRAIT AGAINST THE BACKGROUND OF THE EPOCH AND EVERYDAY LIFE

В статье представлены общетеоретические характеристики института губернаторства в Российской империи. На примере гродненских губернаторов показаны основные направления их деятельности, вклад в развитие Гродненской губернии и ее центра – города Гродно – на протяжении 1801–1917 гг.

Ключевые слова: Российская империя; институт губернаторства; «начальник губернии»; «хозяин губернии»; Гродненская губерния; П. А. Столыпин; М. М. Осоргин; Ф. К. Друцкий-Любецкий.

The article presents the general theoretical characteristics of the institute of governorship in the Russian Empire. The example of Grodno governors shows the main directions of their activities, their contribution to the development of the Grodno province and its center – the city of Grodno – during 1801–1917.

Keywords: Russian Empire; Institute of Governorship; “head of the province”; “master of the province”; Grodno province; P. A. Stolypin; M. M. Osorgin; F. K. Drutsky-Lyubetsky.

В России институт губернаторства был введен по указу Петра I от 29 декабря 1708 г. По всем законодательным установлениям губернатор являлся высшим должностным лицом коронного управления в губернии и главной властной фигурой в местном управлении. Губернаторы назначались императором и утверждались в должности Министерством внутренних дел. В общественном сознании того времени губернатор мыслился вторым лицом в государстве после монарха, как его непосредственный представитель и «хозяин губернии». Их деятельность регламентировалась в основном императорскими указами, а функциональные обязанности, полномочия и права с момента введения института губернаторства и на протяжении XIX – начала XX в. волнообразно эволюционировали – они уточнялись, расширялись, ограничивались – в зависимости от различных обстоятельств. При исполнении своих функциональных обязанностей губернаторы руководствовались требованиями, которые предъявлялись к государственным служащим, зафиксированным в «Уставе о службе гражданской»: законность, приоритет интересов государства, единство системы государственной власти, обязательность государственных решений, принятых вышестоящими государственными органами и руководителями в пределах их полномочий, контроль за исполнением распоряжений высших, центральных и других управленческих органов [1–7].

Гродненская, а точнее Литовско-Гродненская (так она называлась до 1840 г.), губерния была учреждена указом Александра I от 9 сентября 1801 г. и входила в состав Виленского генерал-губернаторства. Гродненскими губернаторами и исполняющими их обязанности на протяжении периода существования губернии (1801–1917 гг.) являлись 36 человек. Кроме них должности губернаторов занимали еще 3 человека, которые управляли губернией в период русско-французской войны 1812 г. [8, с. 16].

Среди 36 губернаторов представителями местной знати являлись: С. Ф. Урсын-Немцевич, М. Т. Бутовт-Андრжейкович (оба из Гродненской губернии), К. Ф. Друцкий-Любецкий (Минской), Ф. А. Зейн и М. Т. Бобятинский (Витебской) и близких территорий: Д. Н. Кропоткин и Н. А. Добровольский из Смоленской губернии. Большинство же гродненских губернаторов были уроженцами коренных российских губерний – Рязанской, Костромской, Тверской, Калужской и других (встречаются также выходцы из прибалтийских губерний) [8, с. 12–16].

По вероисповеданию большинство гродненских губернаторов были православными – 21 человек (хотя не у всех губернаторов в биографических сведениях, зафиксированных в формулярных списках, указана конфессиональная принадлежность – *Н. И.*). С. Ф. Урсын-Немцевич, М. Т. Бутовт-Андржейкович и Ф. С. Яневич-Яневский были римско-католиками. Лютеранами являлись: Х. Х. Ховен, В. В. Валь, Ф. А. Зейн и К. К. Лешерн. Англиканской церкви придерживался А. Н. Крейтон [8–10].

Уже первые гродненские губернаторы, приступив к исполнению обязанностей, осознавали, что конфессиональная ситуация в регионе отличается многообразием и сложностью. В г. Гродно на момент вхождения в состав Российской империи не было ни одной действующей православной церкви. Проблемы возрождения православия и регулирование отношений с «инославными» конфессиями решались различными путями. В губернаторство В. С. Ланского было принято решение о передаче православному ведомству католического костела, известного в городе как Фара Витовта. В 1804 г. начались работы по восстановлению здания, завершившиеся освящением церкви в 1807 г. Так, в г. Гродно появился и более столетия действовал Софийский собор [11, с. 50].

Барон Х. Х фон дер Ховен в 1849 г. разрешил лютеранской общине провозвести сбор средств на восстановление сгоревших школы и жилья для учителей. В его бытность проводились работы по укреплению берега реки Неман под Коложской церковью. И. Н. Скворцов способствовал строительству каменной ограды вокруг православного кладбища на улице Иерусалимской (современной ул. Антонова). При нем начался сбор средств и строительство Александро-Невской церкви. При участии А. Е. Зурова в 1872 г. была сооружена и освящена часовня в сохранившейся после обвала части Коложской церкви. В 1877 г. он разрешил евангелическо-лютеранской общине организовывать благотворительные мероприятия для сбора денег на новый орган для кирхи. Д. Н. Батюшков содействовал отведению участка городской земли под строительство Свято-Владимирской церкви-школы на Занеманском форштадте и ее сооружение [8, с. 24–25, 62–64, 78–79, 85; 11, с. 56–63].

Соответственно происхождению и социальному статусу губернаторы имели высокий уровень образования: многие окончили военные учебные заведения – кадетские корпуса (сухопутные и морские) и школы, лицеи; некоторые Пажеский корпус, а затем училище или академию; университетское образование получили: А. В. Бобринский, Д. Н. Батюшков, Н. А. Добровольский, П. А. Столыпин, П. М. Боярский. В. С. Ланской и М. Н. Муравьев в автобиографических сведениях указали домашнее образование.

Пост Начальников губернии гродненские губернаторы занимали от нескольких недель/месяцев до десятка/нескольких лет. Частая сменяемость в губернаторском корпусе была свойственна всем регионам Российской империи, и Гродненская губерния не была каким-то исключением. По мнению исследователей, такая «кадровая чехарда» была вызвана объективно-субъективными обстоятельствами: сменой императоров, эволюцией

государственного механизма, в том числе местного управления, обстоятельствами военного времени и общественным движением в различных формах его проявления, реформами в государственном и местном управлении, экономике и т. д.

«Кадровая чехарда» сопровождалась перемещением губернаторов «по горизонтали» – из одной губернии в другую. В истории гродненских губернаторов есть примеры перемещения и «по вертикали». Первым среди них был Франциск Ксаверий Друцкий-Любецкий, который гродненским губернатором был дважды: первый раз был назначен исправляющим должность гродненского гражданского губернатора 13 января 1813 г. (занимал этот пост только месяц); второй раз был назначен 22 января 1816 г., а в июне того же года и виленским (но к обязанностям последнего он так и не приступил). В июле 1821 г. Ф. К. Друцкий-Любецкий был назначен министром финансов Царства Польского, а 2 февраля 1832 г. – членом государственного совета Российской империи. По воспоминаниям статс-секретаря барона Кофра: «Любецкий возбудил <...> множество таких финансовых вопросов, которых прежде никто не касался». Именно он разработал и представил самому императору в 1841 г. проект финансовой реформы – замена ассигнаций кредитными билетами (осуществленной уже после кончины Ф. К. Друцкого-Любецкого, а имя его незаслуженно было забыто – *Н. А.*) [8, с. 29–31; 12].

Имя П. А. Столыпина широко известно в российской истории. Однако далеко не каждый знает, что с 30 мая 1902 г. по 15 февраля 1903 г. он занимал пост гродненского губернатора; затем был перемещен в Саратовскую губернию; с 8 июля 1906 г. по 5 сентября 1911 г. являлся председателем Совета министров Российской империи и одновременно министром внутренних дел (с 26 апреля 1906 по 5 сентября 1911 г.) [8, с. 112–117].

Н. А. Добровольский занимал должность гродненского губернатора с 2 апреля 1899 г. по 19 октября 1900 г. (с 8 февраля 1897 г. был вице-губернатором); 20 декабря 1916 г. царским указом был назначен управляющим Министерства юстиции (по 27 февраля 1917.) и являлся последним Генерал-прокурором Российской империи [8, с. 101–104; 13]

Как губернаторы справлялись с тем объемом работы, который увеличивался на протяжении изучаемого периода? Безусловно, определенную часть дел брали на себя их заместители – вице-губернаторы, которые исполняли в том числе обязанности губернатора в их отсутствие, а также канцелярия губернатора (которую возглавляли чиновники с высоким уровнем образования и статуса – *Н. И.*). В значительной степени – это еще умение организовать себя для выполнения своих функциональных обязанностей и чувство ответственности и долга. И это очень важное качество, которое отмечает в своих воспоминаниях дочь П. А. Столыпина Мария Бок: «<...> бежать в столовую, только бы не опоздать к обеду и не заслужить этим недовольного взгляда или, не дай Бог, даже замечания от папа, не выносящего ни малейшей неточности во времени. Я думаю, что, благодаря такой аккуратности,

привычке всегда быть занятым и не терять ни минуты, он потом и сумел так распределять свое время, что, будучи министром, успевал исполнять, никого не задерживая, свою исполнскую работу <...>» [14].

О порядке рабочего дня губернатора можно узнать из воспоминаний М. М. Осоргина: «<...> весь день был распределен по часам <...>: в половине 10-го ко мне приезжал полицмейстер, и с этого часа начинался мой служебный день. После полицмейстера шли доклады либо прием посетителей и представляющихся. Продолжалось это до 1 часа дня, когда меня звали завтракать; всегда у нас завтракал дежурный чиновник и еще 2–3 человека или званых заранее, или оставленных после приема <...>. В 2 часа дня у меня начиналось какое-нибудь заседание, кроме понедельника – день, в который доклады длились у меня до обеда; последними докладчиками в этот день были директор женской гимназии и фабричный инспектор <...>. Часов в 10 вечера я вновь запирался в свой кабинет для подписания бумаг; к этому времени накапливалась груда портфелей всех подведомственных учреждений с шаблонными исходящими бумагами, но требующими особого доклада. Часа два иногда просиживал я за этой работой» [15].

Каждый из губернаторов, действуя в рамках закона и возложенных на него полномочий, оставил свой след в истории Гродненской губернии и ее центра – города Гродно. С. Ф. Урсын-Немцевич организовал Гродненское отделение Российского библейского общества. При М. Ф. Бутовт-Андржейковиче в 1820 г. начала действовать губернская типография и было положено начало строительству Августовского канала. Он же стал первым президентом Гродненского благотворительного общества. Г. Г. Доппельмайер содействовал изучению и сохранению костей мамонта, найденных при обвале берега р. Лососнянки. По его поручению аптекарь Адамович изучил химический состав минеральных источников в Друскениках, а сам губернатор представил проект курорта, который был рассмотрен и 4 апреля 1838 г. утвержден царем. В его же губернаторство в 1838 г. начали выходить «Гродненские губернские ведомости». При Н. Х. Коптеве в 1835 г. был открыт Гродненский губернский статистический комитет. В 1845 г. начало действовать гродненское отделение Русского географического общества (при губернаторе Ф. И. Васькове) [8, с. 33, 37, 54–55; 11, с. 52, 55].

Открытие губернской типографии было значительным явлением в жизни губернии. В ней со временем начали публиковаться «Гродненские губернские ведомости» (1838–1915 гг.), «Памятные книжки Гродненской губернии» и «Адрес-календари» (1847–1915 гг.). С 1871 по 1914 г. как приложение к отчетам губернаторов печатались «Обзоры Гродненской губернии». Но не только такие официальные материалы выходили из губернской типографии. Так, в 1896 г. в ней была издана поэма «Тарас на Парнасе» (на белорусском языке), а также труды по белорусской этнографии, фольклору и другие издания. В 1911 г. началось издание журнала «Педагогическое дело» (до 1914 г.). 1912 г. обозначен в жизни Гродно выходом газеты

«Северо-западная жизнь» (по 11 марта 1913 г.) и общественно-политической и литературной газеты «Наше утро» (по 31 июля 1914 г.) [11, с. 66–67, 75].

Однако, по мнению П. А. Столыпина некоторые издания были не совсем необходимого для губернии «качества». Практически сразу же по прибытии в г. Гродно он нашел крайне низким уровень материалов неофициальной части «Гродненских губернских ведомостей»: не хватало живости подачи информации, корреспонденций из провинции, перепечаток из газет крупных культурных центров; уровень текстов и качество редакторского материала оставляли желать лучшего. Необходимые финансовые средства на развитие издания были позаимствованы в фонде губернского Комитета попечительства о народной трезвости, который курировал губернатор. При этом был точно определен размер месячной дотации: «Первые 230 рублей надлежит выплатить немедленно, а оставшиеся 210 рублей выдавать редактору каждый следующий месяц, начиная с 1 января 1903 г.». С 1903 г. неофициальная часть стала выходить всего один раз в неделю, по пятницам, в половинном формате, нежели часть официальная и читатели воспринимали ее как отдельное издание. К тому же применялся удобный современный шрифт, более чем в два раза увеличился объем, а самое главное прибавилось много новых разделов и рубрик. П. А. Столыпин позаботился и об улучшении рабочего места редакции. Так, в смете предусматривалось 100 руб. на закупку «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона; 80 руб. – на издания, обязательно необходимые для редакции и 300 руб. – на «непредвиденные расходы» [16].

Будучи людьми образованными, губернаторы видели необходимость развития сети образовательных учреждений. В 1820 г. в г. Гродно открылась школа взаимного обучения по методу Ланкастера. В апреле 1834 г. в бытность на посту гродненского губернатора М. Н. Муравьева и в его присутствии была торжественно открыта Гродненская мужская гимназия. Статистика свидетельствует о постоянном расширении системы образовательных учреждений в городе и губернии: 1849 г. – казенное еврейское училище; 1852 г. – женская еврейская школа и частный девичий пансион г-жи Войтушко; 1860 г. – женская гимназия; 1876 г. – повивальная школа с родильным приютом; 1890 г. – ремесленное училище слесарей и столяров [11, с. 55–57, 65].

Осенью 1902 г. при губернаторстве П. А. Столыпина были открыты: еврейское двухклассное народное ремесленное училище, женское приходское с третьим профессиональным классом. Это было первая подобного рода школа в Гродненской губернии, где уже в первый день открытия в нее записалось 49 учениц. Выступая на открытии двухклассной мужской приходской школы 6 декабря 1902 г. П. А. Столыпин выразил желание, чтобы «город Гродно дошел до всеобщего обучения». И хотя эти слова остались добрым пожеланием, но процент новых школ, открытых в Гродненской губернии в 1902 г. был достаточно высок: открыто 47 новых школ, среди них – 9 приходских, 29 народных начальных, 3 подконтрольные Министерству просвещения еврейские

школы, 4 частных, 2 школы перешедшие на новый, более высокий уровень обучения; преобразовано еще 8 школ [8, с. 33–115; 11, с. 50–76; 16].

В жизни губернаторов и вице-губернаторов значительное место занимала благотворительная деятельность. Ее прямое осуществление лежало на плечах их жен, которые согласно традиции являлись председателями Гродненского благотворительного общества (в целом же в Гродненской губернии по статистическим данным с 20 апреля 1902 г. и до 1 октября 1902 г. существовало 43 благотворительных общества). Обществом устраивались благотворительные концерты, моментальные лотереи, собирались средства на празднование Рождества и Пасхи. Так, 24 ноября 1902 г. состоялась грандиозная моментальная лотерея, которая принесла 2270 руб. дохода, что было самой крупной суммой с 1899 г. Число различных благотворительных акций возрастало в период религиозных праздников. В декабре-январе 1903 г. прошел сбор средств для малообеспеченных учеников гродненской мужской гимназии. Уже к концу декабря размер пожертвований составил 180 руб.

27 декабря 1902 г., как сообщала местная пресса, «благодаря работе и стараниям возглавлявшей городское благотворительное общество – Ольги Столыпиной, в местной тюрьме была организована ёлка для 23 детей заключенных вместе с их родителями». В ёлке участвовала вся семья губернатора вместе с детьми: «Глава губернии поздоровался с арестантами, среди которых были осужденные на каторгу, которые завтра под конвоем покидали тюрьму. Супруга главы губернии, сердечно обнимая детей, раздавала им праздничные подарки» [16; 17].

М. М. Осоргин в своих «Воспоминаниях» свидетельствует о том, какая большая работа проводилась его супругой. Ее заботило состояние «благотворительной казны» и способы ее пополнения, так как постоянные финансовые средства были незначительными и их получали от квартирной платы сдаваемых Обществом помещений. Другие доходы «слагались из ежегодного базара и разных благотворительных спектаклей»: «Помню <...> два ее начинания для собирания средств. Одно было любительский спектакль в городском театре, а другое – базар кукол, устроенный у нас в Колонном зале в один из воскресных приемных дней <...>» [15].

Социокультурный портрет гродненских губернаторов на протяжении рассматриваемого периода не был статичным и отражал общие тенденции российского института губернаторов. В своей практической деятельности они выступали, прежде всего, проводниками политики верховной власти. Незначительность сроков губернаторства не позволяла им в полной мере проявить свои управленческие качества. К тому же существовали объективные факторы – социальный, конфессиональный и национальный состав населения, уровень его образования, особенности менталитета, которые определяли специфику деятельности в Гродненской губернии. Однако несколько бывших гродненских губернаторов оставили свой след не только в истории региона, но и Российской империи в целом.

Список использованных источников

1. Шатохин, И. Т. Кризисные явления в местном управлении Российской империи на рубеже XIX–XX вв. / И. Т. Шатохин // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сб. науч. ст. / Санкт-Петербургский ин-т истории РАН, Ин-т истории Украины НАН, БГУ; отв. ред.: М. В. Друзин [и др.]. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 370–389.
2. Скуридин, Дм. Губернаторы как социальный институт. История и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://governors.ru/expert/Dmitriy-Skuridin/Gubernatory-kak-soczialnyy-institut-Istoriya-i-perspektivy/89>. – Дата доступа: 15.08.2023.
3. Любичанковский, С. В. Законодательное обеспечение деятельности российских губернаторов в 1892–1913 гг. / С. В. Любичанковский // Вестник ОГУ. – 2004. – № 12 – С. 16–20.
4. Лысенко, Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начала XX века) / Л. М. Лысенко. – М.: МПГУ, 2001. – 358 с.
5. Гарбуз, Г. В. Административные полномочия российского губернатора в начале XX в. [Электронный ресурс] / Г. В. Гарбуз // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2016. – Т. 4, № 1(3). – Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/garbuz_gv_16_1_02.pdf. – Дата доступа: 01.08.2023.
6. Волочкова, М. Е. Институт государственной гражданской службы Российской империи: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.01 / М. Е. Волочкова; Московский ун-т МВД РФ. – М., 2010. – 22 с.
7. Немчанинова, Е. Н. Кадровое обеспечение губернаторского корпуса Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Вятской губернии): автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. Н. Немчанинова; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 2012. – 24 с.
8. Афанасьева, Т. Ю. Гродненские губернаторы (1801–1917): документально-биографические очерки / Т. Ю. Афанасьева, Р. Ф. Горячева, В. В. Швед; Государственное учреждение «Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно». – Гродно: Гродненская типография, 2007. – 168 с.
9. Кузьмин, А. Д. Конфессиональный и национальный состав чиновничества Белорусских губерний в 1864–1914 гг. / А. Д. Кузьмин // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 81–88.
10. Трестьян, И. Н. Институт гражданского губернаторства в системе местной государственной власти на территории Беларуси (1772–1862 гг.) [Электронный ресурс] / И. Н. Трестьян // Подзвігу народа жыць у вяках (да 70-годдзя Вялікай Перамогі): матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 28 крас. 2015 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал. А. В. Касовіч, А. П. Жытко, М. М. Забаўскі [і інш.]. – Мінск: БДПУ, 2015. – Режим доступа: <https://elbib.bspu.by/handle/doc/4656>. – Дата доступа: 14.09.2023.
11. Госцеў, А. П. Кронан. Летапіс горада на Нёмане (1116–1990) / А. П. Госцеў, В. В. Швед. – Гродно, 1993. – 320 с.
12. Новодворский, В. В. Друцкий-Любецкий, князь Франциск-Ксаверий [Электронный ресурс] / В. В. Новодворский. – Режим доступа: <http://biografi.niv.ru/doc/encyclopedia/biography/articles/5062/druckij-lyubeckij-knyaz.htm/>. – Дата доступа: 10.04.2023.
13. «Человек небрегающий службою». Генерал-прокурор Николай Александрович Добровольский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/150273>. – Дата доступа: 20.03.2023.

14. Бок, М. П. П. А. Столыпин: Воспоминания о моем отце / М. П. Бок. – М.: Современник, 1992. – 316 с.

15. Осоргин, М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920 гг. [Электронный ресурс] / М. М. Осоргин. – М.: Рос. фонд культуры и др., 2009. – 850 с. – Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/rosarc/mmo/mmo-011-.htm?cmd=p>. – Дата доступа: 10.03.2023.

16. Юрковский, Р. Культурно-просветительская и благотворительная деятельность Петра Столыпина на посту гродненского губернатора в 1902–1903 гг. / Р. Юрковский // Новейшая история России: междисциплинарный научно-теоретический журнал. – 2017. – № 3. – С. 49–62.

17. Цветков, С. Столыпин: Гродненское губернаторство [Электронный ресурс] / С. Цветков. – Режим доступа: <https://sergeytsvetkov.livejournal.com/336075.html>. – Дата доступа: 20.03.2023.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

О. Г. Казак

Белорусский государственный экономический университет, Минск

O. Kazak

Belarusian State University of Economics, Minsk

УДК 947.6+323.15(476)

ЛИТОВСКАЯ «МЯГКАЯ СИЛА» КАК ФАКТОР ОБОСТРЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

LITHUANIAN «SOFT POWER» AS A FACTOR OF EXHANSION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN SOVIET BELARUS DURING THE PERESTROYCY PERIOD

В статье проанализированы действия отдельных представителей интеллигенции Советской Литвы по разжиганию сепаратистских настроений в приграничных районах БССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Основой источниковой базы работы стали документы Национального архива Республики Беларусь, материалы региональной прессы. Актуальность статьи обусловлена важностью своевременного пресечения попыток деструктивной политизации этничности, которые могут предприниматься недружественными государствами.

Ключевые слова: «мягкая сила»; сепаратизм; политизация этничности; межнациональные отношения.

The article analyzes the actions of individual representatives of the intelligentsia of Soviet Lithuania to incite separatist sentiments in the border regions of the BSSR in the late 1980s – early 1990s. The source base for the work was based on documents from the National Archives of the Republic of Belarus and materials from the regional press. The relevance of the article is

due to the importance of timely suppression of attempts at destructive politicization of ethnicity that may be undertaken by unfriendly states.

Keywords: “soft power”; separatism; politicization of ethnicity; interethnic relations.

В академическом дискурсе концепция «мягкой силы» была впервые осмыслена в 1990 г. американским ученым Дж. Наем. «Мягкая сила», как и «жесткая сила» (военная мощь и экономическое превосходство), предполагает достижение поставленной государством цели путем воздействия на поведение других акторов. Разница между двумя феноменами заключается в инструментах, используемых для реализации поставленной цели: «жесткая сила» предполагает принуждение и навязывание своей воли, «мягкая сила» – вовлечение в зону своего влияния на базе привлекательных культурных, идеологических, политических, экономических ценностей [1, с. 151]. «Мягкая сила» бывает двух видов. В первом случае она рассматривается как позитивная технология, позволяющая улучшить отношения между государствами и народами, способствующая взаимообогащению культур, учитывающая интересы всех участников политического процесса. Но «мягкая сила» может применяться и для дестабилизации государственного управления, как инструмент неконституционной смены власти, инспирирования сепаратистских, экстремистских движений. В этом случае речь идет о скрытом влиянии на происходящие в государстве процессы, навязывании определенных стереотипов в общественном сознании для подрыва государственного и социального устройства другой страны [2, с. 21].

Позднесоветский период, ознаменовавшийся ослаблением институтов государственной власти, кризисом идеологии, дезориентацией огромных масс населения, создал приемлемые условия для акторов, заинтересованных в политизации этничности. Российский ученый П. В. Осколков отмечает, что в «условиях широкомасштабных политических потрясений этничность политизируется естественным образом; ни одна из социальных групп, в том числе этнических, не хотела бы оказаться проигравшей стороной в обновленном общественном устройстве» [3, с. 36]. Советская Беларусь не осталась в стороне от данных процессов. Авторы вышедшей в 2021 г. коллективной монографии «Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст» среди 10 регионов Центральной и Восточной Европы, вокруг которых в конце 1980–1990-х гг. шла концентрация конфликтного потенциала, выделяют «католические районы Западной Беларуси, где происходило осложнение отношений вокруг этнического характера костела и трактовки национальной истории», и Западное Полесье, где «возникло два потенциально опасных движения – украинское сепаратистское и “ятвяжское”, требовавшее культурно-политической автономии Западного Полесья как региона, по мнению участников движения, населенного особым народом» [4, с. 17]. Вне поля внимания авторов оказалась проблематика присутствия литовской «мягкой силы» в БССР (прежде всего, в Вороновском и Островецком районах). Общественные силы и часть партийной номенклатуры Литвы в период перестройки активно поддержи-

вали центробежные процессы и были заинтересованы в их распространении на соседнюю республику, а разыгрывание этнической карты (выступления против якобы имевшего место притеснения литовцев в Советской Беларуси) упорщало данную задачу.

Проблематика литовской «мягкой силы» в Советской Беларуси конца 1980-х – начала 1990-х гг. практически не освещалась в историографии. Цель данной статьи – выявление и характеристика основных инструментов «мягкой силы» Литвы в БССР периода перестройки.

В новом проекте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (Постановление Совета безопасности Республики Беларусь № 1 от 6 марта 2023 г.) сепаратизм причислен к одному из источников угроз национальной безопасности в политической сфере [5]. В этой связи исследование истории проявления сепаратистских тенденций в прошлом приобретает особую актуальность, так как помогает выработать адекватные инструменты пресечения данной деструктивной деятельности.

В послевоенный период численность литовского населения в БССР, согласно данным переписей населений, не превышала 10 тыс. человек (1970 г. – 8092 человека, 1979 г. – 6993 человека, 1989 г. – 7606 человек), большинство из них (1970 г. – 4224 человека, 1979 г. – 3417 человек, 1989 г. – 3087 человек) проживало в Гродненской области [6, с. 89]. В 1956–1957 гг. в Вороновском и Островецком районах было открыто восемь школ с изучением литовского языка, через некоторое время их осталось всего три (в деревнях Гири и Рымдюны Островецкого района и деревне Пелеса Вороновского района). Именно в этих местах традиционного компактного проживания литовцев в период перестройки и разворачивались центробежные процессы [6, с. 86].

В доперестроечный период литовская «мягкая сила» в приграничных районах Советской Беларуси не имела ярко выраженной деструктивной направленности. В «Справке о состоянии межнациональных отношений в Островецком, Вороновском и Гродненском районах Гродненской области БССР», составленной по поручению Верховного Совета членами рабочей группы во главе М. В. Жебраком в августе 1990 г., сообщалось: «Сохранению национальных традиций у литовцев Гervятского края (Островецкий район – О. К.) содействовали контакты с Литовской ССР и интерес властей этой республики и ее общественности к судьбе своих соплеменников в Беларуси. Выделили специальный маршрутный автобус Вильнюс – Гervаты, лет 15 назад посодействовали введению уроков литовского языка в местных школах, обеспечили их учебниками и учителями, взяли культурное шефство над крупнейшими деревнями. Большая часть выпускников местных школ из числа литовцев продолжала учебу в Вильнюсе и других городах Литвы и, чаще всего, устраивалась там на работу» [7, л. 66–67].

Первые сообщения о дестабилизирующих проявлениях литовской «мягкой силы» в БССР появляются в прессе осенью 1988 г. Автор заметки в газете «Гродненская правда» отмечал, что прибывшие в деревню Рымдюны

Островецкого района студенты и преподаватели Каунасского политехнического института вели агитационную работу под прикрытием безобидных на первый взгляд культурных мероприятий. Вторым важным аспектом деятельности представителей литовского вуза стали неформальные беседы с местными жителями, в ходе которых объективно имевшим место в период горбачевской перестройки социально-экономическим трудностям искусственно придавалась этническая окраска («притеснение литовцев белорусско-русской администрацией»), а также поднимался вопрос о возможном присоединении Островецкого района к Литве [8, с. 3].

Спустя месяц в Островецкий район прибыла еще более представительная делегация, в которую входили студенты Вильнюсского государственного университета, Каунасского политехнического, Вильнюсского инженерно-строительного и Шауляйского педагогического институтов. Приезду гостей предшествовало письмо в Островецкий райком партии, подписанное секретарем ЦК Комсомола Литвы И. Струмилене. В нем утверждалось, что визит молодых людей из Литвы был приурочен к юбилею Литовско-Белорусской ССР и Комсомола данного государственного образования. По сообщениям районной прессы, «вызывающее пренебрежение к требованиям местных властей, фотографирование их представителей, номеров служебных автомобилей, ржавые велосипедные цепи в карманах подростков явно говорили о намерении создать в Гervятском крае своеобразный Карабах». На этот раз прибывшие из Литовской ССР молодые люди не только участвовали в организации концерта, но и предприняли попытку провести митинг под следующими лозунгами: «Вы, литовцы, угнетенный в своих правах в Беларуси народ; вы работаете без выходных и праздников; у вас плохие, не такие, как в Литве, условия труда и жизни; вы не можете говорить на родном языке, а ваши дети не могут изучать его; ваши обычаи, культура приходят в упадок, и никого, кроме нас, это не волнует; деревня пустеет, молодежь уезжает, а новые дома строятся для украинцев, которые чужие нашему краю; подождите два – три года, и вы будете присоединены к Литве, тогда и заживете по-настоящему». Существенного отклика у местного населения данная акция, однако, не имела [9, с. 2]. В газетной заметке заведующего отделом народного образования Островецкого райисполкома Л. Батуры сообщалось о его беседе с представителями одной из литовских «непопавших миссий»: «В разговоре с представителями одной из таких делегаций была высказана мысль, “что белорусской нации нет, а есть денационализированные литовцы”. На вопрос, “что вы собираетесь делать с ними”, последовал ответ: “Научим литовскому языку, и они вновь станут литовцами”» [10, с. 2].

Литовская «мягкая сила» постепенно приобретала институциональные формы. Одной из ведущих структур в данной сфере стало «Общество Гervятского края» с центром в Вильнюсе, членами которого являлись около 1 тыс. уроженцев Островецкого района, проживавших в Литве, США, странах Европы. В упомянутой справке, составленной членами рабочей

группы под руководством М. В. Жебрака, деятельность организации характеризовалась следующим образом: «Это они, выходцы отсюда (из Островецкого района – О. К.), создали в Вильнюсе “Общество Гervятского края”, которое в последние годы проводит много мероприятий по возрождению литовского языка, народных традиций и культуры среди литовского сообщества в Беларуси. Это встречи с представителями Литовского общественно-культурного общества в Польше, американскими туристами литовского происхождения, концерты, фестивали по поводу различных праздников и общественных событий, встречи с представителями местных властей в Беларуси» [7, л. 67]. Первый секретарь Островецкого райкома партии И. Ю. Кардаш в интервью «Гродненской правде» (5 апреля 1991 г.) отметил и явные деструктивные тенденции в деятельности «Общества Гervятского края»: «Так вот, кливлендские гости, например, открыто говорят, что мы здесь отстали от них в развитии на 150 лет. Еще американские литовцы высказали такую мысль: мы знаем, как бедно живут индейцы в резервациях, но чтобы в центре Европы... На Европу сейчас снимается здесь фильм “о бедственном положении литовских деревень в Белоруссии” [11, с. 2]. Партийный функционер справедливо отмечал, что, несмотря на объективные трудности, в районе проводилась активная работа по развитию инфраструктуры, а условия жизни местных литовцев были не хуже, чем у представителей других национальностей, проживавших в регионе. В качестве иных инструментов литовской «мягкой силы» в Советской Беларуси И. А. Кардаш называл римско-католическую церковь и образовательную систему: «Большинство верующих того же Гervятского сельсовета – католики. Среди них, как говорил, литовцев – треть. Но служба в местном костеле идет только на литовском языке. Преподаватель литовского языка в Гирях – член “Саюдиса”, учительница литовского в Гervятской школе – за выход Литвы из Союза. Ко всему, как известно, выпускники этих школ в вузы Литвы принимаются без экзаменов. Такие “льготы” воздействуют на податливый детский ум» [11, с. 2].

Осенью 1988 г. присутствие «гостей» из соседней Литвы (журналистов, научных работников, студентов) стало заметным явлением и в общественной жизни Вороновского района. Попытки организовать митинги с политическими лозунгами в деревне Пелеса успехов не имели. Прокурор района В. Ковальчук описывал те события следующим образом: «Сентябрьско-октябрьские приезды в Пелесу не были похожи на прежние контакты. Приезжавшие никого заранее в известность не ставили. Напротив, беспардонно входили в здание восьмилетней школы, пытались навязать свои мнения об оформлении кабинета литовского языка и литературы и по ряду других вопросов. Все это делалось в поучительном тоне. У вас, дескать, “сталинизмом” здесь пахнет. Критике подвергался учебный процесс в школе, высказывались странные и неприемлемые мысли о каких-то комиссиях, которые они собирались создать в Литве и которые бы проверяли работу здешней учительницы литовского языка и литературы» [12, с. 2].

Литовская «мягкая сила» в БССР имела и религиозную составляющую. В августе 1988 г. активисты литовского общества «Саюдис» соорудили на кладбище в Пелесе щитовой домик, который был освящен литовским кардиналом В. Сладкявичусом как каплица. Спустя месяц в каплице состоялся религиозный праздник, на который прибыла внушительная делегация из Литвы, в состав которой входили поэт из Вильнюса А. Бубнис, известный физик Ю. Ульбикас, журналисты, музыканты. По информации Уполномоченного Совета по делам религий по Гродненской области А. И. Лыскова, «приезжие лица литовской национальности посещали местную школу, настойчиво предлагали дирекции школы учебники и другую литературу на литовском языке, а также бывший литовский флаг и другие материалы. Такие же флаги были развешены на кладбище во время богослужения (около 10 штук)» [13, л. 22–23].

Провокационная деятельность отдельных литовских политических акторов не имела успеха. В справке, составленной рабочей группой под руководством М. В. Жебрака, отмечалось: «После возникновения “Саюдиса” имели место попытки подстрекательства местных литовцев к национальному сепаратизму и присоединению к Литовской республике. Однако люди не поддались на такие провокационные действия, и после передачи верующим костела, занятого в свое время под зернохранилище, все успокоилось» [7, л. 68].

Таким образом, литовская «мягкая сила» в Советской Беларуси периода перестройки представляет собой один из примеров политизации этничности. Ее основным актором стала творческая интеллигенция Литовской ССР. Для подогревания сепаратистских настроений в местах компактного проживания литовцев Вороновского и Островецкого районов искусственно педалировались вопросы качества образования на литовском языке, отсутствия свобод в религиозной сфере, социально-экономических трудностей. Абсолютное большинство населения указанных местностей оказалось равнодушно к подобному рода пропаганде. Описанный в данной статье эпизод не привел к серьезным негативным последствиям. Однако он демонстрирует легкость инициирования этнополитических конфликтов и важность их своевременного пресечения.

Список использованных источников

1. *Най, Дж.* Будущее власти / Дж. Най; пер. с англ. В. Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 448 с.
2. *Наумов, А. О.* «Мягкая сила», «цветные революции» и технологические смены политических режимов в начале XXI в. / А. О. Наумов. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. – 274 с.
3. *Осколков, П. В.* Очерки по этнополитологии / П. В. Осколков. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 176 с.
4. *Ачкасов, В. А.* Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст: коллективная монография / В. А. Ачкасов. – СПб.: Изд-во РХГА, 2021. – 640 с.

5. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета безопасности Респ. Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 10.06.2023.

6. Внуковіч, Ю. І. Літоўцы Беларусі / Ю. І. Внуковіч. – Мінск: Беларуская навука, 2010. – 167 с.

7. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 4089.

8. Новицкая, Л. Пена / Л. Новицкая // Гродненская правда. – 1988. – 26 ноября. – С. 3.

9. Ялоўскі, М. Ісціна – не на крайніх полюсах / М. Ялоўскі // Астравецкая праўда. – 1989. – 4 лютага. – С. 2–3.

10. Батура, Л. Нацыянальныя адносіны і школа / Л. Батура // Астравецкая праўда. – 1989. – 30 снежня. – С. 2.

11. Минин, Г. На распах дома не построишь / Г. Минин // Гродненская правда. – 1991. – 5 апреля. – С. 2.

12. Ковальчук, В. Возмутители спокойствия / В. Ковальчук // Ленинское знамя. – 1989. – 3 декабря. – С. 2.

13. НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 98.

(Дата подачі: 01.02.2024 г.)

К. Н. Карпович

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. Karpovich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 930.34

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ С 1860 ПО 1914 ГГ.

MATERIAL SUPPORT OF JUDICIAL INVESTIGATORS IN BELARUSIAN PROVINCES FROM 1860 TO 1914

В статье рассматриваются аспекты, связанные с проблемами материального вознаграждения судебных следователей. Показано изменение заработной платы за время существования института предварительного следствия. Уровень служебной нагрузки не влиял на количество получаемого жалования. Для большинства судебных следователей жалование являлось основным источником существования.

Ключевые слова: судебный следователь; жалование; чиновники.

The article discusses aspects related to the problems of material remuneration for judicial investigators. The change in wages during the existence of the institution of preliminary investigation is shown. The level of workload did not affect the amount of salary received. Salary was the main source of livelihood for most judicial investigators.

Keywords: Judicial investigator; salary; officials.

Вопрос о материальном обеспечении судебных следователей в белорусских губерниях специально не поднимался в отечественной историографии. Вместе с тем в российской исторической науке эта сторона в организации деятельности следователей получила свое отражение. В частности, при исследовании финансовых сторон реализации судебной реформы в сибирских губерниях Е. А. Крестьянников отмечал сравнительно невысокие оклады следователей в 80-х гг. XIX в., что отрицательным образом сказывалось на их материальном положении [1, с. 24]. В свою очередь Г. В. Хлебникова констатировала, что содержание следователей было существенно выше, чем у местных полицейских чинов Министерства внутренних дел, несмотря на то, что среди остальных членов окружного суда они имели наименьшие оклады [2, с. 106]. Наконец в своей диссертации Л. Л. Соловьева пришла к выводу, что судебные следователи принадлежали к достаточно обеспеченной группе чиновников, особенно относительно служащих полиции, производящих предварительное следствие [3, с. 18]. В этой связи представляется необходимым сопоставить данные оценки со сведениями о материальном обеспечении следователей в белорусских губерниях.

Материальное вознаграждение является количественной мерой оценки труда работника. От уровня заработной платы зависит положение человека в обществе и качество его социальной жизни. В связи с проведением судебной реформы 1864 г., оказавшей глубокое влияние на всех чиновников Министерства юстиции, важно рассмотреть финансовое обеспечение института судебных следователей, которые являлись одним из важнейших элементов местных органов Министерства юстиции.

В момент учреждения в 1860 г. должности судебных следователей им выплачивалось содержание в размере 800 руб. серебром, из которых на жалование приходилось 400 руб. и 400 руб. – на столовые деньги. Помимо этого, еще 200 руб. выделялось на канцелярские расходы, наем рассыльных и другие служебные нужды [4]. В 1864 г. содержание следователя увеличили до 1500 руб., из них на жалование приходилось 1000 руб. и 500 руб. на столовые деньги. Однако такое содержание могли получать чиновники только в тех губерниях, где были введены Судебные уставы 1864 г. [5].

Особенностью материального обеспечения служителей юстиции в белорусских губерниях стала практика дополнительных выплат к жалованию для чиновников из внутренних губерний империи. Это было сделано для того, чтобы привлечь чиновников в губернии Западного края и компенсировать им расходы на жизнь вдаль от их малой родины. 4 ноября 1863 г. Государственный совет утвердил предложение управляющего Министерством юстиции Д. Н. Замятнина о увеличении содержания судебным следователям русского происхождения, служащим в Западном крае, из сумм поступавших с имений секвестрированных в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской губерний с виновных в мятеже, или из 10 % сбора с доходов дворянских недвижимых имуществ. Из этих средств генерал-губернатор и губернатор имели право употребить до 30 000 руб.

на производство особого, в размере 300 руб. в год, пособия сверх определенного штатом содержания [6]. Основой определения происхождения служила не национальная принадлежность, а православное вероисповедание. 21 ноября 1869 г. были приняты «Правила о назначении и производстве процентной прибавки к содержанию и пособий чиновникам русского происхождения, служащим в Западных губерниях». Для этой категории чиновников полагалась добавка к жалованию, или ко всему содержанию, по 50 и 20 % от пособия, в том числе для служащих органов Министерства юстиции. Они должны производиться в ранее утвержденных размерах, до их выбытия из Западных губерний. В свою очередь, судебным следователям сохранялись надбавки в размере 300 руб. Однако в примечании № 2 говорилось, что при введении в Западных губерниях новых судебных учреждений на основании Судебных уставов 20 ноября 1864 г. процентная прибавка чинам этих учреждений не будет производиться [7]. Важно проследить дальнейшую динамику, определявшую размер выплачиваемого судебным следователям жалования. 19 июля 1877 г. был опубликован указ о введении в действие в полном объеме судебных уставов в девяти западных губерниях. Судебные следователи назначались в состав окружных судов на основании временного штата. Их содержание составляло 1500 руб. [8]. 9 ноября 1883 г. было официально объявлено об открытии с 23 ноября Гродненского, а с 30 ноября Минского окружных судов [9]. 19 ноября назначались сроки открытия Витебского и Могилевского окружных судов на 8 декабря [10]. 13 июня 1886 г. согласно «Правилам об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского» 50 % надбавку к жалованию получали канцелярские служащие русского происхождения духовных консисторий, чиновники городских и уездных полицейских управлений и учителя приходских училищ. Надбавка в размере 20 % полагалась чиновникам от XIV до VIII класса, служащим в составе: губернских правлений, духовных учебных заведений, почтовых контор, казенных палат, казначейств, управлений государственными имуществами, контрольных палат, учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения [11].

К началу XX в. размер содержания не пересматривался. Об этом свидетельствуют следующие данные. В 1902 г. судебные следователи в белорусских губерниях по-прежнему получали жалование в 1000 руб. и столовые деньги 500 руб. [12, с. 186]. В 1908 г. размер содержания был увеличен до 2400 руб., в том числе жалование составляло 1800 руб., а 600 руб. – столовые. Кроме этого, чиновники должны были получать прибавки к жалованию в размере 200 руб. в год, по прошествии каждого из трех первых пятилетий службы. Время, выслуженное до издания этих правил, не засчитывалось в срок выслуги указанных пятилетий [13]. Следует отметить, что историк А. Н. Кураев отмечает, что в 1897 г. доход от 1 до 2 тыс. руб. получали 322 450 чел. (0,25 % от общего количества населения империи) [14, с. 281]. Это говорит о том, что судебные следователи

относились к материально обеспеченной прослойке общества дореволюционной России.

Отдельные чиновники, помимо выплачиваемого жалования, пользовались возможностью получения дохода из других источников. Например, в 1866 г. у следователя 1-го участка по Гомельскому уезду К. Н. Шигоркина имелась земельная собственность в размере 3200 дес. Однако такие состоятельные судебные следователи являлись скорее исключением [15, л. 7–75]. Так, в 1878 г. недвижимой собственностью владели только 7 (28 % от всего штата) судебных следователей Минской губернии. Данные о площади земельных участков сохранились в 4 формулярных списках и составили: 60, 200, 286 и 700 дес. соответственно [16, л. 150–298].

Для оценки уровня жалования судебных следователей необходимо сравнить его с окладами других чиновников судебного ведомства. В 1864 г. следователи получали содержания меньше, чем председатель судебной палаты, в 3 раза; товарищ прокурора – в 2,33 раза, член окружного суда – в 1,5 раза. Секретарь судебной палаты зарабатывал на 360 руб. больше следователя, но уже секретарю окружного суда выплачивалось на 300 руб. меньше. В свою очередь содержание судебного следователя оказалось в 1,5 раза больше, чем у судебных приставов [6]. В 1908 г. чиновники судебного ведомства равного по классу должности следователям пользовались более высоким содержанием. Например, товарищ прокурора окружного суда получал 2800 руб. Чиновники более низких классов зарабатывали меньшие суммы. Так, секретарь окружного суда получал на 900 руб. меньше, секретарь при прокуроре окружного суда зарабатывал в 2 раза меньше. Содержание начальствующего состава судебных органов было в несколько раз выше, чем у следователей. Старший председатель судебной палаты получал в 2,9 раза больше, председатель окружного суда более чем в 2 раза, член окружного суда на 900 руб. больше [14].

В начале XX в. служащие местных учреждений Министерства финансов имели более обеспеченное содержание, чем судебные следователи. Например, помощнику управляющего казенной палаты (должность VI кл.) выплачивалось 3300 руб., начальнику отделения – 2800 руб., члену губернского распорядительного комитета – 2800 руб. [13, с. 60]. Сравнивая жалование следователей с чиновниками полицейского управления, можно сделать вывод, что служители юстиции получали более высокое жалование. Например, частный пристав Двинского Городского полицейского управления был вынужден довольствоваться окладом в размере 600 руб. и квартирными в 250 руб. [17, с. 184]. В начале XX в. жалование начальников уездных управлений составляло 1500 руб. и от 300 до 600 руб. квартирных денег [17, с. 185]. В 1899 г. офицеры русской армии получали жалование выше судебных следователей относительно классного чина. Так, основной оклад содержания полковника, равного по классу должности следователю, составлял 4511 руб. Содержание следователя было сравнимо с нижестоящими чинами. Например, капитан зарабатывал 1332 руб., а штабс-капитан 1305 руб. [18, с. 388].

Представители рабочего класса получали несоизмеримо меньшую заработную плату, чем чиновники. В. В. Волков отмечает, что ее размер зависел от региона империи и квалификации работника. В 1903 г. средний годовой заработок рабочих в Европейской России с учетом Варшавского фабричного округа составлял 217 руб., а в 1913 г. уже 263 руб. [19, с. 70]. Работники оружейных предприятий могли заработать значительно большие суммы. Например, токарь Луганского патронного завода получал 924 руб. в год [19, с. 80]. Ряд служащих Виленского учебного округа в составе Министерства народного просвещения получали сопоставимые со следователями суммы. Так, директора учительских семинарий, имевшие чин V класса, получали содержание в диапазоне от 2000 до 2900 руб. [20, с. 614]. Директора гимназий имели более высокое содержание – от 3600 до 5000 руб. [20, с. 604–608].

Размер жалования не зависел от служебной «нагрузки», класса чина, выслуги, возраста, а только от занимаемой должности. Например, в 1906 г., в составе следователей Минского окружного суда было 3 судебных следователя, имевших чин V класса, но это не сказывалось на их содержании [21, л. 190]. Специальных доплат за повышенную сложность труда также не предусматривалось. Так, в январе 1913 г. к судебному следователю 1-го участка г. Минска Ф. В. Ильяшевичу поступило 19 дел, а к чиновнику, служившему в 5-м участке, В. И. Щукину только 2 ед., но жалование им выплачивалось в одинаковом размере [22, л. 1].

Следует отметить, что в силу относительной молодости чиновников-следователей, значительной части из них не приходилось содержать семьи, что облегчало их материальное положение. В частности, в 1913 г. в составе Минского окружного суда состояло 39 судебных следователей. Из них холостыми были 12 чел. (32,95 %), женаты, но не имели детей – 8 чел. (21 %), имели 1 ребенка – 5 чел. (13,9 %), 2 детей – 7 чел. (19 %), троих – 2 чел. (5,26 %), четверых – 2 чел. (5,26 %), пятерых – 1 чел. (2,63 %) [23, л. 31].

В целях конкретизации уровня жизни необходимо уточнить, какие блага могли позволить себе судебные следователи на заработанные денежные средства. В основу сравнения будет положена цена ржаного хлеба за фунт. Так, в 1861 г. его цена составляла 1,8 коп., а в 1910 уже 2,6 коп. [24, с. 346–349]. За 1 руб. в 1861 г. можно было приобрести 25 кг, а в 1910 г. только 16 кг. Таким образом, в 1910 г. покупатель мог купить на 64 % хлеба меньше, чем в 1861 г. Эти данные отражают ситуацию в Российской империи в целом, поэтому необходимо показать цены, которые существовали в белорусских городах. Г. В. Алексашина указывает, что в начале 1890-х гг. в Витебске за фунт ржаного хлеба необходимо было заплатить 2,5 коп., за пшеничный хлеб – 3,5 коп. За ту же единицу массы говядины 1-го сорта – 12 коп., 2-го сорта – 10 коп., гречневой и овсяной крупы – 5 коп., соли – 1,3 коп., масла коровьего – 41,3 коп. В 1904 г. в городах Беларуси средняя стоимость фунта ржаного хлеба составляла 2,4 коп., пшеничного хлеба – 4,6 коп., мяса лучших сортов – 11,4 коп., соли – 1,2 коп., сахара – 16,3 коп. В том же году среднегодовая стоимость большой квартиры (более 6 комнат) в городах

Беларуси составляла 420,4 руб., средней (4–6 комнат) – 202,5 руб., малой (менее 4 комнат) – 89,8 руб. Это говорит о том, что судебный следователь на получаемое им жалование мог позволить себе все виды продовольственных товаров. Во-вторых, положительным моментом являлось то, что у него хватило бы денег на аренду жилья, даже в случае отсутствия собственного [25, с. 191].

Таким образом, судебные следователи получали одинаковое жалование независимо от служебной выслуги и классного чина. С 1908 г. их денежное содержание увеличилось в сравнении с 1860 г. более чем в 2 раза. С 1908 г. при начислении прибавок к содержанию стал учитываться срок службы в должности. Для большинства чиновников-следователей основным источником существования была государственная служба. Судебный следователь получал более низкое жалование относительно чиновников VI класса казенных палат Министерства финансов. Содержание следователей было ниже относительно офицеров вооруженных сил, но выше значительной части чиновников полиции Министерства внутренних дел. Директора учебных семинарий получали сопоставимое со следователями содержание. Представители рабочего класса в среднем зарабатывали меньшие суммы, чем служащие органов предварительного следствия. В начале XX в. следователи получали в несколько раз меньшие суммы, чем представители руководящего состава окружных судов и судебных палат. Однако они зарабатывали несравненно больше чиновников, имеющих более низкий класс по должности в местных учреждениях юстиции. Содержание следователей не пересматривалось в сторону увеличения с 1864 г. по 1908 г. В белорусских губерниях для чиновников из внутренних губерний были предусмотрены дополнительные выплаты для их привлечения на службу в губернии Западного края, однако с введением в действие в 1883 г. судебных уставов в полном объеме они были отменены.

Список использованных источников

1. *Крестьянников, Е. А.* Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) / Е. А. Крестьянников // *Российская история*. – 2018. – № 2. – С. 22–34.
2. *Хлебникова, Г. В.* Институт судебных следователей по судебным уставам 1864 года / Г. В. Хлебникова // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. – 2015. – № 13. – С. 101–109.
3. *Соловьева, Л. Л.* Становление института судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л. Л. Соловьева; Нижегородская академия МВД России. – Владимир, 2007. – 22 с.
4. Высочайшее утверждённое учреждение судебных следователей // *ПСЗРИ*. – СПб.: Гос. тип., 1862. – 2-е собр. – Т. XXXV. – № 35890.
5. Высочайшее утверждённое, 20 ноября 1864 года, расписание окладов содержания, классов должностей, разрядов по пенсии и по шитью на мундире чинов судебного ведомства // *ПСЗРИ*. – СПб.: Гос. тип., 1867. – 2-е собр. – Т. XXXIX. – № 41475.

6. Высочайше утверждённое мнение Государственного совета, объявленной Сенату управляющим Министерством Юстиции о производстве особого пособия сверх определённого содержания судебным следователям и уездным стряпчим, служащим в Западном крае и Уездным судьям Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1863. – 2-е собр. – Т. XXXVIII. – № 40208.

7. Высочайшее утверждённые правила о назначении и производстве процентной прибавки к содержанию и пособий чиновникам Русского происхождения, служащим в западных губерниях // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1873. – 2-е собр. – Т. XLIV. – № 47700.

8. Высочайшее утверждённое мнение Государственного совета о введении Судебных уставов 20 ноября 1864 года, в полном их объеме, в девяти Западных губерниях // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1879. – 2-е собр. – Т. LII. – № 57589.

9. Высочайшее повеление объявленное Министром юстиции о сроках открытия Виленской судебной палаты и Виленского, Гродненского, Ковенского и Минского окружных судов // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1886. – 3-е собр. – Т. III. – № 1823.

10. Высочайшее повеление объявленное Министром юстиции о назначении срока открытия Витебского и Могилевского окружных судов // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1886. – 3-е собр. – Т. III. – № 1842.

11. Высочайшее утверждённые правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1886. – 3-е собр. – Т. VI. – № 3817.

12. Общее расписание классных должностей. – Санкт-Петербург: Тип. Собственной Е.И.В. канцелярии, 1902, т. 2. – 293 с.

13. Высочайшее утверждённый одобренный Государственным советом и Государственной думой закон о увеличении содержания чинам судебного ведомства // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1911. – 3-е собр. – Т. XXVIII. – № 30655.

14. *Кураев, А. Н.* Средние слои в Российской империи в начале XX в. / А. Н. Кураев // Власть. – 2023. – № 2. – С. 278–282.

15. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1036.

16. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 1. Д. 505.

17. *Киселев, А. А.* Жалование чинов общей полиции в белорусских губерниях в конце XIX – начале XX вв. / А. А. Киселев // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2022. – № 22. – С. 181–190.

18. *Волков, С. В.* Русский офицерский корпус / С. В. Волков – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 414 с.

19. *Волков, В. В.* Заработная плата русских рабочих в конце XIX – начале XX в. / В. В. Волков // Вопросы истории. – 2018. – № 10. – С. 67–89.

20. Список лиц служащих по ведомству Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1912. – 802 с.

21. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 1. Д. 349.

22. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 1. Д. 487.

23. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 1. Д. 476.

24. *Бородкин, Л. И.* Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнецца? / Л. И. Бородкин // Россия и мир. – 2001 – С. 331–355.

25. *Алексашина, Г. В.* Материальное обеспечение государственных служащих в городах Беларуси в конце XIX – начале XX в. / Г. В. Алексашина // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 3 ч. – Минск: РИВШ, 2020. – Ч. 1. – С. 188–195.

(Дата подачи: 08.02.2024 г.)

О. Б. Келлер

Белорусский государственный университет, Минск

O. Keller

Belarusian State University, Minsk

УДК 930(4)«04/14»:94:326.1(4)

РАЗНООБРАЗИЕ ИСТОЧНИКОВ VI–X ВВ. Н. Э. О РАБАХ, РАБОТОРГОВЛЕ И РЫНКАХ ПРОДАЖИ РАБОВ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

VARIETY OF SOURCES OF THE VI–X CENTURIES ON SLAVES, THE SLAVE TRADE, AND SLAVE MARKETS IN EARLY MEDIEVAL EUROPE

Данная статья посвящена широкому спектру источников VI–X вв., в которых мы находим либо упоминание, либо детальное освещение рабства, рабов, работорговли, центров/рынков продажи рабов и иных аспектов, имевших место в период Раннего Средневековья в некоторых исторических регионах Европы. Среди данных источников следует назвать: хроники («Хроника Фредегара»), «Жития» епископов (Гагерика; Или, епископа Неймагского), каноны Соборов (Собор в Клиши; Собор в Шалон-сюр-Соне), письма архиепископа Лионского Агобарда, привилегии Людовика Благочестивого, пакты, «Таможенные Уставы» (Раффельштеттенский), книги арабских географов и составителей («Книга путей и стран» Ибн Хордадбега, «Книга» Ибн Хаукаля, «Книга стран» Ибрагима аль-Карави (Ибрагима аль-Куни)), «Антоподозия» Луитпранда, епископа Кремоны, рассказы различных путешественников («Путевые записки о путешествии в славянские земли» Ибрагима ибн Якуба), «Жития» святых («Житие Святого Евсикия»; «Житие Святого Адальберта») и др.

Ключевые слова: Раннее Средневековье; источники, рабы; рабство; работорговля; «Жития» святых и епископов; хроники; пакты; каноны Соборов; книги арабских географов; «Таможенные уставы»; письма архиепископов и пр.

This article by Doctor of Historical Sciences, Professor O. B. Keller is devoted to a wide range of sources of the 6th–10th centuries, in which we find either a mention or even a more detailed coverage of slavery, slaves, slave trade, slave trading centers/markets and other aspects that took place during the Early Middle Ages in some historical regions of Europe. Among the sources should be mentioned: chronicles (the Chronicle of Fredegar), the Lives of the Bishops (Gageric, Elijah, Bishop of Neumag), the canons of the Councils (the Council of Clichy, the Council of Châlons-sur-Saône), and the letters of Archbishop Agobard of Lyons, and

the privileges of Louis the Pious, the Pacts, the Customs Statutes (Raffelstetten), the books of Arab geographers and compilers (Ibn Khordadbeh's Book of Ways and Countries, Ibn Haukal's Book, Ibrahim al-Qarawi's Book of Countries (Ibrahim al-Couni)), Luitprand, Bishop of Cremona, stories of various travelers ("Travel Notes on the Journey to the Slavic Lands" by Ibrahim ibn Ya'qub), "Lives" of the saints ("Life of St. Eusicius"; "The Life of St. Adalbert") and others.

Keywords: Early Middle Ages; sources; slaves; slavery; slave trade; "Lives" of saints and of bishops; chronicles; pacts; canons of Councils; books of Arab geographers; "Customs statutes"; letters of archbishops; etc.

В самом начале хотелось бы отметить, что практика рабства и работорговли существовала давно: во многих культурах, у многих народов и цивилизаций; причем приходилась она на разные этапы существования человеческого общества. Однако, как это ни удивительно, термины «рабы», «рабство», «работорговля» зачастую ассоциируются с историей периода Античности, а не периода Средних веков. Лишь в XX в. среди ученых и исследователей стала прослеживаться мысль о том, что «рабство» и «работорговлю» вполне можно относить к явлениям, присущим истории периода Средневековья.

Отдельные аспекты данной проблематики, к примеру, продажа в рабство славян, изучали советские и российские авторы. Необходимо отметить монографию российского историка И. Я. Фроянова «Рабство и данничество у восточных славян», изданную в Санкт-Петербурге в 1996 г., где в первой части книги автор описывает «рабов» у антов и склавинов в VI–X вв., а также «рабовладение» у восточных славян в VIII–X вв. н. э. [1].

В зарубежной историографии существует целый ряд работ, посвященных либо рабству в целом, либо работорговле в отдельных регионах Европы. Значимым исследователем, который уделил особое внимание теме «рабство в средневековой Европе», является бельгийский медиевист XX ст. Шарль Верлинден¹. Интересно, что изначально, в 1933 г., в одной из своих научно-исследовательских статей он писал следующее: «Я лично считаю, что рабы были редкостью в Средние века, и встречались только в первые несколько веков после падения Рима» [2]. То есть в первой половине XX в. медиевист однозначно относил тему рабства к истории Античности, а не к истории Средних веков. Однако в 1979 г. Шарль Верлинден вновь возвращается к данной проблематике и указывает, что «несмотря на то, что рабство было лишь пережитком древности и исчезло, как принято

¹ Шарль Верлинден (03.02.1907 – 19.05.1996) – бельгийский историк и медиевист. Являлся значимым специалистом по экономической истории и истории рабства. Был директором Бельгийской академии (1959–1977), директором Бельгийского исторического института в Риме (1955–1986) и вице-президентом Международной комиссии морской истории в Париже. Выступал в качестве лектора в 46 университетах Европы и Америки.

считать, в Средневековье, знавшее лишь полусвободу или крепостничество, а не полную несвободу или рабство, мы можем констатировать тот факт, что рабство было налицо и в период Средневековья; вдобавок ко всему рабство, вне всякого сомнения, оказало свое влияние на экономическое развитие целого ряда исторических регионов Европы» [3, с. 3]. Это значит, что почти полвека спустя ученый уже придерживается иной точки зрения, что, несомненно, соответствует истине. Кстати, за время своей многолетней плодотворной работы Шарль Верлинден посвятил данной теме внушительный ряд научных публикаций, а именно: около 60 статей о средневековом рабстве, а также 2 книги общим объемом 2000 страниц. В первой монографии из серии «Труды факультета искусств и философии в Генте» речь идет о рабстве в течение всего Средневековья вплоть до 1500 г. в Испании, Португалии и во Франции [4]; во второй – о рабстве в Италии, в итальянских колониях Леванта, Латинском Леванте и в Византийской империи [5].

Почти сразу после публикации 1-го тома книги Шарля Верлиндена «Рабство в средневековой Европе» французские [6; 7], немецкие [8–10], итальянские [11] и испанские [12] историки параллельно начали публиковать свои статьи и монографии о средневековом рабстве в различных исторических регионах Европы. Кроме того, медиевисты из Англии, США, Польши, Чехии, Югославии (например, профессор Момчило Спремич), скандинавских стран и т. д. также уделили должное внимание данной проблематике.

Однако в своей сегодняшней незначительной по объему научно-исследовательской статье мне хотелось бы остановиться не на историографических моментах, а именно на тех источниках, которые были составлены или записаны в период Раннего Средневековья и имеют хоть некоторое (пусть даже и незначительное) отношение к теме европейского рабства в Средние века. Сразу же подчеркиваю, что данная статья не претендует и не может являться комплексным исследованием всех аспектов средневекового европейского рабства или работорговли в силу ряда факторов и обстоятельств, а имеет своей целью всего лишь попытку обратить внимание широкого круга читателей на многообразие источников VI–X вв., фиксирующих информацию о европейском раннесредневековом рабстве. В соответствии с авторским замыслом и интерпретацией источники в этой статье сгруппированы по столетиям.

Итак, в каких же конкретно источниках периода Раннего Средневековья содержится информация о рабстве, рабах или работорговле, а также какие аспекты в них отражены?

Источники VI в. н. э.: «Житие Святого Евсикия»

Начнем с источников VI в. и попытаемся определить, какие из них релевантны в этой связи и какую информацию относительно рабов мы можем почерпнуть из них. И самый первый источник, который хотелось бы упомянуть – это «*Житие Святого Евсикия*» («*Vita S. Eusicii*»), записанное около

530 г. н. э. В «Житии Святого Евсикия» мы находим упоминание о рабах, которых «гнали на юг Франции». Их «связывали по двое цепью, ярмом или, в лучшем случае, верёвкой». «Рабов, конечно, можно ставить рядом или, чаще, одного за другим, – сообщает источник VI в., – но главное, чтобы их спины оставались свободными для переноски товаров и предметов всякого рода» [13, с. 534; 14]. Речь идет о транспортировке рабов в караванах. В течение довольно длительного периода времени подобные «караваны рабов» были дешевым, если не самым дешевым, способом транспортировки живого товара на значительные расстояния, а также средством обеспечения быстрого реинвестирования.

**Источники VII в. н. э.: «Хроника Фредегара»; «Житие епископа Гагерика»; «Житие Илии, епископа Неймагского»;
каноны Собора в Клиши 626–627 гг. и IX Собора
в Шалон-сюр-Соне между 639 и 654 гг.**

Следующая группа – источники VII в. Попробуем установить, что сообщают нам источники VII в. о рабах, рабстве, работорговле или центрах продажи/покупки рабов, и какие источники VII в. в целом можно считать значимыми для анализа касательно темы рабов, рабства и работорговли.

Следует назвать несколько важных моментов по поводу VII в. Во-первых, именно в VII в. на западной границе славянского мира начинается вывоз славянских рабов на Запад. Во-вторых, именно в VII в. формировался маршрут купцов с востока на запад, а затем с севера на юг, в Средиземноморье, т. е. из Центральной в Западную и Южную Европу. В-третьих, многие работорговцы, торговавшие рабами в VII в., были евреями.

Источниками VII в. по теме рабства и работорговли являются: Каноны отдельных Соборов. Они, как и письменные источники, затрагивают тему рабов, рабства и работорговли периода Раннего Средневековья. Так, *Собор в Клиши 626–627 гг.* постановил, что христиане не должны продавать своих «рабов» евреям или язычникам, а только христианам [3, с. 7]. Вероятнее всего, под язычниками следует понимать «магометан», ибо в то время Египет и Сирия уже были «магометанскими», а «магометан» на Западе часто называли «язычниками». А в одном из *канонов IX Собора в Шалон-сюр-Соне между 639 и 654 гг.* речь шла не о том, чтобы запретить работорговлю как таковую, а только о том, чтобы не допустить обращения рабов в иудаизм, ибо предполагалось, что еврейские торговцы могли соблюдать предписание Талмуда, которое требовало от них обращать своих рабов.

Теперь перейдем к рассмотрению письменных источников. В качестве одного из них я выбрала «*Хронику Фредегара*»¹. В ней сообщается о франкском купце Само родом из Санса, прибывшем в 40-й год правления

¹ Фредегар, или Фредегар Схоластик (год рождения – неизвестен; год смерти – ок. 660) – полуполюгендарный франкский хронист середины VII в. Известно лишь одно его произведение – историческая хроника, в 4-й книге которой описаны события во Франкском государстве в 584–642 гг.

Хлотаря, то есть в 623 г. н. э., к славянам (вендам) [15]. В § 48 IV книги «Хроники Фредегара» мы находим информацию о самом Само, которого венды (славяне) сделали своим королем; а из § 68 IV книги можно получить информацию о возможных способах попадания людей в рабство к Само: «В этом году славяне (или венды, как они себя называют) убили и ограбили большое число франкских купцов в королевстве Само, и так началась вражда между Дагобертом и Само, королем славян». И далее в § 68 IV книги: «После этого венды совершили много грабительских набегов на Тюрингию и прилегающие земли королевства франков» [16]. Австрийский исследователь начала XX в. Е. Гольдманн называет Само «охотником за рабами», отмечая, однако, при этом следующий момент: «Об охотнике за рабами» Само говорят, что он произвел среди вендов и даже среди более северных сорбов, с которыми заключил союз, некоторую стабилизацию, что было редкостью в тогдашнем славянском мире. При нем налицо рост экономического развития, выгодно контрастирующий с прежней отсталостью и анархией» [17, с. 327–337].

Следующий текст VII в., на который я обратила внимание, это «*Житие епископа Гагерика*» («*Vita Gaugerici*»). В нем говорится, «что плечи и спина рабов должны быть свободны, но руки связаны» [18]. Святой Гагерик¹ встречается с работоторговцем, о котором идет речь в «Житии», в Фамарсе, расположенном к северо-востоку от Камбре. Оттуда пролегал путь в Суассон, Реймс, Шалон, Труа, Осер и далее к Средиземному морю. Рабы, прибывающие из областей, расположенных к востоку от Галлии Меровингов, могли быть выходцами из славянского мира, или аvaraми, или, возможно, германскими народами из периферийных зон Франкской империи. Они иногда поднимали бунты, вследствие чего вполне могли быть обращены в рабство. Тюрингия, например, бунтовала не один раз, и даже Григорий Турский в свое время говорил о «тюрингских рабах» в Клермоне. Можно вспомнить и о саксах. «*Житие Илии, епископа Неймагского*» («*Vita Eligii episcopi Noviomagensis*») повествует о выкупе рабов этим епископом [19].

Источники VIII в. н. э.

Что касается источников VIII в., содержащих прямую или косвенную информацию по описываемой теме, то тут налицо явный пробел. Сложно сейчас установить, с чем это связано. Тем не менее хотелось бы обратить внимание на то, что в VIII в. арабо-берберское завоевание 711 г. сделало мусульманскую Испанию «важным рынком для торговцев, которые продавали славянских рабов». Во время правления омаядского эмира аль-Хакама I (796–822) в Испании был создан корпус из 5000 «мамаликов», или «рабов-солдат», не знавших арабского языка. Эти «мамалики» –

¹ Гагерик (Гогерик, Жери) (род. ок. 550 г., умер 11 августа 625 г.) – святой, епископ Камбре (589–625 гг.). Оставался епископом 39 лет; известен своей непримиримой борьбой с язычеством.

термин такой же, как «мамлюк» в Египте в Позднем Средневековье – скоро будут называться «сакалиба» в Испании (множественное число от «сиклаби», первоначально этнического названия славянских народов на арабском языке) [2, с. 8].

Источники IX в. н. э.: письма Агобарда, архиепископа Лионского; привилегии Людовика Благочестивого для еврейских купцов; «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега¹; *Pactum Lotharii* 840 г., *Pactum Karolii* 880 г., *Pactum Berengarii* 888 г.

IX в. пестрит разнообразием источников всякого рода и вида по нашей теме. Попробуем выяснить, какие источники IX в. могут нам пригодиться, чтобы получить информацию, затрагивающую тему рабства или работорговли в Европе в период Раннего Средневековья.

Здесь я бы в первую очередь назвала два письма Агобарда, архиепископа Лионского с 816 по 840 г., вместе с тремя привилегиями Людовика Благочестивого для еврейских купцов, согласно которым можно получить определенное представление о том, что часть дороги, по которой передвигались рабы, пролегла от Лиона до Кордовы [3, с. 8].

Примерно в то же время в «Книге путей и стран» Ибн Хордадбега, написанной около 847 г., содержится подробная информация о работорговле и роли в ней еврейских торговцев [20, с. 114–115]. В ней подробно описаны арабский, персидский, римский (византийский, греческий), «франкский», испанский и славянский языки, на которых говорили эти торговцы. Последний язык, конечно, служил им при покупке товаров и рабов в славянских землях. Тот факт, что они знали «франкский» и испанский языки, указывает на транзит через германские и романоязычные области, в то время как арабский, персидский и греческий языки связаны с прибытием в магометанские и византийские провинции, где продавались рабы и товары. Ибн Хордадбех говорит, что эти купцы, которых он называет «радания», отправились на юг Франции с грузом евнухов, рабынь, молодых рабынь, мехов и франкских мечей.

Следующий вид источников IX ст. – *договора между Венецией и империей, в частности, в «Pactum Lotharii» 840 г., «Pactum Karolii» 880 г. и «Pactum Berengarii» 888 г.* [21, с. 16–17; с. 19–25]. Из них мы узнаем о том, что Венеция играла важную роль в торговле рабами, предназначенными для исламского мира.

Еще один вид источников – документальные. Речь идет о документах IX в. из испанских архивов. Из них можно узнать о том, что многие славянские «сакалибы» (славянские рабы), тысячами встречающиеся в документах IX в. из магометанской Испании, были перевезены в Испанию (а также в Северную Африку) из Венеции. В них отмечается, что в Венеции

¹ Абу-ль-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех (ок. 820 – ок. 912/913) – мусульманский географ иранского происхождения. Его «Книга путей и стран» – первый дошедший до нас образец данра арабской описательной географии.

работорговля производилась под эгидой евреев. Евреи были выходцами из Леванта; чуть позже они также прибывали из Германии через альпийские перевалы Центральной Европы. Евреи, как и другие купцы, торговали солью и железом, серебром и золотом из австрийских рудников. Еврейские купцы торговали в славянских странах, а оттуда переселялись в Италию, часто через Регенсбург, где их присутствие утвердилось в X в., но, несомненно, восходит к IX в. [3, с. 11].

**Источники X в. н. э.: «Раффельштеттенский таможенный устав»;
два арабских источника «Книга путей и стран» Ибн Хаукаля¹
и «Книга стран» Ибрагима аль-Карави (Ибрагима аль-Куни)²;
«Антоподозия» Луитпранда, епископа Кремоны; «Путевые записки
о путешествии в славянские земли» Ибрагима ибн Якуба,
«Житие Святого Адальберта»**

И, наконец, переходим к раннесредневековым источникам X ст. Их довольно много; все они разного вида и жанра, и, с моей точки зрения, в соответствии с некоторыми из них уже даже можно составить намного более детальное представление, чем ранее, о том, как рабы оказывались в Западной Европе, по каким дорогам они перемещались туда из Центральной и Восточной Европы, какие европейские города выступали в роли крупных центров работорговли и пр.

В качестве первого источника X в., имеющего самое непосредственное отношение к исследуемой проблематике, я хотела бы привести «Раффельштеттенский таможенный устав» («*Inquisitio de theloneis Raffelstattensis*») [22]. В целом в «Раффельштеттенском таможенном уставе», в котором всего 11 статей, речь идет о судоходстве по Дунаю из Пассау в Вахау близ Мелька. Тем не менее в нем находится сразу четыре статьи (ст. 1, ст. 4, ст. 6 и ст. 9), имеющие самое прямое отношение как к рабам, так и к работорговле. 4 статьи из 11 – это много. Значит, работорговля не была чем-то необычным в X в., напротив ей уделяли определенное внимание, хоть и на «локальном законодательном уровне». Уже самая первая статья «Таможенного Устава» повествует о том, что корабли и баржи перевозили соль, различные товары и рабов («*mancipia*»). Затем в статье 4 следует второе упоминание о рабах: в ней рабы рассматриваются как товары, но являются частью импримендента купцов, путешествующих по суше, вместе с лошадьми, волами и («*veteris suppellectilibus*»). Эти рабы могут быть проданы в окрестностях Раффельштеттена [22, с. 251; 23, с. 65]. Далее, в статье 6

¹ Абу-ль-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех (ок. 820 – ок. 912/913) – мусульманский географ иранского происхождения. Его «Книга путей и стран» – первый дошедший до нас образец данра арабской описательной географии.

² Ибрагим аль-Карави (или Ибрахим аль-Куни) – арабский путешественник и автор путевых записок в X в. Внес вклад в сохранение и передачу знаний о различных народах и культурах. Его труд «Книга стран» («Китаб ал-булдан») представляет собой краткое описание различных стран, включая Восточный Кавказ.

говорится о масштабной и обширной торговле славянских купцов из Богемии и Руси. Последние (купцы из Руси) двигаются через Киев, Перемышль, Краков и Прагу, затем через один из перевалов из Бёмервальда на территорию Линца до Вахау. Эти торговцы продают воск, рабов и лошадей. В 6-й статье рабы упоминаются как «*mancipium*», «*ancilla*» и «*servus*». За каждую рабыню надлежало заплатить по одной тремиссе, а за каждого раба – одну сайгу [22, с. 251; 23, с. 65–67]. И, наконец, статья 9 гласит [22, с. 252]: «Торговцы, то есть евреи и прочие торговцы, откуда бы ни явились, из этой страны или из иных стран, платят законную пошлину как за рабов, так и за иной товар, как это всегда бывало во времена прежних королей» [23, с. 67].

Следующая группа источников: источники из арабского мира. Они подтверждают тот факт, что именно евреи играли главную роль в торговле рабами. Речь идет о двух арабских источниках X в.: «*Книга путей и стран*» Ибн Хаукаля [24] и «*Книга стран*» Ибрагима аль-Карави (Ибрагима аль-Куни) [25]. Первый источник гласит, что магометанская Испания экспортировала много рабов, ввезенных из Франции еврейскими торговцами [24, с. 75]. Во втором указано, что «Франки – соседи славян. Они покупают их на рынках. Продают их в Испании, куда многие приезжают. Они выхолощены евреями, которые живут под покровительством франков и в их царстве, а также на соседних магометанских территориях. Эти кастраты экспортируются из Испании во все страны ислама» [25, с. 92]. Вне всякого сомнения, многие остались в Испании, так как мы знаем, что при Абд-ар-Рахмане (912–961) только в Кордове, согласно последовательным переписям (а это еще один вид источников!) 3750, затем 6078 и, наконец, 13 750 были сакалибами, или славянскими рабами, – пишет знаменитый исследователь данной проблематики Шарль Верлинден [3, с. 12]. Конечно, ни один из них не был евнухом, но показательно, что слово «сиклаби» (множественное число «сакалиба») претерпело семантическую эволюцию, так что, в конце концов, оно означало евнуха, а не просто славянского раба. Но это несколько более позднее явление. Упомянем, что к концу правления Абд-ар-Рахмана III только во дворце Мадинат аз-Захера близ Кордовы насчитывалось более 3000 сакалибов [3, с. 13].

Луитпранд, епископ Кремоны, в своей «*Антоподозии*» 958–962 г. указывает, что город Верден в Западной Европе стал своего рода «мануфактурой евнухов» [26].

А вот в Центральной Европе к важным центрам работорговли следует отнести Прагу. Эту информацию можно найти в таком источнике, как «*Путевые записки о путешествии в славянские земли*» Ибрагима ибн Якуба¹ [27]. Так, Ибрагим ибн Якуб пишет следующее: «Город Прага

¹ Ибрагим ибн Якуб (ок. 912–966) – арабоязычный еврей из мусульманской Испании, который составил путевые заметки о своем путешествии в западнославянские регионы во второй половине X в. На сегодняшний день его «Путевые записки» – одно из наиболее полных описаний географического характера Западной и Центральной Европы X в.

построен из камня и известняка и является крупнейшим торговым центром этих стран. В него (в Прагу – *О. К.*) прибывают с товарами из города Краков русы и славяне, а из турецких земель (из Венгрии – *О. К.*) в него прибывают магометане, евреи и турки (венгры – *О. К.*) тоже с товарами и монетами, используемыми в обиходе; оттуда (из Праги – *О. К.*) они вывозят рабов, олово и разные меха» [27, с. 184].

Активное участие евреев в работоторговле в Праге упоминается и в «*Житии Святого Адальберта*» («*Vita de H. Adalberti*»), епископа города [28, С. 586]. Причем нельзя не отметить, что «Житие Святого Адальберта» упоминает военнопленных («*captivos*»), особенно славянских рабов из приграничных районов, где постоянно бушевали бои между немцами и славянами, и других «манципий», вероятно, крепостных чешских землевладельцев, которых продавали еврейским торговцам, бравшим на себя ответственность за их транспортировку на большие мусульманские невольничьи рынки и их продажу там.

Таким образом, автором данной статьи в ходе ее написания для освещения темы рабства, рабов и работоторговли в период Раннего Средневековья был использован широкий спектр самых разных видов и жанров раннесредневековых источников. И в каждом из них мы находим отголоски вышеуказанной проблематики.

Это и хроники («Хроника Фредегара»), и «Жития» епископов (Гагерики; Илии, епископа Неймагского), и каноны Соборов (Собор в Клиши; Собор в Шалон-сюр-Соне), и письма архиепископа Лионского Агобарда, и привилегии Людовика Благочестивого, и пакты коронованных особ (пакты Лотаря, Карла и Беренгара), и «Таможенные Уставы» (Раффельштеттенский), и книги арабских географов и составителей («Книга путей и стран» Ибн Хордадбеха, «Книга путей и стран» Ибн Хаукаля, «Книга стран» Ибрагима аль-Карави (Ибрагима аль-Куни)), и «Антоподозия» Луитпранда, епископа Кремоны, и рассказы различных путешественников («Путевые записки о путешествии в славянские земли» Ибрагима ибн Якуба), и «Жития» святых («Житие Святого Евсикия»; «Житие Святого Адальберта»).

Согласно использованным для написания данной статьи источникам, можно сделать выводы, что работоторговлей в период Раннего Средневековья занимались как евреи, так и торговцы из других стран, а к важным европейским центрам работоторговли относились Раффельштеттен, Прага, Венеция, Верден и, наверняка, многие другие.

Безусловно, впоследствии можно провести более тщательный поиск и анализ источников, относящихся к подобной теме, а также попытаться структурировать их по регионам написания (арабские авторы, византийские, написанные латынью, классические славянские и др.), дабы более детально исследовать всевозможные аспекты вышеозначенной проблематики. Однако на сегодняшний день, составитель статьи решил ограничиться именно такой классификацией источников и структурой статьи, поскольку

она имеет характер не комплексного научного исследования, а всего лишь небольшой его составной части.

Список использованных источников

1. *Фроянов, И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) / И. Я. Фроянов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 512 с.
2. *Verlinden, Charles.* Problemes economique franque. I. Le Franc Samo / Charles Verlinden // Belgisch Tijdschrift voor Filologie en Geschiedenis. – D. XII. – 1933. – p. 1090–1095.
3. *Verlinden, Charles.* Slavenhandel en economische ontwikkeling in midden-, Oost- en Noord-Europa gedurende de Hoge Middeleeuwen / Charles Verlinden // Mededelingen van de Koninklijke Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van België, Klasse der Letteren. – Jaargang 41. – Nr. 2 (1979). – Brussel: Paleis der Academiën, 1979. – 22 s.
4. *Verlinden, Charles.* L'esclavage dans l'Europe medievale / Charles Verlinden. – Tome 1: Peninsule Iberique: France. – Brugge: De Tempel, 1955. – 929 s.
5. *Verlinden, Charles.* L'esclavage dans l'Europe medievale / Charles Verlinden. – Tome 2: Italie – Colonies italiennes du Levant – Levant latin – Empire byzantine. – Gent: Rijksuniversiteit te Gent, 1977. – 1067 s.
6. *Delort, Robert.* Quelques précisions sur le commerce des esclaves à Gênes vers la fin du XIVe siècle [article] / Robert Delort // Mélanges de l'école française de Rome. – Année 1966. – 78-1. – p. 215–250.
7. *Balard, Michel.* Remarques sur les esclaves à Gênes dans la seconde moitié du XIIIe siècle [article] / Michel Balard // Mélanges de l'école française de Rome. – Année 1968. – 80-2. – p. 627–680.
8. *Köpstein, Helga.* Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz / Helga Köpstein // Berliner Byzantinische Arbeiten. – Berlin: Akademie-Verlag, 1966. – 134 s.
9. *Hoffmann, J.* Die östliche Adriaküste als Hauptnachschiebungsgebiet für den Venezianischen Sklavenhandel bis zum Anfang des XI. Jahrhunderts / J. Hoffmann // Vierteljahrschr. f. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1968.
10. *Haverkamp, A.* Zur Sklaverei in Genua während des 12. Jahrhunderts / A. Haverkamp // Festschrift Karl Bosl. – Stuttgart, 1974.
11. *Gioffre, Domenico.* Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV / Domenico Gioffre. – Genova: Fratelli Bozzi, 1971. – 334 p.
12. *Cortes, Vicenta.* La esclavitud en Valencia durante el reinado de los Reyes catolicos 1479–1516 / Vicenta Cortes. – Valencia: Excmo. Ayuntamiento, 1964. – 546 p.
13. *Duchesne, A.* Historiae Francorum scriptores / A. Duchesne. – Vol. 1. – P., 1636. – P. 534–535.
14. *Vita S. Eusebii* // Catalogus codicum hagiographicorum latinorum antiquorum saeculo XVI, qui asservantur in bibliotheca Nationali Parisiensi. – Vol. 2. – Brux., 1890. – P. 132–152.
15. *Krusch, Bruno.* Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV. cum Continuationibus / Bruno Krusch // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2. – Hannover, 1988. – S. 1–193.

16. Хроники Фредегара / пер. с лат., комм. и вступ. ст. Г. А. Шмидта. – СПб.; М.: Евразия; ИД «Клио», 2015. – 464 с. – (Chronicon). Использованный в этой статье перевод на русский язык опубликован на сайте «Восточная литература» и осуществлен с английского языка в 2002 г. Д. Н. Раковым с издания: The Fourth book of the Chronicle of Fredegar with its continuations [Texte imprimé] / transl. from the Latin with introduction and notes by J. M. Wallace-Hadrill. – Westport: Greenwood Press, 1981. – LXVII-137 p.
17. *Goldmann, E.* Přemysl-Samo / E. Goldmann // Mitteilungen Inst. Öst. Geschichtsf. – D. XXX (1909).
18. *Krusch, Bruno.* Vita Gaugerici episcopi Camaracensis / Bruno Krusch // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 3. – Hannover, 1896. – S. 652–658.
19. *Krusch, Bruno.* Vita Eligii episcopi Noviomagensis / Bruno Krusch // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 4. – Hannover, 1904. – S. 634.
20. *De Goje, M. J.* Bibliotheca geographorum arabicorum / M. J. De Goje. – D. VI. – Leiden, 1889.
21. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig – I: (814–1205) / Hrsg. von G. L. Fr. Tafel und G. Thomas. – Wien: K. K. Hof- und Staatsdr., 1856. – XXII, 574 s.
22. Inquisitio de theloneis Raffelstattensis // MGH Leges II. Capitularia regum francorum. Band 2 / Hrsg. Von Alfred Boretius und Victor Krause. – Hannover, 1897. – S. 249–252.
23. *Назаренко А. В.* Раффельштеттенский таможенный устав / А. В. Назаренко // Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Наука, 1993. – 240 с. – С. 59–100.
24. Kitāb al-Masālik wa'l-mamālik / ta'lif Abi-'l-Qāsim Ibn-Hauqal [Ed. M. J. de Goeje]. – Lugduni-Batavorum: Brill, 1873. – XXI, 406 S.
25. Analectes sur l'histoire et la littérature des arabes d'Espagne par Al-Makkari / Aḥmad Ibn-Muḥammad al-Maqqarī. Publ. par R. Dozy. – 1. Introduction. Livre I, II, III et IV. Livre V. – Leyde: Brill, 1855–1860.
26. *Luitprand, Cremona.* Antapodosis / Cremona Luitprand // Luitprandi Cremonensis Opera omnia / cura et studio P. Chiesa. – Turnholti: Brepols, 1998. – C, 234 S.
27. *Ibn Jakub, Ibrahim.* Bericht des Ibrahim Ibn Jakub von seiner Reise in die Slavenländer in der Überlieferung des al-Bekri / Ibrahim ibn Jakub // Arabische Berichte von Gesandten an germanische Fürstenhöfe aus dem 9. und 10. Jahrhundert, hrsg. von G. Jacob. – Berlin: De Gruyter, 1927. – 50 S. – Hier: SS. 12–18.
28. Das Leben des Bischofs Adalbert von Prag / nach d. Ausg. d. Monumenta Germaniae übers. von Hermann Hüffer. – 2. Aufl. / neu bearbeitet und durch die Leidensgeschichte vermehrt von W. Wattenbach. – Leipzig: Verlag der Dykschen Buchhandlung, 1891. – XIV, 54 S.

(Дата подачи: 21.02.2024 г.)

А. А. Киселев

Белорусский государственный экономический университет, Минск

A. Kiselev

Belarusian state economic university, Minsk

УДК 94:351.745(476)

**СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧИНОВНИКОВ
ГОРОДСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ
БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX В.**

**THE SOCIAL COMPOSITION OF OFFICIALS
OF URBAN POLICE DEPARTMENTS
OF THE BELARUSIAN PROVINCES
AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES**

Городская полиция по своему социальному происхождению имела всесословный характер. Государственная служба являлась основным источником существования для чинов полиции. Большинство чиновников были местными уроженцами. Православное вероисповедание имели 90 % всех должностных лиц городской полиции. Образовательный уровень полицейских офицеров был невысоким.

Ключевые слова: городское полицейское управление; общая полиция; белорусские губернии; социальный состав; чиновники

The city police was all-social class in its social origin. Public service was the main source of livelihood for police officials. The majority of officials were local natives. 90 % of all city police officials were of the Orthodox faith. The educational level of police officers was not high.

Keywords: city police department; general police; Belarusian provinces; social composition; officials

В научной литературе, посвященной истории полицейских учреждений Российской империи, комплексная характеристика социального состава чиновников городских полицейских управлений в конце XIX – начале XX в. дается лишь в отдельных работах [1, с. 196–232; 2]. В большинстве диссертационных исследований характеризуются полицеймейстеры [3; 4], но остальные категории чиновников оказываются вне поля зрения исследователей; при анализе акцентируют внимание на отдельных свойствах служащих городской полиции или чины уездной и городской полиции объединяются в одну группу [5]. В отечественной историографии анализировался лишь социальный состав уездной полиции белорусских губерний начала XX в. [6; 7, с. 91–92]. Это не только обуславливает необходимость восполнить имеющийся историографический «пробел» в описании состава чиновников городских полицейских управлений в белорусских губерниях, но и открывает возможность для сопоставления полученных результатов с данными о составе городской полиции в других регионах Российской империи.

Основным источником для изучения социального состава классных чиновников городских полицейских управлений являются формулярные списки. В частности, в настоящем исследовании использовались формуляры чиновников Виленского городского полицейского управления (1900 г.) [8], городских полицейских управлений Витебской (1896 г.) [9], Минской (1898 г.) [10] и Гродненской губерний (1902 г.) [11]. Всего выявлено 143 формулярных списка из 162, или 88,3 % всех штатных чиновников. Кроме того, для анализа уровня образования, наличия чинов, служебного стажа и времени пребывания на последней должности использовались данные «Памятной книжки Могилевской губернии на 1900 г.» [12]. Это позволило проанализировать сведения о 164 (89,6 % от штата) полицейских чиновниках белорусских губерний. К классным чиновникам городских полицейских управлений относятся полицеймейстеры, помощники полицеймейстеров, приставы и их помощники, секретари, столоначальники, регистраторы, письмоводители частных приставов, полицейские и околоточные надзиратели. Должности трех столоначальников, регистратора и семи письмоводителей приставов в данные годы существовали только в штате крупнейшего в крае Виленского городского полицейского управления (далее – ГПУ), а два полицейских надзирателя были предусмотрены в составе чиновников Минского ГПУ.

Если характеризовать сословное происхождение полицейских чиновников в целом, то самой многочисленной сословной группой окажутся крестьяне (41 чел. – 28,7 %), на втором месте находились потомственные дворяне (33 чел., или 23 %), а на третьем – мещане (22 чел. – 15,4 % всех чинов). Приняв во внимание, что еще в трех случаях в формулярном списке указывалось происхождение «из податных сословий», можно сказать, что 66 (46,2 %) чиновников представляли самые массовые сословные группы российского государства. Выходцы из непривилегированных сословий были представлены почти на всех должностях городских управлений, в том числе и среди начальников городских полиций. Так, двинский полицеймейстер К. А. Пфейффер указал, что происходит «из податного сословия», а в соответствующей графе формуляра белостокского полицеймейстера П. У. Метленко значилось «из крестьян Виленской губернии». В этой связи следует согласиться с выводом о том, что в начале XX в. «дворянство было лишено монополии на занятие начальственных должностей в полиции» [13, л. 398]. Однако наибольшее представительство крестьян и мещан – 34 чел. из 42, или 81 % – оказалось среди околоточных надзирателей, т. е. на самой низкой по классу должности. В свою очередь потомственные дворяне доминировали среди полицеймейстеров и составляли 66 % (6 чел.) всех должностных лиц данной категории. Половина из четырех помощников полицеймейстеров тоже оказались дворянами. На прочих должностях дворяне уже не находились в относительном большинстве: среди секретарей – 2 чел. (20 %), приставов – 6 чел. (24 %), помощников приставов – 12 чел. (28,6 %), околоточных надзирателей – 3 чел. (7 %).

Выходцы из церковнослужителей (священники, дети дьяконов и псаломщиков) в количестве 20 чел. образовали четвертую по численности словную группу среди полицейских чиновников: на их долю приходилось 14 %. Дети гражданских классных чиновников и офицеров русской армии составили 8,4 % (12 чел.), 6 чел. (4,2 %) были из обер-офицерских детей. Еще 5 чел. (3,5 %) происходили из потомственных и личных почетных граждан. Наконец, в формуляре одного чиновника значилось «сын смотрителя почты».

Подавляющее число полицейских чинов имели единственным законным источником существования денежное содержание, поскольку не владели какой-либо недвижимой собственностью. Таковых чиновников оказалось 134 чел. (93,7 %). Всего 5 чел. (3,5 %) являлись землевладельцами, причем 2 (40 %) из них не наследовали, но приобрели землю. Среди наследственных земельных собственников два чиновника – виленский пристав С. М. Байрашевский и пинский полицеймейстер С. А. Житников – относились к крупным владельцам, за которыми числилось 220 и 419 дес. земли соответственно. В одном случае размер частной собственности не указывался. 700 дес. земли в Лепельском уезде были приобретены двинским полицеймейстером, что превращало его в состоятельного землевладельца. Виленский полицеймейстер К. М. Назимов мог похвалиться всего лишь 18 дес. пахотной земли, купленной им в Херсонском уезде. Четыре (2,8 %) чиновника указали наличие купленных домов, причем в одном случае деревянный дом был куплен на имя супруги чиновника, которая дополнительно владела двумя домами на правах наследственной собственности.

Чиновники полиции не могли похвалиться высоким образовательным цензом. В частности, 42 (25,6 %) служащих, т. е. каждый четвертый полицейский, имели лишь домашнее образование. Начальные учебные заведения в объеме курса народного училища закончили 10 чел. (6,1 %), уездного – 39 чел. (23,8 %), духовного – 15 чел. (9,1 %), городского училища – 9 чел. (5,5 %). Специальное образование на основании начального получили 3 чиновника, окончив фельдшерские школы. Неполное среднее образование в объеме учительской семинарии получили 9 чел. (5,5 %). Витебский частный пристав И. В. Васютрович окончил Александровское техническое железнодорожное училище. Еще три (1,8 %) чиновника прошли курс обучения в уездном дворянском училище. В одном случае образовательный ценз полицейского чина характеризовался сданным экзаменом на права вольноопределяющегося 3-го разряда. Двинский полицеймейстер К. А. Пфейффер ограничился экзаменом на звание частного землемера при губернской чертежной. Еще один чиновник сдал экзамен на чин коллежского регистратора. Помощник пристава Виленского ГПУ М. А. Полторжицкий учился в Ярославской военной школе. Кроме того, секретарь Брестского ГПУ Н. О. Кучинский имел отметку о незавершенном образовании в объеме уездного училища, секретарь Бобруйского ГПУ Д. А. Удовня – о прерванном обучении в учительской семинарии.

Могилевский и белостокский полицеймейстеры окончили юнкерские училища, причем в случае начальника белостокской полиции П. У. Метленко до его поступления в юнкера имелось образование в объеме лишь уездного училища. В этом отношении образовательный ценз этих полицеймейстеров приблизительно соответствовал неполному среднему образованию.

Среднее образование в духовной семинарии получили 3 чел. (1,8 %), 1 чел. оказался выпускником реального училища, 1 чел. – прогимназии. Кроме того, помощник пристава Гродненского ГПУ Н. А. Говоров окончил прогимназию, после которой прошел обучение в военном училище. Брестский полицеймейстер К. Н. Пеленкин после обучения в гимназии получил военное образование в пехотном юнкерском училище. Белостокский околоточный надзиратель А. Э. Вутман воспитывался в кадетском корпусе. Полоцкий полицеймейстер А. Г. Иванов и пристав Белостокского ГПУ Н. И. Шереметов завершили свое образование, полученное в кадетском корпусе, поступив в военное училище. Получается, что среднее образование в гражданских светских, духовных и военно-учебных заведениях получили всего 10 чел., или 6,1 % всех полицейских должностных лиц. Кроме того, 13 (7,9 %) чиновников не сумели завершить свое обучение в среднем учебном заведении: 3 чел. – в реальном училище, 4 чел. – в духовной семинарии и 6 чел. – в гимназии. Показательно, что ни один из чиновников городской полиции белорусских губерний не имел высшего гражданского или военного образования.

В конфессиональном отношении подавляющее большинство полицейских чиновников исповедовали православие (149 – 90,8 %), 6 (3,7 %) оказались католиками, 5 (3,1 %) – лютеранами. Наконец, 4 (2,4 %) полицейских офицера были мусульманами. Характерно, что если представители евангелическо-лютеранского исповедания были представлены на должностях разного уровня, то католики занимали низшие полицейские должности (околоточных надзирателей и столоначальников).

Значительный интерес представляет вопрос о том, какую долю чинов городских полицейских управлений в белорусских губерниях составляли местные уроженцы, а сколько выходцы из других регионов империи. К сожалению, ответить на данный вопрос можно на основании лишь совокупности косвенных признаков (местоположение учебного заведения и недвижимой наследственной собственности, первое место службы, исповедание, сословное происхождение). Место рождения чиновника указывалось только в формулярных списках чиновников Гродненской губернии. Полученные сведения показывают, что 113 чел. (68,9 %) являлись местными уроженцами, причем лишь на должности полицеймейстера они оказались в меньшинстве. В частности, только 4 (36,3 %) начальника городских полицейских управлений происходили из числа жителей губерний Западного края. В 15 (9,1 %) случаях имеющиеся сведения не позволяли сделать определенные выводы о происхождении чиновника.

Представляют интерес сведения о службе в армии, поскольку опыт военной службы потенциально формировал иное отношение к полицейским обязанностям. В 19 (11,6 %) случаях установить факт прохождения службы не удалось. Относительно большинство служащих полиции имели исключительно гражданский опыт государственной службы. В частности, 98 чел. (59,8 %) либо не служили в армии, либо при призыве были сразу переведены в запас. В свою очередь пребывание в военной службе в качестве офицера или нижнего чина отмечалось для 47 (28,7 %) человек, причем большинство чиновников с армейским опытом оказалось среди полицеймейстеров (45,4 %) и околоточных надзирателей (66,7 %).

Интересной являлась ситуация с распределением выслуженных чинов, которые имелись в 67 (41 %) случаях, причем 3 чел. (1,8 %) сохранили военные чины: прапорщика (2 чел.) и капитана. Большинство чиновников (97 чел., или 59 %) еще не выслужили чинов. Каждый второй секретарь, почти каждый четвертый пристав (7 чел. – 24,1 %), около двух третьих всех помощников приставов (33 чел. – 61 %), почти все околоточные надзиратели (41 чел. – 97,6 %), все полицейские надзиратели, столоначальники и письмоводители не имели классных чинов. Такая ситуация с распределением чинов оказалась возможна в силу того, что в западных губерниях разрешалось назначать на должности вплоть до VIII класса включительно лиц без выслуженных чинов и допускать на службу тех, кто не имел на нее прав с присвоением первого чина «наравне с канцелярскими служителями третьего разряда» [14, с. 348]. Это позволяло претендентам без классных чинов занимать практически все должности в городских полицейских управлениях за исключением постов полицеймейстера и их помощников. Показательно, что на этих должностях на рубеже веков находились чиновники лишь с выслуженными ими классными чинами.

Самый высокий служебный ценз имели помощники полицеймейстера и начальники городских полицейских управлений, средний стаж которых равнялся 21,2 и 20,8 года соответственно. Достаточно длительный опыт государственной службы имели столоначальники Виленского ГПУ (15,3 года), приставы (14,1 года) и секретари (13,1 года). В следующую группу по проведенному на службе времени среди чиновников входили регистратор Виленского ГПУ (9 лет), помощники приставов (7,5 года), письмоводители частных приставов Виленского ГПУ (5,8 года), около 5 лет прослужили околоточные надзиратели и 4 года имели за плечами полицейские надзиратели Минского ГПУ. Следует отметить, что чиновники полиции, как правило, не «засиживались» на своих постах. В частности, служебными должностными оказались полицеймейстеры и столоначальники виленской полиции, которые в среднем занимали свою последнюю должность на протяжении 5,6 года. К этим полицейским офицерам приближался регистратор Виленского ГПУ, отслуживший на этом месте 5 лет. На протяжении 3,9 года осваивались со своими обязанностями секретари. Такие чиновники, как помощники полицеймейстера, приставы, их помощники, околоточные

надзиратели и письмоводители исполняли свои обязанности на последней должности в среднем от 2,6 до 2 лет. Меньше всего на своем посту находились околоточные надзиратели со средним стажем в 1,5 года.

Следует отметить, что личный состав полицейских чиновников не был возрастным, поскольку только 10 чел. (7 %) были старше 45 лет. На службе не оказалось ни одного чиновника в возрасте старше 60 лет. Наиболее распространенной возрастной группой являлись чиновники, которым было от 36 до 40 лет. Таких служащих оказалось 40 чел. (27,9 %). Второе место делили полицейские чины в возрасте от 26 до 30 лет и от 31 до 35 лет. В каждой возрастной группе находилось по 31 чел. (21,7 %). Средний возраст полицеймейстеров составил 44,1 года, помощников полицеймейстеров – 40 лет, приставов – 36,6 года, их помощников – 31,9 года, околоточных надзирателей – 36,8 года, полицейских надзирателей – 33 года, секретарей – 34,4 года, столоначальников – 35,6 года, письмоводителей – 36,6 года и регистратор Виленского ГПУ был в возрасте 27 лет.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. состав городской полиции белорусских губерний по своему социальному происхождению имел всеобщий характер. Вместе с тем нельзя не отметить, что на должности полицеймейстеров сохранялось доминирование представителей дворянства. По всей видимости, подобная тенденция существовала и в иных регионах империи [4, л. 98]. Основным источником существования для полицейских являлась государственная служба, поскольку лишь 3,5 % владели земельной собственностью. В целом полицейские чиновники не отличались высоким образовательным цензом. Среди них не оказалось ни одного чина с высшим образованием. Полноценное среднее образование получили немногим более 6 % всех чиновников, а каждый четвертый вообще ограничился домашним воспитанием. Достаточно важным является факт того, что более двух третей всех чиновников управлений были уроженцами белорусских губерний, причем они имели представительство на всех уровнях полицейской иерархии. Подавляющее большинство служащих исповедовали православие. Католики составляли 3,7 % всех полицейских чиновников, но занимали преимущественно низшие по классу должности письмоводителей (XII кл.) и околоточных надзирателей (XIV кл.). Следует отметить, что кадровой особенностью стал относительно незначительный срок пребывания чиновника на последней должности. Некоторое исключение составляли полицеймейстеры, занимавшие свой пост в среднем более 5 лет. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что менее трети всех чиновников имели опыт военной службы. Интересно, что среди начальников полиций и помощников полицеймейстеров отставные офицеры русской армии не составляли большинства. По крайней мере, пример Пензенской губернии, в которой полицеймейстеры и их помощники до своего перехода на службу в Министерство внутренних дел поголовно служили в армии [4, л. 98], показывает, что такая кадровая ситуация не была повсеместной. На полицейской службе преимущественно

находились служащие в активном возрасте, поскольку 132 чел. (92,3 %) были моложе 46 лет.

Список использованных источников

1. *Гурьев, В. И.* Московская полиция 1881–1917 гг. / В. И. Гурьев – СПб.: Нестор-История, 2014. – 260 с.
2. *Рязанов, С. М.* Социальная характеристика полицейских чиновников Пермской губернии в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] / С. М. Рязанов // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2016. – № 6-7 (57). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-harakteristika-politseyskih-chinovnikov-permskoy-gubernii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny>. – Дата доступа: 15.02.2024.
3. *Чернова, И. В.* Томская городская полиция в конце XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. В. Чернова. – Томск, 2005. – 181 л.
4. *Лазарева, О. В.* Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в.: По материалам Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. В. Лазарева. – Саранск, 2000. – 251 л.
5. *Трушков, С. А.* Административно-полицейские органы Вятской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. А. Трушков. – Киров, 2001. – 225 л.
6. *Киселев, А. А.* Сословное происхождение и имущественное положение чиновников уездной полиции белорусских губерний на рубеже XIX–XX вв. / А. А. Киселев // Мадэрнізацыя і працэсы сацыяльных трансфармацый у Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XXI стагоддзя: матэрыялы міжнар. навуц. канф., Мінск, 17 лістап. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханюўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2023. – С. 96–101.
7. *Лудзіч, А. Р.* Сацыяльнае паходжанне павятовага чыноўніцтва беларускіх губерняў (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А. Р. Лудзіч // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 86–94.
8. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 420. Оп. 2. Д. 231.
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1416. Оп. 2. Д. 19084.
10. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 7. Д. 403.
11. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. Оп. 37. Д. 2356.
12. Памятная книжка Могилевской губернии на 1900 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев на Днепре: тип. губ. правл., 1900. – 211 с.
13. *Сичинский, Е. П.* Становление полиции на Южном Урале (последняя четверть XVIII – начало XX вв.): дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Е. П. Сичинский. – Челябинск, 2006. – 514 л.
14. Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1888. – 3-е собр. – Т. VI. – № 3817.

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

М. К. Климко

Белорусский национальный технический университет, Минск

M. Klimko

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 355.233.233.1:378

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА УЧАЩИХСЯ В БССР (1920–1930 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

MILITARY-PATRIOTIC TRAINING OF STUDENTS IN BSSR (1920–1930): HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

В статье рассматривается отечественная историография, посвященная вопросу военно-патриотической подготовки учащихся на территории Беларуси. Отмечается, что изучение данной темы носит эпизодический характер. Показывается, что наиболее активно вопросы внедрения военной подготовки в учебный процесс, воспитания гражданина и патриота исследуются на современном этапе. Автор приходит к выводу, что в историографии комплексного исследования по данной тематике не проводилось.

Ключевые слова: историография; армия; военные учебные заведения; система образования; патриотическое воспитание; допризывная подготовка.

The article considers domestic historiography devoted to the issue of military-patriotic training of students in Belarus. The author notes that the study of this topic is episodic. The article shows that the most active issues of introducing military training into the educational process, the education of a citizen and a patriot are being investigated at the modern stage. The author comes to the conclusion that in the historiography of a comprehensive study on this topic was not carried out.

Keywords: historiography; the army; military educational institutions; education system; patriotic education; pre-conscription training.

В отечественной историографии вопросы военно-патриотической подготовки учащихся на территории Беларуси в 1920–1930-е гг. изучались во времена Советского Союза и продолжают исследоваться в постсоветский период. На основе проведенного анализа научных трудов, публикаций по данному вопросу, в историографическом изучении проблемы можно выделить два периода: 1) советский – 1917–1980-е гг.; 2) современный (постсоветский) – с начала 1990-х гг.

На выбор тематики исследований советского периода оказывала влияние руководящая роль КПСС, поэтому центральное место у ученых занимал анализ деятельности Коммунистической партии Советского Союза. В советской историографии П. П. Силиванчик [1], С. Р. Лагун [2], Н. В. Власенко [3], И. М. Шмидт [4], В. В. Герасимчук [5] уделили внимание влиянию партии на воспитание молодежи. Наиболее полно данный вопрос раскрыт в диссертации Н. С. Сташкевича «Идеологическая работа

большевиков Белоруссии в годы гражданской войны (1919–1920 гг.)» [6]. Автор, анализируя идейно-политическую борьбу большевиков «с идеологией национализма», обосновывал тезис о ведущей роли идеологической работы в массах [6, с. 17]. Н. С. Сташкевич отмечает, что большевиками использовались такие формы массовой работы, как митинги и собрания, а также индивидуальная агитация. Однако в указанных работах не освещен наработанный опыт в области военно-патриотической подготовки учащихся.

Одним из первых вопрос роли КП(б)Б в военно-патриотическом воспитании затронул К. И. Осипов. В диссертационной работе «Деятельность КПСС по укреплению единства армии и народа в период построения фундамента социализма (1926–1932 гг.)» автор отметил, что развитие «военно-прикладных» видов спорта, проведение военных игр, соревнований, Недель обороны и т. д. популяризовали военные знания среди населения [7]. Коммунистическая партия считала важнейшей задачей работу по усилению военно-патриотического воспитания молодежи «в духе советского патриотизма, беззаветной преданности делу коммунизма» [7, с. 26]. По мнению ученого, в деятельности армейских политорганов и партийных структур по укреплению связей народа и армии основой воспитания гражданина являлась военно-патриотическая работа.

В диссертации «Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии (1921–1925 гг.)» В. Ф. Кушнер отметил, что деятельность оборонно-массовых обществ была направлена на получение трудящимися знаний и навыков военной подготовки, а проводимое военно-патриотическое воспитание формировало готовность к защите Родины [8]. Автор, рассматривая формы и методы допризывной подготовки, указывал на значительное влияние революционных праздников в военно-патриотическом воспитании допризывников. Так, в праздничные дни организовывались «парады Всеобуча, торжественные выпуски допризывников, встречи с участниками революции и Гражданской войны» [8, с. 14], проводились лекции на заводах и фабриках.

В монографиях и докторской диссертации П. А. Селиванова проанализирована деятельность партийных органов, исполкомов, военных комиссариатов, Всеобуча среди населения в 1917–1920 гг. [9]. Автор достаточно подробно остановился на использованных большевиками формах политической работы: массовые спортивные праздники, Дни Всеобуча и др. По мнению П. А. Селиванова, проведение агитационно-политической работы, ликвидация неграмотности среди трудящихся, занятых военным делом, обеспечило подготовку резерва для Красной армии. Всеобуч стал эффективным решением задачи укрепления армии, подготовки защитника и воспитания гражданина советского государства.

К исследованию периода 1926–1941 гг. и вопросам военно-патриотического воспитания молодежи обратился П. Г. Чигринов [10]. Автор проанализировал вопросы военно-профессиональной профориентации молодежи

и деятельность комсомола по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Историк отметил, что в своей работе комсомол использовал такие формы, как проведение недель и декад обороны, «военно-тактические игры», походы, соревнования и др. Молодежная организация стремилась к тому, чтобы каждый молодой человек владел хотя бы одной военной специальностью. Комсомолом была налажена совместная работа по военно-патриотической подготовке с Осоавиахимом и Обществом Красного Креста. Автором отмечен факт введения в 1926 г. военной подготовки в Белорусском государственном университете (БГУ), но вопросы налаживания военно-патриотической подготовки как единой системы и в других учреждениях образования автором не рассматривались.

В числе первых к вопросам военно-патриотического воспитания студенческой молодежи обратился в диссертационной работе А. Ю. Бендин, отметивший, что в основе марксистско-ленинского воспитания молодежи лежали патриотизм, интернационализм и атеизм [11]. Впервые автор подверг критике систему воспитательной работы 1928–1935 гг. среди молодежи, отметив, что наметившийся кризис был обусловлен деформацией партии.

В коллективном труде И. М. Третьяка, А. В. Дебалука и Г. И. Арико «Краснознаменный Белорусский военный округ» учеными раскрыта деятельность военного округа в межвоенный период [12]. Авторами отмечен тот факт, что со 2-й половины 1922 г. была начата политическая подготовка в войсках. Проводимая работа под слоганом «Красная казарма – школа политического воспитания» была эффективной и способствовала закреплению за армией ведущей роли в формировании позитивного восприятия советской власти [12, с. 84]. Исключительное значение в успешном решении вопросов боевой и политической подготовки сыграла проводимая в армии работа по ликвидации неграмотности.

Период развала СССР сопровождался попыткой критического переосмысления прошлого, что привело к необоснованным выпадам даже против очевидных достижений советской системы в области военно-патриотического воспитания. Наиболее объективной и основанной на впервые введенном в научный оборот новом архивном материале в постсоветской отечественной историографии стала работа Р. Н. Платонова. Автором освещены вопросы ликвидации неграмотности, создания и укрепления армии, деятельности комсомола и оборонно-массовых организаций [13, с. 102]. В работе «Перед крутым поворотом» выявлена роль ЦК КП(б) в усилении обороноспособности населения. В частности, отмечено, что в связи с ухудшающейся международной обстановкой в 1927 г. предписывалось усилить работу по подготовке к войне. Каждый член партии обязывался подготовиться к войне [13, с. 75]

В работах Б. Д. Долготовича раскрыт вопрос создания первой белорусской военной школы и процесс подготовки командирского состава в советский период [17]. Автор отмечает, что создание армии за счет подго-

товки красных командиров из числа рабочих и крестьян стало ключевой идеей политики большевиков. Но, несмотря на отказ от опыта Российской империи, за основу, при обучении и воспитании красных командиров, были положены принципы «Инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов» 1887 г. (далее – Инструкция). В частности, Инструкция предписывала военно-учебным заведениям направлять все воспитательные средства и «способы непосредственного воздействия» наставников на развитие у учащихся уважения к боевым подвигам соотечественников, искреннюю любовь к Отечеству, готовность защищать Родину, вплоть до самопожертвования [17, с. 6]. На примере первого военного учебного заведения Минска – 81-х пехотных подготовительных курсов командного состава Б. Д. Долготович указывает на тот факт, что в учебном процессе особое внимание отводилось политграмоте, а среди культурно-просветительских секций, созданных для курсантов, числилась агитационно-пропагандистская [17, с. 7, 9].

Исследование военно-патриотической подготовки в системе образования представлено отдельными статьями. В частности, О. А. Яновский в статье раскрыл организацию допризывной подготовки студентов в учебном процессе в Белорусском государственном университете [18]. В работе показана наиболее активная военная подготовка студентов на медицинском факультете университета, проводимая в соответствии с временным Положением по проведению милитаризации высших медицинских школ РСФСР. Ученый особенно подробно рассматривает деятельность военного руководителя БГУ – С. И. Боркусевича, отмечая его преданность делу. Опыт физической и военно-прикладной подготовки школьников на материалах Оршанского учебного округа проанализировал В. Д. Крюковский. Автор подчеркивал ведущую роль комсомола Беларуси в организации военно-патриотической подготовки школьников, в частности, указывал на важность принятых решений на съездах ВЛКСМ по данному вопросу [19]. В работах А. Н. Куксы исследуется военно-патриотическая подготовка в системе высшей технической школы Беларуси в 1920–1930 гг. Автор отмечает, что студенты-инженеры в 1919 г. были освобождены от мобилизации, что способствовало введению допризывной подготовки в стены учебных заведений. Так, с 19 ноября 1920 г. военную подготовку стали проходить учащиеся Политехникума, а с 10 декабря 1920 г. в открывшемся на его базе Белорусском государственном политехническом институте (БГПИ). По предложению Всебобуча в учебную программу были введены обязательные курсы допризывной подготовки и спорта. Первыми инструкторами по допризывной подготовке и спорту в штате БГПИ были Ю. П. Матюш и Н. А. Максимов [20].

Проблемы военно-патриотического воспитания и военной допризывной подготовки в 1920-е гг. проанализировал В. В. Данилович в контексте исследования роли молодежных организаций в общественно-политическом, социально-экономическом и культурном строительстве Советской Беларуси.

Итогом исследования стало введение огромного количества нового архивного материала, позволившего автору кардинально переосмыслить события прошлого и роли молодежи в становлении белорусской государственности в 1920–1930-х гг. [21]. В частности, ученый констатирует, что ликвидация неграмотности, успешная борьба с бандитизмом, гражданско-патриотическое воспитание, физическая и допризывная подготовка, участие комсомольских и профсоюзных организаций в восстановлении разрушенного хозяйства способствовали укреплению советской власти и обороноспособности страны.

В. П. Мазуркевич на основе архивных документов исследовал развитие народного образования в Виленском учебном округе. Автор, затронув вопрос взаимодействия Виленского учебного округа и военных структур, указал на введение льгот и отсрочек от действительной службы в армии для будущих учительских кадров. Привилегии, получаемые за счет образования, повысили значение образования в восприятии народа, что в 1920–1930-е гг. позволило значительно нарастить потенциал школ в военно-патриотическом воспитании учащихся [22]. Вопросы становления военной подготовки в стенах вузов актуальны на современном этапе, так как в Беларуси широко развиты военно-патриотические классы в школах, а в университетах созданы как военные кафедры, так и целые факультеты. Становлению военного образования в 1921–1991 гг. в БГУ посвящена работа А. В. Миронюка [23]. Автор, исследуя организацию учебного процесса по военной подготовке в 1921–1931 гг., отмечает его практико-ориентированный характер.

Таким образом, для историографии советского периода характерно освещение вопросов влияния партии на организацию армии и превращения ее, в том числе, в инструмент воспитания молодежи в духе гражданина советского общества. Вопросы организации военно-патриотической подготовки в школах, в специализированных учебных заведениях и в высших учебных заведениях на территории Беларуси в отечественной историографии наиболее широко отражены в последние десятилетия. На современном этапе истории возвращаются к анализу опыта Российской империи и Советского Союза с целью объективного осещения и дальнейшего применения позитивных наработок на практике. Дополнительного изучения требуют вопросы гражданского, военно-политического воспитания и постановки допризывной подготовки. На основе проведенного анализа научных трудов по теме военно-патриотической подготовки учащихся на территории Беларуси можно констатировать, что тема является актуальной на современном этапе в отечественной историографии.

Список использованных источников

1. Силиванчик, П. П. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по осуществлению культурной революции в республике (1919–1937 гг.) / П. П. Силиванчик – Минск: Издательство Белгосуниверситета, 1961. – 233 с.

2. *Лагун, С. Р.* Деятельность КПБ по перестройке и улучшению работы Советов / С. Р. Лагун. – Минск: Изд-во М-ва высш. сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 231 с.

3. *Власенко, Н. В.* Борьба Компартии и трудящихся Белоруссии за осуществление ленинского плана социалистической индустриализации / Н. В. Власенко. – Минск: Правл. о «Знание» БССР, 1969. – 21 с.

4. *Шмидт, И. М.* Деятельность компартии Белоруссии по дальнейшему укреплению союза рабочего класса и крестьянства в первые годы социалистической индустриализации (1926–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / И. М. Шмидт. – Минск, 1970. – 28 с.

5. *Герменчук, В. В.* Деятельность партийных организаций Белоруссии по оказанию помощи Красной Армии в годы гражданской войны автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / В. В. Герменчук. – Минск, 1983. – 24 с.

6. *Сташкевич, Н. С.* Идеологическая работа большевиков Белоруссии в годы гражданской войны (1919–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Н. С. Сташкевич. – Минск, 1973. – 32 с.

7. *Осипов, К. И.* Деятельность КПСС по укреплению единства армии и народа в период построения фундамента социализма (1926–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Минск, 1973. – 22 с.

8. *Кушнер, В. Ф.* Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. Ф. Кушнер. – Минск, 1976. – 25 с.

9. *Селиванов, П. А.* Военное строительство в Белоруссии в период разгрома походов Антанты / П. А. Селиванов. – Минск: Наука и техника, 1973. – 206 с.; *Селиванов, П. А.* Деятельность партийных и государственных органов Белоруссии по созданию и укреплению советской военной организации (октябрь 1917 – 1920 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / П. А. Селиванов. – Минск, 1974. – 57 с.; *Селиванов, П. А.* Военная деятельность Советов Белоруссии, 1917–1920 гг. / П. А. Селиванов. – Минск: Наука и техника, 1980. – 294 с.

10. *Чигринов, П. Г.* Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926–1941 гг.) / П. Г. Чигринов. – Минск: Беларусь, 1981. – 207 с.; *Чигринов, П. Г.* Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и упрочения социализма 1926 – июнь 1941 гг. (на материалах Компартии Белоруссии): автореф. дис. ... д-ра.ист. наук: 07.00.01 / П. Г. Чигринов. – Минск, 1985. – 43 с.

11. *Бендин, А. Ю.* Деятельность Компартии Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию студенческой молодежи (1928–1935 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / А. Ю. Бендин – Минск, 1989. – 22 с.

12. *Краснознаменный Белорусский военный округ* / редкол.: И. М. Третьяк [и др.] – Минск: Беларусь. 1973. – 572 с.;

13. *Платонаў, Р. П.* Беларусь у міжваенны перыяд: старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц / Р. П. Платонаў. – Мінск: БелНДДАС, 2001. – 281 с.; *Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.):*

Отражение времени в архивных документах / авт.-сост.: Р. П. Платонов [и др.], под ред. Р. П. Платонова. – Минск: БелНИИДАД, 2001. – 312 с.; Пасля крутога павароту: ідэолага-палітычная барацьба ў Беларусі, 1932–1936 гг.: дакументы, матэрыялы, аналіз / Р. Н. Платонаў. – Мінск: БелНДІДАС, 2008. – 494 с.

14. Военная школа Беларуси. Традиции и современность / С. В. Бобриков [и др.]; редкол.: Т. В. Белова (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 376 с.

15. Поляков, С. И. Полоцкий кадетский корпус. История в лицах / С. И. Поляков. – Полоцк: Полоцк. кн. изд-во: Спасо-Ефрасиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010. – 71 с.

16. Бригадин, П. И. Мятёжны корпус: из истории Александровского Брестского кадетского корпуса (1842–1863) / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 183 с.

17. Долготович, Б. Д. Объединенная белорусская военная школа – кузница кадров / Б. Д. Долготович. – Минск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – 128 с.

18. Яноўскі, А. А. «На любы заклік – наш цвёрды адказ: «Заўсёды гатовы». Ваенная справа і фізкультура ў падрыхтоўцы беларускіх студэнтаў 1920-х – пачатку 1930-х гадоў / А. А. Яноўскі // Беларуская думка. – 2019. – № 11. – С. 78–85.

19. Крюковский, В. Д. Физическая и военная подготовка школьников в Советской Белоруссии / В. Д. Крюковский // Вестник Полоцкого университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2022. – № 1. – С. 54–58; Крюковский, В. Д. Физическое воспитание и военно-прикладная подготовка пионеров в советской Белоруссии (1924–1925 гг.) / В. Д. Крюковский // Ученые записки. – 2021. – Т. 33. – С. 53–58.

20. Кукса, А. Н. Военно-патриотическая подготовка в системе высшей технической школы Беларуси (1920–1930 гг.) / А. Н. Кукса // Труды БГТУ. – Сер. 6. История, философия. – 2022. – № 1 (252). – С. 50–54.

21. Даніловіч, В. В. Моладзь у грамадзянска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.) / В. В. Даніловіч. – Мінск: Беларуская навука, 2020. – 730 с.

22. Мазуркевич, В. П. Народное образование на территории Белоруссии вXVI–XX вв. (до октября 1917 г.). Исторический очерк / В. П. Мазуркевич. – Минск: БНТУ, 2004. – 130 с.

23. МIRONIUK, A. B. Становление военного образования в Белорусском государственном университете (1921–1991 гг.) / А. В. МIRONIUK // Труды БГТУ. – Сер. 6. История, философия. – 2023. – № 2 (275). – С. 60–65.

(Дата подачі: 22.02.2024 г.)

А. А. Кондратенко

Республиканский институт высшей школы, Минск

A. Kondratsenko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(41/99)

СОЮЗНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ С КОЧЕВНИКАМИ В ПЕРИОД МЕЖДОУСОБНОЙ БОРЬБЫ

ALLIED RELATIONS OF ANCIENT RUSSIAN PRINCES WITH NOMADS DURING THE PERIOD OF INTERNIC STRUGGLE

В статье приводится источниковедческий обзор рассматриваемой проблемы. В хронологической последовательности освещается степень разработанности темы в российской историографии. Приводятся летописные свидетельства о системе заключения союзных военных договоров между древнерусской княжеской элитой и кочевниками. Статья раскрывает особенности договорных отношений между князьями и степняками, которые были связаны с политической ситуацией на Руси в период междоусобной борьбы.

Ключевые слова: Союз; Древняя Русь; кочевники; междоусобная борьба; княжеская династия.

The article provides a source review of the problem under consideration. The degree of development of the topic in Russian historiography is highlighted in chronological order. Chronicle evidence is given about the system of concluding allied military treaties between the ancient Russian princely elite and nomads. The article reveals the features of contractual relations between princes and steppe inhabitants, which were associated with the political situation in Rus during the period of internecine struggle.

Keywords: Union; Ancient Rus; nomads; internecine struggle; princely dynasty.

Географическое расположение Древней Руси с момента его образования предопределило его дальнейшую военную историю. С самого начала своего существования Русь столкнулась с чередой опустошительных набегов кочевников со стороны причерноморских степей. Древняя Русь испытала на себе тяготы военных столкновений не только с хазарами, печенегами, торками, но и с более воинствующими и свирепыми врагами – половцами, которых зачастую образно называют «степными ветрами Руси».

Степной элемент на Руси на протяжении многих столетий четко прослеживался в различных сферах развития древнерусского общества. Рационально полагать, что кочевники – это отрицательная тенденция в развитии государства, ведь частые поражения на полях сражений древнерусских князей порождали затяжные набеги на приграничные княжества и их опустошение. Это все приводило, бесспорно, к экономическому спаду на Руси. Но, с другой стороны, военные противостояния сменялись периодами мирного сосуществования между степняками и русичами. В связи с этим

начинал происходить культурный взаимообмен между обоими этносами – кочевым и оседлым.

Научная актуальность данной проблемы связана с тем, что большинство историков в российской историографии базируются на исследовании преимущественно характера и степени интенсивности набегов кочевников на приграничные древнерусские княжества. В меньшей степени разработана проблема дипломатических и союзнических отношений кочевников с древнерусскими князьями. Особый интерес заслуживает тема участия кочевников в междоусобной борьбе на Руси.

Целью стало рассмотрение характера привлечения кочевников древнерусскими князьями в разгар междоусобной борьбы за власть на Руси.

В соответствии с целью поставлена и задача исследования: на основании анализа древнерусских летописных сводов, а именно Повести временных лет, Ипатьевской летописи, а также «Слова о полку Игореве», выяснить, в какой степени древнерусские князья были заинтересованы в заключении военно-политических союзов с кочевниками. Материалами для написания статьи послужили древнерусские летописи, а также ряд историографических исследований. В качестве методологических основ использовался комплекс важнейших принципов: принципы научности, системности, историзма и комплексности.

Различные аспекты отношений Руси с кочевниками были предметом внимания историка В. Н. Татищева. Эти отношения рассматривались, в первую очередь, через призму неблагоприятного влияния кочевников, в первую очередь половцев, на экономику страны (набеги, участие в княжеских усобицах) и ее политическое развитие. Половцы оценивались как народ «заведомо дикий» [1]. Данная тенденция была продолжена в работах классиков российской историографии вопроса – С. М. Соловьева, а затем В. О. Ключевского. Они видели в степняках только отрицательный фактор для судьбы Руси [2].

П. В. Голубовский и позднее В. Г. Ляскоронский уже специально занимались взаимоотношениями кочевников с Русью. В основном они были заинтересованы феноменом взаимоотношений половцев с новгород-северскими князьями, рассматривая их в различных аспектах [3; 4].

Хронологический период конца X – конца XI в. для Древнерусского государства, с одной стороны, можно охарактеризовать как время отражения многочисленных и интенсивных печенежских набегов, а, с другой стороны, наметилось ослабление объединительной тенденции на Руси. Следует заметить, что еще при жизни князя Владимира Святославича, крестителя русских земель, начало происходить усиление сепаратистских тенденций, инициаторами которых стали сыновья князя Владимира [5, с. 10].

Анализируя сведения летописца «Повести временных лет» следует сказать, что первоначальные зачатки к последующей политической раздробленности Руси начали формироваться после смерти великого киевского князя Владимира Святославича. После смерти князя в 1015 г. его сын

Святополк Владимирович начал вести со своими братьями ожесточенную борьбу за стольный город Киев [5, с. 13]. В это время Киев еще оставался самым важным политическим центром Древнерусского государства. В связи с этими событиями летопись содержит сведения о привлечении Святополком кочевников-печенегов в ряды своей дружины как союзников в борьбе против своего брата – новгородского князя Ярослава Владимировича, который остался последним соперником в борьбе за киевский престол [5, с. 15]. Данный летописный сюжет подтверждает то, что кочевники не обладали четко выраженной тенденциозностью в отношении древнерусских князей: они часто переходили от конфронтации к сотрудничеству с древнерусскими князьями, если кочевники могли извлечь от этих временных союзов выгоду. Еще в 1008 г. Святополк, владевший Туровской землей по распоряжению своего отца, заключил мир с печенегами. Прямым свидетелем военного союза князя с кочевниками стал польский миссионер Бруно Кверфуртский [6, с. 173–174].

Под 1019 г. в «Повести временных лет» упоминается событие, где сошлись в битве на Альте оба брата, сражение стало решающим и роковым для Святополка «Окаянного», который выступил против Ярослава снова в союзе с печенегами: «В год 6527. Пришел Святополк с печенегами в силе грозной, и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту...» [5, с. 17]. Междоусобная борьба между Ярославом и Святополком Владимировичами продолжалась до 1019 г., которая завершилась блистательной победой Ярослава [5, с. 18]. Примечательным явился и тот факт, что под 1023 г. борьбу против Ярослава Владимировича, уже великого князя киевского, развязал его брат Мстислав Владимирович, который княжил в Тмутаракани. Мстислав выступил со своей дружиной, в которую вошли былые степные враги Руси времен Святослава Игоревича – хазары. Это событие нашло описание в «Повести временных лет»: «В год 6531. Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами» [5, с. 20]. После упадка Каганата хазары в основном осели в приграничных древнерусских княжествах и вовлекались активно князьями в решения своих политических интересов внутри государства. Дальнейшие летописные сведения гласят о том, что военное столкновение обоих князей в итоге вынудило заключить перемирие в 1026 г., которое положило на время конец усобицам на землях Руси [5, с. 22]. Внутриполитическая тактика Ярослава по урегулированию межкняжеских раздоров со своим младшим братом Мстиславом служит примером своеобразной дипломатии того времени. В последующем, при княжении Ярослава в Киеве, прослеживались тенденции консолидации и централизации в государстве.

После смерти великого киевского князя Ярослава Владимировича, прозванного за время правления «Мудрым», в 1054 г. внутриполитическая стабильность Древней Руси сохранилась. Долгое время после кончины князя его сыновья, братья Ярославичи, соблюдали наставление отца, которое было озвучено еще при жизни Ярослава: «Вот я покидаю мир этот, сыновья

мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья... И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов... Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов...» [5, с. 27]. Князя Ярославичи стремились следовать политической философии своего отца, поэтому до 1070-х гг. выступали коалицией, единым военным блоком против своих врагов.

С приходом к границам Древнерусского государства очередного опасного степного врага – половцев, объединительная тенденция князей Ярославичей еще больше укрепилась. Теперь им предстояла задача – отражать частые набеги половцев на древнерусские княжества. Подошли же половцы к границам Руси в 1054 г., это событие нашло отражение в летописи: «Приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод...» [5, с. 27]. Летописец описывал первое столкновение русичей со степняками-половцами вполне спокойно, ведь князю Всеволоду удалось договориться с кочевниками, которые вскоре возвратились к себе в Степь. Первый контакт носил мирный характер.

Одновременно с половецкими набегами терзали Русь орды кочевников-торков, хотя последние к середине XI в. уже не представляли столь сильной угрозы. С целью окончательного разгрома торков был организован совместный поход трех братьев Ярославичей – Изяслава, Святослава и Всеволода. Это событие датируется в «Повести временных лет» 1060 г. [7, с. 53]. Кочевники не смогли оказать сопротивления воинам древнерусских князей и вынуждены были обратиться в бегство. Автор летописи придал этому событию торжественный характер, якобы «избавил Бог христиан от поганых» [7, с. 54]. Летописные своды, созданные на Руси, содержат на своих страницах обобщенное название относительно кочевых народов – «поганые», что, по-видимому, в данном контексте означает «народ другой, не христианской, православной веры», «чужие» либо «враги». Данный довод основательно подкреплён следующим летописным сюжетом.

С 1061 г. контакты половцев с древнерусскими княжествами стали носить не столь мирный характер. 2 февраля 1061 г. кочевники совершили военный набег на Русь, несмотря на усилия князя Всеволода Ярославича, степняки разбили его войско, а затем ушли [7, с. 57]. Это событие негативно повлияло на дальнейшую судьбу государства, недаром сам летописец делает замечание по поводу данного сражения с половцами под руководством хана Искала и описывает последних как «поганых» или же «безбожных» врагов Руси [7, с. 58].

Монах-летописец под 1065 г. начинает вести повествование о небольшой локальной усобице, которая разразилась возле княжеского трона Тмутаракани, когда сын ныне покойного к этому времени князя Владимира Ярославича, внук Ярослава «Мудрого», Ростислав Владимирович изгнал тмутараканского князя Глеба. Тогда же против Ростислава выступил князь Святослав Ярославич, который вынужден был помочь своему сыну Глебу

вернуть престол в Тмутаракани. Удача оказалась на стороне Глеба Святославича, однако ненадолго [7, с. 64]. Данное событие стало новым этапом в развязывании межкняжеских конфликтов на Руси, но в связи с наращиванием интенсивности половецких набегов династия Ярославичей уходит от распри и конфронтации между собой.

Частые набеги половцев дают поставить перед князьями задачу объединиться, чтобы сохранить единство Древней Руси и общими усилиями противостоять врагам для будущего государства. В связи с этим под 1068 г. на р. Альте состоялось крупное противостояние между половцами и братьями Ярославичами, в ходе этой битвы князья потерпели поражение, им не удалось сдержать агрессию со стороны кочевников [7, с. 66].

Период сплоченного сосуществования и единого политического мышления между ведущими древнерусскими князьями был прерван в 1073 г.: «В год 6581. Воздвиг дьявол распрю в братии этой – в Ярославичах...» [7, с. 69]. Ключевой фигурой междоусобного столкновения стал князь Святослав Ярославич, поддавшись искушению власти киевского престола и сговорившись одновременно со своим братом Всеволодом. Братья выступили против князя Изяслава, в результате чего последний вынужден был спасаться бегством и оставить киевский престол. Правление князя Святослава оборвалось в 1076 г. в связи с его смертью, после чего великим киевским князем становится Всеволод Ярославич [7, с. 72].

Летопись свидетельствует о возвращении из Польши князя Изяслава на Русь, чтобы вернуть себе наследственный отцовский престол в Киеве. Между братьями Ярославичами начинается новый период борьбы за власть. В итоге Всеволод и Изяслав сумели отойти от своих княжеских амбиций и заключить перемирие, согласно которому в Киеве снова начинает княжить Изяслав [7, с. 76]. Данные сведения датируются 1077 г.

Очередным этапом привлечения кочевого элемента в качестве военного союзника древнерусского князя стало событие, упомянутое в 1078 г. Тогда князь Олег Святославич решил заключить мир с половцами и призвать их к походу против своего дяди, князя Всеволода Ярославича [7, с. 78]. По-видимому, на такой шаг князь Олег решился исключительно из политических соображений. Ведь после смерти Святослава великим киевским князем стал именно Всеволод, а затем Изяслав и таким образом Олег был исключен из наследования киевского престола.

3 октября 1078 г. произошло крупнейшее сражение древнерусских князей, которое носило междоусобный характер, то была битва на Нежатиной ниве [7, с. 78–79]. По завершению кровопролитной битвы Всеволод смог разбить дружину князей Бориса и Олега, Борис был убит, Олегу Святославичу удалось бежать в Тмутараканское княжество. В этой битве погиб киевский князь, брат Всеволода, Изяслав. Сам летописец с горечью вспоминает об этом трагическом событии: «И нельзя было слышать пения из-за плача великого и вопля, ибо плакал о нем весь город Киев, Ярополк же шел за ним, плача с дружиною своею...» [7, с. 79].

В «Слове о полку Игореве» автор наделяет своеобразным прозвищем князя Олега Святославича и именует его «Гориславичем» [8]. Сравнивая и анализируя известия обоих исторических источников, с одной стороны, «Повесть временных лет», а, с другой, данный памятник древнерусской литературы, то можно прийти к выводу о том, что удостоен князь Олег такого прозвища не случайно: именно с этим князем на Руси ассоциируется образ главного виновника в развязывании активных усобиц и привлечении кочевников на свою сторону против родственных ему древнерусских князей.

В 1079 г. против киевского князя Всеволода Ярославича, который занял престол после смерти брата Изяслава, выступает в союзе с половцами князь Роман Святославич, который приходился ему племянником [7, с. 83]. Однако Роману не удалось осуществить задуманное, а именно отомстить за своего брата Олега Святославича. Всеволод же смог пойти на дипломатический контакт с кочевниками, убедив степняков развернуть свое войско и повернуть обратно в Степь. В результате половцы убили переяславского князя Романа Святославича.

В 1083 г. кочевники предпринимают попытку очередного вмешательства во внутривнутриполитические княжеские распри [7, с. 87]. Инициатива в этот раз исходила непосредственно от самих хазар, которые к этому времени не представляли серьезной военной угрозы для древнерусских княжеств. Хазары стремились заручиться поддержкой князя Олега Святославича, который смог вернуться из ссылки, а также предложили ему помощь по укреплению его власти в государстве. Однако князь Олег отказал хазарам и объявил им войну, в противостоянии с князем хазары проиграли.

Таким образом, взаимоотношения между Древней Русью и Степью невозможно ограничивать только сплошными военными противостояниями, в которых участвовали сообща либо разрозненно древнерусские князья. Зачастую древнерусская княжеская элита шла на мирное, дипломатическое сотрудничество с кочевниками, преследуя главную политическую цель – посредством привлечения многочисленных воинственных орд кочевников усилить влияние своего княжеского удела в государстве, а в дальнейшем возвыситься на Руси, захватив великокняжеский киевский престол в свои руки.

Список использованных источников

1. *Татищев, В. Н.* История российская: в 3 т. / В. Н. Татищев. – М.: АСТ, 2003. – Т. 1. – 2003. – 571 с.; Т. 2. – 2003. – 735 с. – (Классическая мысль).
2. *Соловьев, С. М.* История России с древнейших времен: в 15 кн. / С. М. Соловьев. – Кн. 1. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 811 с.
3. *Голубовский, П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: история юж.-рус. степей IX – XIII вв. / П. В. Голубовский. – Киев: Унив. тип. (И. И. Завадского), 1884. – 254 с.
4. *Ляскоронский, В. Г.* История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия / В. Г. Ляскоронский. – 2-е изд. – Киев: Тип. Н. А. Гирич, 1903. – VII, 425 с.

5. Повесть временных лет / сост. Д. С. Лихачев; ред. В. П. Адрианова-Перетц. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР в Ленинграде, 1950. – (Литературные памятники / АН СССР).

6. *Grabski, A. Boleslaw Chrobry* / A. Grabski. – Warszawa, 1964. – 211 s.

7. Ипатьевская летопись / отв. ред. В. И. Буганов. – [Репр. воспроизведение изд. 1908 г.]. – М.: Яз. рус. культуры: Кошелев, 1998. – 938 стб. – (Полное собрание русских летописей: ПСРЛ; Т. 2).

8. Слово о полку Игореве / под ред. В. П. Адриановой-Перетц; [коммент. Д. С. Лихачева]; АН СССР. – М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. изд-ва АН СССР в Л., 1950. – 46 с. – (Литературные памятники).

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

Ю. Г. Крeпский

Республиканский институт высшей школы, Минск

Yu. Krepsky

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 37(476)(091)"18/19"

ИЕЗУИТСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1773–1820 ГГ.

JESUIT EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE TERRITORY OF BELARUS IN 1773–1820

Представленная статья посвящена проблеме функционирования иезуитских учебных заведений на белорусских землях в последней трети XVIII – начале XIX в. Особое внимание акцентируется на содержании школьных программ, организации учебного и воспитательного процесса, а также роли данных заведений в образовательной системе рассматриваемого периода. Осуществляется анализ деятельности иезуитских учебных заведений в контексте включения белорусских земель в общероссийское политическое и культурное пространство. Автором делается вывод относительно роли монашеских учебных заведений в процессе интеграции отечественной школы в общероссийскую систему образования.

Ключевые слова: Орден иезуитов; коллегium; школьное образование; учебная программа; Полоцкая иезуитская академия;

The presented article is devoted to the problem of the functioning of Jesuit educational institutions in the Belarusian lands in the last third of the 18th – early 19th centuries. Particular attention is focused on the content of school programs, the organization of the educational and educational process, as well as the role of these institutions in the educational system of the period under review. An analysis of the activities of Jesuit educational institutions is carried out in the context of the inclusion of Belarusian lands in the all-Russian political and cultural space. The author draws a conclusion regarding the role of monastic educational institutions in the process of integrating the national school into the all-Russian education system.

Keywords: Jesuit Order; collegium; school education; training program; Polotsk Jesuit Academy.

Функционирование и развитие отечественной системы образования является одним из основных аспектов общественной жизни в стране. Дальнейшее совершенствование деятельности представленной системы не возможно без комплексного изучения и анализа истории образования и школьного дела в Беларуси.

Вопросу функционирования и развития школьного образования последней трети XVIII – начала XIX в., а также роли в нем иезуитских учебных заведений посвящен ряд работ отечественных и зарубежных историков. В дореволюционной российской историографии заслуживают внимания работы М. Морошкина и Д. Толстого. В них авторы акцентируют внимание на историю взаимодействия Общества Иисуса и государственной власти в обозначенный временной период, рассматривают и анализируют деятельность иезуитов в сфере образования [1; 2]. Зарубежная историография рассматриваемой проблемы представлена работой М. Инглота, в которой исследователь, используя широкую базу архивных источников, даёт характеристику деятельности Ордена в сфере образования. Особое внимание акцентируется на содержании учебных программ и пособий, используемых в образовательном процессе, а также анализируется проблема взаимодействия Общества и государственных властей в просветительской сфере [3]. Современная российская и отечественная историография представленного вопроса включает в себя работы А. Андреева и Т. Блиновой. В своих трудах авторы уделяют внимание особенностям функционирования монашеской организации в Российской империи, ее взаимодействие с государственной властью, анализируют специфику деятельности их учебных заведений [4; 5]. В процессе изучения проблемы взаимодействия иезуитских образовательных учреждений и государственных властей в западных губерниях заслуживают внимания опубликованные исторические источники, отражающие специфику развития системы образования представленного периода. К таковым, прежде всего, необходимо отнести трехтомный Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения и Полное собрание законов Российской империи [6–9].

Несмотря на значительное количество исследовательских работ, посвященных истории деятельности Ордена иезуитов в Российской империи, влияние их учебных заведений и педагогической практики на проблему интеграции отечественной школы в общероссийскую систему образования так и не стало отдельным предметом изучения в историографии. Данный аспект в значительной степени определяет актуальность предложенного исследования.

Целью представленной работы является анализ специфики функционирования образовательных учреждений Ордена иезуитов в контексте интеграции отечественного просветительского дела в общероссийскую образовательную систему.

Для рассматриваемого исторического периода характерна активизация деятельности царских властей, которая была направлена на усиление соб-

ственного влияния в землях бывшей Речи Посполитой. Ее осуществление происходило, в том числе и через включение местных учебных заведений в общегосударственную систему образования. Представленный фактор в значительной степени обусловил и предопределил содержание и характер деятельности учебных заведений Ордена в крае [10, с. 230].

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., на территории Российской империи оказались иезуитские школы в Полоцке, Динабурге, Орше, Витебске, Могилеве и Мстиславле [2, с. 18]. Монахи Общества Иисуса, раньше других католических орденов, действовавших на присоединенных землях, принесли присягу российской императрице. Этот факт позволил им сохранить свое положение и значительное влияние на просвещение в белорусских землях. Екатерина II фактически стала покровителем иезуитов, разрешив им осуществлять духовную и педагогическую деятельность вопреки булле Климента XIV, принятой в 1773 г. [2, с. 19]. Таким образом, учебные заведения Общества Иисуса на востоке Беларуси продолжали функционировать. В 1774 г. императорский указ закрепил за Орденом право содержать школы и преподавать согласно собственному уставу [7, с. 892].

Главным центром общественной и педагогической деятельности иезуитов в рассматриваемый период оставался Полоцк. В 1773 г. – время запрещения деятельности Ордена Ватиканом, в городе находилось более 90 членов монашеского объединения. Главным учебным заведением в это время оставался Полоцкий коллегиум, образовательный курс которого был составлен в соответствии с действующим уставом и состоял из ряда элементарных, богословских и философских дисциплин [3, с. 95].

В первой половине 1780-х гг. перечень преподаваемых курсов был расширен. Уже в 1783 г. к перечню изучаемых предметов добавились иностранные языки – немецкий и французский (исключение составлял только коллегиум в Орше, где преподавался лишь немецкий язык). Тем не менее перечень изучаемых дисциплин отличался в зависимости от учреждения. Примером являлся Полоцкий коллегиум, где воспитанникам преподавалась архитектура, тогда как в других заведениях эта дисциплина не изучалась. Различия наблюдались в объеме и времени изучения отдельных предметов. Также в Полоцке осуществлялась подготовка духовников Ордена. В рассматриваемый период здесь проходили подготовку 24 клирика, параллельно в Оршанском коллегиуме обучались будущие преподаватели риторики [5, с. 131]. В 1784 г. в Полоцком коллегиуме вводится преподавание русского языка. Представленное учебное заведение остается крупнейшим в регионе. Численность учащихся в других иезуитских школах была также довольно значительной. Так, в Мстиславле и Могилеве обучалось по 160 человек в каждом заведении. Все коллегиумы, за исключением Оршанского, располагали собственными конвиктами [5, с. 131].

В 1784 г. педагогическую деятельность в среде полоцких иезуитов начинает инициативный словенец Габриэль Грубер. Талантливый ученый

инициировал расширение преподавания математики, естественных наук и архитектуры, что нашло отражение в новом учебном плане [3, с. 98–100]. В этом же году Екатерина II вызвала троих иезуитов для ознакомления последних с организацией и деятельностью школ в Петербурге. В последствии планировалось осуществить реформирование коллегиумов именно по образцу данных заведений, основанных в соответствии с теориями австрийских педагогов Иоханна Фелбигера и Теодора Мирево. В октябре 1785 г. генерал-губернатор Петр Пассек от имени императрицы обратился к иезуитам с предложением изменить построение учебно-воспитательного процесса, избрав в качестве образца российские учебные заведения. С этой целью в Полоцке была образована специальная комиссия, которая должна была разработать новый учебный план, подготовить новые учебные пособия и внести изменения в существующую систему иезуитского образования. Комиссия завершила свою работу к началу октября 1786 г. – было решено существенно увеличить объем преподавания точных наук и современных языков, а также ввести повсеместное изучение русского языка, истории и географии. Таким образом, к 1786 г. учебный план школ Ордена предусматривал изучение латыни, истории Библии, катехизиса, правописания русского языка, правил арифметики и географии в первом классе. Обучение на втором и третьем году предполагало знакомство с алгеброй и геометрией, географией, историей и основами морали. В заключительных классах воспитанники дополнительно изучали механику и физику, онтологию и логику, астрономию и высшую математику, архитектуру. Таким образом, структура учебного курса становилась более четкой, унифицировался объем изучаемых дисциплин [3, с. 141–144]. Значительная часть учебных курсов преподавалась на русском языке.

Необходимо отметить, что изменение учебного устава Ордена и введение в образовательный процесс русского языка происходило не только по причине стремления иезуитов к демонстрации своей лояльности властям. Данное обстоятельство свидетельствовало о желании Общества расширить свое влияние на неkatолическое население. Помимо этого, ускорение интеграции школ Ордена в общероссийскую систему образования позволяло им сохранять доминирующее положение в деле просвещения на белорусских землях, входивших в состав Российской империи. Для достижения представленных целей иезуиты приглашали в собственные коллегиумы местных священников, которые должны были преподавать закон Божий воспитанникам различных конфессий [6, с. 557–566, 571–592].

Тем не менее процесс интеграции иезуитских учебных заведений в общероссийскую образовательную систему, как и начало преподавания ряда дисциплин на русском языке, являлись скорее символическими. Внутренний школьный устав по-прежнему уделял значительную часть времени латыни, сохранялся польский язык преподавания различных предметов. Русский язык так и не стал обязательным курсом для воспитанников иезуитских школ. В 1786 г. в Полоцке из 280 воспитанников эту дисциплину

осваивали только 85 учеников (в это же время французский язык – 54, немецкий – 48) [1, с. 412].

После вступления на российский престол императора Павла I положение иезуитов и их учебных заведений на белорусских землях оставалось стабильным. Новый монарх высоко ценил педагогическую деятельность Ордена, что позволяло последним укреплять свое влияние на образование. При поддержке императора Общество Иисуса получило признание Рима и фактически было легализовано в России принятой в 1801 г. буллой Пия VII. В этом же году иезуиты открыли первую школу в Санкт-Петербурге, возглавил которую Г. Грубер. Деятельность последнего в столице в значительной степени повлияла на решение российских властей передать Виленскую академию и ее имущество Ордену [5, с. 137]. В августе 1800 г. Г. Груберу было приказано отправиться в Вильно, чтобы осмотреть академию и составить отчет о состоянии образования в регионе. После его возвращения Павел I издал указ, который гласил: «Доверить иезуитам воспитание юношества во всей Литве, включая Виленскую академию...» [8, с. 339]. Для осуществления данного указа иезуитам необходимо было составить списки своей бывшей собственности по губерниям и передать их местным властям, которые, в свою очередь, были обязаны возвратить Ордену все имущество. Данное решение привело к серьезному конфликту Общества с администрацией Виленской академии в лице ректора И. Стройновского [11, с. 6]. Таким образом, систему организации народного просвещения в крае ждала серьезная трансформация. Роль и значение иезуитов в данной системе также должна была претерпеть изменения. Тем не менее, учитывая свое положение и возможности, Орден все же не мог претендовать на роль единственной организации, которая бы управляла всей системой образования на белорусских землях. В итоге иезуиты вынуждены были обратиться к властям с просьбой о переносе срока возврата им имущества (в том числе учебных заведений) на май 1801 г. [3, с. 152]. Представленный проект трансформации образовательной системы в крае так и не был осуществлен. После смерти Павла I на престол вступил Александр I, который имел собственные планы по реформированию страны, в том числе планировалось и создание общегосударственной системы образования. Что касается иезуитов, то им запрещалось организовывать новые учебные заведения без уведомления и согласия царских властей. Виленская академия также сохраняла свою самостоятельность [8, с. 619].

Важным событием, повлиявшим на процесс включения иезуитских учебных заведений в общероссийскую систему образования, станет организация собственного высшего учебного заведения – Полоцкой иезуитской академии. Представленное учреждение было открыто в январе 1812 г., в соответствии с указом Александра I. Основанное на месте коллегиума, учебное заведение фактически приравнивалось по статусу к российским университетам, обладая идентичным набором прав и привилегий. Царский указ предусматривал четкую регламентацию деятельности учебного

заведения. Предусматривалось подчинение всех иезуитских школ образованной Академии. Министерство Просвещения осуществляло контроль над содержанием учебных программ и организацией воспитательного процесса [9, с. 10–11]. Весной 1812 г. был принят Устав Полоцкой Академии, который предусматривал наличие трех факультетов – богословского, философского и языкового. Обучение на языковом факультете длилось три года, на философском и богословском – четыре [5, с. 149–151]. Регламентация деятельности Академии, ее подчинение Министерству Просвещения, свидетельствуют об усилении попыток Петербурга ускорить процесс интеграции католических учебных заведений в общероссийскую систему образования.

Что касается школ, принадлежавших Ордену, то их влияние на образовательные процессы в крае по-прежнему оставалось существенным. Так, в Витебской губернии до основания Полоцкой академии в 1812 г. было четыре иезуитских учебных заведения (в Полоцке, Витебске, Усвятах и Динабурге). Численность учащихся в это время составляла: в Полоцке – 200, в Витебске – 100, в Динабурге – свыше 60 воспитанников [12, л. 17]. Все иезуитские коллегии были руководствовались единым учебным планом с идентичным набором дисциплин. Срок обучения в них составлял в это время 6 лет, в течение которых изучались как классические предметы, так и логика, механика, физика, математика и иностранные языки [13, л. 46].

Таким образом, отношение российских властей к иезуитским учебным заведениям на белорусских землях изменялось в соответствии с целями общегосударственной политики в сфере образования. Во время правления Екатерины II Общество и подчиненные ему школы получили возможность продолжать деятельность в крае, что соответствовало и интересам государственной власти – сохранялась сеть учреждений, обеспечивающих достаточно качественное образования для своего времени. Пользуясь зависимостью Ордена, царским властям удалось начать процесс интеграции монашеских учебных заведений в общероссийскую образовательную систему. Первыми шагами на этом пути станут изменения во внутреннем учебном уставе, предусматривавшие расширение преподавания естественных дисциплин, иностранных и русского языков. Тем не менее иезуитские школы в рассматриваемый период сохраняли значительную самостоятельность и собственную специфику, что подтверждается сохранением значительного объема преподавания латыни и польского языка.

С приходом к власти Павла I, позиции Ордена в сфере школьного образования еще больше упрочились. Государственная власть планировала использовать иезуитов в качестве собственного инструмента, посредством которого планировалось осуществлять контроль и влияние на все народное образование в границах присоединенных территорий. Доказательством этого служат намерения переподчинить Обществу Иисуса все учебные заведения в крае, в том числе и Виленскую академию. Иезуиты пользовались в это время особым царским покровительством и при поддержке властей сумели

добиться фактической легализации своей деятельности перед лицом Ватикана. Только отсутствие необходимых ресурсов и скоропостижная смерть императора не позволили реализовать представленные проекты трансформации образовательной среды.

Во время правления Александра I государственная политика в отношении иезуитских учебных заведений изменяется. Им запрещается открывать новые школы без согласования, вводится контроль над содержанием учебного материала. Данное обстоятельство объясняется желанием российских властей создать единую государственную систему образования. Наличие же полуавтономных монашеских школ плохо вписывалось в представленный проект и препятствовало осуществлению интеграции местных учебных заведений в общеимперскую образовательную систему. Тем не менее влияние Ордена на просветительское дело в крае оставалось сильным, что подтверждается созданием собственного учреждения, равного по статусу российским университетам – Полоцкой иезуитской академии. Данное учебное заведение будет оставаться ключевым в монашеской образовательной системе на белорусских землях до 1820 г., когда Орден был изгнан из Российской империи.

Таким образом, вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют о значительном внимании государственных властей к вопросу интеграции иезуитских учебных заведений на белорусских землях в общероссийскую систему образования. В зависимости от конкретного исторического периода монашеские заведения сохраняли различную степень автономности в вопросах организации образовательного процесса, оставаясь ведущими просветительскими центрами в крае. Педагогическое наследие Ордена, принципы функционирования его школьной системы, оказали значительное влияние как на общегосударственную политику в вопросах развития просветительского дела, так и на процесс формирования системы образования в целом.

Список использованных источников

1. *Морошкин, М. Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени: в 2 ч. / М. Я. Морошкин. – СПб.: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1888. – Ч. 2.
2. *Толстой, Д. А.* Римский католицизм в России: историческое исследование графа Д. А. Толстого: в 2 т. / Д. А. Толстой. – СПб.: Издание и типография В. Ф. Демакова, 1876–1877. – Т. 2.
3. *Инглот, М.* Общество Иисуса в Российской Империи и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире / М. Инглот. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 632 с.
4. *Андреев, А. Р.* История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI – начало XIX века / А. Р. Андреев. – М.: Русская панорама, 1998. – 288 с.
5. *Блинова, Т. Б.* Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 425 с.

6. Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения: в 3 т. – СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1875–1876. – Т. 1. – 1875. – 1006 с.

7. Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. – 1-е изд. – СПб.: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1830. – Т. 19.

8. Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. – 1-е изд. – СПб.: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1830. – Т. 26.

9. Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. – 1-е изд. – СПб.: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1830. – Т. 32.

10. *Крепский, Ю. Г.* Полоцкая иезуитская академия (1812–1820 гг.) / Ю. Г. Крепский // Религия и общество – 17: сборник научных статей / под общ. ред.: В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, Э. В. Старостенко. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2023. – С. 230–233.

11. *Самусік, А. Ф.* Становішча адукацыйнай справы на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XIX стагоддзяў / А. Ф. Самусік // Весці БДПУ. – 2007. – Сер. 2. – № 3. – С. 3–7.

12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1. Д. 1.

13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1924. Оп. 1. Д. 20.

(Дата подачи: 23.02.2024 г.)

A. H. Kuksa

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. Kuksa

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 378.662(476)

ИСТОРИОГРАФИЯ ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ БЕЛАРУСИ 1920–1930-Х ГГ.

HISTORIOGRAPHY OF THE HIGHER TECHNICAL SCHOOL OF BELARUS IN THE 1920S AND 1930S

Статья посвящена историографии вопроса становления высшей технической школы в один из самых сложных периодов белорусской государственности. Автор указывает, что одним из первых проектов высшей школы стал Белорусский государственный политехнический институт (БГПИ). Первым историографом вопроса был ректор БГПИ Н. К. Ярошевич, а также его заместители и преподававшие в вузе видные деятели С. Ф. Ковалик, А. А. Цибарт и др. Особенно необходимо выделить воспоминания первого ректора БГУ В. И. Пичеты.

Ключевые слова: высшая техническая школа; индустриальный техникум; политехникум; Всебелорусский съезд; Белорусская народная республика; Белорусская советская республика; Белорусский государственный политехнический институт.

The article is devoted to the historiography of the formation of the higher technical school in one of the most difficult periods of the Belarusian statehood. The author points out that one of the first projects of the higher school was the Belarusian State Polytechnic Institute (BSPI).

The first historiographer of the issue was the rector of the BSPI, N. K. Yaroshevich, as well as his deputies and prominent figures who taught at the university, S. F. Kovalik, A. A. Tsibart and others. It is especially necessary to highlight the memories of the first rector of BSU V. I. Picheta.

Keywords: higher technical school; industrial college; polytechnic; All-Belarusian Congress; Belarusian People's Republic; Belarusian Soviet Republic; Belarusian State Polytechnic Institute.

Одними из первых актуализировали необходимость создания высшей школы в Беларуси земства, городские управы и национальные деятели. В вихре революционного 1917 г. не проходило ни одного съезда, собрания, манифестации и публичной лекции, на которых бы не поднимался вопрос о создании белорусского вуза. Так, И. Ю. Лёсик требовал для белорусского народа автономии в составе Российской империи, так как только таким путем можно вернуть краю, заселенному народом «со светлой и великой историей» [1, с. 13] высшие учебные заведения. О ключевом значении в решении Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. в вопросе открытия Белорусского университета, сельскохозяйственного института и Политехникума писал Е. С. Канчер [2].

Первый проект белорусского университета в Москве реализовал Белнацком. Непосредственный участник этих событий, заведующий культурно-просветительным отделом Белнацкома Ф. Ф. Турук, был привлечен и к организации университета в Минске, подготовив обширную статью о предыстории создания БГУ [3]. В книге «Белорусское движение» [4] он указывал на актуальность вопроса организации системы образования, но не затронул высшую школу.

После второго провозглашения ССРБ в июле 1920 г. удалось впервые приблизиться к реализации проектов высшей школы. В декабре 1920 г. в Минске открыл двери для студентов БГПИ, а в июле 1921 г. состоялось торжественное заседание в честь основания БГУ. В сентябре 1921 г. правительство ССРБ задумалось об издании первого сборника, посвященного «образцовым учреждениям». Издание сборника было поручено профессору С. З. Каценбогину. В сборнике «Советская Белоруссия» основное место было отведено отчетам народных комиссариатов. Но наряду с этим были размещены материалы Ф. Ф. Турука о БГУ и статья «Белорусский политехнический институт» [5].

Ректор БГПИ Н. К. Ярошевич и его заместитель С. В. Тулисов в 1922 г. подготовили статью в журнал «Народное хозяйство Белоруссии» [6]. Усилия организаторов первого высшего технического вуза не прошли зря. В Минск хлынула молодежь не только из белорусских земель, но и из России и оккупированной польскими войсками Западной Беларуси. Всего насчитывалось 732 студента, в том числе 61 женщина [6, с. 87]. О том, насколько техническое образование было актуальным для Советской России, свидетельствуют и первые издания, посвященные вопросам развития профессионально-технического образования [7].

Весть об открытии БГПИ разлетелась за пределы Беларуси и в Минск пытались перевестись студенты из Петербурга, Москвы, Киева, Риги и вузов других городов. Переводы в основном мотивировались тяжелым материальным положением, но уже весной 1921 г. появились заявления с мотивировкой «для пользы Советской власти», «на благо человечества», «для Социалистической Советской Республики» [8] и т. д. Возросло количество заявлений с рекомендациями, характеристиками и направлениями, в которых говорилось о «благонадежности» и «честности» человека к советской власти.

В журнале пролетстуда за 1924 г. Я. Шапиро о БГУ и БГПИ пишет как о высших школах, которые «призваны волею исторических судеб играть роль единственного культурного центра, очага науки во всей этнографической Белоруссии. Сюда стекаются из рабочих кварталов и глухих уголков деревень Белоруссии (не укрупненной), Витебщины, Могилевщины, Смоленщины и закордонной Белоруссии сотни и тысячи той молодежи, для которой высшее образование было недоступно» [9, с. 15].

Председатель Исполнительного бюро Белорусского государственного института сельского хозяйства (БГСХИ) О. Кремер свою статью начал со слов «Институт сельского хозяйства в Белоруссии был построен в 1922 г. на развалинах закрытого в это время Политехникума. Студенчеству Политехникума была предоставлена возможность перевестись в любое высшее учебное заведение РСФСР. Много студентов, имевших малейшую возможность уехать, перевелось в разные высшие учебные заведения Москвы и Питера. Большая часть осталась в Минске, не имея возможности никуда уехать, и была зачислена приемочной комиссией на 1-й и 2-й курс СХИ» [9, с. 16].

Сложные перипетии становления высшей школы в Беларуси были обусловлены как экономическими проблемами, так и продолжавшейся борьбой за власть. В этом отношении представители советской власти неожиданно для себя встретили сопротивление со стороны профессоров и студентов. Наиболее резонансным стал конфликт с МВТУ в 1921 г., вылившийся в сокращение сети вузов, вытеснение представителей других партий и чистку среди студентов. Студенты обвинялись в выступлении против революции «во имя восстановления самодержавия», что заставило Советы пойти в 1922 г. на реформирование высшей школы и на создание нового студенчества, стремясь «завоевать высшую школу для пролетариев и крестьян». В то же время нарком просвещения А. В. Луначарский видел в университетах «лабораторию по выработке интеллигенции», которые должны были подготовить обществу «работников мозга, т. е. его идеологов и его техников» [10, с. 11]. Роль техника, по его мнению, сводилась к обеспечению экономического роста человечества, изобретению и усовершенствованию орудий труда «опережающих свой век».

Заместитель наркома просвещения В. Н. Яковлева объяснила суть реформы, проводимой большевиками, как необходимость подготовки «не про-

сто знающих специалистов, но работников, понимающих общие задачи социалистического строительства» [11, с. 21]. В положении о вузах от 22 июля 1922 г. управление было построено на «комбинации принципов выборности и назначения, с перевесом в сторону последнего. Это положило конец той «автономии» высшей школы, которая была введена «после падения царизма». Это решение В. Н. Яковлева объясняла необходимостью подчинения высшей школы государству, «его потребностям и его заданиям».

Ректор БГСХИ А. Т. Кирсанов в 1922 г. указывал на то, что в Минск благодаря БГПИ и университету прибыло большое количество профессоров. Так, если в 1921 г. в БГПИ было 6 профессоров, то в БГСХИ в 1922 г. уже работало 7 и велись успешные переговоры с новыми [12, с. 3]. Так, свое согласие на переезд в Минск дал профессор И. И. Кулагин. БГСХИ получил от БГПИ болотный геодезический кабинет – «кабинет, который теперь нельзя создать в короткий срок ни за какие миллиарды» [13, с. 3]. А также лесной кабинет, часть химического оборудования, материалы для работ по микроскопии и по сельскохозяйственным машинам, музей, библиотеку и т. д.

Таким образом, в историографии 1920-х гг. освещаются попытки белорусских национальных деятелей, общественных организаций, земств и городских управ актуализировать вопросы открытия университета, политехникума и сельскохозяйственного института в период Российской империи, Временного правительства и Советской России. Эти проекты находили поддержку у представителей Министерства народного просвещения и других ведомствах, но не были реализованы. Тем не менее работа Всебелорусского съезда показала, что общественность решительно настроена на реализацию проекта высшей школы в Беларуси. Поддержку эти проекты получили и со стороны Советской России. Установление мира и второе провозглашение ССРБ в июле 1920 г. придали импульс работе по созданию высшей школы, который завершился открытием первого высшего технического вуза в Беларуси (декабрь 1920) и первого университета (октябрь 1921).

Но уже вскоре, ввиду экономических и политических причин, БГПИ был реорганизован в БГСХИ. Официальным обоснованием процессов сокращения числа вузов стали экономический кризис, голод в Поволжье и переход к НЭПу, в основу которого ложился принцип хозрасчета. В итоге в ССРБ прошла денационализация промышленности, в результате из-под контроля СНХБ вышло более $\frac{3}{4}$ всех предприятий и было сделано заявление о том, что важных для государства предприятий не осталось. БГПИ был реорганизован в сельскохозяйственный институт, который взял под свою опеку комиссар земледелия А. С. Славинский, а Н. К. Ярошевич в 1923 г. уехал работать в Ташкент для организации первого университета для всей Средней Азии.

Дальнейшие события в Беларуси менее освещены, так как высшее техническое знание население могло получать в вузах России и Украины,

а также точно в БГСХИ, Рабочем техникуме имени Троцкого и БГУ, а основная масса обучалась в нескольких индустриальных и сельскохозяйственных техникумах. В материалах белорусских архивов отложился материал, который свидетельствует, что инженеров в БССР катастрофически не хватало. Особенно осложнилось положение после укрупнений в 1924 г. и в 1926 г., когда территория и население Беларуси увеличились практически вдвое. Те квоты для Беларуси, которые предоставлялись в технических вузах России и Украины, не позволяли закрыть внутренние потребности, большая часть не возвращалась в республику, что актуализировало вопросы создания белорусского студенческого землячества в Ленинграде, Москве и Киеве. Деятельность землячеств показала, что белорусы сталкивались с большими культурными и материальными проблемами, а в дальнейшем распределялись решением коммунистических секций вузов, без учета их мнения. В это время бывшие преподаватели БГПИ продолжали работать в БГСХИ, БГУ и техникумах. Ряд работников добились высоких достижений: А. Д. Дубах стал академиком БАН, А. А. Сенкевич как член секретариата КП (б) Б представлял Беларусь на I Всесоюзном съезде по техническому образованию и т. д.

Второй этап в историографии высшей технической школы связан с процессами провозглашенного курса И. В. Сталиным «догнать и перегнать» страны Западной Европы и США. В газетах «Советской Белоруссии», «Республике» и др. поднимались вопросы о необходимости возрождения технического вуза в Беларуси. В 1928 г. обсуждался вопрос о создании в Минске политехникума, что вызвало слухи о возрождении БГПИ, но был создан техникум. Вопросы индустриализации, по всей видимости, подтолкнули к попыткам переосмысления прошлого тех, кто успел в 1920-х гг. поработать в БГПИ.

Ректор БГУ В. И. Пичета впервые затронул вопросы высшей технической школы в 1928 г. в изданиях «Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта» [14] и «Советское строительство» [15]. Автор писал о том, что для создания БГПИ в Беларуси не существовало подготовленной почвы (отсутствовали кадры, оборудованные лаборатории, учебные классы и т. д.). В итоге всей этой совокупности проблем БГПИ в 1922 г. был реорганизован в БГСХИ. Но той положительной роли, которую он сыграл для молодой Беларуси, не мог не заметить видный историк и первый ректор БГУ В. И. Пичета, который только в 1928 г. смог написать такие строки: «...дзяржаўны палітэхнікум адыграў сваю значную ролю. Яго задачы і мэты былі звязаны з рэальным жыццём, а моладзь, пазбаўленая магчымасці па-ступіць у іншыя вучэбныя вышэйшыя ўстановы, напоўніла яго аўдыторыі і адносілася да свае працы з вялікім энтузіязмам. Апрача таго, палітэхнікум, ідучы насустрач жыццю і адчуваючы біццё пульсу рэвалюцыйнай эпохі, адчыніў дзверы для ўсіх працоўных» [15, с. 138].

По мнению В. И. Пичеты, который в условиях своего времени, как и многие другие, не поднимал политических вопросов, для работы БГПИ

не было реальной социально-экономической почвы. Тем самым в белорусскую историографическую традицию была введена формулировка, которая бытует до сегодняшнего дня о том, что технические факультеты были ненужны, что лаборатории не были оборудованными, а кафедры «недостаточно были обеспечены педагогическими кадрами» [16, с. 64].

На склоне своих лет нашел пристанище в БГПИ и известный ученый-якутовед, кандидат математических наук и видный анархист, выходец из могилевского дворянского рода С. Ф. Ковалик. С 1920 г. начал преподавать высшую математику в Политехническом институте, о чем оставил небольшие воспоминания в своей книге [17]. Относительно БГПИ С. Ф. Ковалик ограничился всего лишь упоминанием о тяжелом положении студенчества. Даже год реорганизации БГПИ он осветил как событие, которое якобы плохо помнит. Что очень странно, так как события сибирской ссылки и процесса 193-х, освещаются как вчерашний день, а события 6-летней давности уже как смутно вспоминаемые.

Определяющей можно назвать работу наркома просвещения БССР А. М. Платуна, начавшего работу над возрождением БГПИ. Новый виток в развитии системы инженерного образования он связывал с XV съездом партии и ноябрьским пленумом ЦК ВКП (б) 1929 г., остро поставившими вопрос «о подготовке кадров» [18, с. 5]. Из-за резко изменившейся политики в области высшей школы (дело «Союза освобождения Беларуси») вне текста оказались перипетии восстановления БГПИ в 1929 г. и его дробления в июле 1930 г. на мелкие технические вузы. По его данным, в 1926/27 учебном году было 4 вуза (ни одного технического), а в 1931 г. уже 12 вузов (из них 5 втузов) и 25 промышленных техникумов.

К 1 января 1932 г. в БССР уже было открыто 26 вузов, из них 7 втузов. В это время произошло усиление материальной базы белорусских вузов: введен в эксплуатацию Университетский городок, приступили к возведению Строительного комбината на Комаровке, а в 1931 г. завершили строительство здания техникума связи. В резолюции I Всебелорусского партийного совещания по кадрам были одобрены контрольные цифры на 1932 г. – «рост вузов до 32 с доведением количества учащихся до 17 092» [19, л. 160].

Но подобное массовое открытие вузов с узкой специализацией не привело к ожидаемому эффекту. Недостаточность обеспечения вузов кадрами, лабораториями и учебно-методической литературой обусловили слабость учебного процесса. В 1932 г. данный подход был подвергнут острой критике, в результате чего произошел переход к укрупнению вузов. В 1934 г. появились обобщающие работы, в которых подводились первые итоги реформы высшей технической школы от 19 сентября 1932 г. в СССР. В работе академика Г. М. Кржижановского [20] констатировался стремительный рост количества высших технических учебных заведений, которые, по его мнению, были лучше организованы, чем аналогичные институты в США. Ему вторил и профессор А. М. Беркенгейм [21], который поддал критике

итоги реформы 1930–1932 гг. по дроблению технических вузов на узкие специализации, непрерывного образования и практики, смены количества учебных часов и читаемых дисциплин, лабораторно-бригадного метода и т. д. Указывая на острый кризис с помещениями в старых вузах, отметил основательное здание, построенное в Минске для БГПИ. Продолжил в этом же духе и профессор И. И. Куколевский, который отметил огромное положительное влияние на высшую школу самого факта создания Комитета по высшему техническому образованию [22].

В 1934 г. появилась монография по истории МВТУ А. Ямского [23], в которой отмечено, что «ни одна страна в мире не знала и не знает такого бурного роста технического образования». Отметил роль Всесоюзной конференции пролетарского студенчества в 1925 г., на которой И. В. Сталин поставил три основные задачи: студенчеству стать сознательным строителем социалистического хозяйства и культуры; чувствовать неразрывную связь с трудящимися массами и вести себя как подлинники общественники; понять необходимость овладения наукой и овладеть ею. Июльский 1928 г. и ноябрьский 1929 г. пленумы назвал ключевыми в обращении государства лицом к вопросу подготовки кадров для производства. Указал на положительный итог всесоюзного социалистического соревнования между вузами, первым победителем которого стал МВТУ. Благодаря этому улучшилась материально-техническая база вузов, жилье и питание студентов, обеспечение учебниками и учебно-методической литературой.

На острую необходимость в расширении высшего технического образования в Беларуси указывал А. Е. Бейлин [24], который привел статистику, в соответствии с которой отмечалась чрезмерная концентрация инженеров в РСФСР 83,3 %, в том числе в Москве и Ленинграде 44,4 %. В то же время инженерно-технические кадры в Украине составляли 15,9 %, а в Беларуси всего 0,8 %. В самих же вузах и научных учреждениях кадры, сформировавшиеся до революции, составляли около 60 % [25].

Таким образом, в историографии 1920–1930-х гг. освещен широкий спектр вопросов организации, реорганизации и построения высшей технической школы. Специфика времени, политическая обстановка, проходившая в атмосфере пролетаризации вузов, борьбы со старыми профессорами и т. д. отложила свой отпечаток на тех моментах, которые попали в поле зрения современников. К сожалению, остались не освещенными многие ключевые моменты первых шагов высшей школы в Беларуси, проектов организации факультетов и подбора специалистов. Одна из самых ярких личностей на политическом небосклоне Беларуси Н. К. Ярошевич был направлен в Ташкент для организации университета. Не менее интересны личности его заместителей, профессоров и доцентов, но в историографии эти моменты освещены очень фрагментарно. Тем не менее 1920–1930-е гг. ознаменовались реализацией первого проекта высшей технической школы, правопреемник которой Белорусский национальный технический универ-

ситет достиг на сегодняшний день статуса национального университета Республики Беларусь и базового вуза стран СНГ по технико-технологическому профилю.

Список использованных источников

1. *Лёсік, І. Ю.* Аўтаномія Беларусі / І. Ю. Лёсік. – Мінск: выданьне «Вольнае Беларусі», 1917. – 16 с.
2. *Канчер, Е. С.* Белорусский вопрос: Сборник статей / Ев. Ст. Канчер. – Петроград: Белорус. отд. Ком. по делам национальностей С.К.С.О., 1919. – 132 с.
3. *Турук, Ф. Ф.* Университетская летопись / Ф. Ф. Турук // Труды БГУ в Минске. – Минск: БГУ, 1922. – № 1. – С. 175–207.
4. *Турук, Ф. Ф.* Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Ф. Турук. – М.: тип. под/отдела Инвалидов, 1921. – 144 с.
5. Белорусский политехнический институт // Советская Белоруссия. – Минск: Гос. изд. ССРБ, 1921. – 307 с.
6. Исторический очерк Белорусского Государственного Политехнического Института // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 3. – С. 83–87.
7. *Козелев, Б. Г.* Профессионально-техническое образование пролетариата и союзы / Б. Г. Козелев; Всерос. центр. сов. проф. союзов. – М.: Гос. изд., 1920. – 31 с.; Профессионально-техническое образование в России за 1917–1921 гг. / Гл. ком. проф. техн. образования (Главпрофобр). – М.: Госиздат, 1922. – 100 с.
8. НАРБ. – Ф. 210. – О. 1. – Д. 10. Заявления лиц, желающих поступить в институт.
9. *Шапиро, Я.* Вузы и рабоче-крестьянская молодежь Белоруссии / Я. Шапиро // Голос пролетарского студенчества. – 1924. – № 1. – С. 16.
10. *Луначарский, А. В.* Студенчество и контрреволюция / Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. – Пг.: Изд. комиссии помощи пролетарскому студенчеству Всерос. центр. совета профессиональных союзов, Центр. комитетов профсоюзов и Междунар. ком. рабочей помощи, 1923. – С. 11.
11. *Яковлева, В. Н.* Организация высшей школы / Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. – Пг.: Изд. комиссии помощи пролетарскому студенчеству Всерос. центр. совета профессиональных союзов, Центр. комитетов профсоюзов и Междунар. ком. рабочей помощи, 1923. – С. 21.
12. *Кин, М.* «Белорусский институт сельского хозяйства» (беседа с ректором института А. Т. Кирсановым) / М. Кин. – Звезда. – № 239 (1240). – Воскресенье 8 октября 1922. – С. 3.
13. *Кирсанов, А. Т.* Белорусский институт сельского хозяйства / А. Т. Кирсанов. – Звезда. – № 263 (1264). – 5 ноября 1922. – С. 3.
14. *Пічэта, У. І.* Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым / У. І. Пічэта // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1928. – № 19. – С. 3–19.
15. *Пічэта, У. І.* Савецкая ўлада і пытаньне аб адчыненні ўніверсітэту на Беларусі / У. І. Пічэта // Советское строительство. – 1928. – № 6. – С. 137–144.
16. *Дубовик, А. К.* Становление высшего технического образования в Советской Беларуси в 20–30-е гг. XX в.: историография проблемы / А. К. Дубовик // Исторические

и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. Вып. 23, ч. 1. Исторические науки. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 64.

17. Ковалик, С. Ф. Революционное движение 70-х годов и процесс 193-х / С. Ф. Ковалик. – М.: Изд. Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – 195 с.

18. Платун, А. М. Итоги культурного строительства в БССР за 10 лет / А. М. Платун. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – С. 5.

19. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 5501.

20. Кржижановский, Г. М. На втором туре / Г. М. Кржижановский // Высшая техническая школа. – 1934. – № 1. – С. 3 – 14.

21. Беркенгейм, А. М. Большие сдвиги во всех областях / А. М. Беркенгейм // Высшая техническая школа. – 1934. – № 1. – С. 17–24.

22. Куколевский, И. И. Открыты широкие перспективы / И. И. Куколевский // Высшая техническая школа. – 1934. – № 1. – С. 24–25.

23. Ямский, А. Лучший втуз Советского Союза: Московский механико-машиностроительный институт им. Баумана / А. Ямский. – М.: Профиздат, 1934. – 100 с.

24. Бейлин, А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост / А. Е. Бейлин; под ред. и с предисл. И. А. Кравалю. – М.: Союзоргучет, 1935. – 419 с.

25. Бинеман, Я. Кадры государственного и кооперативного аппарата СССР / Я. Бинеман, С. Хейнман. – М.: Планхозгиз, 1930. – 297 с.

(Дата подачи: 26.02.2024 г.)

Л. В. Ландина

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск

L. Landina

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk

УДК 930(470+571)"18/20"

ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ ЕКАТЕРИНЫ II В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI В.

ENLIGHTENED ABSOLUTISM OF CATHERINE II IN THE ESTIMATES OF RUSSIAN HISTORIANS OF THE LATE XIXST – BEGINNING OF THE XXIST CENTURIES

Статья раскрывает изменения в методологической направленности, оценках, проблемном поле при освещении политики просвещенного абсолютизма Екатерины II российской исторической наукой конца XIX – начала XXI в. Соответственно, определяются доминирующие акценты в рассмотрении политики просвещенного абсолютизма российскими дореволюционными, советскими и современными историками.

Ключевые слова: просвещенный абсолютизм; Екатерина II; российская историография; государственная школа; советская историография; современная российская историография; методология.

The article reveals changes in the methodological orientation, assessments, problematic field in the coverage of Catherine II enlightened absolutism policy by Russian historical science from the last third of the XIXth to the beginning of the XXIst century. Accordingly, the article determines dominant accents in the enlightened absolutism policy consideration, made by Russian pre-revolutionary, Soviet and modern historians.

Keywords: enlightened absolutism; Catherine II; Russian historiography; public school; Soviet historiography; modern Russian historiography; methodology.

Российская императрица Екатерина II представляет собой одну из знаковых фигур европейской истории XVIII в. В период ее правления (1762–1796) Россия утвердилась среди великих европейских государств, российский вариант просвещенного абсолютизма достиг своего апогея, а сама Екатерина, как никто из ее предшественников, кроме Петра I, стала популярной в Европе. Именно при Екатерине осуществились три раздела Речи Посполитой, белорусские земли бывшего Великого княжества Литовского вошли в состав Российской империи и начались соответствующие преобразования по адаптации и интеграции новых территорий в имперское пространство.

Личность и деятельность подобного масштаба неизменно осмысливалась в российской исторической науке. Однако в зависимости от политических реалий и социокультурных условий оценки историков могли существенно различаться. Целью данной статьи является раскрытие на основе историографической компаративистики изменений в интерпретации просвещенного абсолютизма Екатерины II, имевших место в российской историографии конца XIX – начала XXI в. Речь идет о таких исследовательских критериях, как мотивация изучения екатерининского правления, его оценка как исторического явления, методология, содержание проблемного поля. Подобный ракурс и временной масштаб историографического анализа предпринимаются впервые в отечественной историографии. На основе методологических трансформаций, происходивших в российской историографии на протяжении более чем столетия, целесообразно выделить в указанном процессе дореволюционный, советский и постсоветский (или современный) периоды.

С последней трети XIX в. российская историческая наука вступила в особенно продуктивный этап. Это объяснялось как модернизационными процессами в пореформенной России, так и расцветом государственной школы, имеющей статус официальной. Российские историки руководствовались преимущественно позитивистской методологией, что включало прогрессистское и многофакторное понимание исторического процесса. С другой стороны, было весьма популярно изучение российских государственных институтов и персоналий XVIII в. Обеспеченность источниками и притягательность блестящей эпохи Российской империи, известная устойчивость оценок и дистанцирование от текущей политической конъюнктуры, несомненно, объясняли такое предпочтение. Не меньшее значение имела и значимость двух ключевых фигур российского XVIII столетия – Петра I и Екатерины II.

Принимая во внимание масштабность политического наследия Екатерины II, было бы естественно ожидать от историков государственной школы лишь панегирических его трактовок. Однако это не так. Например, В. О. Ключевский, указывая на дворянский характер российской монархии XVIII в., отмечал усиливающуюся пропасть между «внешними силами народа и его внутренними свободами», когда «государство пухло, а народ хирел» [1, с. 8–9, 13].

В. О. Ключевский достаточно скептически оценивал просвещенный абсолютизм Екатерины II, отмечая, что реформы были вынужденными и прикрывались либеральной риторикой. «Власть, не только неограниченная, но и неопределенная, лишённая всякого юридического облика, – именно в этом видел В. О. Ключевский суть просвещенного абсолютизма. – Она (Екатерина – Л. Л.) оберегала этот факт места от всяких попыток дать закономерный строй верховному управлению. Но она хотела прикрыть этот туземный факт идеями века» [2, с. 65–66]. Сдержанно оценивая правление Екатерины II, В. О. Ключевский тем не менее подвел такой его итог: «С Петра, едва смея считать себя людьми и еще не считая себя европейцами, русские при Екатерине почувствовали себя не только людьми, но и чуть ли не первыми людьми в Европе», и за это к слабостям императрицы относились с пониманием [2, с. 338].

П. Н. Милюков характеризует екатерининский абсолютизм в категориях полицейского государства: «Одного только Екатерина не могла допустить, что люди могут сделаться разумны и счастливы по какой-нибудь другой системе, исключая ее собственную» [3, с. 260]. По мере же того, как российские реалии уменьшали доверие Екатерины к «модным философам», в ее политике возрастал пафос панславизма. П. Н. Милюков замечал с немалой дозой иронии: «Задолго до русских историков-националистов XIX века она пишет Гримму, что “скоро докажет, что древние славяне дали свои названия большинству рек, долин и урочищ во Франции, Шотландии и других местах”» [3, с. 425].

Значимость екатерининского правления, при различной степени его апологетики, подчеркивалась М. К. Любавским и А. С. Лаппо-Данилевским. Так, М. К. Любавский сдержанно оценивал екатерининский просвещенный абсолютизм, указывая на превращение дворянства «в землевладельческий, господствующий политически и социально класс», господство крепостного права и влияние на эпоху «личности самой императрицы» [4, с. 30]. Напротив, А. С. Лаппо-Данилевский считал Екатерину выдающейся правительницей, исполненной либеральных и гуманных идей, которая «в лице своих подданных видела не рабов, а людей, повинующихся законам» [5, с. 162]. В целом проникнуты пиететом к Екатерине ее фундаментальные биографии, созданные В. А. Бильбасовым [6; 7] и А. Г. Брикнером [8].

Г. В. Плеханов как представитель марксистской идеи, западнической по происхождению, обращал внимание на различную политическую культуру России и Европы: «На Земский собор съезжались “холопы” москов-

ского царя; на собраниях Генеральных штатов выступали “подданные” французского короля» [9, с. 213]. Сопоставление же российских и европейских государственных институтов привело Г. В. Плеханова к выводу о значительном сходстве российского государства с восточной деспотией [9, с. 12]. Просвещенный абсолютизм Екатерины II Г. В. Плеханов оценивал весьма скептически, отмечая поверхностность философских увлечений императрицы, нужных ей для укрепления абсолютной власти. В вопросах же смягчения крепостного права «всегдашним правилом» Екатерины «было избегать ненужной для нее игры с огнем» [10, с. 123–125].

Таким образом, в российской дореволюционной историографии проблематика екатерининского просвещенного абсолютизма занимала значимое место. Доминантами проблемного поля выступали различные направления внутренней и внешней политики, история государственных институтов, личность Екатерины, хотя при этом степень апологетики императрицы была различной, что зависело от идейных предпочтений авторов [11, с. 156–166].

Советская историография исходила из совершенно других методологических установок – классового формационного понимания исторического процесса. Советский исторический дискурс утверждал, что историю творят народные массы, а великие люди – только выразители общественно-политических потребностей. К правителям России (за исключением Ивана Грозного и Петра I) как эксплуататорам и угнетателям народа привлекать внимание было не принято. Они выступали как проводники «феодально-крепостнической политики самодержавия», «диктатуры помещиков-крепостников» или мер «крепостнического самодержавия». [11, с. 404]. Негативная (за исключением внешней политики) оценка деятельности Екатерины II советскими историками выражалась следующим образом: «Основной задачей внутренней политики царизма, вытекавшей из соотношения классовых сил в стране, было всемерное укрепление самодержавной власти, стоящей на страже основного господствующего класса – дворянства... Незрелость складывающихся буржуазных отношений, слабость буржуазии, отсутствие социальной силы, способной возглавить общественный прогресс, позволили проводить эти мероприятия, не затрагивая основ самодержавной власти, давали возможность лавирования, маневрирования, либеральной демагогии... Такая политика, возможная лишь при определенной расстановке классовых сил, и получила условное название «просвещенного абсолютизма» [12, с. 532].

Статья Н. М. Дружинина [13] выступает редким примером комплексного рассмотрения екатерининского правления в послевоенной советской историографии. Почти лишенная идеологического пафоса, содержательная, умеренная в оценках, она интерпретирует просвещенный абсолютизм как общеевропейскую систему, целью которой было «укрепить устои абсолютной монархии устранением наиболее отживших институтов прошлого и тем самым предотвратить революционное крушение старого режима» [13, с. 430–431]. Мероприятия Екатерины оценены Н. М. Дружининым взвешенно – он отмечает, что наибольший успех они имели в области

экономики, оказавшись прогрессивнее меркантилизма Фридриха II, а наименьшее значение «имели потуги Екатерины поставить и разрешить крестьянский вопрос: ее усилия не могли подняться до уровня политики Иосифа II» [13, с. 458–459].

В целом же советская историография оценивала абсолютную монархию как совершенно не ограниченную власть, а просвещенный абсолютизм, с минимальными поправками – как социальную демагогию, что, например, утверждалось М. Т. Белявским [14, с. 45–46].

Качественно новыми в проблемном поле изучения просвещенного абсолютизма стали работы О. А. Омельченко, посвященные идеологии абсолютной монархии [15–17]. В них, кроме подробного анализа екатерининского «Наказа», содержался ряд новых для советской историографии тезисов. Речь шла о том, что неограниченное правление не исключало, но, напротив, предполагало, во-первых, делегирование части полномочий органам управления [17, с. 86] и, во-вторых, обоснование властью собственных действий. Даже при наличии социальной демагогии, как это подчеркивали советские историки, абсолютизм не был неограниченным произволом. Учение о монархии просвещенного властителя было консервативной идеологией, направленной на сохранение существующего социального и политического строя [15, с. 24–25].

Идея О. А. Омельченко о правовых основах российского абсолютизма второй половины XVIII в. выступала новацией в советской исторической науке. Автор заявлял, что в формально-правовой регламентации абсолютизма нужно видеть не вызванные теми или иными причинами ограничения монархии в духе буржуазного конституционализма, а органические правовые рамки абсолютной власти, существующие в соответствии с ее интересами и принципами. Это – политические устои, обусловленные внутренней логикой самой феодальной государственности [15, с. 29–30]. О. А. Омельченко выдвинул идею о том, что абсолютная монархия не является произволом, прежде всего с правовых позиций. Таким образом, уже в рамках советской историографии интерпретация просвещенного абсолютизма как неограниченной монархии, прибегающей к социальной демагогии и вынужденному реформированию, стала переосмысливаться к началу 1980-х гг.

Перестройка, развернувшаяся во второй половине 1980-х гг., привела не только к радикальному пересмотру методологических и идеологических основ советской историографии, но и в перспективе к утрате ее позиций. Так, государство перестало рассматриваться как враждебная народу эксплуататорская система, реформы «сверху» стали трактоваться в положительном ключе, началось создание политических и психологических портретов монархов, исследование истории элит, отношений правителя и общества и т. д. [11, с. 566–567].

Ярким примером нового дискурса выступает созданный А. Б. Каменским политический портрет Екатерины II, опубликованный в «Вопросах истории» – журнале, в котором ранее просто были немыслимы статьи

«про царей»: «На календаре было 25 декабря 1761 г., будущей Екатерине II... урожденной Софии Августе Фредерике, принцессе Ангальт-Цербстской, шел 33 год... Приводя девичье имя и титул этой российской императрицы, иные из современных беллетристов (историки о ней давно уже не писали), принимают за рассуждать о том, что этой немке, конечно, были чужды интересы русского народа. Не пытаясь оспорить эту очевидную мысль, замечу, однако, что императрица Анна Иоанновна, отдавшая Россию на откуп немцам, была чистокровной русской. Другая “дежурная” ассоциация при упоминании имени и титула принцессы Ангальт-Цербстской – ее “незнатное” происхождение... Кстати, Екатерина I знатностью, тоже, как известно, не отличалась, однако почему-то принято по этому поводу не расстраиваться, а скорее, наоборот, умиляться» [18, с. 62]. Раскрывая образ Екатерины, автор не затушевывает ее качеств манипулятора, молчаливого согласия на убийство мужа, лишения власти сына, большого количества фаворитов. Насколько искренней она была в стремлении следовать просветительским идеям? Желая реализовать их на практике, Екатерина вынуждена была действовать в конкретной обстановке. А она была такой, что «мечты молодости» пришлось скорректировать, а то и отбросить [18, с. 70–73]. Результатом правления Екатерины стало движение страны вперед в рамках феодального строя, достигшее высшей степени развития в политике просвещенного абсолютизма [18, с. 82].

Постсоветские социокультурные реалии и возрождение установок государственной школы радикально изменили отношение к российской монархии, которая стала рассматриваться не только как самодостаточный и важный предмет исследования, но и как один из важных ресурсов в конструировании национальной идентичности и создании российского исторического нарратива. На первое место вышло рассмотрение власти и государства, воплощенное в уникальном по разнообразию и иерархизированности проблемном поле. Методологический инструментарий современной историографии представлен множеством подходов – от институционального до гендерного и психоисторического, в форматах макро- и микроистории [11, с. 646–647].

В масштабном исследовании О. А. Омельченко [19] российский просвещенный абсолютизм позиционировался в юридическом, правовом и терминологическом аспектах как особая фаза эволюции монархии, что заключалось в изменении политического режима властвования. Главным звеном политической доктрины стала идея законной монархии, способной примирить самые разные социальные и политические устремления в единой государственно полезной деятельности. Однако, несмотря на политические декларации просвещенного абсолютизма, он сохранял все типические черты элитарно организованной монархии, с доминированием бюрократической и сословной элиты. Утопизм политической доктрины просвещенного абсолютизма проявлялся в попытке совместить практику государственного либерализма с сохранением всеобъемлющего государственного

патернализма. Тем не менее именно просвещенный абсолютизм был непосредственным предшественником государственной практики первых десятилетий XIX в., известной как правительственный конституционализм [19, с. 36–40].

Екатерина II, которая, по словам А. Б. Каменского, в советской историографии не удостоивалась доброго слова [20, с. 12], в постсоветской оказалась настолько популярной, что, по мнению П. В. Стегния, «трудно сыскать даже потаенный уголок великой жизни, куда бы не заглянул пытливым взором отечественный или зарубежный историк», что объяснимо – екатерининская эпоха сыграла системообразующую роль в развитии российского общества как во внутренней, так и во внешней политике [21, с. 3].

К 200-летию со дня смерти императрицы М. А. Рахматуллиным были опубликованы две статьи под названием «Непоколебимая Екатерина». Их красноречивый финал свидетельствовал и об определенных настроениях в постсоветском обществе: «Двести лет назад завершилось правление императрицы, еще при жизни по праву названной Великой. Благодаря ее разумной политике Россия прочно заняла место ведущей державы мира. С тех пор во главе страны сменилось более десятка самодержцев, вождей, генсеков, президентов. И что мы имеем сегодня?! Едва ли наши соотечественники отзовутся о своем времени так же восторженно, как это делали люди Екатерининской эпохи» [22, с. 25].

Екатерина, разумеется, имела слабости и совершала ошибки, но в целом ее заслуги перед страной огромны, а деятельность соизмерима разве что с преобразованиями Петра Великого – именно такое мнение господствует в современной российской историографии. Масштабные психологические и политические портреты Екатерины II создали почти все российские исследователи XVIII в. – А. Б. Каменский [23; 24], Е. В. Анисимов [25], Н. И. Павленко [26], О. И. Елисеева [27] и др. Можно констатировать, что отношение к Екатерине II в современной российской историографии целиком сопоставимо с оценками дореволюционных историков.

Таким образом, в ценностном отношении интерпретация образа Екатерины Великой совершила своего рода масштабный историографический цикл. Утверждение о цикличности справедливо и для методологии современных исследований, в которых реактуализированы установки государственной школы. Уникальными же и присущими современному состоянию российской историографии являются множественность исследовательских подходов и беспрецедентное расширение разветвленного проблемного поля, которое само может служить отдельным историографическим сюжетом [11, с. 690].

Список использованных источников

1. *Ключевский, В. О.* Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. Курс русской истории, ч. 3 / сост. В. А. Александров, В. Г. Зими́на. – 415 с.
2. *Ключевский, В. О.* Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989. – Т. 5. Курс русской истории, ч. 5 / сост. В. А. Александров, В. Г. Зими́на. – 477 с.

3. Милоков, П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. / П. Н. Милоков. – М.: Прогресс, 1995. – Т. 3. – 480 с.
4. Любавский, М. К. История царствования Екатерины II / М. К. Любавский. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 256 с.
5. Лаппо-Данилевский, А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II / А. С. Лаппо-Данилевский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. – [2], 62 с.
6. Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй. Т. 1 / В. А. Бильбасов – Берлин, Маг. Штура, [б.г.] – VII, 643 с.
7. Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй. Т. 2. / В. А. Бильбасов – Лондон, Б. и., 1895. – VI, 765 с.
8. Брикнер, А. Г. История Екатерины Второй / А. Г. Брикнер – М.: АСТ, Астрель, 2004. – 687 с.
9. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли: в 3 т. / Г. В. Плеханов – СПб.: Мир, 1914. – Т. 1. – 304 с.
10. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли: в 3 т. / Г. В. Плеханов – М.: Мир, 1917. – Т. 3. – 294 с.
11. Ландина, Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI вв. / Л. В. Ландина. – Минск: Энциклопедикс, 2020. – 816 с.
12. История СССР / под ред. Л. В. Черепнина. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. – М.: Госполитиздат, 1956. – 896 с.
13. Дружинин, Н. М. Просвещенный абсолютизм в России / Н. М. Дружинин // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1964. – С. 428–459.
14. Белявский, М. Т. Накануне «Наказа» Екатерины II: К вопросу о социальной направленности политики «просвещенного абсолютизма» / М. Т. Белявский // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. – Куйбышев: КГУ, 1985. – С. 31–47.
15. Омельченко, О. А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. / О. А. Омельченко // Проблемы истории абсолютизма. сб. науч. трудов / Всесоюз. юрид. заочн. институт / под ред. К. И. Батыра. – М.: ВЮЗИ, 1983. – С. 25–62.
16. Омельченко, О. А. «Наказ» комиссии о составлении проекта нового уложения Екатерины II. Официальная политическая теория русского абсолютизма второй половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. А. Омельченко; Моск. гос. ун-т. – М., 1977. – 27 с.
17. Омельченко, О. А. Политическая теория в «Наказе» комиссии о составлении проекта нового Уложения Екатерины II / О. А. Омельченко // Вестник Моск. ун-та. Серия «История» – 1977. – № 1. – С. 77–92.
18. Каменский, А. Б. Екатерина II / А. Б. Каменский // Вопросы истории. – 1989. – № 3. – С. 62–88.
19. Омельченко, О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России (Политическая доктрина – Правовая политика – Государственные реформы): автореф. дис. ... д-ра

юрид. наук: 12.00.01 / О. А. Омельченко; Моск. госуд. индустриальный ун-т. – М., 2002. – 42 с.

20. Каменский, А. Б. «Под сению Екатерины»...: вторая половина XVIII в. / А. Б. Каменский. – СПб.: Лениздат, 1992. – 448 с. (Ист. б-ка «Хроника трех столетий. Санкт-Петербург»)

21. Стегний, П. В. Хроники времен Екатерины II / П. В. Стегний. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 509 с.

22. Рахматуллин, М. А. Непоколебимая Екатерина / М. А. Рахматуллин // Отечественная история. – 1997. – № 1. – С. 13–26.

23. Каменский, А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой / А. Б. Каменский. – М.: Знание, 1997. – 288 с.

24. Каменский, А. Б. Политика как искусство возможного / А. Б. Каменский // Родина. – 1993. – № 1. – С. 148–155.

25. Анисимов, Е. В. Императрица Екатерина Великая / Е. В. Анисимов. – СПб.: Арка, 2007. – 96 с.

26. Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – 6-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 495 с.

27. Елисеева, О. И. Екатерина Великая / О. И. Елисеева. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 635 с.

(Дата подачі: 28.02.2024 г.)

A. B. Lepesh

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск

A. Lepesh

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 947.607.3(043)

СТВАРЭННЕ І ДЗЕЙНАСЦЬ ІНСТЫТУТА ВАЕННА-ПАВЯТОВЫХ НАЧАЛЬНІКАЎ У БЕЛАРУСІ Ў 30–40-Я ГГ. XIX СТ.

CREATION AND ACTIVITY OF THE INSTITUTE OF MILITARY DISTRICT CHIEFS IN BELARUS IN THE 30–40S OF THE XX CENTURY

У артыкуле разглядаюцца пераўтварэнні, якія былі ўведзены ў галіне паліцэйскага кіравання на тэрыторыі Беларусі пасля паўстання 1830–1831 гг., а менавіта стварэнне інстытута ваенна-павятовых начальнікаў. Аналізуюцца ўмовы ўмацавання паліцэйскага нагляду, разглядаецца штатны расклад, функцыі, дзейнасць ваенна-павятовых начальнікаў, вылучаюцца прычыны скасавання пасадак дадзеных чыноўнікаў у пачатку 40-х гг. XX ст.

Ключавыя словы: расійскі ўрад; ваенна-павятовыя начальнікі; паліцыя; Камітэт заходніх губерняў; беларускія губерні.

The article examines the transformations that were introduced in the field of police management in the territory of Belarus after the uprising of 1830–1831, namely the creation of the Institute of Military District Chiefs. The conditions for strengthening police supervision are analyzed, the staffing table, functions, and activities of military district chiefs are considered, and the reasons for the abolition of positions of these officials in the early 40s of the XX century are also highlighted.

Keywords: Russian government; military district chiefs; police; committee of Western provinces; Belarusian provinces.

Значныя змены ў сістэме паліцэйскага кіравання на тэрыторыі Беларусі адбыліся пасля паўстання 1830–1831 гг., што было звязана з недобранадзейнасцю мясцовых чыноўнікаў і іх удзелам у апазіцыйным руху. Пасля паўстання і агульнаімперскай паліцэйскай рэформы 1837 г. у Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губернях усе пасады земскай паліцыі сталі замяшчацца па прызначэнні. Выбарнасць спраўнікаў і засядацеляў, як і ў вялікарасійскіх губернях, была дазволена толькі ў Віцебскай і Магілёўскай губернях. Градская паліцыя ў цэлым захоўвала структуру, уведзеную ў 1775 і 1782 гг., але з другой чвэрці XIX ст. былі паўсюдна ўтвораны пасты гараднічых ва ўсіх павятовых гарадах Беларусі і некалькі павялічылася штатная колькасць паліцэйскіх обер-афіцэраў [1, с. 96].

Вышэйшы генарылітэт рускай арміі быў упэўнены, што земская паліцыя заходніх губерняў, якая ў большай частцы была прадстаўлена мясцовымі ўраджэнцамі, прымала самы актыўны ўдзел у мяцяжы і нават спачувала паўстанцам [2, ст. 1210]. Гэты факт, хутчэй за ўсё, быў даведзены да імператара Мікалая I, які ў ліпені 1833 г. у прыватнай гутарцы з князем А. М. Галіцыным выказаў меркаванне аб тым, што неабходна ўзмацніць у заходніх губернях «спосабы добранадзейнага нагляду», тым самым даў дазвол на пашырэнне паліцэйскіх структур у дадзеным рэгіёне [3, л. 206 зв.].

З нагоды рэарганізацыі паліцэйскага апарату неаднаразова выказваўся гродзенскі губернатар М. М. Мураўёў, які ў 1831 г. прапанаваў арганізаваць акрамя паліцэйскіх устаноў, што існавалі ў губернях, часовае паліцэйскае кіраванне з мясцовых памешчыкаў. Гэтыя памешчыкі павінны былі стаяць на чале акругі або квартала і падпарадкоўвацца цэнтральнаму кіраванню, якое базавалася ў павятовым горадзе. Прамымі абавязкамі такіх акруговых або квартальных наглядчыкаў была дапамога ў працы земскай паліцыі, нагляд за усімі мясцовымі жыхарамі [4, л. 112]. Камітэт заходніх губерняў, які функцыянаваў у Санкт-Пецярбургу ў 1831–1848 гг. і займаўся абмеркаваннем і рэалізацыяй прэктаў па дэпаланізацыі і ўніфікацыі заходніх губерняў з унутранымі губернямі Расіі, гэтую прапанову сустрэў з вялікім задавальненнем, палічыў такую паліцыю вельмі карыснай і назваў яе «парафіяльнай». Вядома, што згодна з загадам ад 27 мая 1831 г. у Гродзенскай, Віленскай губернях і ў Беластоцкай вобласці былі створаны часовыя паліцэйскія кіраванні, каб уладкаваць у краі «цішыню і супакой». Усе паветы ў дадзеных губернях былі падзелены на парафії, парафії – на ўчасткі,

а ўчасткі, у сваю чаргу, – на пяцісотні, сотні і дзясятні. Часовае паліцэйскае кіраванне ў кожным павеце было прадстаўлена старшынёй у асобе ваеннага або грамадзянскага чыноўніка, павятовым кіраўніком дваранства, земскім спраўнікам і трыма-чатырма чыноўнікамі для асаблівых даручэнняў, якія абіраліся з дваранаў. У парафіях і на ўчастках паліцэйскія функцыі выконвалі дваране, у пяцісотнях, сотнях, дзясятнях – пасаяяне.

Такія новаўводзіны ў паліцэйскім кіраванні цалкам былі падтрыманы імператарам Мікалаем I, які патрабаваў ад генерал-губернатора Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерній М. М. Хаванскага ўкараніць іх у сваім краі. Аднак М. М. Хаванскі на пасяджэнні Камітэта заходніх губерняў 4 ліпеня 1833 г. выказаўся супраць увядзення падобнай меры ў беларускіх губернях (Магілёўскай і Віцебскай), паколькі падчас паўстання там не назіралася сур’ёзных хваляванняў. М. М. Хаванскі згаджаўся на заснаванне парафіяльнай паліцыі ў якасці «дапаможнай», і то толькі ў гарадах [5, л. 199]. Ён выказаў прапанову аб увядзенні у кожнай беларускай губерні па 4 павятовых начальніка з ліку штаб-афіцэраў і абавязкова не з мясцовых ураджэнцаў. Па яго меркаванні, паліцэйскія структуры, у якія ўваходзілі прадстаўнікі мясцовай эліты, наўрад ці можна лічыць добранадзейнымі. Больш таго, увядзенне парафіяльнай паліцыі ў беларускіх губернях было немэтазгодным, бо, у адрозненне ад Гродзенскай, Віленскай, Мінскай губерняў, дзе спраўнікі і засядацелі земскіх судаў прызначаліся, у Віцебскай і Магілёўскай губернях на гэтыя пасады выбіраліся кандыдаты з ліку мясцовых дваран, а пагэтаму дзяржава мела невялікія рэсурсы для ўмяшання ў гэты працэс і не магла ў поўнай ступені кантраляваць тут кадравую палітыку. М. М. Хаванскі ў першыя гады пасля паўстання патрабаваў ад усіх жыхароў Віцебскай і Магілёўскай губерняў падпіскі, «па якой усе павінны ручацца адзін за аднаго кругавым паручыцельствам, адказваць гонарам, маёмасцю і жыццём» [6, л. 157]. Такім спосабам М. М. Хаванскі, як прадстаўнік урада, заяўляў аб намеры канфіскацыі маёмасці ў выпадку выяўлення апазіцыйных настрояў сярод землеўладальнікаў. Трэба сказаць, што гэты намер М. М. Хаванскага мясцовыя дваране пачулі. Яны не жадалі абцяжарваць сябе кругавым паручыцельствам і абцягалі начальству весці пільны нагляд за падзронамі асобамі.

Такім чынам, было вырашана, што ў Віцебскай і Магілёўскай губернях паліцэйскія ўстановы захоўваліся без змен, але прызначаліся ў кожную губерню па чатыры штаб-афіцэры, якія павінны былі ажыццяўляць нагляд за двума ці трыма павятамі. М. М. Хаванскаму было даручана скласці падрабязныя правілы для гэтых штаб-афіцэраў. Інструкцыя была складзена М. М. Хаванскім і адобрана імператарам 7 лістапада 1833 г. Там гаварылася, што з нагоды ўздыму бадзяжніцтва і разбояў у Віцебскую і Магілёўскую губерні для дапамогі грамадзянскім губернатарам і «садзейнічання ім ва ўсіх адносінах вышэйшай паліцыі» накіроўваюцца па чатыры штаб-афіцэры (ваенна-павятовыя начальнікі), якія павінны падпарадкоўвацца грамадзянскім губернатарам і генерал-губернатару [7, л. 2]. Далей у ін-

струкцыі пералічваліся абавязкі ваенна-павятовых начальнікаў. Ваенна-павятовыя начальнікі павінны былі назіраць за захаванасцю парадка і цішыні ў даручаных ім паветах, раскрываць злачынствы і пераследаваць зламыснікаў па законе, выконваць асабліва важныя даручэнні ад губернатара. Ваенна-павятовыя начальнікі фактычна стаялі на чале ўсяго паліцэйскага апарату Віцебскай і Магілёўскай губерняў, мелі магчымасць «вышэйшага нагляду» за дзеяннямі гарадской і земскай паліцыі. У іх непасрэдным падначаленні знаходзіліся гараднічыя і паліцмайстры ў гарадах, земскія спраўнікі і ўчастковыя засядацелі ў паветах, якія абавязаны былі паведамляць павятовым начальнікам аб надзвычайных здарэннях, парушэнні цішыні і спакою, пасля чаго ваенна-павятовыя начальнікі прыступалі да разгляду справы. Калі ж павятовых начальнікаў не задавальняла праца земскай і гарадской паліцыі, то яны маглі рабіць ім заўвагі і ўносіць карэктывы ў аб'ём іх непасрэдных абавязкаў. Аднак павятовыя начальнікі не мелі права адхіляць чыноўнікаў гарадской і павятовай паліцыі ад пасадак або рабіць ім якія-небудзь сур'ёзныя адміністрацыйныя спагнанні. Гэта заставалася ў кампетэнцыі выключна губернатара.

Пасля дадзенага абмеркавання пачалася практычная рэалізацыя праекта аб увядзенні інстытута ваенна-павятовых начальнікаў. Так, Віцебская і Магілёўская губерні былі падзелены кожная на 4 акругі. У першую акругу Віцебскай губерні ўвайшлі Віцебскі, Суражскі і Вележскі паветы (цэнтрам гэтай акругі стаў горад Віцебск); у другую – Лепельскі, Полацкі і Дрысенскі (цэнтр у Полацку); у трэцюю – Дынабургскі, Люцынскі і Рэжыцкі (цэнтр у Дынабургу); у чацвёртую – Гарадоцкі, Невельскі і Себежскі (цэнтр у Невелі) [8, л. 1]. Магілёўская губерня дзялілася наступным чынам: першая акруга з цэнтрам у Магілёве складалася з Магілёўскага, Копыскага, Чавускага паветаў; другая – з Рагачоўскага, Беліцкага, Быхаўскага (цэнтр у Рагачове); трэцяя – з Аршанскага, Бабінавіцкага, Сененскага (цэнтр у Оршы); чацвёртая – з Мсціслаўскага, Чэрыкаўскага, Клімавіцкага (цэнтр у Мсціславе) [9, л. 36 зв.].

Пасады ваенна-павятовых начальнікаў занялі дасланыя з унутраных губерняў адстаўныя рускія вайскоўцы ў званнях падпалкоўнікаў і палкоўнікаў. Неабходна адзначыць, што гэтыя дзяржаўныя служачыя мелі даволі прыстойны заробак. Яны атрымлівалі па 1200 рублёў асігнацыямі ў год з дзяржаўнай казны і да 500 рублёў асігнацыямі «на раз'езды, на пасылку эстафет і экстраардынарныя выдаткі» з мясцовага бюджэту. У выпадку расходавання апошняй сумы адбывалася яе папаўненне. Аднак павятовыя начальнікі абавязаны былі даць тлумачэнне вышэйшаму кіраўніцтву аб тым, куды пайшлі гэтыя грошы. Калі ж гэтая сума была «ўжыта на выдаткі сакрэтных» [10, л. 4], то начальнікі прадстаўлялі асаблівую справаздачу непасрэдна генерал-губернатару. На канцылярскіх служачых і канцылярскія патрэбы вызначалася кожнаму ваенна-павятовому начальніку па 800 рублёў асігнацыямі ў год. Адзначым, што грашовае ўтрыманне сярэдняга і асабліва дробнага чыноўніцтва было невялікім, у 30 разоў менш, чым, напрыклад,

заробак грамадзянскага губернатара. Грамадзянскія губернатары Віцебскай і Магілёўскай губерняў, якія былі прылічаны да трэцяга разраду, у пачатку 1830-х гг. атрымлівалі каля 6 тысяч рублёў асігнацыямі ў год [11, с. 22]. У такім выпадку жалаванне як мінімум 1700 рублёў у год для ваенна-павятовых начальнікаў выглядала значным. Такая шчодрасць урада не была бескарыслівай. Ён патрабаваў ад гэтых асоб вырашэння ў бліжэйшы час першараднай задачы – навадзенне парадку ў заходніх губернях і выкрыццё якіх бы то ні было змоў і таемных арганізацый супраць самадзяржаўя.

Штат ваенных начальнікаў мог пашырацца. Так, 24 сакавіка 1839 г. віцебскі губернатар П. П. Львоў дакладваў Віцебскаму, Магілёўскаму і Смаленскаму генерал-губернатару П. М. Дзякаву, што ён прызнаў карысным даць у поўнае распараджэнне кожнаму з павятовых чыноўнікаў па аднаму ўрадніку і па два казакі «цалкам добранадзейных паводзін», «каб даставіць ваенна-павятовым начальнікам магчымасць да зручнага выканання даручэнняў па справах сакрэтных» [12, л. 1].

Найбольшая колькасць спраў, якая разглядалася ваенна-павятовымі начальнікамі, – гэта справы рэлігійнага характару, звязаныя, напрыклад, з адмовай пераходу сялян з уніяцтва ў праваслаўе. Некаторае кола спраў, што былі ў кампетэнцыі гэтых чыноўнікаў, тычылася праблем устанавлення паліцэйскага нагляду над асобамі, якія ўдзельнічалі ў паўстанні 1830–1831 гг., ці проста над падазронымі персонамі. Ваенна-павятовыя начальнікі складалі спісы тых, хто знаходзіўся пад назіраннем паліцыі, і накіроўвалі іх свайму непасрэднаму начальству – губернатарам і генерал-губернатарам [13]. Можна пагадзіцца з меркаваннем беларускага гісторыка С. Лугаўцовай аб перагружанасці ваенна-павятовых начальнікаў штодзённымі справамі, што перашкаджала ім займацца вырашэннем непасрэдных задач. Напрыклад, са справаздачы за красавік-май-чэрвень 1839 г. ваенна-павятовага начальніка Брэсцкага, Кобрынскага, Пружанскага і Ваўкавыскага паветаў Сцяпанавы вынікала, што на працягу трох месяцаў ён знаходзіўся на месцы пастаяннага жыхарства 29 дзён, а астатні час займаўся кантролем за зборам падаткаў, пастаўкай рэкрутаў, праверкай на добранадзейнасць мясцовых жыхароў, барацьбой з кантрабандай і інш., што першапачаткова не ўваходзіла ў спіс абавязкаў згодна з пасаднай інструкцыяй [14, с. 135].

Такое шырокае кола спраў, якім вымушаны былі займацца ваенна-павятовыя начальнікі, тлумачыцца, хутчэй за ўсё, нізкім прафесійным узроўнем паліцэйскіх служачых на месцах і дэфіцытам кадраў у падзменных структурах улады. У 1839 г. Віцебскі, Магілёўскі і Смаленскі генерал-губернатар П. М. Дзякаў адзначаў, што прычына ўзмацнення крадзяжу ў Віцебску звязана з тым, што «сапраўдны склад ніжніх паліцэйскіх служачых складаецца з лядашчых, калекаў і некаторых з благой маральнасцю людзей» [15, л. 1]. Больш таго, у выніку павелічэння колькасці гарадскога насельніцтва к сярэдзіне XIX ст. з 3,3 % да 4,6 % [16, с. 48] адбываўся і рост злачыннасці, што патрабавала пашырэння штатаў гарадской паліцыі. Асабліва востра гэта праблема стаяла ў Магілёўскай губерні, дзе на 1842 г. недахоп

па паліцэскай і пажарнай частцы складаў 180 служачых, а было ўладкавана на працу толькі 219 чалавек [17, л. 12].

У пачатку 40-х гг. XIX ст. становішча ў заходніх губернях, на думку ўрада, ужо не прадвясчала ніякіх сацыяльных узрушэнняў: усе ўдзельнікі паўстання былі пакараныя, спыняліся справы аб «спакушэнні» з уніі ў каталіцтва. Таму на пасяджэнні Камітэта заходніх губерняў 12 кастрычніка 1843 г. па прапанове віленскага генерал-губернатара Ф. Я. Мірковіча было прынята рашэнне аб скасаванні пасада ваенна-павятовых начальнікаў, якіх на той момант было ўжо па чатыры ў Віленскай, Гродзенскай, Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай губернях. Ф. Я. Мірковіч лічыў гэты інстытут стратным, таму што ў яго губернях ні адзін з ваенна-павятовых начальнікаў не зрабіў ніякага важнага палітычнага адкрыцця, не было нават выпадку, каб хто-небудзь з іх праінфармаваў пра злоўжыванні мясцовай паліцыі, у што, на думку віленскага генерал-губернатара, проста немагчыма павярэць. Акрамя таго, гэтыя чыноўнікі імкнуліся наладзіць добрыя адносіны з прадстаўнікамі мясцовай эліты, спрабавалі замацавацца на сваім месцы і жадалі ў большай ступені «захаваць свае сувязі, чым быць адкрытымі з начальствам» [18, л. 177 зв.-178]. Між тым на ўтрыманне інстытута ваенна-павятовых начальнікаў штогод накіроўвалася з дзяржаўнай казы 13 тысяч рублёў срэбрам у год (пасля грашовай рэформы Е. Ф. Канкрына). З гэтай нагоды імператар Мікалай I «зыходзячы, што нагляд з боку ваенна-павятовых начальнікаў ... не прыносіць ужо асаблівай карысці, ... вырашыў пасады ваенна-павятовых начальнікаў скасаваць» [19, л. 1-1 зв.]. Афіцыйна яны былі ліквідаваны 22 кастрычніка 1843 г. Замест пасада ваенна-павятовых начальнікаў ваенным і грамадзянскім губернатарам заходніх губерняў было дазволена мець па чатырох чыноўнікаў па асаблівых даручэннях [20].

Пасля скарачэння інстытута ваенна-павятовых начальнікаў прадстаўнікі дадзеных структур павінны былі прадставіць губернатару спіс вырашаных і нявырашаных спраў з тлумачэннем прычын, якія перашкаджалі іх вырашэнню. Незавершаныя справы перадаваліся гараднічым або земскім спраўнікам. Некаторыя з ваенна-павятовых начальнікаў, напрыклад, палкоўнік Арнольд, які займаў гэтую пасаду ў першай акрузе Віцебскай губерні, узнагароджваліся спецыяльным адметным знакам бездакорлівай службы [21].

Такім чынам, пасля паўстання 1830–1831 гг. на тэрыторыі беларускіх губерняў быў створаны інстытут ваенна-павятовых начальнікаў спачатку ў Віцебскай і Магілёўскай, а потым у Гродзенскай, Мінскай і Віленскай губернях як неабходнасць умацавання паліцэйскіх структур спецыяльнымі кадрамі па барацьбе з апазіцыйным рухам. Аналіз дзейнасці ваенна-павятовых начальнікаў паказаў, што ім прыходзілася выконваць значна больш абавязкаў, чым было вызначана ў іх інструкцыі, што было звязана з дэфіцытам кадраў на месцах і нізкім прафесійным узроўнем паліцэйскіх служачых. Пастаянныя спавязданы на карысць губернатараў і генерал-губернатараў патрабавалі ад павятовых начальнікаў дэманстрацыі іх

працаздольнасці і ўмення вырашаць усе пытанні. Нягледзячы на тое, што ваенна-павятовыя начальнікі мелі шырокае кола задач, асноўную з іх – барацьбу са злачынствамі палітычнага характару – яны не здолелі вырашыць, што прывяло да скасавання дадзеных чыноўнікаў у структуры паліцэйскага апарату беларускіх губерняў у 1843 г.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Киселев, А. А.* Система государственных учреждений и чиновничество Беларуси в политике российского правительства (конец XVIII – первая половина XIX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А. А. Киселев. – Минск: БГУ, 2003. – 189 с.
2. [Отрошенко] Записки ген.-ад. Отрошенко о последователях Канарского // Русский архив. – 1869. – Ст. 1207–1223.
3. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў у Санкт-Пецярбургу (РДГА). – Ф. 1266. Спр. 12.
4. РДГА. – Ф. 1266. Спр. 10.
5. РДГА. – Ф. 1266. Спр. 12.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 6795.
7. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 10750.
8. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 4234.
9. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 4234.
10. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 10750.
11. *Бикташева, А. Н.* Источники материального обеспечения российских губернаторов в первой половине XIX века / А. Н. Бикташева, А. А. Гасимова // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – Т. 151. – Кн. 1. – Ч. 1. Гуманитарные науки. – С. 19–27.
12. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 7698.
13. НГАБ. – Ф. 3155. Воп. 1. Спр. 4.
14. *Луговцова, С. Л.* Полицейские органы на территории белорусских губерний Российской империи в 30–40-е гг. XIX в.: формирование и деятельность / С. Л. Луговцова // Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской реформы в России): Материалы международной научно-практической конференции, Псков, 13 ноября 2014 г. – Псков, 2015. – С. 128–137.
15. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 9180.
16. *Люты, А. М.* Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст. / А. М. Лютый. – Минск: БДПУ, 2004. – 320 с.
17. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 9180.
18. РДГА. – Ф. 1266. Спр. 32.
19. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 10702.
20. О представлении генерал-губернаторам Западных губерний иметь до четырех чиновников по особым поручениям // ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. XVIII. – Отд. 1. – № 17279.
21. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 8638.

(Дата падачы: 20.02.2024 г.)

Т. В. Лисовская

Белорусский государственный университет, г. Минск

T. Lisouskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 94:2(476)

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЗДНЕПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН В БССР В 1920–1930-Х ГГ.

FORMS AND METHODS OF ORGANIZING THE ACTIVITIES OF LATE PROTESTANT COMMUNITIES IN THE BSSR IN THE 1920-1930S.

В статье рассмотрены вопросы структурной организации позднепротестантского движения, форм и методов работы в БССР в 20–30-е гг. XX в. Автор отмечает, что в 20-е гг. XX в. была сформирована система поместных общин, которые вошли в систему общесоюзных организаций. Горизонтальная структурная организация обеспечивалась созданием внутренней структуры общины и внедрением форм внутриобщинной и внеобщинной деятельности. Вытеснение религиозных акторов из публичной сферы в частную привело к ограничению форм деятельности и организации, в результате чего позднепротестантские общины БССР были вынуждены с конца 20-х гг. XX в. сосредоточиться преимущественно на культовой деятельности для удовлетворения религиозных нужд верующих.

Ключевые слова: поздний протестантизм; евангелизм; баптизм; адвентизм; евангельские христиане; религиозная политика; БССР.

The article examines the issues of the structural organization of the late Protestant movement, forms and methods of work in the BSSR in the 20–30s. XX century The author notes that in the 20s. A system of local communities was formed, which entered the system of all-Union organizations. Horizontal structural organization was ensured by the creation of the internal structure of the community and the introduction of forms of intra-community and extra-community activities. The displacement of religious actors from the public sphere into the private sphere led to a limitation of forms of activity and organization, as a result of which the late Protestant communities of the BSSR were forced from the late 20s. focus primarily on religious activities to satisfy the religious needs of believers.

Keywords: late Protestantism; evangelical churches; baptism; adventism; evangelical christians; religious policy; BSSR.

Позднепротестантское движение в Беларуси к 1917 г. было представлено немногочисленными общинами евангельских христиан, баптистов и адвентистов седьмого дня. В результате легализации деятельности с 1905–1906 гг. произошло увеличение численности общин – в 1910 г. в Северо-Западном крае насчитывалось 10 общин баптистов [27, с. 6], но в связи с ограниченными административными мерами, особенно в период Первой

мировой войны, рост общин проходил медленными темпами. После революции 1917 г. и прихода к власти РКП(б) несмотря на общий антирелигиозный концепт, в отношении евангельских движений государство рассматривало «сектантов» как условно близкую по социальной позиции общность, дискриминируемую царизмом, и стремилось получить поддержку протестантов и использовать их как средство уменьшения влияния православной церкви в обществе. В связи с этим в первые послевоенные годы наметилась тенденция к росту численности общин в Беларуси: в 1919 г. – была создана община ЕХБ у в. Ельня Краснопольского района, с 1920 г. – община д. Черчерск [13, с. 4], у 1922 г. – общины д. Пружинищи [14, с. 2], Юркевичи [43, с. 36] на Гомельщине, у 1922 г. – община д. Клети Костюковичского района. Образовывались и общины евангельских христиан: в 1920 г. в Витебске [5, с. 101], в 1924 г. в Минске уже две общины, в 1925 г. община в Койдановском районе [25, с. 195] и др.

Достаточно лояльное отношение советской власти к позднепротестантским движениям создало возможности не только легальной деятельности и увеличения численности общин и приверженцев, но и создания институционализации движения – вертикальной и горизонтальной структуры, диверсификации способов религиозной и внерелигиозной деятельности.

Формы организации деятельности позднепротестантских общин в 20-30-е гг. XX в.

Основной структурной единицей протестантского движения являлись местные общины. Создание поместных общин и формирование их четкой внутренней структуры являлось одной из задач церковного строительства на данном этапе.

Советское законодательство, в частности Инструкция НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 30.08.1918 г. и Постановление ВЦИК от 12 апреля и 3 августа 1922 г., вводили обязательную регистрацию религиозных объединений в местных государственных органах [37с. 1–97; 30, с. 14]. Виновные в несвоевременной регистрации, незарегистрированные общины подвергались в административном порядке штрафу до 100 руб. или принудительным работам до одного месяца [30]. Несмотря на наличие правовых основ, регистрация общин в БССР началась только в 1924 г. после Циркуляра НКВД № 277 от 27 ноября 1924 г. и Постановления Президиума СНК БССР от 20 мая 1925 г. Как отмечает Бобруйский окружной исполнительный комитет, рассмотрение уставов и перерегистрация религиозных обществ в БССР началась только осенью 1924 г., когда вступили в силу обязательные постановления Окрисполкома № 12 от 17 сентября 1924 г. материалы по религиозным обществам [36, с. 58].

Возможность легализации привела к резкому увеличению числа общин. В докладной записке «О сектантском движении в Белоруссии» отмечено, что в 1923–1925 гг. наблюдается рост числа евангелистов примерно на 40 % [31; 24, с. 78]. Так, если в 1925 г. в БССР действовало 46 «сектантских»

общин общей численностью 2584 человек [33, с. 5], то в 1929 г. уже 41 община евангельских христиан, 27 баптистских общин, 6 адвентистских общин – всего 4754 верующих [48, с. 59]. В начале 30-х гг. XX в. в БССР уже насчитывалось 86 евангельских общин [34, с. 15]. Однако в приведенных данных указаны только зарегистрированные общины. Так, в 1924 г. в Гомельском районе насчитывалось три зарегистрированные общины евангельских христиан и три незарегистрированные [9, с. 193об–194], в Наровлянском районе из 5 действующих общин были зарегистрированы только три [19, с. 92–93].

Структура общины состояла из руководящего звена, Совета общины и верующих. Руководящее звено общины составляли назначенные головной общиной либо избранные общим собранием общины пресвитеры, дьяконы, казначеи (кассиры), проповедники, миссионеры, учителя, которые занимались координацией деятельности общины и проведением религиозных практик. К примеру, Устав Минской общины евангельских христиан предполагал в структуре общины наличие Совета, который управляет делами общины (не менее 5 человек) и избирается общим собранием членов, Президиум Совета составляли председатель, его товарищ (заместитель), казначей, секретарь [15, с. 3–4]. Нередко пресвитеры направлялись центральными организациями. Так, Минскую общину евангельских христиан организовал и возглавил присланный Союзом из Петрограда В. Н. Чечнев [2, с. 407].

Организационно, община состояла чаще всего из центральной общины, а также филиалов или групп чаще всего в ближайших деревнях, члены которой являлись членами общины. Так, Витебская община в 1928 г. насчитывала 19 человек и имела 5 отделений (д. Завязье – 21 человек, д. Куриловщина – 14, д. Боньки – 11, м. Бешенковичи – 20 человек, д. Коревы – 7 человек) [7, с. 41]. Сивинская община ЕХ Гомельской области в конце 20-х гг. XX в. объединяла 8 групп верующих – Сивинская группа, Боротьбенская (д. Романова), Халецкая, Радужская, Купреевская, Неглюбская, Святиловичская, Гутницкая и на 1927 г. насчитывала 145 человек, из которых в д. Сивинка проживал только 41 человек [10, с. 23–25, 30, 33, 26]. Такие филиалы или «миссионерские пункты» курировались пресвитерами центральных общин, которые периодически посещали их и проводили богослужения.

В 20–30-е гг. XX в. баптистские общины БССР организационно входили в Федеративный союз баптистов СССР (до 1926 г. – Всероссийский союз баптистов) с центром в Москве. Общины адвентистов седьмого дня с 1920 г. входили в Северо-Российскую конференцию (Витебская губерния), остальные – в Западно-Российскую конференцию Всероссийского (с 1924 г. – Всесоюзного) союза адвентистов седьмого дня (ВСАД). В 1927 г. было создано Белорусское миссионерское поле, которое в 1928 г. вошло в Северо-Восточный дивизион [4, с. 51]. Общины евангельских христиан вступили в Всесоюзный союз евангельских христиан (ВСЕХ) с центром в Петрограде. 3–4 февраля 1922 г. в Минске состоялся Минский организационный Съезд

евангельских христиан, на котором было принято решение об организации Минского окружного отдела ВСЕХ и его регистрации [38, с. 3–8]. В 1923 г. уже были созданы Гомельский Окружной Союз (входила община г. Мозырь (250 человек) [29, с. 151]. В 20-е гг. XX в. общины евангельских христиан БССР находились в составе Минского окружного отдела, Гомельского окружного отдела, Смоленского окружного отдела ВСЕХ [38, с. 5].

Для организации и координации деятельности общин в рамках Окружных союзов евангельских христиан и общин баптистов БССР проводились региональные съезды. Следует отметить, что Директивные указания ЦК РКП(б) от 29.06.1921 г. по вопросу организации разветвленной системы сектантского движения запрещали проведение съездов [28, с. 6]. Так, в 1923 г. Гомельский Губисполком не разрешил проведение регионального съезда баптистов на базе общины д. Уть [8, с. 9]. Несмотря на политику ограничения организационной деятельности, в 1925 г. в Слуцке был проведен окружной съезд работников Союза евангельских христиан, в июле 1928 г. в Минске состоялся Съезд баптистов Беларуси [1, с. 284].

Методы организации деятельности позднепротестантских общин в 20-30-е гг. XX в.

В период относительно лояльного отношения советской власти к позднепротестантским движениям в начале 20-х гг. XX в. общины и организации в своей деятельности применяли разнообразные формы и методы работы, традиционно присущие протестантизму: внутриобщинные (направленные на организацию внутрицерковной жизни, обеспечение религиозного обучения, социальную поддержку членов общин и удовлетворение религиозных потребностей верующих) и внеобщинные. С целью привлечения к активной деятельности всех членов общин при общинах традиционно предполагалось создание системы кружков: молодежных, женских, воскресных школ, музыкальных, миссионерских и других служений.

Однако особенности построения системы французской (враждебной) сепарации в СССР и БССР, основанной на вытеснении религиозных акторов из публичной сферы и подмене религиозного сознания атеистическим, не предполагали развития внутренней и внешней организационной структуры общин и движений, содействующей закреплению религиозных верований. Соответственно, основной целью деятельности общин являлось исключительно удовлетворение религиозных потребностей.

Инструкция НКВД и НКЮ БССР по вопросам, связанным с осуществлением декрета об отделении церкви от государства, от 12.06.1928 г. (от 05.05.1928 г.) закрепляла, что религиозные организации должны преследовать только чисто религиозные цели, а богослужения, проповеди, которые являются необходимой частью богослужения или молитвенного собрания, бракосочетания, крещения и отпевание умершего в стенах культовых зданий могут осуществляться свободно. Однако не разрешалось использовать молитвенные собрания, богослужения для деятельности, которая не являются частью богослужения [41, с. 31–34]. В связи с этим основной

деятельностью общин являлась культовая. В 20–30 гг. XX в. богослужения позднепротестантских общин проходили в молитвенных домах, чаще всего в арендованных зданиях. К примеру, в Слуцке в 1921 г. община евангельских христиан первые богослужения проводила в здании кальвинистской церкви, которое предоставил местный священнослужитель, молитвенные собрания Витебской общины ЕХ в первой половине 20-х гг. XX в. проводились в бывшем храме старообрядцев по бывшей улице Богословской [6, с. 33]. Молитвенные здания в 20–30 гг. XX в. строили достаточно большие по численности общины: в 1924 г. (по другим данным – в 1926 г.) Слуцкая община евангельских христиан построила молитвенный дом [1, с. 284], в 1923–1925 гг. – община баптистов г. Гомель [11, с. 13; 12, с. 36], в 1926 – община ЕХ д. Подоресье Слуцкого района [50, с. 71], молитвенный дом имела и община баптистов д. Уть. Богослужения проводились один-два раза в неделю [32, с. 37–44].

Советское законодательство в значительной степени ограничивало возможности общин в организации религиозного обучения верующих, прежде всего детей и молодежи. Инструкция НКВД и НКЮ БССР от 12 июня 1928 г. (от 05.05.1928 г.) категорически запрещала организацию системного обучения религии детей до 18 лет – «Граждане могут учиться религии сами и учить других частным порядком и на этой основе родители могут учить своих детей религиозным учениям сами или через приглашенных для этого особо, при чем, однако, это обучение не может иметь группового характера, это значит, что численность учеников не должна превышать трех» [41, с. 31; 16, с. 62–62].

До 1929 г. в Петрограде для образования взрослых еще действовали курсы для верующих, однако на местах местные власти не давали разрешения на проведение региональных библейских курсов. Как результат, в 20–30-е гг. XX в. у большинства пресвитеров отсутствовало религиозное образование. Исключение составляли реэмигранты, которые получили религиозное образование за границей. Так, после 1917 г. в Минск приехали и работали проповедники Д. Поляков, К. Юржиц, П. Аксючиц, которые были направлены В. Фетлером после получения религиозного образования в США [2, с. 407]. В общине д. Подоресье Слуцкого района служил выпускник Библейского института Поляков [45, с. 71], в д. Лешница Березинского сельсовета служил А. Г. Слабко, который получил религиозное образование в США [36, с. 39].

В 1921–1929 гг. общины баптистов и евангельских христиан имели достаточно молодую демографическую структуру: в составе общин молодежь составляла 25(22) % от общего числа зарегистрированных [32, с. 23; 31, с. 24]. В связи с этим работе среди молодежи придавалось особое значение. На Минском организационном съезде евангельских христиан 3–4 февраля 1922 г. был поставлен вопрос о необходимости активной работы среди молодежи и разработке методов для начала работы [39, с. 8]. Расширение позднего протестантизма, его количественное увеличение и широкое

вовлечение молодежи вызывало беспокойство советских властей. Выступая на VIII съезде ВЛКСМ, Н. И. Бухарин заявил: «Мы полагаем, что комсомол — единственная организация молодежи в нашей стране. Существует, однако, целый ряд сектантских организаций, которые объединяют в своих рядах примерно столько же, сколько комсомол» [3, с. 302]. Бюро ЦК РКСМ еще в 1922 г. разослало в местные органы власти директивы для принятия мер по ограничению деятельности религиозных организаций. ЦК РКСМ настаивал на обязательной регистрации христианских кружков в органах ОГПУ, на недопущении укрупнения объединений верующих, на запрете молодежи до 18 лет вступать в религиозные общины. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) 22 ноября 1924 г. постановила поручить ОГПУ принять меры к роспуску и недопущению сектантских религиозных юношеских кружков. В связи с политикой ограничения деятельности молодежных кружков их организация была приостановлена [18, с. 142–143об]. В 1925 г. Мозырским окружкомом КП(б)Б в ЦК КП(б) отмечалось практически отсутствие кружков молодежи, в округе действовал только один молитвенный кружок молодежи в Копаткевичском районе [33, с. 37–44].

Внецерковная деятельность протестантских общин, направленная на взаимодействие с обществом, проявлялась прежде всего в активной миссионерской деятельности для распространения вероучения и увеличения числа прозелитов. В 1921 г. 24-й Всероссийский съезд баптистов призвал верующих «считать дело благовестия важнейшим в нашей духовной жизни делом» [23, с. 11]. В рамках Минского окружного отдела ВСЕХ на ставке работали направленные Союзом Т. К. Голубев и Б. С. Чеберук. На Организационном Съезде ЕХ в Минске в феврале 1922 г. были избраны еще 15 благовестников, которые работали в Минском окружном отделе ВСЕХ на безвозмездной основе по 1–3 месяца в год [39, с. 7–7об].

В СССР и БССР был введен запрет публичной миссионерской работы и религиозной деятельности вне зарегистрированной общины. Инструкция ВЦИК № 260/с от 22.08.1927 г. строго ограничивала деятельность проповедников местом нахождения молитвенного помещения. Согласно Инструкции НКВД и НКЮ БССР 12.06.1928 г. (от 5.05.1928 г.) служители культа не имели права для проведения религиозных обрядов, проведения молитвенных собраний и других целей переходить на территорию не своего братства, группы или объединения [42, с. 31–34]. Разъяснение НКВД БССР начальникам районных и городских административных отделов о недопустимости непосредственных отношений со служителями религиозных культов в деле регистрации религиозных общин от 01.12.1930 г. определяло, что район деятельности служителей культа ограничивается местом жительства членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местом нахождения соответствующего молитвенного здания [17, с. 31].

Несмотря на законодательный запрет публичной миссионерской работы, миссионерская деятельность осуществлялась и имела разнообразные формы: распространение религиозной литературы пропагандистского ха-

рактера (брошюры, листовки), чтение проповедей, открытые молитвенные собрания [20, с. 40–41], чаепития [18, с. 42–43об], подарки, обеды, пение для детей [19, с. 92–93], в отдельных местностях (в Мозырском районе) организовывали кружки по сельскохозяйственным и вопросам природо-ведения [21, с. 8]. Основным методом распространения вероучения было непосредственное общение с местными жителями в ходе миссионерских поездок и рейдов, в ходе которых члены общин ездили по деревням, организовывали поездки в братские общины иных областей. Так, в конце августа 1928 г. Витебскую общину баптистов и 5 филиалов в миссионерской поездке посетил миссионер из Гомеля [7, с. 31]. Также в Березовскую и Угловскую общины евангельских христиан приезжали миссионеры из Одессы и Ленинграда [19, с. 92].

Как мы видим, в 20-е гг. XX в. в условиях достаточно лояльной политики советской власти и легализации деятельности позднепротестантских общин наметился подъем в движении евангельских христиан, баптистов, адвентистов седьмого дня, что выразилось в количественном росте общин и приверженцев, структурной организации движения. В позднепротестантском движении БССР в 20-е гг. XX в. проходил процесс создания вертикальной и горизонтальной структуры деятельности, а также выработки разных методов работы. Структура движений была сформирована посредством создания системы поместных общин, которые выступали в качестве основной организационной единицы. Вертикальный вектор организационной структуры был обусловлен созданием в начале 20-х гг. XX в. системы центральных организаций (Всесоюзного союза евангельских христиан, Федеративного союза баптистов, Всесоюзного союза адвентистов седьмого дня), в которые были организационно включены белорусские общины.

Горизонтальная структурная организация позднепротестантских общин обеспечивалась созданием внутренней структуры общины и внедрением разнообразных форм деятельности, внутриобщинной и внеобщинной. При этом вытеснение религиозных акторов из публичной сферы в частную привело к ограничению форм деятельности. Как результат, позднепротестантские общины были вынуждены с конца 20-х гг. XX в. сосредоточиться преимущественно на культовой деятельности для удовлетворения религиозных нужд верующих.

Таким образом, данные процессы свидетельствуют о начале процесса институционализации позднего протестантизма в Беларуси в 20-х гг. XX в. Однако в условиях формирования советского атеистического государства, не предусматривающего плюрализма идеологий и наличия в обществе сильных социальных акторов, разрешительной системы регистрации, применения методов администрирования местными властями институционализация движения не была реализована. Кроме того, в результате ужесточения антирелигиозных мероприятий в 1930-х гг. позднепротестантские общины начали переходить к нелегальным формам существования и деятельности

[24, с. 7]. Так, в 1937 г. в Рыловском и Дудчицком с/с Мстиславского района после закрытия баптистской общины продолжали проводить нелегальные собрания, в которых участвовали до 40 человек [22, с. 27–28]. По данным Уполномоченного по делам культов, в Гомельской области в 1929 г. насчитывалось 22 сектантские общины, к 1940 г. – осталось только две общины. При этом восстановление в 1945 г. 22 общин в области свидетельствует о деятельности данных общин нелегальным способом после их закрытия в довоенный период [45, с. 27].

Список использованных источников

1. Асаненко, П. «Залатое дзесяцігоддзе» у гісторыі Евангельскай Царквы ва Ўсходняй Беларусі (1917–1929 гг.) / П. Асаненко // Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць (да 500-годдзя Брэсцкай Бібліі): зб. матэрыялаў міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7 снежня 2019 г. / рэдкал. А. І. Бокун [і інш.]. – Вып. IV. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2020. – С. 280–287.
2. Асаненко, П. Цэрквы евангельскіх хрысціян баптыстаў ва Усходняй Беларусі (1917 – канец 1940-х гг.) / П. Асаненко // Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Вып. III. (да 500-годдзя Рэфармацыі і 500-годдзя беларускай Бібліі): зб. матэрыялаў III Міжнар. навук.-практ. канф. / рэдкал. А. І. Бокун [і інш.]. – С. 403–410.
3. Бухарин, Н. И. Путь к социализму / Н. И. Бухарин. – Новосибирск: Наука, 1990. – 494 с.
4. Габрусевіч, О. В. История административно-территориального деления церкви христиан адвентистов седьмого дня на территории Беларуси: 1902–1991 гг. / О. В. Габрусевіч // Религия и общество – 17: сб. научн. ст. / под общ. ред.: В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, Э. В. Старостенко. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 150–155.
5. Государственный архив Брестской области. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 47.
6. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 10051л. Оп. 724. Д. 117.
7. ГАВт. – 100051л. – Оп. 742. Д. 117.
8. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 9. Оп. 1. Д. 163.
9. ГАГО. – Ф. 185. Оп. 1. Д. 86.
10. ГАГО. – Ф. 466. Оп. 1. Д. 122.
11. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 5.
12. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 55.
13. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 58.
14. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 121.
15. Государственный архив Минской области. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 34.
16. ГАМн. – Ф. 12п. Оп. 1. Д. 1000.
17. ГАМн. – Ф. 14. Оп. 1. Д. 55.
18. Государственный архив общественных организаций гомельской области (ГАООГО). – Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 95.
19. ГАООГО. – Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 100.
20. ГАООГО. – Ф. 69. Оп. 2. Д. 65.
21. ГАООГО. – Ф. 69. Оп. 2. Д. 519.

22. Государственный архив общественных организаций Могилевской области. – Ф. 41. Оп. 1а. Д. 327.

23. Дик, И. П. Становление евангельско-баптистского братства в России: 1860–1887: новые факты из архива В. А. Пашкова и их осмысление / И. П. Дик // Материалы научно-богословской конференции РС ЕХБ «140 лет российскому баптизму. Прошлое, настоящее, перспективы». – М., 2008. – с. 10–18.

24. Довгялло, Н. В. Религиозность населения БССР в 1920-х – 1930-х гг. / Н. В. Довгялло // Беларуская Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. – 2014. – С. 78.

25. Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор’ева [і інш.]; пад. рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

26. Кравцев, А. Миссионерские структуры в Российском Союзе ЕХБ. Прошлое. Настоящее, будущее / А. Кравцев // Богословские рассуждения (Theological Reflections). – 2016. – № 16. – С. 7–8.

27. Миловидов, А. И. Современное штундобаптистское движение в Северо-Западном крае / А. И. Миловидов. – Вильна, 1910.

28. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 658.

29. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1103.

30. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1699.

31. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2325.

32. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429.

33. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 10. Д. 45.

34. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1900.

35. НАРБ. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 6.

36. НАРБ. – Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 187.

37. НАРБ. – Ф. Р-34. Оп. 2. Д. 187.

38. НАРБ. – Ф. 60р. Оп. 3. Д. 560.

39. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 6.

40. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 7.

41. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 3. Д. 11.

42. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 3. Д. 26.

43. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 15

44. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 22.

45. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 43.

46. Российский государственный архив социально-политической истории (РГСПИ). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 19054.

47. Савинский, С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917) / С. Н. Савинский. – СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1999. – 215 с.

48. Янушевич, И. И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории. 1917–1928 гг. / И. И. Янушевич. – Минск: БГУ, 2005. – 59 с.

(Дата подачі: 27.02.2024 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алексашина Г. В., Воронич Т. В.</i> ПОЖАРНАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	3
<i>Багинский Н. В.</i> КАЛЬПАСУТРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ	12
<i>Бароўская В. М.</i> СПРОБЫ ЎСТАЛЯВАННЯ НАВУКОВАГА ДЫЯЛОГУ ПАМІЖ БССР І ПОЛЬШЧАЙ ПА ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАЙ ПРАБЛЕМАТЫЦЫ Ў 1930–1939 ГГ.	19
<i>Бохан Ф. Ю.</i> МАГНАЦКІЯ ПАРТЫІ Ў САЦЫЯЛЬНА-ПАЛІТЫЧНЫМ ЖЫЦЦІ ВКЛ У КАНЦЫ XVII – XVIII СТ.	25
<i>Ван Ифу.</i> ТРЕХСТОРОННИЙ МЕХАНИЗМ СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ, АФГАНИСТАНА И ПАКИСТАНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НОРМАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ В 2017–2023 ГГ.	33
<i>Василенко В. В.</i> ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914–1916 ГГ.	42
<i>Габрусевич О. В.</i> СУДЬБЫ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ АДВЕНТИСТСКОГО УЧЕНИЯ В БССР (1929–1941 ГГ.).....	50
<i>Гавриленко К. Е.</i> ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ	57
<i>Головач Е. И.</i> ОБСУЖДЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ УКАЗА 9 НОЯБРЯ 1906 Г.: ПОЗИЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ.....	67
<i>Даўматовіч К. Д.</i> ВЫВУЧЭННЕ ПАРЛАМЕНТАРЫЗМУ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА НА КАФЕДРЫ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ СТАРАЖЫТНАГА ЧАСУ І СЯРЭДНІХ ВЯКОЎ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА: ДА 30-ГАДОВАГА ЮБІЛЕЮ КАФЕДРЫ.....	74
<i>Денисов М. Н.</i> ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ АКАДЕМИИ НАУК БССР В УСЛОВИЯХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1944–1950 ГГ.).....	85
<i>Ду Гэгэ.</i> ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КНР С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1991–2012 ГГ.	92
<i>Е Хуашэн.</i> ЖЕНСКИЕ ПЕРСОНАЖИ КИТАЙСКОЙ ДРАМЫ ПЕРИОДА ДИНАСТИИ МИН «НОВАЯ РЕДАКЦИЯ “МУЛЯН СПАСАЕТ СВОЮ МАТЬ И ПООЩРЯЕТ ДОБРОТУ”» В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ «ТРЕХ РЕЛИГИЙ»	101
<i>Елисеенко Е. В.</i> ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ЖЕНСКОГО ЗДОРОВЬЯ В ИЗДАНИИ «БЕЛАРУСКАЯ РАБОТНИЦА І СЯЛЯНКА» («РАБОТНИЦА І КАЛГАСНИЦА БЕЛАРУСІ») В ПЕРИОД 1924–1939 ГГ.	109

<i>Ерашэвіч А. У.</i> УРАДАВЫЯ ПАДАТКОВЫЯ ЛЬГОТЫ Ў БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТ.	117
<i>Жэнь Сюэ.</i> ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ИМПЕРИИ СУН.....	127
<i>Загідулін А. М.</i> ГІСТОРЫЯ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1918–1939 ГГ. У ДАСЛЕДАВАННЯХ ВУЧОНЫХ ПОЛЬСКА-РАСІЙСКОЙ ГРУПЫ ПА СКЛАДАНЫХ ПЫТАННЯХ, ШТО ВЫНІКАЮЦЬ З ГІСТОРЫІ РАСІЙСКА-ПОЛЬСКІХ АДНОСІН.....	134
<i>Захарыч В. І.</i> ДАМІНІКАНСКІ ОРДЭН НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ ВЯЛІКАГА КНЯЗТВА ЛІТОВСКАГА Ў АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ КАНЦА ХХ – ПАЧАТКУ ХХІ СТ.	141
<i>Зубарев А. В.</i> РАСОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА М. ТЭТЧЕР (1979–1990 ГГ.).....	150
<i>Иващенко Н. А.</i> ГРОДНЕНСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ	157
<i>Казак О. Г.</i> ЛИТОВСКАЯ «МЯГКАЯ СИЛА» КАК ФАКТОР ОБОСТРЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ	165
<i>Карпович К. Н.</i> МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ С 1860 ПО 1914 ГГ.	171
<i>Келлер О. Б.</i> РАЗНООБРАЗИЕ ИСТОЧНИКОВ VI–X ВВ. Н. Э. О РАБАХ, РАБОТОРГОВЛЕ И РЫНКАХ ПРОДАЖИ РАБОВ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ	178
<i>Киселев А. А.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧИНОВНИКОВ ГОРОДСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ НА РУБЕЖЕ ХІХ–ХХ В.	189
<i>Климко М. К.</i> ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА УЧАЩИХСЯ В БССР (1920–1930 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА.....	196
<i>Кондратенко А. А.</i> СОЮЗНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ С КОЧЕВНИКАМИ В ПЕРИОД МЕЖДОУСОБНОЙ БОРЬБЫ	203
<i>Крепский Ю. Г.</i> ИЕЗУИТСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1773–1820 ГГ.	209
<i>Кукса А. Н.</i> ИСТОРИОГРАФИЯ ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ БЕЛАРУСИ 1920–1930-Х ГГ.	216
<i>Ландина Л. В.</i> ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ ЕКАТЕРИНЫ II В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА ХІХ – НАЧАЛА ХХІ В.....	224
<i>Лепеш А. В.</i> СТВАРЭННЕ І ДЗЕЙНАСЦЬ ІНСТЫТУТА ВАЕННА-ПАВЯТОВЫХ НАЧАЛЬНІКАЎ У БЕЛАРУСІ Ў 30–40-Х ГГ. ХІХ СТ.	232
<i>Лисовская Т. В.</i> ФОРМЫ И СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЗДНЕПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН В БССР В 1920–1930-Х ГГ.	239

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 24

В четырех частях

Часть 1

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Корректор *А. И. Кизик, Н. В. Боярова*

Компьютерная верстка *Т. В. Лукашонок*

Подписано в печать 30.08.2024. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 17,4. Тираж 38 экз. Заказ 93.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.